Художник Элина Эллис

Художник Александра Ивойлова

Заповедник Сказок

избранное

Искать, найти и снова искать!

Вместо предисловия

1

В Заповеднике царила суматоха.

Все обитатели от мала до велика носились по заповедным полянкам, сталкивались, обескураженно потирали шишки на лбах, извинялись и пугливым шёпотом осведомлялись друг у друга:

— Нашёл?

— Нет! А ты?

— Тоже не нашёл...

И торопливо разбегались в разные стороны — продолжать поиски.

Найти нужно было во что бы то ни стало.

2

Иванушка сбросил котомку с плеч и огляделся.

Всё верно — вот он, Заповедный Лес.

А где же привычный камень с чёткими указаниями: «Налево пойдёшь... Направо пойдёшь...»?

Вместо него посреди поляны торчал полосатый столб с криво подвешенной табличкой.

— ИН-ФОР-МА-ЦИЯ, — озадаченный молодец с трудом разобрал неровные каракули.

Ниже таблички весь столб был испещрён мудрёными словами.

---

[1] Вместо предисловия. Давний экспромт по случаю Проекта №25 в Заповеднике Сказок. С той поры много воды утекло, много чернил истрачено на сказки. Авторы: Эль Дальмар и Александр Кузнецов.

Художники Татьяна Папушева и Илья Юдовский

«Правила поведения в Заповеднике», — Иван хмыкнул.

— Опять будут запрещать разводить костёр... А дичь есть сырую, что ли? — пробурчал добрый молодец, водя пальцем по накорябанным на столбе буквам.

— День Белого Бычка... День Сивой Кобылы... День Развесистой Клюквы, хм... Что за ерунда?! День Шоколадной Жизни... День Чудесной Девочки — а вот это уже интересней! Но девочки потом — сначала нужно Бабу Ягу найти. Где тут у них стрелка на Бабу Ягу?

3

В кустах неподалёку зашуршало.

Иванушка насторожился, упруго метнулся к зарослям и осторожно раздвинул ветви.

Какое-то непонятное существо старательно ворошило палкой под кустами.

Молодец изловчился и схватил существо за голубую шкурку.

Существо заверещало и засучило многочисленными ножками, пытаясь вырваться.

— Тихо! — шикнул Иван. — Ты кто?

— Лазоревый Шуршик я, — засопело существо и обиженно шмыгнуло носом. — Не ешь меня, добрый молодец! Отпусти, я тебе пригожусь!

4

— Ну, и где тут у вас Баба Яга обитает? — Иванушка запил нехитрую трапезу ключевой водицей и утёр лицо рукавом.

Лазоревый Шуршик торопливо дожевал краюху каравая — Иваново угощение — и призадумался.

— Поляну, где пасётся стадо Белых Бычков, знаешь? Ромашковую?

— Ромашки? Это такие белые цветочки? С жёлтыми серединками?

— Были цветочки... — Шуршик вздохнул. — Теперь только название осталось.

— А что так? — насторожился Иван. — Соловей-Разбойник пошаливает?

— Если бы... — Шуршик понурился.

— Бычки. Представь: каждый бычок предпочитает на завтрак пару-другую охапок сочных росистых ромашек. А их там... — Шуршик описал лапками большой круг. — Стадо! Бычков этих.

— О!

— Вот и я о том же, — лазоревая шкурка существа потускнела и приобрела фиолетовый оттенок.

Иванушка смутился и неловко погладил Шуршика по спинке. Шуршик благодарно кивнул:

— Ты добр, молодец. Я сейчас соберусь — я должен быть мужественным, — Шуршик прижал лапки к груди, шумно выдохнул и встряхнулся. — Я в порядке. Дойдёшь до Ромашковой полянки, сверни в лес по Кошачьей тропе. Она выведет тебя к лугу. Да берегись! Быть беде — если тропу перейдёт Чёрный Кот. То есть Чёрные Коты...

— Чёрные Коты?

— Коты. Их у нас тоже стадо. Нет, клан... Нет, нет — группировка. Ой, нет... Много, в общем.

Иван хмыкнул.

— Ну, а дальше?

— Дальше увидишь ворон. Белых.

— Стадо?

— Ну что ты! Скажешь тоже — «стадо». Стая, конечно. Стая Белых Ворон. Что-нибудь блестящее у тебя есть? Их надо отвлечь.

— Угу, отвлечём! — успокоил Иванушка, доставая из-за голенища сапога рогатку.

Шуршик опасливо отодвинулся подальше.

— Тропинка через лес выведет тебя к лугу. Там пасутся Сивые Кобылы. Они расскажут, как найти Бабу Ягу.

— Много? — деловито спросил Иван.

— Много... — вздохнул Шуршик. — Но какая-нибудь непременно укажет тебе дорогу!

— Спасибо, друг! — добрый молодец с чувством затряс лапку Лазоревого Шуршика. — Постой... А чего ты в кустах искал-то?

— Так все ищут! Велено искать, вот и ищем! Кровь из носу, а ищем!

— А чего ищете-то?

— А кто его знает? Не видел никто! Тайна! Но искать надо! Пойду шуршать.

И Шуршик, подхватив палку, направился к кустам.

— Стой! — крикнул Иван вдогонку. — А чудесных девочек у вас тоже много?

— Много! — шкурка Шуршика ярко вспыхнула лазоревым. — И все — чудесные!

Иванушка засмеялся, махнул на прощание рукой и, залихватски присвистнув, отправился в путь.

5

Тропинка, попетляв по лесу, вывела Ивана на цветущий луг.

— Ух ты! — сказал он.

Огромный табун нёсся к восходящему солнцу. Лошади, белые как лебеди, горделиво ржали, из-под копыт их с сиянием и звоном рассыпались самоцветы, гривы развевались белоснежным облаком. Свечение исходило от них, и подобны они были легендарным единорогам, сверкая в стремительном беге, исполненном небывалой грации...

Это им самим так казалось.

А вообще-то взору Ивана предстала куча старых кляч с безумными глазами, бродивших безо всякой цели и смысла, изредка срывая пучок травы и тупо жуя его на ходу.

Одна из кляч заметила Ивана:

— Тебе на вокзал? — спросила она. — Садись, за триста довезу.

— Какой вокзал? — ошарашено спросил Иван.

— Да на какой хочешь. Я такси. Ты что, шашечки не видишь?

Иван не видел никаких шашечек и не знал, что такое такси. Он видел перед собой старую сивую кобылу с меланхоличными зенками.

— Я вообще-то Бабу Ягу ищу, — заметил он.

— Адрес знаешь? — деловито спросило кобыла.

— Знал бы — не спрашивал.

— Ох уж мне эти пассажиры, — вздохнула лошадь. — Одного бензина сколько переведёшь, пока нужный адрес разыщешь...

И отвернувшись, кобыла поплелась прочь. Тут же к Ивану подошла другая.

— Приветствую тебя, пиит бродячий! Огнь вдохновения в твоих глазах я вижу. Должно быть, на Парнас тебя дорога зовёт, толкая в сердце неустанно. Садись же мне на спину, и взлетим мы туда, где бродят музы. Вдохновенье тебе дарует лично Аполлон! Садись! Ты зришь Пегаса пред собою!

— Больная какая-то, — пробормотал Иван, опасливо отступая в сторону.

— Я — вице-король Индии! — раздалось откуда-то сбоку. Иван резко повернулся. Очередная сивая кобыла смотрела на него с нешуточной угрозой.

— Отдай моего любимого слона, кому говорю! — рявкнула она.

— Не брал я никакого слона!!! — заорал в ответ Иван. — Что здесь за сумасшедший дом?

Между тем лошади потихоньку брали Ивана в кольцо.

— А что вы так кричите, молодой человек? — сурово спросила какая-то совершенно облысевшая кляча. — Или вы не знаете, что в период вегетативного недержания ультрафиолета в среде готического ренессанса амбивалентность арккосинусов стремится к бесконечности?

— Чё? — спросил Иван, чувствуя, что ещё пять минут такой беседы — и он начнёт кусаться.

Ещё одна кобыла с розовой ленточкой в гриве легонько толкнула его крупом:

— Ты почему мне не писал? Я тебя ждала, ждала, все глаза выплакала... Меня в цирк работать звали, а я не пошла, всё тебя дожидалась...

Ивану поплохело.

— Он Бабу Ягу ищет! — вспомнила самая первая Иванова собеседница.

— Бабу он ищет? — завопила кобыла с ленточкой. — Нет, вы посмотрите на него! Кобель проклятый! Шастал по тридевятым землям, тридцать лет в командировке, не нагулялся? Ух, я тебе сейчас!

— Пошли все вон!!! — рявкнул выведенный из себя Иван. — Психи!

Лошади замолчали, обидчиво посопели и вдруг все одновременно пошли в разные стороны. Рядом осталась только одна. Та, облысевшая.

— Ну почему же сразу психи, молодой человек? Да, возможно, структуральный анализ нашей речи выявит кое-какие логические либо семантические несоответствия, но, право же, зачем употреблять такого рода экспрессивно окрашенные термины? Да, мы несём бред, но это наше самовыражение! Мы, изволите ли видеть, так чувствуем мир! Подобным способом мы обретаем связь с высшими планами бытия!

— Ну, конечно! — хлопнул себя по лбу Иван. — Бред сивой кобылы! Как я сразу не понял! Зря бедных животинок обидел... Растерялся. Исправлюсь. Простите! И будьте добры... ээээ... голубушка, расскажите, где тут у вас Яга обитает?

6

— Не слоняться! Не слоняться, кому говорю! Все на поиски!

Баба Яга деловито ковыляла по поляне, метлой разгоняя зелёных человечков.

Зелёные недовольно ворчали, но против бабкиной метлы у них аргументов не было.

— По тарелкам! Времени осталось мало! В путь! Каждый — в свою галактику! Ишь, дармоеды! Тут вам Заповедник, а не санаторий! Велено искать — значит, искать! По тарелкам!!!

Зелёные человечки, тайком проливая скупые слёзы, неохотно принялись погружаться в летающие тарелки, а самый маленький робко подёргал бабку за подол:

— Бабушка Яга, а весь шоколад не съедят до нашего возвращения?

— Да у нас шоколаду этого — завались! Не День Шоколадной Жизни — а Год Шоколадной Жизни устроим, когда вернётесь! Я к тому времени и челюсть новую вставлю. По ступам... Тьфу ты! По тарелкам! Марш, марш! Поехали!!!

Тарелки замигали огнями, моторы взревели, плазменные двигатели заплевались огнём, поднялся вихрь, шум, гам, рёв!

Иванушка в страхе зажмурился.

Когда всё стихло, молодец осторожно открыл глаза и выглянул из укрытия.

Баба Яга отплёвывалась и выдирала ветки из всклокоченных волос, бормоча проклятия:

— Намусорили, изверги! И ведь могут взлетать без этих... показательных выступлений! Ишь, басурманы зелёные! Не по нраву им — а мне по нраву?! Однако ж велено искать — значит, надобно искать!

— Бабушка... — робко позвал Иван.

Баба Яга подпрыгнула!

— Кто таков? Почему не ищешь?!

— Ваня я... Да ищу, ищу. Но погодь-ка, знаешь, давай-ка я, что ли, сначала баньку истоплю, попарю тебя. А то, гляжу, зачумлённая ты, аки трубочист. Разговаривать с тобой страшно! А уж опосля и о делах побеседуем.

7

— Ах, хорош чаёк! — Баба Яга, чистая, распаренная и причёсанная, шумно прихлёбывала душистый чай из большой глиняной кружки. — Уважил ты меня, Ваня, порадовал старую. И я тебе помогу. Как пройдёшь болото с Развесистой Клюквой, так сразу и увидишь дорогу из жёлтого кирпича.

— Длинная? — осведомился Иванушка, заваривая новую порцию чая.

— Как сказать. Кирпичиков всего — двадцать пять. Но идти по ним два года будешь.

— Вот так кирпичики! — присвистнул Иван.

— Волшебные! И птички на них нарисованы — волшебные.

— Белые Вороны? Опять, что ль, распугивать придётся? У меня уже весь горох вышел... — расстроенно пробурчал молодец.

— Тю! Белые Вороны. Да Белые Вороны не чета этим райским птичкам! Упаси тебя наступить на какую — трезвон на весь Заповедник поднимется! Золотые голоса, чай! Все сбегутся. И бычки, и кобылы, и коты... Да что там коты! Все весёлые путешественники

сбегутся, я уж молчу про чудесных девочек. А сыщики-шпионы?! Здесь же сыщики под каждым кустом! Так-то, Ваня.

— Да уж... — озадачился Иванушка. — С сыщиками вы того, погорячились...

— Это всё он! — жарко зашептала на ухо Ивану Баба Яга. — Сидит в своей башне, придумывает... А что придумывает — никому заранее не известно! Никто его самого не видел, никто его не знает... Одно ясно: велик и ужасен! Власть безграничную над всем Заповедником имеет. Коли прикажет искать — все ищут, как миленькие! Ночами не спят — ищут!

— И находят?!

— А куда денешься... — выдохнула Яга. — Находят! И тащат всё в Заповедник. Шагу не ступнуть — наткнёшься на нежить какую. Этих, зелёных, видел? Абракадабры... Дык это ещё цветочки. Хотя бы знаешь, кто они такие. А сейчас вон, кого б ты думал, ищут? Таинственных незнакомцев! Представь, ну?! Вообще...

И бабка, припав к плечу Ивана, разрыдалась.

Иван растерянно похлопывал Ягу по спине. Утешительных слов не находилось; в голове болталась лишь услышанная где-то фраза: «Я старый солдат и не знаю слов любви...».

— Тьфу ты! — досадливо сплюнул Иван.

— Всё, всё, — торопливо зашмыгала носом Яга. — Ведь уж сил никаких, Ваня! Найди хоть ты его; хотя бы разузнай, кто таков, что за птица! А? И чего от него ждать! Каких ещё бед-напастей? А коли живым возвернёшься — пир устроим: киселя из клюквы наварю, развесистая клюква нынче уродилась — девать некуда!

8

— Ишь ты, — бормотал себе под нос Иван, шагая по тропинке. — Вынь да положь таинственного незнакомца! А кто он такой и как выглядит — поди разберись! Ну вот, встречу, предположим, кого-нибудь...

В кустах послышалась возня. Иван метнулся и ухватил за шиворот крайне подозрительного типа в длинном плаще, чёрной шляпе и тёмных очках. Вид у того был самый что ни на есть таинственный.

— Ага! — завопил Иван. — Вот ты какой, таинственный незнакомец!!!

— Умоляю вас, не шумите, — доверительно просипел пойманный тип, вяло пытаясь вырваться. — Я действительно таинственный. Работа у меня такая. Однако я вовсе никакой не незнакомец. Я — здешний.

— И кто ж такой будешь? — сурово спросил Иван.

Тип поёрзал и нехотя признался:

— Шпионы мы...

— Так вас тут много? — догадался Иван.

Шпион вытащил из кармана рацию и произнёс:

— Два-три-пять. Выхухоли, выхухоли, как меня слышите? Я Хомячок. Нет, стоп, не хомячок... Утконос? Кенгуру? Забыл... Короче, разрешаю всем выйти из укрытия!

Со всех сторон затрещало, зашуршало и на глазах изумлённого Ивана из-за каждого дерева, из-за каждого куста, из дупел и трухлявых пней начали выползать шпионы. Все как один в длинных плащах, тёмных очках и с «дипломатами». В завершение всего прямо возле ног Ивана из земли выкопались несколько ниндзя.

— Докладывайте! — приказал Главный шпион.

Вся длинноплащёвая братия понурила головы.

— Таинственный незнакомец не найден, — виновато доложили они.

Тут Главный шпион подозрительно посмотрел на Ивана:

— А вы, собственно, сами кто будете?

— Что за пошлые намёки? Я — Иван! — заявил Иван. — Тоже мне, нашли таинственного незнакомца! Я Смотрителя ищу!

— А таинственного незнакомца почему не ищете? — поинтересовался Главный Шпион.

— Ну, если только по пути попадётся...

— Если попадётся, убедительно прошу доложить мне лично. Рацию и шифровальный код получите на складе. И ещё... Я дам вам парабеллум...

— Не надо парабеллум! — твёрдо заявил Иван. — Лучше скажите, где найти Смотрителя?

Ввиду неудавшейся вербовки шпион потерял к Ивану всякий интерес.

— Ищите маяк, — сухо ответил он.

9

Иван ломился через Заповедник, аки вепрь сквозь густую стену джунглей. Где-то наверху послышалась возня, хихиканье, и внезапно на голову ему шмякнулся перезрелый банан.

— Ой, уронила... — донеслось сверху.

Иван задрал голову. Зацепившись хвостом за ветку, на дереве раскачивалась мартышка с невероятно самодовольной физиономией.

— Привет! — сказала она.

Иван, хмурясь, стряхнул с головы банановые ошмётки:

— Привет.

— А у меня сегодня именины! — заявила мартышка, радостно лыбясь.

— Поздравляю, — сурово ответил Иван.

— А подарок где? — удивлённо спросила мартышка.

От такой наглости Иван опешил. Подумал и, хитро щурясь, протянул мартышке компас.

— Ух ты! — радостно завизжала мартышка, рассматривая компас. — Здорово! А что это такое?

— Часы, вестимо, — ухмыльнулся Иван. — Вот куда сейчас стрелка показывает?

— На «С», — ответила мартышка.

— Семь часов, значит, — объяснил молодец с невозмутимым видом. — А вот теперь поверни немного.

— Теперь на «В», — сказала мартышка.

— Значит, теперь восемь часов, — заключил Иван.

— Так всё-таки семь или восемь? — растерялась мартышка.

— А это уж ты сама решай. Твои проблемы.

— У меня нет проблем! — гордо заявила мартышка.

— Будешь швыряться бананами — будут! — пообещал Иван.

Мартышка подумала и залезла повыше.

— А чего ты тут вообще делаешь? — поинтересовалась она, не выпуская компаса из лап.

— Ищу Главного.

— Я тут самая главная! — гордо заявила мартышка.

Иван внимательно рассмотрел мартышку и вынес вердикт:

— Ты ври, да не завирайся. Рожей не вышла.

— Ну, ладно, почти главная, — согласилась мартышка. — Заместитель, можно сказать.

— А Самого мне где найти? Сказывают, будто он в какой-то башне сидит?

— Темнота! Господин Смотритель Заповедника обитает на верхушке маяка!

— А маяк-то где? — спросил Иван.

— На побережье. Логично? — заключила мартышка и умчалась в глубину джунглей.

Иван покрутил головой туда-сюда и зашагал, как ему показалось, в сторону моря.

10

Шёл Иван, шёл, долго ли, коротко ли. Уже джунгли снова сменил лес, лес сменили луга да полянки, а побережьем даже и не пахло. Вот рощица берёзовая на пути встала. И вдруг всё вокруг огласилась пением, смехом, криком да шутками. И из-за берёз высыпали девочки, числом немеряно, и все, как одна, чудесные!

— Добрый молодец! — заверещали девчонки на разные голоса.

— Какой хорошенький!

— Статный!

— Кудри соломенные!

— Глаза васильковые!

— Сажень в плечах! Да косая какая!

— Это мой суженый!

— А мой ряженый!

— Женату быть!

— Полцарства в придачу!

У Иванушки от их щебетанья голова пошла кругом.

— Стой! Стрелять буду! — закричал он, сожалея, что неосмотрительно отказался от парабеллума. Но голос его потонул в смехе и девичьих выкриках.

Тогда Иван, сунув два пальца в рот, свистнул молодецким посвистом, ажно берёзки содрогнулись и листву начали ронять. Девочки ошарашенно примолкли. Но только на минуточку.

— Ой, мамочки... Чай, Соловей-Разбойник?

— Хорошенький какой!

— Разбойников нам ещё в Заповеднике не хватало!

— За косички нас станет дёргать?!

— Я тоже хочу в разбойники!

— Нет, я хочу!

— А давайте хоровод водить! А он пусть выбирает!

Девочки дружно построились в хоровод и, напевая, закружились вокруг Иванушки.

Иван в отчаянии схватился за голову.

— Ой, девочки! Смотрите! Он хворый!

— Он ранен?

— Ах! Он умирает!

— Надо его спасать!

— Пустить кровь!

— Помазать зелёнкой!

— Сделать ему искусственное дыхание!

— Я принесу валерьянки!

— А я воды ключевой!

— А я пирожков с капустой!

— А я ананасов с рябчиками!

Половина девочек разбежалась, оставшиеся плотно взяли Ивана в кольцо. И каждая норовила собственноручно ощупать рану.

— Дайте слово молвить! — взмолился Иван.

Девочки ещё малость пошумели, хором предлагая Иванушке не стесняться и высказаться, а после ожидающе примолкли.

— Ищу маяк, где живёт Смотритель! Как дойти? — выпалил Иван, пользуясь минуткой затишья.

Следующие полчаса добрый молодец потчевался пирогами, блинами да рябчиками, а девочки, распустив косы, мастерили клубок из разноцветных бантиков.

— Вот, Иванушка, клубок волшебный приведёт тебя, куда надо. А мы ждать будем, возвращайся!

11

«...Десять, одиннадцать, двенадцать...»

Иванушка поднимался на башню маяка по крутой лестнице с истёртыми ступеньками.

«Двадцать девять... тридцать три...»

Молодец остановился, запрокинув голову: лестница витками уходила вверх, и там, где она кончалась, из приоткрытой двери струился тёплый свет.

— А, голубчик! — пробормотал Иван. — Затаился там, на высоте... Чаи, небось, распиваешь? Или козни новые придумываешь? Ужо погоди, я скоро!

Ступеньки весело поскрипывали под ногами, им в такт отбивали дробь Ивановы сапоги.

«Семьдесят пять... семьдесят семь... восемьдесят...»

«А что я ему скажу? — вдруг оробел Иван. — Что Баба Яга обижается? Про неё, дескать, до сих пор не придумали сказок, оттого и лютует? Или что её тоска заедает долгими зимними вечерами? Одна-одинёшенька же в Заповеднике... Чудесным девочкам, конечно, весело, водят себе хороводы и никакой печали, а бабке даже посплетничать не с кем...»

Иван сбавил шаг. «Девяносто пять... сто девять...»

«Что за порядки тут вообще? Все эти коты, бычки, вороны, кобылы... Ведь истоптали все заповедные тропинки из в конца в конец! Скучно им тут, поди... В цирки бы их раздать, в зоопарки — пусть детишков радуют...»

Едва различимый шорох заставил Ивана оглянуться.

Облако пёстрых бабочек промелькнуло мимо и унеслось вверх, к манящему свету.

— Эй, куда вы? — крикнул им вслед Иван. — Постойте, залётные! Куда ж вы вперёд меня?

«Сто девяносто восемь, сто девяносто девять, двести!»

— И что, он вот так каждый день туда-сюда шастает?! — добрый молодец утёр пот со лба.

Осталось совсем немного.

«А ежели он меня превратит в какую-нибудь неведому зверушку? — на сердце вдруг похолодело. — Говорят же: велик, мол, и ужасен зело... Как есть превратит! Осерчает — и пиши пропало! Зачем, скажет, в Заповедник заявился? Зачем по лесу шастаешь, живность пужаешь? Шпионам работать мешаешь... девочек, опять же, во смущение ввёл... Может, назад поворотить, пока не поздно?..»

Помотал головой Иванушка, отогнал прочь мысли зловредные: нет уж, взялся за гуж — полезай в кузов!

«Двести сорок восемь... двести пятьдесят!»

С колотящимся сердцем Иван переполз через порог.

В глубине небольшой комнаты в камине горел огонь, подле огня, в кресле-качалке, закутанный в плед, сидел человек.

— Ну, здравствуй, Иванушка!

Молодец поднял глаза и содрогнулся: и впрямь ужасен — не соврала Баба Яга!

12

Сидящего окутывала туманная дымка, скрывая черты личности: не разобрать было, что у него за глаза, где уши, а где, страшно сказать, нос и прочие усы.

— Это ты, что ль, тут самый главный? — сурово вопросил Иванушка, незаметно нащупывая рогатку за голенищем сапога.

— Ну что ты! Я всего лишь таинственный незнакомец. Сижу вот, своего часа жду. А Смотрителя тут нет...

— А где же он? — опешил Иван и в недоумении заозирался.

Огромный стол занимал добрую часть светлицы. Исписанные листы бумаги, со знанием дела разбросанные для вящего беспорядка, освещала большая лампа под абажуром. На стенах причудливым ковром дремали пёстрые бабочки, а почётное место занимали огромные счёты.

— Некогда ему, — незнакомец неопределённо взмахнул рукой. — Сам посуди! Всех пересчитать, учесть, занести в реестр. Рассмотреть все кляузы, выслушать челобитные... Опять же, напоминать надобно постоянно... Ареопаг шпынять... Художников в гости зазывать... Не то что чаю, воды колодезной испить некогда! А ещё каждую ночь зажигать маяк — чтобы новые сказки не сбились с пути. Впрочем, можешь его подождать, коли нужно. Я как раз чаю с ореховыми веточками заварил, душистый! Будем с тобой чаи распивать да беседовать душевно.

— Чаем ему побаловаться некогда, говоришь?! — Иванушка возмутился. — А кто покоя людям не даёт? Кто Заповедник терроризирует? Кто заставляет всех искать то, не знаю что? Там все с ног сбились, таинственного незнакомца разыскиваючи, а он, вишь, его тут взаперти держит! Чайком завлекает! Злодей, как есть злодей!

— Глуп ты, Иванушка! — незнакомец улыбнулся в проявившуюся из тумана бороду. — Не злодей, а чародей! И держит меня не взаперти вовсе. Яви он меня народу, имя-отчество назови — и пропадёт тайна. А без тайны какой интерес? Посмотри, сколько бабочек — а ни одна на подружку свою не похожа! Ведь было время — не украшали Заповедник эти прекрасные создания. А взмахнул Смотритель рукой — и возникли сказки, волшебные и забавные, тревожные и трогательные, смешные и грустные... Чародей, как есть чародей!

— Погодь, — Иванушка задумчиво поскрёб в затылке. — Так ты говоришь, Смотритель посылает всех сказку искать? Каждого — свою собственную?

— Истинно так! — кивнул незнакомец.

— И у тебя есть сказка?

— Пока нет. Но будет! И не одна. И в каждой я буду разным!

— А я? — огорчился молодец. — А у меня? Так и буду сиротинушкой ходить, один-одинёшенек, без сказки век коротать?

Нет, брат, шалишь! Я тоже хочу быть разным! И цареничем быть хочу, и братцем-Иванушкой... — Иван сорвал с головы шапку и решительно ударил об пол. — И даже дураком быть согласен, раз такое дело!

Бабочки сорвались со стены и пёстрой лентой унеслись в раскрытое окно.

— Пора мне, мил человек! Хоть и незнакомец ты, а на путь истинный наставил! Открыл глаза! Благодарствую! Пойду и я сказку свою искать! И для Яги заодно сказку разыщу: душевная она старушка, хоть временами и зловредная. Дык ведь без сказки кто хочешь вредностью, аки мхом, обрастёт! Прощай, мил человек!

— Шапку-то свою забери! — крикнул вдогонку таинственный незнакомец.

Но ответом ему был лишь торопливый стук каблуков по лестнице.

13

Иван скатился вниз, вышел в тёплую августовскую ночь и оглянулся напоследок.

Толстый луч маяка прошивал небосвод, и ему навстречу сверкали то ли далёкие зарницы, то ли золотистое оперение пока ещё никому не ведомых жар-птиц...

Художники Татьяна Папушева и Илья Юдовский

Людмила Артамонова

Возвращение

сказка для детей старшего возраста

Человек шёл, горбясь и прихрамывая. Он был стар, очень стар, но ещё умел удивляться. Вокруг него были странные места: пустынная узкая улочка, покрытая разбитой и выщербленной брусчаткой и состоящая всего из нескольких зданий разных лет постройки.

Самый старый дом стоял на улочке под номером «1». Старик посмотрел на него, и сердце его сжалось. Точно в таком же доме он родился. Те же резные ставни, та же потрескавшаяся желтоватая штукатурка на стенах, тот же игривый вьюнок по фасаду... Старик присел на крыльцо и погладил потемневшие от времени доски. В щели между ними что-то тускло блеснуло. Человек пригляделся — и ахнул: это был ключ от входной двери! Точно такой же ключ, какой он потерял, когда ему было восемь лет.

— Дармоед! Чтоб у тебя глаза повылазили! Всё бы тебе ворон считать да по сторонам зевать! Где такое видано — ключ от дома потерять! И послал же Господь внука...

— Матушка, ну не нужно так. Подумаешь, ключ. Пойду к кузнецу, новый замок справим. Мальчик любопытный, ему всё интересно. Разве вы не были ребёнком?

Мальчишка испуганно смотрел на бабку и всё крепче прижимался к материнской юбке. Мама погладила его по голове и легонько подтолкнула, шепнув:

— Иди ещё погуляй, бабушка теперь не скоро успокоится.

— А тебе бы всё его защищать. Сама растяпа — и сына такого же родила, чтоб его черти унесли. Всё бы тебе с ним ластиться да целоваться... Тьфу на вас, поганое отродье, тоже мне сноха. Ни кожи ни рожи, и что в тебе мой сынок нашёл...

Скрипучий голос бабки становился всё глуше, а тихий и спокойный говор матери почему-то заполнил собой всё пространство.

Старик открыл глаза, улыбнулся и прошептал: «Мама, мама... как же я по тебе скучал...». Заходить в дом он не стал. Тяжело поднявшись, он перешёл на другую сторону улицы.

Дом под номером «2» из красного кирпича был самым обыкновенным. Ни вьюнка, ни резьбы на ставнях, но вот одно окно на втором этаже... Оно было открыто, и на подоконнике стоял самый обыкновенный горшок с красной геранью. Старик остановился и посмотрел вверх. Он вспоминал всё, что было связано с этим домом, и с этим окном, и с этой красной геранью. В его памяти кружились птицы, белым вихрем цвела вишня, и опьяняюще пахло волосами цвета спелой пшеницы.

Пустоту и спокойствие улочки нарушил воробей-растрёпа, который деловито уселся прямо под ноги человеку и закопошился в пыли. Человек наклонился — и поднял с земли маленькое колечко. Дешёвое серебро с простым гравированным узором — ничего особенного, но на бугристой, тёмной ладони старика оно выглядело диковинным сокровищем из другого мира.

— Я хочу тебе сказать одну вещь. Я даже принёс тебе, вот.

— Погоди ты. Мне не нужно было ничего нести, я же... Ну, я всё понимаю.

— Ну, раз понимаешь — тогда вот. Я же заработал. Это для тебя. Погоди. Это в другом кармане. Или всё-таки не в другом... А... Я сейчас, я вернусь... Я найду — я просто выронил...

— Да будешь ты стоять спокойно или нет? Послушай. Я выйду за тебя замуж, потому что я тоже тебя люблю. Вот и всё. Неужели это было так сложно? И ничего не надо искать. Всё равно не найдёшь — кольца-то серебряные долго на дороге не валяются.

— Ну что ты смеёшься... Только я могу быть таким растяпой. Права была бабка, царствие ей небесное.

— Ну да. Только ты можешь быть таким. Только ты. За это и люблю.

Старик прошептал: «И я тебя люблю. Всё ещё люблю. Смешные мы с тобой были — и в этом ничего плохого, в любви-то. Полвека прошло, тебя уж сколько нет, а всё равно люблю...».

Художник Мария Зайцева

Между третьим и четвёртым домом улочка была совсем узкая. А прямо посреди улочки лежал старомодный, но добротный кошелёк. Старик почему-то знал заранее, сколько денег там окажется.

— Здравствуй.

— Привет, милый. Приходила хозяйка, напомнила, что завтра утром ей надо занести плату за квартиру. И ещё мясник заходил — сказал, завтра будет хорошая телятина. Я попросила оставить нам —хорошо, что ты сегодня получил денег, правда? Кстати, младший просил ему оставить немного на книги, а нашей красавице понадобились новые туфли. Выросла краля, блузка на груди того и гляди треснет... Того и гляди дедом станешь, с бабкой спать придётся!

— Погоди, не части. Я тут... вот... В общем, кошелёк у меня украли. Как-то надо перебиться две недели.

— Растяпа ты, растяпа... Ладно. С хозяйкой сама поговорю, много мяса есть вредно... Да и туфли подождут. Тем позже бабкой стану...

— Пап, ты только не ругайся, я твои ключи потерял. Мам, а чего ты смеешься?

— Да не будет он ругаться. Ерунда это всё. Люди вон совесть теряют. А некоторые — даже жалованье. И ничего не случается. Всё ерунда...

«Ерунда, — подумал старик. — Люди из-за денег друг друга поедом едят, а оглянешься — всё людское из-за этого потеряли...»

Пошёл дальше. Из-за угла выскочил неуклюжий щенок и с радостным тявканьем запрыгал вокруг него. Старик ничему не удивлялся. Он потрепал малыша по мохнатой голове и сказал: «Эх ты, дурачина. Столько лет где-то пропадал...»

— Это кто тут у нас так горько плачет? Ну, полно, ты же мужчина! Целых восемь лет на свете прожил, а всё ещё ревёт, как девчонка. Не стыдно?

— Стыыыдноыыы... Деда, я Черныша потеряааал!

— Это как так потерял?

— Хотел его мальчишкам показать, а потом мы стали играть, а потом смотрю — а его нет... Всю улицу обежал, везде заглядывал, а ооооон...

— Нет, ты не мужчина... Это ж разве игрушка? Это живая душа, а ты его... Тьфу, растяпа! Пойдём искать.

Искали долго, да так и не нашли.

«Не нашли...» Старик строго посмотрел на щенка.

— Ну, пойдём, лохматый.

Щенок послушно засеменил рядом, деловито сопя и смешно косолапя. Старик уже знал, куда он идёт. Потому что из открытого окна последнего дома доносился громкий ворчливый голос бабки:

— Ну, вот куда он запропастился? Наказание какое-то! Даже помереть нормально не может, вечно его искать надо. Уже Черныша за ним отправили, а он всё где-то зевает. Что за человек такой... Растяпа, одно слово...

— Матушка, не надо так волноваться. Никуда он не денется, здесь ещё никто не потерялся.

— А ты не перечь свекрови-то. Послал же Господь невестку, тьфу, окаянное племя.

— Вы хоть сейчас можете не ругаться? Пойду встречать. Иначе действительно потеряется, растяпа мой...

Старик остановился перед дверью и улыбнулся.

Игорь Бакин

Злючка

сказка для детей дошкольного возраста

ила-была злая принцесса. И звали её...

Как-то же её звали?! Угу...

Дело в том, что имя ей совершенно не подходило, поэтому и забылось оно. Имя у неё было какое-то хорошее: Настенька, или Алёнка, или, к примеру, Сюзанна. Пушистое было имя, чистенькое и солнечное. А принцесса была резкой и колючей. Да она и сама говорила: «Я вам не солнышко, я сумеречная звезда!» То есть нет. Она говорила: «Я — Злючка, и только на это имя буду откликаться!» Так её все и звали, а что поделать?

Как же от неё доставалось родным и близким!

Особенно отцу. Он, понимаете ли, женился вторично. Злючкина мама не прожила долго, а папа хоть и король, но мужчина же. В самом, что называется, соку... Сначала-то он жениться не собирался: не надо, мол, мне этого, жизнь, мол, закончилась, буду за садом дворцовым ухаживать, буду там тропинки прокладывать и деревья подстригать. Женился, однако, не выдержал. Жену взял хорошую, хозяйственную, вдовую тоже. У неё две дочки и у него одна — и он в семье, и Злючке веселее. Казалось бы...

Отношения у Злючки ни с сёстрами, ни с мачехой не сложились сразу. Отец копошился со своими яблонями и вишнями и в дела семейные больше не лез. Просто не король, а садовник какой-то. Так о нём и говорили: «Садовник...». Смирился Садовник, и потекла их жизнь дальше, по камушкам, по перекатам, как оно для жизни и свойственно.

Сёстры жили своей жизнью: учились в школе, наряжались в наряды, расклеивали постеры на стенах. Да ладно бы Бреда Пита или там Джонни Деппа. А то повесят Тимати и молятся

на него перед сном. Хорошие, короче, девочки, хоть и дуры дурами...

А Злючка по крышам с пацанами лазает, дерётся — оторва, а не девчонка. Вечно в ссадинах, платье в прорехах, на щеке то ли пыль, то ли зола. Набегается за день, спрячется в кочегарке, сядет на мешок с углём и в огонь смотрит. А там, среди огоньков, эльфы, феи, сказки...

Мачеха пыталась всех объединить, устраивала какие-то детские праздники, писала пьесы для домашнего театра — всё впустую. Она себя называла хозяйкой, актрисой, режиссёром или мамочкой. Но Злючка сказала: «Мачеха — значит Мачеха».

Как-то раз пригласили всю семейку в гости: у соседского Принца совершеннолетие — можно жениться и в армии служить.

Пару слов о Принце.

Вырос он тоже без матери. Это не эпидемия и не социальный фактор, просто так случилось. Мама была натурой артистической и однажды уехала с бродячим цирком, знаете, как это бывает. «Когда невеста хороша и молода, и поёт на кухне иногда...» О бывшей королеве во дворце старались не говорить, но газеты-то читали! То там мелькнёт, то сям... Прямо беда для королевского дома.

Принца воспитывали в строгих правилах, всячески оберегая его от гламура. Фехтование, выездка, танцы такие, словно участники строем маршируют. И Принц получился хороший, породистый. Если не знать, что у них там с матерью произошло, так и не догадаешься. Но все знали...

В связи с совершеннолетием и открывшимися возможностями Принц находился в некотором затруднении. Он ещё и не решил, что сначала: служить или жениться, а суета вокруг уже поднялась! С армией как раз всё понятно, а вот с женитьбой возможны варианты. Как там говорил Сократ Мюнхгаузену? Вариантов с женитьбой было великое множество, и количество их нарастало, как снежный ком. Конечно, Принцу было не по себе. А вам бы как было?!

Злючкины сестрёнки тоже включились во всеобщее безумие. Не то чтобы принц им сильно нравился, но кастинг есть кастинг... Азарт! Они безумно волновались, по десять раз на дню меняли наряды и всё спрашивали у Злючки: «Какой лучше?!» — «Достали вы меня своими нарядами, идиотки», — ворчала Злючка, но с костюмами помогала. Было у неё какое-то врождённое чувство вкуса! Что-нибудь пришить или

разукрасить она вряд ли бы смогла, терпения бы не хватило. А вот ненужный бант оторвать, штукатурку с лица смыть — это всегда пожалуйста. Она это называла: говорить правду в лицо! Ей прощали... Тем более, что советы её были язвительны, но точны.

И вот волнующий день. С утра все бегают, суетятся, в самый-самый последний раз решают, что именно надеть, какую именно сделать причёску. Четыре женщины в доме — ужас!

Незадолго до отъезда на вечеринку Садовник зашёл в комнату к Злючке и застал её в слезах.

Художник Алевтина Хабибова

— Никуда не поеду!!! Нечего мне там делать...

— Ну, что опять такое?!

— Да ничего... Вам бы только по клубам шастать да по презентациям! В доме чёрт ногу сломит, посуда три дня не мыта, розовые кусты не стрижены, крупа не поймёшь, где какая, а они расфуфырились — и вперёд!!! Танцы у них! А тут хоть трава не расти...

— Доча, ты чего?! Поедем, а? Потанцуешь, отвлечёшься, на принца посмотришь...

— На принца?! С ума все посходили с этим принцем!!! Не поеду!!! Ещё с мымрой твоей всю дорогу в карете трястись, и с дурами её... — Злючка прикусила нижнюю губу, чтобы сдержаться, но сдержаться не смогла и заплакала злыми слезами.

Садовник с женой и её дочками уехали, а Злючка осталась дома. Побродила по пустым комнатам, заглядывая во все попадавшиеся на пути зеркала. Не радовало её то, что она в этих зеркалах

видела. Ехать ещё зовёт куда-то! На принца смотреть! А дочери надеть нечего... вообще!!! К принцу ехать вот в этом?! Злючка посмотрела ещё раз в зеркало, развернулась и пошла стричь розовые кусты. Действительно ведь не стрижены...

На бал Злючка приехала всё же. На попутке. А чего одной-то дома сидеть?! Хотя гордость, конечно... Сказала, не пойду, а сама... Но ведь маскарад! Кто же догадается?

Вот идёт она, стройная, красивая, даром что в маске. Маска, она красоту не скрывает, если маска не косметическая. Идёт и носом к носу сталкивается с принцем.

— Привет, принц, — говорит Злючка, — как поживаешь?

— Привет, маска, — отвечает принц, — нормально поживаю. Ты как сама-то?

— Да вот, приехала посмотреть, как тебя женить будут, забавно же!

— Чего ж тут забавного? — злится принц. — Зоопарк, что ли?

— А чем не зоопарк? Вон тигрица, вон мышь летучая, вон белочка. И все на тебя виды имеют! Ты каких зверьков больше любишь?

— Да ну тебя... Я уж и сам замучился, что делать, не знаю... Ты вот тоже в маске... Открой личико!

— Неее! Я в эти игры не играю. Я посмотрю, как тут у тебя, и домой! Мне в двенадцать часов край надо уехать, а то я к экзаменам готовилась, трое суток не спала. Ещё немного, и голова в тыкву превратится.

— Двенадцать часов, это детское же время! Оставайся... — принц или не принц, а на самую простую наживку попался, как обычный подросток.

— Я подумаю, — сказала Злючка.

Время пролетело незаметно. Принц оказался парнем забавным и очень даже вполне. Свой, короче, человек. А только домой и вправду надо было добраться раньше родителей. Сказала же: не пойду! Вот сработал у неё будильник на телефоне, она собралась и уехала. Принц загрустил. Гости не заметили: хорошая вечеринка, весёлая, мало ли кто пришёл-ушёл... Тем более, Мачеха устроила прекрасное театральное шоу в честь именинника, с одной из дочерей в главной роли...

Месяца через три к дому садовника подъехал экипаж, из которого выпрыгнул офицер по особым поручениям. В руках у офицера был футляр с хрустальной туфелькой. Кому та туфелька окажется впору, та, стало быть, и будет новой

Принцессой. Повезло старшей из Злючкиных сестёр. Купился принц на гламурные штучки, кровь всё-таки...

С возрастом Злючка превратилась в настоящую ведьму, как оно с возрастом и бывает. Стала очень вредной ведьмой. Научилась ворчать старушечьими голосами вслед длинноногим красавицам, научилась выставлять последними лохами породистых принцев, научилась расстраивать свидания, научилась ссорить влюблённых. Много чего научилась... Ах, как замечательно ей удавалось окатить водой из лужи разодетую в пух и прах королеву! Вот представьте, королевская семья, все улыбаются, солнце отражается на подсыхающей мостовой, проезжающий мимо экипаж, визг... — и настроение королевы испорчено недели на две вперёд...

И только одна слабость осталась у старой ведьмы. Вернее, две!

Когда она встречает где-нибудь маленькую обиженную девочку, такую вот злючку-колючку, ведьма становится сентиментальной и совершенно теряет форму. Она устраивает все эти фокусы с тыквой, мышами и хрустальными туфельками. И она никогда не называет этих девчонок Злючками! Она говорит им ласково: здравствуй, Золушка, я добрая фея, твоя крёстная, верь мне, и всё у тебя будет хорошо...

И ещё. Она терпеть не может, когда плохо подстрижены розовые кусты!!! Просто бесят они её! Хоть сама иди и подстригай!

Сказка про новогоднюю сказку

сказка для детей старшего возраста

Мне в детстве очень нравилось, как начинается сказка про Чебурашку. Просто очень нравилось! Там было так: жил-был крокодил по имени Гена, и работал он в зоопарке крокодилом. Я думал: как смешно написал писатель! Надо же, крокодил работает крокодилом! Умора, каламбур...

А сейчас думаю: это как же так всё в жизни устроено, что такая правильная вещь кажется каламбуром?! Ведь так и должно быть! Смотрите — жил-был композитор, и работал он композитором! Смешно? Жил-был учитель, и работал он учителем! Как вам такой вариант? Или, к примеру, жил-был часовщик, и работал он часовщиком...

Вся фигня в том, что по жизни-то обычно вот так: жил-был музыкант, и работал он кочегаром. Или вот так: жил-был следователь уголовного розыска, и работал он поэтом. И всё вот в таком духе. И ведь не смешно! Не каламбур. Жизнь просто...

Короче, жил-был Бухгалтерский Отчёт, и работал он Новогодней Сказкой. Уставал очень. График, казалось бы, не сложный: один раз в году придуматься и один раз в году исполниться. Лёгкий график! Да, но не для Бухгалтерского Отчёта. Безумное время уходило на согласования. Целый год сказка придумывалась, перепридумывалась, утрясалась, реструктурировалась, уточнялась и к концу года, когда она, наконец, была готова, на сбычу самой сказочной мечты времени не оставалось. Нет, он, конечно же, её сбывал. Но приходилось попотеть. И ему, и заказчику. А кто обещал, что будет легко?! Мечту надо заслужить! Надо ночей не спать, работать, не покладая рук, засучив рукава по самое не хочу...

Надо сказать, что клиенты Бухгалтерскому Отчёту попадались неблагодарные. Пашешь на них, пашешь, а от них хоть бы

радость какая! Устало сидят за новогодним столом, водку пьют и беседуют между собой: «Тяжёлый год выдался. Грех жаловаться — многое удалось. Только вот устал, как собака, хочется отдохнуть». Ну и Бухгалтерский Отчёт тут же принимается за работу! Собирает информацию об отелях, ценах, источниках дохода. Планирует, согласовывает, утрясает графики, сверяет курсы валют... И отпуск получается! Серьёзный такой отпуск! Настоящий! Дети веселятся, супруга впечатления переваривать не успевает, и все в один голос: «Просто сказка!!!»— «Да уж... сказка», — мрачно повторяет глава семьи...

И на следующий год опять никакой благодарности.

Конечно, Отчёт подбрасывал клиентам идеи. Положено! Так написано в должностной инструкции Новогодней Сказки. Хорошо ему удавались: замена машины, ремонт, новая мебель и обмен жилья. Однако клиентского воображения хватало обычно на год. И снова-здорово — отдохнуть... Скучные люди, эти клиенты, безрадостные!

Однажды, было это где-то в середине декабря, к Отчёту подошла молодая девушка.

— Здравствуйте, — сказала она, — я к вам. На практику...

— Только этого мне не хватало, — устало буркнул Отчёт.— Ну и что ж тебе такое поручить-то?

— А ничего не надо поручать! У меня уже есть задание на практику. Я — ваша Новогодняя Сказка, — и девушка смущённо улыбнулась.

— Угу... — растерялся Отчёт.

Помолчали.

— И что я должен делать?

— Да ничего вы не должны делать, я всё сама. Вы просто помечтайте! Чего бы вы хотели в Новом году?

— Устал, как собака, — начал тупить Отчет, — отдохнуть бы...

Помолчали...

— У меня перерыв обеденный, пойдёмте кофе пить.

Зашли в кафешку, взяли кофе, булочек и мороженого. Мороженого Отчёт обычно не брал, но... Захотелось.

— А кроме отпуска что-нибудь? — Молодая, в бой рвётся, хочется горы свернуть: если мечту, так чтобы ого-го!!!

— Зубы надо вылечить, — сказал Отчёт. — Левая нижняя семёрка совсем развалилась, и коронка на верхней левой четвёрке еле дышит. Если запустить, потом дорого обойдётся...

— Скажите, а вам сны снятся?

— Бывает...

— И что?

— Всё время снится, что я экзамен сдаю по немецкому языку. Комиссия сидит, директриса красивая, строгая, в очках... А я, кроме «хенде хох» ничего не помню... Стою, краснею, как будто у меня ширинка расстёгнута... Стыдно!!!

— А на самом деле как сдали?

— В школе-то? Да я английский учил...

Помолчали.

— А играть во что любили в детстве?

— Не помню... Давно было... Помню, рыбка у меня была. Золотая!

— Желания исполняла?

— Дурочка... Обыкновенная золотая рыбка. У меня аквариум был круглый, на письменном столе стоял, и она плавала в нём. Вечером сидишь, уроки делаешь — темно, лампа светит, и кажется, что аквариум светится изнутри. Золотая рыбка подплывает к стенке и смотрит, как я уроки делаю... А я задумаюсь, бывало, и тоже на неё смотрю... долго...

— И о чём думали?

— О разном... Слышь, а может ты кого-нибудь другого осчастливишь?

— Мне вас поручили, скажут: не справилась.

— А давай, ты сама сочинишь чего-нибудь, а я отзыв напишу, что всё, мол, хорошо и даже сказочно, — вообще-то для Отчёта это нехарактерное предложение: он любит, чтобы всё было «как положено».

— Неее... Ну что вы?! Мне самой интересно.

— Ну, пойми, некогда мне тут с тобой! Ты знаешь, сколько у меня работы? У меня заказ горит: банкир себе яхту навороченную заказал, чтобы как у принца Монако! А у него налоговая проверка чего-то наковыряла! Сейчас надо вариант искать, чтобы яхта была. Думаю, организовать ему прокурорское преследование: он будет здесь продавать все активы, чтобы сбежать, а с ним яхтой рассчитаются... Но это ж всё организовать надо!

— Это сказка такая будет?

— А что тебе не нравится? Хотел яхту — будет ему яхта. Мечта же! Мечты, они же должны сбываться...

— Мечты должны радость приносить!

— Ты поучи меня, поучи! Я на этой работе собаку съел!

— Вкусно?

— Так, девушка, идите-ка вы знаете куда...Тоже мне...

Художник Арта Ника

Отчёт рассчитался за кофе и мороженое и ушёл...

И жизнь пошла своим чередом: работа, дом, работа... Карусель.

Банкирская сказка складывалась трудно, всё время балансируя между боевиком и драмой. Но ведь складывалась! А как же! А насчёт благодарности... Люди есть люди. Не за спасибо работаем! «Наша служба и опасна, и трудна...»

Отчёт пришёл домой, замёрзший, уставший, разулся, прошёл на кухню, включил чайник, налил себе рому и двинулся в комнату. Первое, что он увидел, войдя — включённая лампа на письменном столе. Она светилась в темноте и освещала большой круглый аквариум с огромной золотой рыбкой. Отчёт подошёл к столу, сел, отхлебнул из стакана — рыбка смотрела на него из освещённого аквариума, шевелила губами и, казалось, сама светилась...

Они смотрели друг на друга какое-то время, потом Отчёт достал из ящика лист бумаги, ручку и начал писать:

«Заявление. В связи с переходом на другую работу, прошу...»

Молли Блюм

Южноамериканская цихлида

сказка для детей старшего возраста

Южноамериканская цихлида раскраски «арестант», то есть чёрно-белая в полоску, жила в литровой банке в комнатушке Синей Команды Общей Медицины. Это была самка непонятного возраста, звали её Синапс, о чём сообщала бумажка, криво приклеенная сбоку, вместе с инструкциями по кормлению, но рыба на кличку не отзывалась. Молодые замученные работой врачи часто забывали её кормить, воду ей меняла сердобольная старая нянечка, а когда та вскоре вышла на пенсию, рыбёшка стала чахнуть и почти умерла — побледнела полосками и стала плавать на боку, что у цихлид плохой знак. Неведомый благодетель почистил банку, накормил Синапсу и поселил её в курилке, видимо, рассуждая как-то вроде: хоть людей порадует живое существо... Потому что курилка — место печальное.

Особенно эта, с тёмными стенами и без окон, где сидят, молча глядя в пятнистый ковёр, больные с капельницами, старики из полуподвального отделения, служащего домом престарелых. В инвалидных креслах и без. И те, что из закрытого психического — с сопровождающими, тоже курящими, медбратьями. А служащие больницы предпочитают для курения улицу, где холодно, но весело. Где не надо задыхаться от запаха старого дыма, впитавшегося в мебель, и больного тела, тоже во всё впитавшегося. Где не надо смотреть в пол, в ковёр, чтобы не видеть калек и трубки их прозрачные из носа, из боков, из мочевого пузыря, их кислородные аппараты. В курилку ходили, то есть ездили, и кислородники. Их с треском выгоняли, если застукивали. Но полиция в лице главной медсестры заходила сюда редко.

Художник Игорь Савин

Синапсу тоже хотели выгнать, когда пришёл контроль Джейко, комиссия по больницам, но выяснилось странное. Выяснилось, что курящие ветераны к рыбке привыкли и отпускать её не хотят. И домой её брать не хотят — те, у кого есть дом. После маленького скандала администраторша среднего уровня поехала, купила настоящий небольшой аквариум, и Синапса вдруг зажила просторно и по-божески. У неё изменился характер: из флегматичной, вялой тряпочки она превратилась в рыбу-тигра — нападала на глаз или на ладонь через стекло, металась по своей площади от медицинского фонарика, которым её дразнил медбрат из психотделения, кусала ощутимо, но не больно за палец любого, кто ей палец предлагал. На её полосатом хвосте рассыпались яркие оранжевые и зелёные пятнышки — Синапса была готова к любви, как утверждал один солдатик, в прежней своей жизни работавший в зоологическом магазине тут недалеко.

И любовь пришла к Синапсе, цихлиде-арестантке из Южной Америки, заключённой в странном и грустном месте в Америке Северной.

Любовью был худой, со слезящимися бегающими глазами, очень молодой, совсем мальчик. Из психотделения. Таких молодых ветеранов Синапса тут не видела. Самые юные были за тридцать — ну, операция «Буря в пустыне», потом шли «вьетнамцы». Их Синапса не любила: злобноватые они, истерики. А любила она старичков, корейский конфликт. И древних, «вторых мировых»: те были с юмором, добрые.

Сначала она с ним пыталась разговаривать глазами, а потом решила заняться вплотную: языка глаз и жестов мальчик не знал. Посомневалась: а этично ли это? Но так захотелось, ведь любовь, желание. И закинула свою цихлидную пробу ему между глаз, точно в переносицу, когда он наклонился поиграть с ней. Попала с первого раза.

Увидела ужасное. Увидела взрывы, девушку без головы, горящего солдата, кричащего «Джейсон, убей, убей меня, убей меня, убей меня», падающую статую, взрывы, опять взрывы, горы трупов, бегущих солдат, чёрный лимузин и опять взрывы.

«Боже ты мой, — сказала мальчику цихлида, — неудивительно, что ты третий раз кончаешь с собой и всё неуспешно. Хватит уже неуспехов: три — магическое число, как, впрочем, и семь, и вообще все праймс. Про простые числа не знаешь?»

Он не отвечал. У любимого была плохо развита сигнальная система: он, кроме человеческой речи, мало чего понимал, похоже. Низший тип. Но любовь — зла.

Через неделю Синапса набралась храбрости и заговорила громче. «Три желания, — сказала она. — Семь тоже могу, но мелкие. Не торгуйся, бери три. Крупных».

«Крупных, — отозвался с безумными мокрыми глазами мальчик, — я беру — это как? Я беру! Сделай так, чтобы меня здесь не было. Чтобы я был на рыбалке с дедом, и мне восемь лет. Тут, недалеко. В Вермонте. Но чтобы с дедом, на ледовой рыбалке, чтобы дед жив, а мне восемь лет, мы пьём из термоса шоколад, а дед ещё что-то такое пьёт из фляжки. Это раз. Второе — пусть сдохнет Клэйтон Филдс. Он... смотрел, как я... эту девочку. После него. Он заставил. Он командир. Пусть... он. Третье — пусть кончится война. Пусть все, кто не убит, не подсажен на героин, не... как я — пусть завтра же вернутся домой. Поняла?»

«Поняла, — грустно сказала цихлида, — третье не выйдет: не в моих силах. Но два сделаю. Согласен на два?» — «Согласен», — сказал тихо мальчик.

Очень далеко подорвалась на пустынной дороге бронемашина. Фугас. Погиб лейтенант Клэйтон Филдс: ему оторвало голову. Как у той девочки. Голову не нашли.

Удавился на клочьях простыни больной в психиатрическом отделении больницы Администрации Ветеранов.

В курилке в аквариуме прибавилась непонятным образом вторая рыбка-цихлида — полосатый, в оранжевых и голубых точках самец. Не иначе, его принёс тот, из зоомагазина, решили ветераны.

Ыы

сказка для детей школьного возраста

ли две драконши, каждая в своём озере в Нью-Хэмпшире. Давно жили, много человеческих жизней. А драконьи годы считать не принято: посчитаешь — сглазишь — убьёшь. О возрасте своих детей драконы говорили туманно: «Он у нас давний». «Она у нас недолгая». Или даже: «Оно вполне свежее» — у них же три пола, у драконов. Как-то вышло так, что толстой драконше Выелите досталось озеро меленькое, хотя чистое; но если она плескалась ночью, озерцо выходило из берегов. А худенькая маленькая драконша Выелена обитала в глубочайшем зелёном вулканическом озере на вершине горы и могла хоть днём вылезать на свет: люди там были редки — охотники да туристы.

Они дружили. Их драконий возраст — но об этом нельзя, нельзя — был схожий. Мужья-драконы у каждой менялись ежегодно, как полагается, в полнолуние драконьего месяца Выдух. Долюбив, мужья уходили. Драконы третьего пола заходили в гости почаще, чем мужья: поговорить, распить чёрного вина, подарить камешек — по древнему праву только к драконам третьего пола выходили из-под земли ценные камни, золото и медь, красный драконий металл. Но детей у них не было. Им было достаточно детей подруг-драконих; почти каждый двенадцатый человеческий год драконша несла яйцо. Детей растили, холили и нежили, учили древним драконьим языкам и основам человеческих: вдруг, не дай Солнце, пригодятся. А выросши, они улетали на дальние озёра. Если рождалось третьеполое, его скоро отдавали в подземный город Ых; там его учили мудрости камней, металлов и целительных песен.

Хорошо жили. Зимой спали глубоко подо льдом. Некоторые видели сны про людей. Сны были вещие, иногда это были кошмары. Маленькая Выелена особенно была склонна к ужасам. Всплывала, плавила огненным дыханием лёд. Кричала, да никто не слышал: не было людям зимой пути на гору; подруги же спали в своих озёрах, третьеполые друзья — под землёй, второполые — в лесах... Так и жили много драконьих веков — но об этом нельзя, нельзя — пока не случилась беда. Вылезла Выелена из озера ночью в дурной для драконов месяц Ухэй, и злая звезда Яй ударила ей промеж глаз. Страшная сила швырнула её в бесконечную глубь, в темноту, приковала к подводной скале, и там она и осталась на всю свою оставшуюся драконью жизнь, на много — но об этом нельзя, нельзя...

Приплывала к ней толстая подруга, ныряли к ней третьеполые и пели сладкие песни, от которых проходила её боль, а вот мужья перестали заходить: они же сухопутные создания, драконы второго пола. Самый последний, недолюбивший, приходил много человечьих лет на берег и плакал, стонал, поднимал ветер и бурю. Даже летом перестали люди подниматься на Выеленино озеро: там было страшно.

Темно было у Выелены в ужасной глубине, зимние сны стали посещать её и летом. Видела она яркие города, муравьиные горы домов с дырочками, где жили люди. Видела, как эти люди радуются, плачут, страдают, умирают, делают подлости и совершают подвиги любви и бескорыстия. Друзья третьеполые и Выелита слушали завороженно по утрам, когда приходили навестить больную, и считали в глубине своих старых драконьих душ, что бедняжка Выелена всё придумывает, врёт, развлекает их рассказами такой красоты и яркости — она всегда была умная, Выелена — награждает их за то, что приходят к ней, не забывают бедную инвалидку, осуждённую на темноту и тишину.

— Ыыыыыыыыыыыыыыыыыыыыыыыыыыыыыыыыыыыыыыыы...

Маленькая худая женщина в зелёной пижаме сидела в инвалидном кресле с подносиком, скрюченной рукой царапала по бумаге карандашом. Незрячие глаза закрывали чёрные очки. Очки — по распоряжению врача: няньки пугались пустых глазниц. Женщина улыбалась.

— Что это она? — испуганно прошептала новая нянечка старшей. — Она что?

— Она — тихая, — сказала старшая сиделка. — Весь день что-то пишет.

Художник Марина Забродина

Грустно покачала головой:

— Каракули, конечно. Улыбается, бормочет. А так — совсем сумасшедшая. Говорить-то говорит вроде нормально, но чушь. Говорит, будто бы свои сны записывает, а они — вещие. Что, мол, знает всё про всех людей. Мало бедняге такой инвалидности: она-то в аварию попала. Давно. Да ещё и шизофрения! Видишь, как руки трясутся: это Халдол. Уж кажется, сколько можно на одного человека бед... — старая нянька с маленьким золотым крестиком на шее укоризненно взглянула в левый верхний угол палаты.

— Ыыы

Лариса Бортникова

Продавец радуги

сказка для детей старшего возраста

На длинной выскобленной добела стойке маялась зевотой свеча. Огонёк горел лениво, ровно. Пожилой мышь осторожно обогнул застывшую восковую каплю, подобрался к миске с отбитым краешком и, выхватив оттуда сухарик, поспешил в темноту. Задорно блеснули бисеринки чёрных зрачков, ленточка на хвосте взметнулась зелёным всполохом, и аппетитный хруст заставил старичка, прикорнувшего за прилавком, открыть глаза.

— Поужинал, Слоник? Пить хочешь? — Старик поднялся, нацедил в поилку лимонада и улыбнулся, когда зверёк чихнул, сунувшись носом в липкую сладость. — Будь здоров! Пей — и домой. Пора закрываться.

— Шамайка, ты ещё здесь? — Звякнул дверной колокольчик, и в лавку ввалился огромный бородач. Он тяжело взгромоздился на табурет, едва не свалив с прилавка стопку старинных свитков.

— Белеш? — Хозяин выглянул из подсобки, кивнул гостю. — Погоди чуток, только Большой Хрустальный уберу, и по домам.

Дед Шамайка вынырнул из темноты и, закрепив стремянку, привычно полез под самый потолок, где на отдельной, покрытой кружевной салфеткой подставке, переливался хрустальными узорами флакон. Да нет, не флакон даже, а флаконище, или, скорее, графин необыкновенной красоты и изящества.

Величиной с гигантскую тыкву, с серебряным дном и тонким, словно веточка, горлышком, с блестящей затычкой-шишечкой, исписанный тайной резьбой, запечатанный гербовой сургучной печатью, Большой Хрустальный считался главным украшением магазинчика и самой великой гордостью деда Шамайки.

Большой Хрустальный вполне мог бы храниться в королевской казне или, на худой конец, жить в буфете какой-нибудь герцогини или маркизы — так он был великолепен. Грань за гранью любовно вырезанный мастерами-стекольщиками, Большой Хрустальный напоминал чудесный бриллиант. Но не этим определялась его ценность — истинное сокровище таилось внутри, скрывалось под извилинами хрусталя, пряталось за искусной росписью, под плотно притёртой сверкающей пробкой.

— Не надоело каждый день такую тяжесть таскать да по лестнице прыгать? Спрятал бы подальше, и пусть себе пылится. Всё одно не купит никто, — Белеш кашлянул, пламя свечи метнулось в сторону и погасло. Жирная темнота вползла через окна. Недовольно загудел в руках у деда Шамайки Большой Хрустальный.

— Зажги свет. И как ты ещё полгорода не разнёс? — пробурчал Шамайка, спускаясь наощупь. — Купит — не купит... Разве в этом дело! Это же... Это же — мечта. Радуга-мечта. Её ещё мой прадед лить начал, а дед, тот уже на три четверти закончить успел. Отец корпел над ней всю жизнь. Помню, я ещё совсем крохой был: заберусь в кресло у стены и смотрю, смотрю, как он, скрючившись, сидит — цвета подбирает. Когда помер отец, мне только оранжу добавить осталось. Долго я нужный колер искал, а когда нашёл — сам себе не поверил. Три года из мастерской не вылазил, всё до последней капельки вычищал, выправлял, чтоб как следует, а не спустя рукава. Три года. Невеста меня из-за этого не дождалась — за другого вышла. А я и не огорчился ничуть, потому что главное в своей жизни делал. Ещё пять лет каждый цвет на положенное место крепил, друг за дружкой, рядком. А потом из колбы готовую радугу во флакон переливал ещё с полгода. Когда запечатал горлышко сургучом, решил: поставлю на самое почётное место. Пусть знает народ, что мы настоящие мастера, а не просто Шамаи — продавцы радуги. Эх, Белеш, ведь радуге этой цены нет! И даже если войдёт сюда сама королева, молвит: «Возьми, дед, полцарства и меня в жёны, только продай Большой Хрустальный», я ей на подол жемчугами шитый плюну и выгоню в три шеи!

Дед Шамайка любовно протёр гранёный бок. Дохнул на шишечку, поскрипел по ней потёртым бархатом манжета. Толкнул ногой дверь чуланчика, чуть головой о низкую притолоку не ударился. Уже оттуда глухо добавил:

— Вот ты, Белеш, свой Страшный Ливень в подвале хранишь, чтобы никто не видел, а зря.

— Не зря ничего, — буркнул бородач и подхватил Слоника, который в темноте едва было не свалился на пол. — Тебе что? У тебя внуков нету. А я вон с неделю назад Верка в мастерской поймал. Сидит оголец, секретными свитками шуршит и уже тигель нагрел. Собрался, видишь ли, отмочить что-то. Я ему говорю, рано мол. Вот в силу войдёшь — обучу делу, а он разве слушается? Кричит, ногами топает. Тоже мне мужичок-дождевичок...

— Э-эх, — вздохнул дед Шамайка, громыхнул тяжёлой связкой ключей. — Я бы и рад — наследника... Пойдём. Завтра на Совет бы не опоздать.

***

Город привычно давился сырой мглой. Торопливо бежали по узким улицам прохожие, спотыкаясь о выбоины каменных плит. Чертыхались кто про себя, а кто и вслух. Торговая площадь словно вымерла. Только припозднившиеся лавочники гремели щеколдами, зябко поёживаясь. Белеш подождал, пока дед Шамайка запрёт лавку, запалил факел. Скупо разгоняя кисель сумерек, вспорхнуло пламя, потом осело, замерцало неспешно.

— Ну что, потопали, сосед? Тебя внучки заждались, поди. — Шамайка плотно закутался в шерстяную накидку.

— Ага. Вон, Ойленка вчера грозилась сделать уздечку: собралась в лошадки играть. А Верк-хитрец опять пытать начнёт. Думает, я не понимаю, что не просто так спрашивает, а на ус мотает. Знатный дождевик будет, уж поверь, — покраснел от удовольствия Белеш. — Ты бы заглянул. Дети тебя любят.

— Как-нибудь. Тут я из разных остатков да выжимок гостинчик Ойленке сделал. На продажу не выставишь, а девчонка порадуется. — Дед Шамайка пошарил в кармане, нащупал что-то, достал, разжал морщинистый кулачок. На влажной ладони зеленела маленькая бутылочка, внутри билась нежными переливами крошечная радуга.

— Да ты что! Это ж... Как? Спасибо, друг. Э-эх... А мне тебя и отблагодарить-то нечем. Грибной-моросилка тебе вроде ни к чему... — Белеш замялся, затоптался на месте, лицо счастливо плыло в улыбке. Осторожно завернул пузырёк в носовой платок и сунул за пазуху.

***

Синеглазая хохотушка лет пяти-шести хлопала в ладоши и бегала вокруг низенького столика, на котором важно расселись

две куклы и лысый пупс. Из-за приоткрытой дверцы шкафа щурился пуговицами лопоухий плюшевый щенок. Чуть поодаль толпились взрослые, следили за тем, как тоненькие детские пальчики вытягивают промасленную тряпицу из пузырька, как выливается оттуда тягучая прохлада, и как рассыпается искрами, выгибается по-кошачьи, распрямляет многоцветную спину маленькое чудо.

— Красный, синий, голубой! Смотри, смотри, Верк... Как красиво! — Ойленка теребила брата за штанину. Тот, совсем по-взрослому потрепал её по кудряшкам и с нарочитым спокойствием произнёс:

— А... Ерунда это всё. То ли дело дождь. Вот возьмёт меня дед в подмастерья. Глядишь, годика через три подарю тебе мокрохлёст с молниями. Настоящий, а не дужку игрушечную, полосатую, — голос Верка звучал равнодушно, да только разве спрячешь восторг, если пылают щёки, и блестят глаза?

— Не хочу дождик. И так на улицу не выйдешь. Сыро кругом. И противно. Я солнышка хочу. Деда, купи солнышка... — захныкала Ойленка.

Белеш нахмурился, тяжело топая, подошёл к внучке, поднял её, как пёрышко. Смотрели стар да мал, как тускнеют волшебные радужные сполохи. Последним угас оранжевый. Ойленка вздохнула, обвила ручонками толстую шею, потерлась щекой о мягкую бороду:

— Солнышка, деда.

— На день рожденья куплю, егоза. На целый день хватит. Сможешь во дворе праздник устроить подружкам. Только и меня уж пригласить не забудь... Ладно?

— Не забуду... И тебя, и бабушку, и Верка... А облачков купишь? Помнишь?

Белеш закашлялся. Он хорошо помнил. Не так давно славно шли дела у мастера дождя. Богатые покупатели толпились в лавке, выбирая, кто тёплый весенний, а кто и прохладный грибной. Потом пошла мода на морось с молниями, и не было отбоя от господинчиков, тыкающих пальцами в тяжёлые глиняные кувшины: мол, вот этот — побольше, пострашнее... Белеш радовался, придумывал всякое. То гром раскатистый добавит, то череду алых трескучих разрядов, да чтобы с именем заказчика тонкой вязью по чёрному бархату неба... Было время — не пылился на прилавках товар. Брал Белеш в лавке напротив оптом связку облаков, поил водой, шептал слово тайное, следил, как пушистые барашки тяжелеют, набухают, превращаются в тучи грозовые,

грозные. Горожане раскошеливались — приятно похвастать перед соседями сизой тучей, висящей над домом, да и клумбы полить — тоже дело.

Частенько школьники озорничали. Любимое занятие: на три монетки заказать коротенький «как-из-ведра», чтобы промок до нитки строгий учитель и долго ещё грозился, обсыхая у камина. Было время — хорошо шли дела у мастера дождя. И то верно. Почему бы не порадоваться ласковому дождичку после жаркого, ясного дня, почему бы не ахать, удивляясь мощи стегающих ливней? Было время...

Белеш осторожно опустил внучку на пол. Шлёпнул легонько: «Ложись-ка спать, малявка...» Сел у окна, пригорюнился. Было время, да прошло...

Как состарился Гри-солнцедел, как подросли его племянники и взяли на себя торговлю — так всё и началось. За день перекрасили стены, поменяли незамысловатые витрины. На вывеске вместо улыбающихся подсолнухов, нарисованных масляной краской, оскалился пастью длинногривый лев. Про главное тоже не позабыли наследнички — за одну ночь взлетели цены до небес. Сначала посмеивались другие мастера, у виска пальцем крутили: «Кто, мол, за такие деньги к вам пойдёт? Глупость и безрассудство». Поначалу посмеивались, да только вскоре забеспокоились.

День за днём, неделя за неделей пустели торговые ряды, и лишь толпились хмурые горожане возле солнечной лавки. И понятно почему! Ведь будь ты богач или мастеровой, художник, циркач или какой-никакой воришка-замухрышка, лишний раз не то что дождичка — покушать не купишь, а солнышка на минутку возьмёшь, чтобы себя да детишек порадовать. Потому что никак нельзя человеку без солнышка — душа стынет.

Старый Гри-солнцедел это понимал, направо-налево шкатулки драгоценные не раздавал — не случалось такого, а всё же... Раз в неделю по вторникам выбирался старый Гри на дворцовую площадь, раскрывал позолоченную коробочку и выпускал огромное, жаркое, щедрое солнце наружу: «Радуйтесь люди! Грейте ладошки, ребятишки. Подставляйте лысины под горячие лучи, старики! Радуйтесь! Купить ведь могут не все, а душа есть у каждого!»

Хороший был человек — Гри, и солнцедел знатный... Вот только племяннички не в него уродились, и закончились солнечные вторники. Затосковал люд. Имущий бежал в лавку, выкладывал грошики за жгучие сундучки, прятал поближе к сердцу, нёс домой. А тому, кто с хлеба на воду едва перебивался,

оставалось лишь таиться в тёмных переулках да жадно смотреть со стороны на высоченные заборы, за которыми струились, упираясь в небо, сияющие столбы. Только разве можно согреться под чужим солнцем?

Мастер дождя Белеш грустил. Жался лбом к стеклу, смотрел на город. За окном клубилась привычная мгла. Серая изморось, не похожая ни на дождь, ни на туман, висела призрачным занавесом: утро ли, вечер ли — сразу не поймёшь... Долго молчал старый дождевик, потом, кряхтя, поднялся, прикрыл ставни. Если бы не безносая кукушка, живущая в настенных часах, так и не понял бы старик, что наступила полночь.

***

Колокол на городской ратуше глухо пробил шесть раз. Дед Шамайка поднялся по узкой винтовой лестнице, толкнул дверь и очутился в комнате, стены которой с потолка до пола были увешаны старинными коврами. Под каждым из ковров стояло кресло с высокой спинкой. Мастера чинно рассаживались по местам, приветствуя друг друга. Толстый Белеш уже был здесь. Угрюмый, не выспавшийся, он напоминал утёс, и Шамайка вдруг подумал, что мастер-дождевик очень немолод, как и все они, собравшиеся здесь. Шамайка опустился в кресло под ковром с вытканной шёлком радугой, достал из рукава Слоника, почесал его между ушами. Слоник запыхтел от удовольствия, ткнулся мокрым носом в ладонь хозяина.

— Ну что, вроде все в сборе? — Звёздный мастер покосился на единственное пустующее кресло. Над высокой спинкой переливалось шитое золотом солнце с алыми шерстяными лучами. — Можно начинать.

— Не ходили ещё ветродуи в приказчиках! — пронзительный голосок прервал Звёздного мастера, у остальных аж в ушах зазвенело. Седая конопатая старушка вскочила с места и забегала по зале, размахивая несуразно длинными руками. — Ишь чего удумали! Мол, если солнцеделы, то всё можно, так что ли? Не на тех напали!

— Не шуми, красавица, — седая голова Звёздного мастера над затёртым плащом из серебряной тафты качнулась укоризненно. — А ты что скажешь, брат?

— Что тут говорить? С каждым днём дела всё хуже и хуже. Совсем житья нет. Никому наше ремесло не нужно: людям на главное не хватает. Дай бог, заскочат в день два-три бездельника, попялятся на бирки с ценами и уйдут, хлопнув дверью. Кое-кто

из нас ещё держится: господа берут товар по праздникам, дамочек да мелкотню позабавить. А остальным куда деваться? Вон ветродуи да тумановязы скоро по миру пойдут. Дождевику впору в трубочисты наниматься... Да и мне тоже. — Мастер Ночи, одетый, как полагается, в иссиня-чёрный сюртук, почти плакал. — Тут от солнцеделов посыльный прибегал, свиток принёс запечатанный. Пишут что, мол, всё одно — конец. Так мы, мол, у тебя дело перекупим, а взамен отсыплем солнца пуда три — на год хватит, а то и на два, если понемногу тратить. А ещё пишут, что если желаю, могу к ним наняться, и жалованья мне кладут по пятьдесят шиллингов в неделю, а коли своих сыновей им в услужение отдам — столько же надбавят. Я свиток тот поганый туда-сюда покрутил, десять раз перечитал, всю голову сломал. Жалко до слёз родное, дедами выпестованное ремесло в чужие руки отдавать, да только дома все ревмя ревут. А вчера иду по набережной, гляжу: детишки у какого-то особняка трутся. Понятное дело, оттуда смех, песни, птицы щебечут. Над забором высоченным труба солнечная в небо упирается. А малышня к щёлкам носами прильнула... Теребят бедолаги в ладошках зеркальные фантики, норовят поймать хоть лучик. Пригляделся — мой младшенький среди них... — мастер Ночи запнулся, достал из кармана отглаженный платок, высморкался.

— А я тот их свиток и читать не стала. Сунула в печь и всё! — Конопатая старушка хмыкнула, замялась на секунду. — Говоришь, пятьдесят в неделю?

— Погоди. Тут такое дело... — Звёздный мастер опустил глаза, замешкался. — Друзья мои! Сколько лет я вас знаю. Сколько вы меня... Никогда плохого я вам не советовал, не посоветую и сейчас. Да только, — голос мастера предательски дрогнул, — только час назад сдал я солнцеделам тайну своего ремесла, и не нашлось у меня иного выхода. Думается, что у вас тоже нет. Судите меня, ругайте, гоните взашей... Не осталось больше в городе продавца звёзд. И не в мою лавку теперь спешить влюблённым за Большой Медведицей и Млечным Путем. Без россыпей звёздных жить можно! Без солнышка как?

Молчали мастера. Чесали затылки, морщили лбы. Первым опомнился мастер Ночи. Плечиками худенькими дёрнул. Промолвил, заикаясь:

— Мы с тобой навечно повязаны. Куда ты — туда и я... Э-эх! Пойду и я к солнцеделам на поклон. Задорого не отдам — нечего, да хоть родным своим тепла чуток выторгую. Неужто тысячелетнее знание и того не стоит?

Засуетились, зашумели мастера. Кто ногами топал, кто кричал, кто молча скрипел зубами. Потянулись к дверям, заторопились. Дед Шамайка потрепал за хвост задремавшего было Слоника, упрямо стиснул губы.

— Как хотите! — пробурчал под нос. — А я своё ведовство тайное ни за какие миллионы не выдам. — И вышел вон. Толстый Белеш рванулся было за ним, да мелькнули перед глазами кудряшки Ойленки, и передумал старик. Понял, что если не решится сейчас, то не видать белобрысенькой долгожданного дня рождения ни на этот, ни на следующий год.

***

Шесть полных лун минуло с того дня, когда в последний раз собирался Совет Мастеров. Дед Шамайка каждое утро пробирался по опустевшему торговому ряду, открывал тяжёлую дверь, протирал стойку тряпочкой. Каждое утро, словно ничего не произошло, доставал он стремянку, и снова Большой Хрустальный переливался сказочным семицветьем радуги-мечты. Да только некому было любоваться этим великолепием, только Слоник иногда карабкался по свисающим кистям вверх и тёрся влажным носом о холодный хрусталь.

А между тем всё росла, всё богатела лавка братьев-солнцеделов, всё ярче становились витрины медово-жёлтого стекла, где кроме резных солнечных шкатулок красовались и искрящиеся звёздные мешочки, и тюбики с туманами, и глиняные кувшины, в которых томились, мечтая вырваться наружу, дожди с грозами. Шуршали под лепным потолком пушистые связки облаков, а в специальных медных ведёрках бились и шумели ветра с ураганами. Важные, разряженные в бархатные сюртуки с золотыми аксельбантами, стояли за широкими прилавками племянники старого Гри, а среди заставленных товаром полок суетились маленькие служки, одетые в чёрные сатиновые блузы. С отглаженных воротничков скалились шёлковыми клыками длинногривые львы. Богатела лавка солнцеделов, сочились роскошью витрины, а в тёмных подвалах серьёзные и неразговорчивые мастера корпели кто над утренней зарёй, а кто над долгим, переливчатым эхом.

— Ничего. Зато теперь и на хлеб хватает, и на солнышко, — каждый вечер оправдывался мастер Ночи, запечатывая готовую бархатистую мглу в фарфоровую банку. — И детишки пристроены.

— Вот и я говорю, правильно мы решили. Правильно, — кивала головой бывшая хозяйка дома ветродуев, вдруг постаревшая

Художник Алёна Кудряшова

и осунувшаяся. Конопушки на её морщинистом личике побледнели, а курносый нос заострился воробьиным клювом. — Внучки мои здесь при деле, чистенькие, накормленные. Опять же своим делом заняты, хоть и на службе.

— А я своего Верка никак не уговорю — гордец он у меня. Кричит, что всё одно станет мастером. Поясняю, что секретов-то не осталось у нас больше, а он верить не желает. Гордец! — хмурился Белеш-дождевик, но в тусклом голосе его слышалась тоска. — Спрятал, дурилка, на чердаке кувшин со Страшным Ливнем, чтобы хоть его солнцеделам не оставлять, а не понимает, что дело не в Ливне, а в мастерстве... А дед его мастерство за краюшку солнца продал... Э-эх! Только один Шамайка не сломался, не согнулся перед солнцеделами.

— Что Шамайка? — Звёздный запихивал в мешочек непослушную искорку. — У Шамайки, кроме мыша, нет никого, а у каждого из нас — семеро по лавкам. Да и Шамайка тоже не сдюжит, покочевряжится ещё чуток, да и упадёт солнцеделам в ножки.

— Не-е... Не из таковских Шамай, — Белеш качал головой, борода смешно дёргалась в такт. — Не из таких.

***

Как и обычно, по субботам Дед Шамайка переклеивал бирки на флаконах. Аккуратно расправлял уголки, подмазывал пахучим клеем. Слоник морщился, принюхиваясь к резкому запаху. На стойке, возле миски с сухариками, валялся скомканный лист. Слоник осторожно тронул его лапкой, подтолкнул мордочкой, и лист зашуршал, покатился к краю и шлёпнулся прямо под ноги к мастеру радуги.

— Фу! Не тронь эту гадость! — дед Шамайка поднял бумажный ком и сунул было его в помойное ведро, но не удержался, развернул брезгливо и перечитал вслух, медленно разбирая буквы:

«Дамы и господа. Сегодня на дворцовой площади гильдия солнцеделов устраивает праздник для всех желающих. Ветреное утро, солнечный полдень и дождливый вечер сменит ясное ночное небо. Невероятный сюрприз: Луна, звёзды и солнце одновременно. Вход — сорок монет».

— Одновременно! Где это видано? Нет, ты подумай только, Слоник, — дед Шамайка возмущённо размахивал пальцем перед жёсткими усами и глазками-бисеринками, — что удумали! Где это видано: луна, солнце, туман, дождь, снег одновременно? А?

Все главные правила, все вековые устои рушат, а ещё мастерами себя зовут... Ладно племянницы Гри — тем деньги весь разум давно затмили, а другие-то... другие... Не только мастерство, совесть продали! Тьфу ты!

Слоник фыркнул, соглашаясь с хозяином, забрался на горку сухариков и стал перебирать маленькие ржаные корочки. Дед Шамайка, продолжая бурчать, схватил ближайший пузырёк и надписал на пустой бирке цену в две монетки.

Робко звякнули медные колокольчики над входом.

— Говорят, тут торгуют этой... ну как её? Радугой... — Некрасивая дама в модном лиловом платье с кринолином уставилась на прилавок. — И почём? А то на сегодняшнем празднике радуги не обещают, а мне хотелось бы взглянуть, как эта штуковина будет смотреться рядом с северным сиянием.

— Закрыто, — рявкнул дед Шамайка. — Не продаётся радуга всяким вертихвосткам, понятно?

Дама обиженно дёрнула плечиком и выскочила на улицу, хлопнув дверью. Хрусталь флаконов печально запел; зябко вторили ему бубенцы, впуская сырую мглу внутрь. Звон затихал долго, отголоски метались по мастерской, словно белые-белые хлопья снега, что мастера снегохрусты дарили городу на каждое Рождество. Но едва наступила тишина, как опять жалобно задребезжал бубенчик у двери.

— Сказал же: за-кры-то! — раздражённо процедил сквозь зубы Шамайка.

— Это я, сосед, — Белеш робко протиснулся в узкий проход, привычно взгромоздился на табурет. Держась за деда, переминался с ноги на ногу подросший за полгода Верк. — Давненько не виделись.

— Да уж точно... — Шамай не глядел в глаза другу. — Давненько. Вижу, здорово ты изменился за это время, Белеш-дождевик. Ну, и как тебе солнцеделовы харчи? Что? На площадь дворцовую торопитесь, спешите доломать дедами завещанное? Хоть мальчонку бы не брал, постеснялся. — Шамай покосился на рукав Верковой серой курточки. Только не было на нём золотого шитья, обвивающего с недавних пор запястья наследников бывших мастеров. И шёлковый лев не украшал жаркой гривой уголки застиранного воротничка.

— Не ершись попусту, Шамай. И так тошно. — Белеш протянул руку, и радостный, соскучившийся по старому знакомцу Слоник, забрался на тёплую мягкую ладонь. — Никого из наших на праздник не позвали, да и совета не спросили... Набрали

ветров со складов, дождей, снега бочками и повезли ко дворцу — знать да богачей тешить. А на наше «негоже», и что всему своя очередь, а никак иначе — только посмеялись солнцеделы. Кто мы теперь, Шамай? Не мастера — прислуга.

— Сами виноваты! Да ладно. Прости, брат, накипело. Что Ойленка? А ты чем живёшь, молодой человек? — Дед Шамайка улыбнулся, заметив, как мальчишка жадно рассматривает расставленные на стойке цветные бутылочки, наглухо залитые сверху сургучом. — Запустить тебе радужку?

— Не надо. Не маленький я уже! Глупости это всё! — Верк вскинул острый подбородок, сверкнули на тощем личике дерзкие чёрные глаза, украдкой только дёрнулся взгляд на седую бороду деда. — Вот. В ученики к мельнику Магишу хочу податься. Верное ремесло, нужное.

Белеш тихонько вздохнул, дрогнули стариковские плечи.

— А что я. Я не против. Нужное...

— И пойду! — давясь икотой, выкрикнул Верк. Вырвался из под крепкой дедовой руки, бессильно лежавшей поверх его плеча, метнулся к Шамаю. — Ну, деда Шамайка, хоть вы ему скажите! Не хочу к солнцеделам! Всё мастерство наше за треть цены им ушло, так что же, и мне теперь туда же? Пусть другие идут, а я не хочу! Лучше жернова крутить и мешки с мукой ворочать! Мельником, сапожником, да хоть трубочистом, но предателем не стану!

В лавке наступила такая тишина, что стало слышно даже, как Слоник беспокойно шелестит ленточкой по рукаву старого Белеша. Дед Шамайка вытащил откуда-то из-под прилавка тряпицу, слишком тщательно заскрипел ветошью по бочку невысокого флакона. Случайно или нет, но пробка вдруг выпала из горлышка, и на пальцы Шамайки плеснуло сияющим многоцветьем. Нежный всполох вырвался наружу, мазнул мастера радуги по лицу, добавив ещё одну глубокую морщину к густой сетке лучиков.

— Ох, ты! Старый стал, руки не держат. Вот и пролил маленько! Ну-ка, собери в бутылочку... — дед Шамайка поставил пробку на место и подмигнул Верку. — Возьми скребок на подоконнике и слей потихонечку в пустую пробирку. А деда зря не обижай — ради тебя да Ойленки старается. Ну, а про мельника хорошенько подумай. Не случалось ещё такого, чтобы наследники мастеров простому людскому мастерству обучались.

— А я ему не наследник больше... Чему наследовать? Если бы я Страшный Ливень не спрятал, дед и его бы продал, — Верк отвернулся, украдкой размазывая грязным рукавом слёзы.

— Неужто спрятал? — расхохотался Шамайка. — Ну-у.. Хитрец! И верно дед твой говорил, знатный из тебя бы мастер вышел... А то и выйдет... Ко мне в ученики пойдёшь?

— Можно? — задрожал голос мальчугана. — Можно? Ведь я же урождённый дождевик. Разве можно?

— А как же? Солнце, дождь и радуга всегда рядышком шли, бок о бок — наше мастерство друг от друга неотделимо. Верно говорю, Белеш? — дед Шамайка подождал, пока старый мастер-дождевик вытрет глаза, пока сглотнёт нежданный ком, и переспросил: — Верно?

— Да, — дёрнул бородой Белеш и закашлялся.

— Тогда, ученик, приступай-ка к работе. Для начала покорми мыша и вытри пыль с подоконника.

***

Дворцовая площадь, окружённая высокой стеной из белого кирпича, шумела радостно, возбуждённо. Над площадью колыхался купол из плотной парусины, натянутый так, чтобы ни один любопытный взгляд не смог проникнуть внутрь, туда, где под толстым льняным небом гильдия солнцеделов устраивала праздник.

Кареты и коляски подъезжали к дубовым воротам, притормаживали возле полосатой будки, и смешной человечек в чёрном камзоле со львами на обшлагах протягивал гостям ящик с прорезью для монет. Звенело серебро, и ворота распахивались, приглашая богатых бездельников порадоваться удивительному зрелищу. А там, на площади, действительно творились чудеса.

Западную сторону парусинового неба рассекали крест-накрест вихрящиеся столбы из льда и снега. Перед ложей для королевских особ струилась причудливым вензелем лунная дорожка, извивалась змейкой и обрывалась серебристым водопадом над головой туманного фантома, сделанного в виде гигантского куста роз. Чуть поодаль, пугая придворных искрящимися разрядами, метались во все стороны пучки молний, едва не поджигая шёлковые панталоны и кринолины. Но тёплый дождик появлялся вовремя и накрапывал именно так, чтобы с беззлобным шипением затушить крошечные рыжие язычки. Танцевала над головами восторженных зрителей ярко-жёлтая луна размером с корову, а звёзды выстраивались в несуществующие созвездия, льстиво выписывая имена короля и королевы, а также герцогов и иных венценосных особ.

Радостный гомон наводнившей площадь знати звенел восторгом и ожиданием. Дрожала от нетерпения толпа избранных, ведь солнцеделы обещали сегодня настоящее чудо — солнце невиданной доселе яркости и невероятной величины. Снисходительно улыбались присутствующие, любуясь закатом, восходом и северным сиянием одновременно, придерживая шляпки, пряча лица от холодного ветра и прислушиваясь к гулкому эху, что множило их восторженные вскрики в миллионы раз. Улыбались и ждали... Ждали. Задрав головы, гости пялились на парусиновое небо и нетерпеливо косились в сторону братьев-солнцеделов, спокойно сидящих на громадном сундуке. Там, под кованой крышкой, словно кошка лапками, перебирало тонкими лучами долгожданное солнце... Гости ждали. Потому что богач ты или бедняк, граф или купец, без солнышка не выходит праздника. Да что праздника? Жизни не выходит.

На площади бурлила, ликовала толпа, а снаружи перед высокими стенами из белого кирпича толпились молчаливые, хмурые люди. Но напрасно мужчины пытались взобраться на стену и отвернуть, отодрать уголок холщового неба, напрасно женщины ковыряли кто шпильками, а кто и ногтями швы, чтобы проделать щёлочку, напрасно дети норовили проскользнуть за ограду, притаившись на облучке кареты.

«Деда, солнышка бы, хоть капельку», — белокурая девочка лет шести прильнула к лысому мужчине, обвив его шею тонкими руками-веточками. Белеш, проходящий мимо, вздрогнул. Вспомнил Ойленку. Покрепче сжал в кармане жгучий коробок, купленный на недельное жалование, поспешил домой.

***

В это время мастер радуги Шамай легонько пенял новому ученику на плохо промытую пробирку.

— И пыли оставил на окне. Ну да ладно, на первый раз неплохо. Теперь напои Слоника и можешь идти домой. — Шамайка поставил стремянку и полез за Большим Хрустальным.

— Мастер. А когда же учиться начнём? Когда? — нетерпеливо переминался с ноги на ногу Верк.

— Уже. Уже, сынок. — Большой Хрустальный приветливо сверкнул затычкой-шишечкой, и Шамай осторожно взялся за прохладные бока обеими руками.

— Красивый, — залюбовался флаконом Верк, — как наш Страшный Ливень. Дед хоть и ругается, что я его припрятал, но всё равно рад. Я-то знаю.

— Слоника напоил? — дед Шамайка подтащил Большой Хрустальный к дверце в чулан и загремел ключами. — А деда не обижай. Он хороший дождевик... Был...

— Я тоже кое-что умею, — покраснел Верк, — немного, но умею. Не верите? Показать?

— Потом покажешь. Мышь вон заждался. Лимонаду просит бедолага, только на что его нынче купить? Водички попьёт, и ладно. Ведро с черпаком под прилавком возьми.

Верк вздохнул, подхватил Слоника под мягкий животик, выпустил на подоконник. Слоник пискнул в усы, неуклюже сунулся носом в пыльное стекло, потёрся боком о пузырёк с аккуратно наклеенной биркой «Две монеты» и уселся возле пустой поилки. «Не лазил я ещё под прилавок», — пробормотал под нос Верк, хитро усмехнулся, прикрыл веки, щёлкнул пальцами, зашептал что-то. Тугими студёными струями хлынула с ещё совсем детских худых пальцев вода, и холодный дождик-моросилка полился небольшим, но сильным потоком на подоконник, на узорчатые бутылочки с никому не нужным чудом внутри, на седую спину напуганного мыша. Слоник запищал громко, заметался, попытался спрыгнуть на пол, но намокшая зелёная лента развязалась и, зацепившись за горлышко самого невзрачного пузырька, опрокинула его прямо в натёкшую лужицу. Падая, пузырёк задел за соседний, тот — за следующий, и флаконы, словно костяшки домино, посыпались один за другим. Флаконы раскалывались с жалобным звоном и щедро роняли радужную нежность на тёмное стекло, на пыльный подоконник, на обшарпанные стены, на давно некрашеный пол, на седую шёрстку Слоника, на ладони бледного Верка.

Звенело разбитое стекло, журчали радужные струйки. Дед Шамайка выскочил из чуланчика, схватил со стойки первую попавшуюся банку, и бросился скорее спасать разлившийся товар. Верк беспомощно озирался, хлюпал носом, а из вытянутых ладошек его всё тёк и тёк маленький хлёсткий дождь, никак не желая прекращаться.

— Останавливай. Останавливай! Оборотное слово говори! — закричал Шамай.

— Забыл, — прошептал мальчишка, пытаясь сжать кулачки, но настойчивый дождь никак не желал ему подчиняться, протискиваясь ледяными ручейками между пальцев.

— На Слоника хоть не капай, — рявкнул Дед Шамай сердито, но вдруг замолчал, замер в двух шагах от дрожащего Верка.

Под струями непослушного ливня крошки-радуги выпрямляли тугие спины, выгибались коромыслицами, ласкались синим и алым, мерцали голубым и фиалковым, ликовали изумрудным и ярко-жёлтым. Слепил глаза оранжевый — самый сочный, самый отчаянный. Радуги росли, переливаясь тянулись вверх и вширь, набирали силу. По гнутым цветным лентам медленно стекала холодная дождевая вода, впитываясь в сияющее семицветье, насыщая его незнакомой силой. Вздрогнул воздух. Зашипели искры. И одна великая тайна, соединившись с другой, заклубилась комком, сначала почти прозрачным, затем мутным, а затем...

Над горкой разбитого хрусталя, над почерневшей от воды поверхностью подоконника, над мокрой головой трясущегося от холода Слоника зашевелилось, распуская ниточки-лучи, солнышко. Маленькое, рыжее, будто яичный желток, оно словно хохотало изо всех силёнок, выбравшись наконец на волю.

— Деда Шамай, что это? — Верк прятал за спину руки, всё ещё влажные от недавнего чуда.

— Солнце... — Дед Шамайка коснулся пылающего клубка, отдёрнул указательный палец, обжегшись. — Солнце, сынок. Вон оно как, оказывается. Оказывается, и наоборот можно.

— Что? — Верк с сожалением следил, как тускнеет пылающий желток.

— Солнце, дождь, сердце доброе и слово тайное — будет радуга, — приговаривал дед Шамайка, точно заворожённый. — Выходит, и наоборот... Наоборот...

— Что? — настойчиво переспросил Верк.

— Где, говоришь, у тебя Страшный Ливень припрятан? — Дед Шамайка улыбался, и морщинистое личико его походило на счастливый свежеиспечённый блин.

— На чердаке... Только... Ай! — и мальчишка вдруг подпрыгнул, догадавшись. — Бегу! А дедка мой ругаться не станет. Я знаю.

***

Возле высокой стены из белого кирпича хмурилась толпа, а там, под парусиновым небом пылало чужое солнце по сорок монет за луч. Счастливчики, попавшие на праздник, громко радовались, пели что-то, смеялись в голос.

— Там солнышко, да? — Девочка расплакалась тихо, почти неслышно.

— Ничего, может хоть немного покажут. Подождём ещё, — успокаивал её дед, но в голосе его не слышалось надежды.

— Ой! Что-то на щёку капнуло, — женщина в цветастой шали вздрогнула, задрала голову, промолвила робко: — Поглядите скорее. Кажется, это дождь.

Над площадью, низко-низко, почти касаясь стальным брюхом коньков крыш, висело огромное мохнатое облако. Грозовое. Оно росло, пухло, раскидывало свои чёрные края-крылья над городом, окутывало не серой, а настоящей, густой мглой кварталы. Город задрожал под позабытыми уже раскатами грома, по мостовым застучали крупные капли.

— Дождь! — зашумела толпа, — Дождь!

Дед Шамайка постоял на крыльце, полюбовался на рваные сизые края гигантской тучи, улыбнулся. Поправил ленточку на хвосте Слоника, дунул ласково ему в мордочку.

— Пойдём, дружок. Спешить надо.

Западный край неба всё темнел, стальной уступил место антрациту — и вот уже застонал воздух и прорвался под неудержимым напором Страшного Ливня, великой гордости мастеров дождя. Дед Шамайка осторожно достал из чуланчика Большой Хрустальный, вынес его на крыльцо. Погладил по затычке-шишечке.

Прищурился алмазными гранями флакон — не флакон даже, а флаконище, или целый графин. Сверкнул, точно подмигнул напоследок, и упал... И ударился о гранит ступенек.

Миллионом стеклянных брызг рассыпался Большой Хрустальный, разлетелся во все стороны прозрачными колючими искрами. И огромная радуга-мечта с тихим гудением начала выпрямляться, опираясь семицветным столбом на крыльцо. Взметнулась вверх радуга-мечта, проснулась от вековой спячки.

Зевнула васильково-синим, подмигнула травянистым-зелёным, прищурилась янтарно-жёлтым. Выше, выше и ещё выше вздымалась радуга-мечта, подставляя хребет под хлёсткие удары Страшного Ливня...

Вот красная полоса высунулась из-под козырька, точно быстрый Слоников язычок, жадно лизнула сухарик мостовой, замешкалась на мгновение и взлетела под небеса. Последним взвился в небо апельсиновый: жаркий, смелый, нестерпимо прекрасный. Встряхнулся, салютуя своему Мастеру, встал в ряд с другими.

Солнцедел Шамайка облокотился на перила крыльца, довольно зажмурился, а через квартал от лавки продавца Радуги,

свесив босые ноги в чердачное окно, заливисто смеялся солнцедел Верк.

Над городом — щедрое, яркое, огромное! — поднималось солнце. Настоящее солнце. Одно на всех.

Художник Алёна Кудряшова

Кошкин дождь

сказка для детей старшего возраста

Раз в год в городе идёт кошкин дождь. Дождь идёт только один раз в год. В последний вторник октября на закате.

Каждый последний вторник октября, когда солнце касается жарким боком тёмно-зелёного среза дубовой рощи, над городом вдруг появляется гигантская туча. Она медленно собирается из закатных отблесков, из стылой осенней измороси, затягивает небо и замирает, чтобы пролиться волшебным дождём.

Кошки. Разные. Синеокие и в тёмных очках. Перламутровые и в крапинку. Раскрашенные под хохлому и в ситцевый цветочек, в шотландскую клетку и с кружевными воротничками на пушистых шеях падают с неба.

Кошки ловко приземляются на четыре лапы и медленно расходятся по домам. Там их ждут. Там им уже приготовили сосиски и молоко, взбитые сливки и колбасные хвостики. Самые лучшие сливки и самые сочные колбасные хвостики. Общеизвестно, что если в октябрьскую ночь со вторника на среду в дом зашла дождевая кошка — год будет счастливым. Все хотят жить счастливо, поэтому уже заранее выставляют к порогу красивые плошки, наливают туда сливок и ждут.

Кошки никогда не обманывают ожиданий, и даже дальняя сторожка, та, что расположена на самой окраине возле колодца, не остаётся без внимания. Даже городская тюрьма (к сожалению, в городе имеется и она) принимает у себя хвостатых гостей, которые сосредоточенно обходят все камеры и трутся об ноги охранников и не слишком законопослушных граждан.

Во всём городе есть только одно место, куда дождевые кошки никогда не заглядывают. Это дом тёти Юли — жуткой собачницы. Её так и зовут: Тётя-юля-жуткая-собачница.

Дело в том, что тётя Юля с самого детства подбирает бездомных собак, приводит их к себе в маленький деревянный домик с мансардой и там лечит и откармливает, расчёсывает, а потом раздаёт желающим. К сожалению, желающих немного, потому что в городе, где счастье зависит от прихода кошки, заводить пса — не самое разумное решение.

Тётя Юля бедняжек жалеет. Она ведь понимает, что любовь нужна всем: и людям, и кошкам, и аквариумным рыбкам, и даже дворнягам. Вот поэтому дом тёти Юли давно уже похож на собачий приют. Тяжело, конечно, ходить на работу, ухаживать за постояльцами, содержать все комнаты и сад в порядке, и к тому же умудряться поддерживать приличные отношения с соседями, но тётя Юля справляется. Она — молодец.

Хороший, добрый человек Тётя-юля-собачница, и, конечно, имеет право на счастье, да вот только кошки к ней не заходят. А всё потому, что её двор, её прихожая, её гостиная и столовая слишком пропахли псиной. Ни одна уважающая себя кошка, будь она хоть тысячу раз волшебная и в горошек, не переступит порог такого дома.

Но тётя Юля не слишком огорчается. Ей некогда, ведь она занята очень важным делом, а когда ты занят чем-то важным, на обычные бытовые радости и грусти просто не остаётся времени. Работа, соседи, дом, собаки... Собак много, их надо выгулять, выкупать, пожалеть и приласкать. Когда тут вспоминать о том, что в доме уже тысячу лет не было гостей, а в кино ты не ходила с самого дня образования мира? Тётя Юля давно не замечает, что никто не дарит ромашек на день рождения, никто не пишет сообщений в почту, а мама уже перестала надоедать вопросом «Когда же образумишься и выйдешь замуж, Юленька?»

Кстати, в городе считается, что тётя Юля немного не в себе, ведь она сама отказывается от собственной удачи. Ей так и говорят вслед (правда, шёпотом): «Странная она. Молодая, симпатичная, но ужасно странная. Выгнала бы своих шавок вон, отмыла бы ковры и диваны, и, глядишь, дождалась бы своей кошки, нашла бы приличного молодого человека. Жила бы, как люди». Тётя Юля всех этих сплетен не слышит. Или делает вид, что не слышит. Какая разница? Тётя Юля вообще очень тихая и добрая, а сердится только в одном случае: когда

кто-нибудь обижает её питомцев. А это случается не так уж и редко.

Например, на тётю Юлю сердиты все соседи. Они тревожатся, что собачий запах пропитает их собственные дома, и счастье может пройти мимо. А в середине октября, когда ожидание дождя в городе становится почти ощутимым, соседи начинают строчить жалобы и рассылать их «по инстанциям». Тогда к тёте Юле даже направляют делегации от мэрии, женсовета и пожарного депо.

— Настоятельно рекомендуем вам избавиться от этих кошмарных животных или хотя бы сократить их поголовье, — говорит в таких случаях мэр и нервно теребит дужку очков.

— Население возмущено! Вы нарушаете гармоничную ауру нашего образцового населённого пункта, — кипятится очередная председательница женсовета.

— Вы подвергаете город и окрестности опасности! — Статный пожарный в каске и с офицерским шевроном на рукаве страшно топорщит усы. От пожарного пахнет карамельками, и тётя Юля вспоминает, что он всегда любил карамельки и даже делился ими с тётей Юлей, когда она ещё не была тётей и училась с пожарным в одном классе. Он даже как-то целых полгода таскал её портфель, ждал возле остановки, и после выпускного они мечтали уехать вместе далеко-далеко. Но теперь они оба выросли, и офицер старательно делает вид, что это не он когда-то подарил тёте Юле собственноручно вылепленную пластилиновую дворняжку «на счастье».

— Но ведь мы никому не мешаем! И гуляем в строго отведённых местах, — тётя Юля пытается что-то доказать.

В конце концов она обещает не выпускать собак на улицу всю последнюю неделю октября и мыть все дорожки в саду и возле калитки хлоркой.

Потом, когда делегации уходят прочь, тётя Юля садится в кресло и грустит.

***

Понимаете, тётя Юля тоже человек. И конечно, она неоднократно задумывалась, что было бы неплохо... И замечала, что в кинотеатре идёт новая мелодрама, а на танцплощадке красиво играют модный фокстрот... Тётя Юля, конечно, обращала внимание на то, что у её старшей сестры уже двое детей, а у другой старшей сестры трое... Но для обычного человеческого счастья требуется хотя бы одна дождевая кошка!

Тётя Юля единственная из всего города не покупала свежих сливок. Никогда.

***

Но в один високосный год кошкин дождь не прошёл. Не знаю, чем провинились жители города, однако весь октябрь и даже ноябрь абсолютно не дождило. И, конечно, следующие месяцы стали неудачными, многие люди поссорились, а некоторые даже заболели, а кое-какие огорчились и навсегда ушли из города, чтобы найти место, где кошкин дождь идёт не один раз в год, а куда чаще.

Перед следующим октябрём горожане старались быть особенно добропорядочными и честными и последнего вторника ждали с нетерпением. Тётю Юлю предупредили за целых два месяца, чтобы она обула своих собак в мокасины и не выпускала за ограду. Редких собаковладельцев обязали поступить аналогичным образом, и те даже не подумали возразить — счастье важнее какого-то питомца. А чтобы дождевая кошка наверняка зашла в дом и чтобы ничто-ничто не спугнуло удачу, все редкие собаковладельцы города решили избавиться от своих собак и выставили их за городскую стену.

От собак избавились кто за день, кто за неделю, а кто и за месяц до ожидаемого ливня. И проветрили свои дома. И пропылесосили диваны и кресла. И спрятали подальше поводки и ошейники.

Собаки ходили вдоль городской стены туда-сюда. Грустили. Думаете, приятно осознавать, что тебя выгнали вон из-за какой-то кошки-однодневки? Некоторые из особо впечатлительных собак совсем захандрили. Поэтому, как только Тётя-юля-собачница узнала о случившемся, она твёрдо решила позвать собак к себе, чтобы они переждали кошкин дождь в хорошей компании, а потом спокойно вернулись по своим уже-счастливым домам.

Днём последнего вторника октября, когда горожане шумно толпились в очередях за сливками и колбасой, тётя Юля бродила по лесной опушке, свистела, подзывая собак, улыбалась своим мыслям. Ей-то спешить было некуда. Мы же помним, что сама тётя Юля уже давно перестала ждать счастливую кошку.

А вечером Тётя-юля-собачница и все собаки города сидели на огромной веранде, ждали, когда начнётся дождь. Им было тепло и уютно. И ни о чём не хотелось разговаривать. Потому что

если на улице закат, а рядом настоящие друзья — можно просто помолчать.

Вдруг какая-то овчарка из новоприбывших насторожилась и повела ухом, а потом все услышали за дверью то, чего услышать не могли никак.

Кто-то царапался в дверь!
И настойчиво просился внутрь!
И кричал «мяуууууу»!

— Ой. Что это? Кто это? Как это? — удивилась Тётя-юля-собачница и прижала ладони к груди, чтобы унять внезапно задрожавшее сердце.

— Ррр-гав, — хором сказали все собаки города, однако ничуть не разозлились. Они просто испугались за побледневшую вдруг тётю Юлю.

Тогда, приободренная этим «ррр-гав», Тётя-юля-собачница распахнула дверь и увидела котёнка, который топтался на половичке. Котёнок был ничуть не похож на дождевых кошек. Он был весь чёрный и грязный. Лохматый. Совсем не красивый и даже без шляпки. Но зато он отчаянно орал и сильно хотел есть. Это поняла и тётя Юля и собаки, потому что котёнок с порога пошагал к миске с собачьими печеньями и ими самозабвенно захрустел.

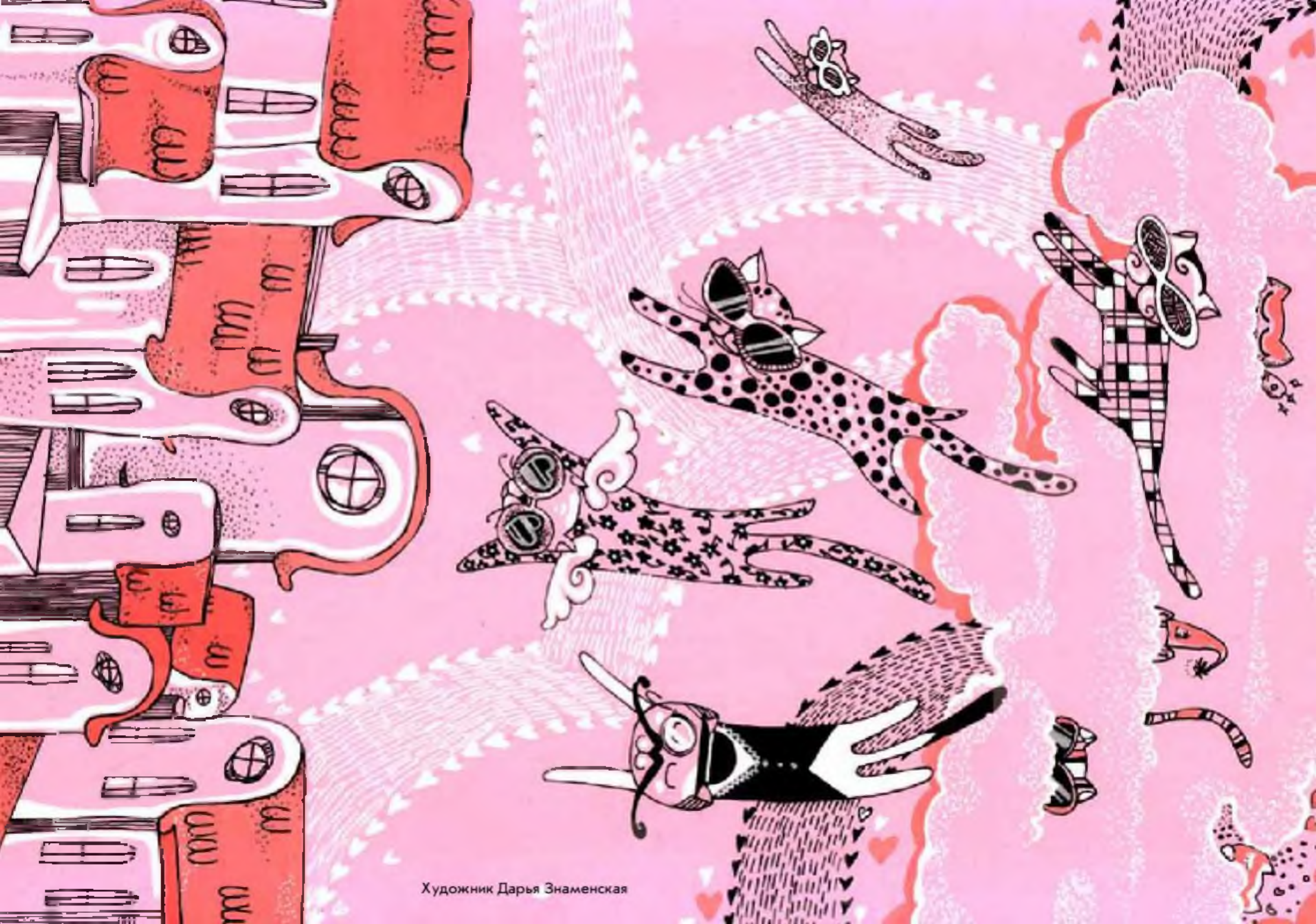
— Это кошка, — пояснила Тётя-юля-собачница чересчур любопытному доберману. — Обычная дворовая кошка. Она будет здесь жить, а вы не станете её трогать.

— Ррр-агав, — нехотя согласились все собаки города.

***

Занятые нежданным гостем тётя Юля и собаки совсем забыли про кошкин дождь. А наутро выяснилось, что дождя снова не было. Горожане ходили хмурые и злые, косились в сторону тёти-юлиного дома и шептались, что это из-за неё и её питомцев город снова обречён на беды, поэтому собаки решили не возвращаться к своим бывшим хозяевам, а остаться жить у тёти Юли навсегда.

И котёнок тоже остался. Он много спал, много ел и много шуршал наполнителем, в отличие от волшебных никогда не пользующихся лотком кошек. Но тёте Юле котёнок нравился.



Художник Дарья Знаменская

Очень. Может, из-за этого, когда в среду на площади приземлился аэроплан, и красивый, высокорослый авиатор в очках сказал, что вчера, пролетая над городом, он случайно уронил свою кошку-талисман, тётя Юля рассердилась.

— Следить надо за животными! А если бы он разбился? Какой вы непредусмотрительный! — кричала она на авиатора.

— Ну что вы! Он бы ни за что не разбился, — застеснялся авиатор и снял очки, под которыми оказались очень зелёные глаза. — У котика на спине имелся небольшой парашют, который, если что, сам раскрывается и потом сам отстёгивается.

— Ну ладно тогда, — смилостивилась тётя Юля и исподтишка залюбовалась чуть седыми висками авиатора, — Забирайте своего зверя.

— Простите, а это не вы Тётя-юля-ужасная-собачница? — Авиатор снял с рукава Юлиного пальто налипшую шерстинку.

— Да. И что в этом такого? Вас что-то не устраивает?

— Видите ли, — замялся авиатор, — дело в том, что я летел именно к вам, но случайно перепутал координаты. Удивительно и чудесно, что мой талисман сам вас нашёл. Ведь только вы можете помочь.

— Излагайте. Слушаю вас, — кивнула тётя Юля и вздрогнула, когда авиатор улыбнулся широкой и красивой улыбкой.

Через пять минут выяснилось, что авиатор проживал в соседнем населённом пункте, где раз в год со среды на четверг последней недели октября шёл волшебный собачий дождь. И все тамошние жители верили, что дождевой пёс несёт в дом счастье, покой и благополучие. Но по неизвестным причинам уже второй год никакого собачьего дождя не случалось, горожане нервничали и от этого становились несчастными и даже переселялись в другие места. Авиатора всё это страшно беспокоило, поэтому он навёл справки и прилетел к тёте Юле, чтобы...

— Так вот если бы вы смогли уговорить собак сесть в мой аэроплан и, оборудовав их специальными парашютами, изобразили бы дождь, то в моём городе всё бы наладилось. Понимаете?

— Да, кажется, понимаю, — рассмеялась Тётя-юля-собачница. — Это просто здорово! Скажите, а кошки в вашем городе имеются?

— Сколько угодно, — обрадовался авиатор. — Вы знаете, есть удивительно красивые, почти волшебные. И сейчас они

пережидают сезон дождей в моём доме. У нас в городе не слишком любят кошек... Могу я рассчитывать на то, что все они найдут дома, сливки, свежую сосиску и любовь?

— Конечно! Все до единой! — захлопала в ладоши тётя Юля. — А хотите, я напою вас чаем? Вы же, наверняка, ужасно устали с дороги?

***

Авиатору очень понравился дом тёти Юли и собаки, и коврик «вытирайте лапы» у порога, и белая салфетка на компьютерном столике. Ему ещё понравился чай с пряниками и сама тётя Юля. Поэтому авиатор предложил немедленно прокатить тётю Юлю и собак на аэроплане.

Тётя Юля сперва не догадалась, что это именно она понравилась авиатору. Она думала, он просто хочет приучить собак к полёту. Однако когда высоко в небе авиатор вдруг сказал, что никогда ещё не видел такой прекрасной и смелой девушки, тётя Юля вдруг покраснела и не нашлась что ответить.

Потом они стояли друг напротив друга, мёрзли и говорили всякую чепуху.

— А тётей Юлей меня племянники зовут. Смешно, правда? Ну какая я тётя? Мне же всего двадцать пять лет, — тётя Юля смотрела, как Авиатор теребит шлем, и не хотела, чтобы он улетал. Странно, да?

— Можно, потом, когда мы с вами разберёмся с животными и дождями, я приглашу вас в кино? — спросил Авиатор.

— Можно...

***

Только через год, когда Тётя-юля-собачница и Авиатор поженились, она наконец-то поверила, что в её дом пришло счастье. Тем более что любимая овчарка тёти Юли всё-таки подружилась с котом-талисманом, избавив тётю Юлю от лишних беспокойств.

Странная она — тётя Юля. Ведь всем известно, что счастье всегда приходит к хорошим людям. И не обязательно в ночь со вторника на среду. И не обязательно в октябре. И не обязательно в дождь. Но обязательно вдруг...

Ирина Бузько

Случай в лесу

детская сказка

Всю осень бобёр Кнейдлах, как и положено бобрам, устраивал и латал бобровую хатку. Припасал запасы, сушил петрушку и базилик, чинил аквариум. Рыбок у него пока не было, но он твёрдо рассчитывал к зиме их завести вместо телевизора. Телевизор он недолюбливал, хотя и посматривал иногда, ворча. Опять же случился отличный урожай брусники, надо было наварить варенья, залатать зимнее пальто, проветрить меховые ботики...

В общем, всё шло своим чередом, а если судить по луку, зима обещала быть тёплой — есть такая примета: если лук одет во множество одёжек, то зима будет холодной. Так вот, лук, из которого Кнейдлах сплёл гирлянды, был не очень тепло одет. Чеснока он тоже наплёл: и пригодится в жаркое, и кухню украшает.

Он даже позаботился сходить в библиотеку и набрал на зиму целую стопку книг, на случай бессонницы, в том числе, конечно, любимый «Ветер в ивах» и «Томасину» и много фантастики. Ну и, конечно, напёк много сладкого печенья. Куда ж зимой без печенья к чаю? А ведь могут и гости забрести. Чудаковатый вомбат по прозвищу Комбат, язвительная, но милая ехидна Кукарямба, да мало ли кто. И всех надо достойно угостить. Хотя зимой они забредают крайне редко, почти совсем не заходят — уж очень уединённо жил бобёр, на краю озера в самой глубине леса.

И вот, на самом пороге зимы, когда уже облетели красные клёны и выпал первый снег, мирное течение его спокойной жизни было нарушено. Как-то он вышел подышать воздухом и захватить вязанку хвороста для камина, и вдруг увидел на снегу странный след: как будто кто-то что-то волок.

— Уж не украли ли у меня чего из сарая? — озаботился бобёр. — Если б ещё вспомнить, что там ценного было...

В сарае всё было в порядке, он уже было ушёл, но... В углу за старой бочкой, где лежали запасные циновки, кто-то сопел.

— Кто тут? — спросил Кнейдлах.

В углу вздохнули. Циновки виновато пошевелились.

— Мыши, что ли... — подумал бобёр. К мышам он относился в общем хорошо, но они могли по недомыслию попортить циновки, ведь мыши, известное дело, существа довольно бестолковые. Он поворошил циновки и увидел это. Это были не мыши.

Под циновками лежало нечто. Оно было большое и сизое, в форме кучи. Гладкое, немного даже лоснящееся, на вид мягкое и с глазами по периметру. Глаза, — круглые, чёрные, но с ресницами, — смотрели виновато и изредка моргали.

— Ээээ...Добрый день. Я бобёр Кнейдлах. Это мой сарай. А вы кто? — в изумлении спросил бобёр. Он был не из пугливых, но порадовался, что тут нет Кукарямбы или соседки выдры Клепсидры. Вот визгу было бы!

Существо порозовело и собрало глаза в кучку. Глаз было много, а под ними обнаружился розовый рот бантиком, прямо как рисуют на открытках ко дню святого Валентина. «Кстати, я не запас валентинок — придётся в феврале на почту сходить», — некстати подумал бобёр.

Куча сформировала из себя нечто вроде руки и протянула её Кнейдлаху.

— Астр-Кадастр-Ферястр, — сказало оно. — Извините, я тут немного вздремнул...

— А вы кто?! — воскликнул бобёр.

— Да я тут проездом... я с планеты Шурумбурум. В общем-то, я летел на Марс, а тут у меня блюдце забарахлило, пришлось останавливаться, а у вас везде такая холодина. Вот и заснул немного.

«Ага, значит, оно мужского рода, — сообразил бобёр. — И не с Земли. Ну и дела... Пришельца мне только недоставало».

— Ничего, пожалуйста, — сказал он вежливо. — Но, может быть, вам удобнее было бы вздремнуть в доме? Там и перекусить можно.

— Весьма признателен. Честно говоря, ваши жители не всегда хорошо реагируют на мой вид... Вот я и предпочёл тихонько. А то поднимут визг. Но всё же блюдце-то чинить нужно.

— Если вы не торопитесь, блюдце можно починить и завтра. Зимой рано темнеет.

— Зимой? — ужаснулся тот. — Это у вас всё время такая зима? Не повезло мне, я тепло люблю... Ну, что ж, если вы так любезны, то я не прочь перекусить.

Куча плавно выбралась из угла и, вырастив внизу полдюжины коротеньких ножек, двинулась за бобром. В гостиной он заполнил собой кресло, разместил глаза сверху и принялся осматриваться. К этому времени пришелец порозовел.

Кнейдлах растопил камин, включил электрочайник и поставил на стол печенье, колбасу, квашеный помидор и вазочку орехов. Кто ж его знает, чего у них там едят?

— А у вас тут чертовски уютно, — сказал пришелец. — Не сравнить с моим блюдцем. Открытый огонь весьма привлекателен. Спасибо, не стоит так беспокоиться! — и он наложил в чашку шесть ложек сахару. Кнейдлах подвинул к нему ещё и варенье.

— Что же стряслось с вашим блюдцем?

— Эскудер субтит... — непонятно сказал Астр-Кадастр. — Струмпать надо. А для этого мне нужен... такой... забыл название, жёлтый, прозрачный.

— Мёд? — удивился бобёр. — У меня есть.

Он поставил на стол баночку мёда. Пришелец радостно запустил туда щупальце, но тут же огорчённо отставил банку и засунул щупальце в рот.

— Мммм! Вкусно, но это не оно. Оно — твёрдое такое. Там ещё иногда бывают мухи, жучки...

Кнейдлах по жизни редко сталкивался с янтарём, поэтому из описания ничего не понял. Кроме того, что у него этого нету. Он налил чаю и положил туда лимон. Пришелец от наслаждения закатил многочисленные глаза.

— Чудесно, чудесно... Как я вам благодарен, у меня и слов нет. Такой островок приязни... тепла... душевного покоя.

Некоторые глаза уже закрылись, пришелец зевнул, прикрывая рот щупальцем, и сконфузился.

— Я вижу, вы устали, — сказал Кнейдлах. «Где ж мне его положить, — подумал он. — В ванну, что ли?»

— Мне, право, неудобно, я бы и в сарайчике отлично вздремнул. Обычно я сплю в своём блюдце, но оно, понимаете, алюминиевое, а в такой мороз, да без эскудера... там только холодец ставить.

— Ну, зачем же в сарай! Не знаю, удобно ли вам будет в гостевой спальне? Там есть и кровать, и кресло...

Кровать восхитила Астра-Кадастра, а тёплое одеяло привело его в неописуемый восторг. Бобёр включил там обогреватель,

Художник Марина Пузыренко

и пришелец расплылся по кровати и уснул, совершенно счастливый. В общем, всё как-то устроилось.

Назавтра они снова попробовали дойти до понимания, что же нужно для починки блюдца. Но не дошли. Так и зажили в бобровой хатке. Пришелец оказался интересным собеседником, он охотно рассказывал про родной город, где дома представляли собой розовые шары, колеблющиеся на нитках, и тому подобную небывальщину о путешествиях среди звёзд. Кнейдлах верил и не верил, но больше верил, слушал с интересом. Пришелец же в свою очередь с интересом смотрел телевизор — новости для общего развития, а мультфильмы, где персонажи тоже зачастую были пластичны и текучи, привели его в состояние чистейшей радости. Из книг он полюбил фантастику и перечитал её всю, иногда хмыкая на описаниях космолётов и двигателей.

Бобёр был, в общем, даже доволен, что зимует не один — хотя он не был особо общительным, но всё ж иногда зимой было скучновато. Пришелец же был вполне сносным компаньоном: не надоедал, рассказывал интересное и даже обучился заваривать чай и мыть посуду. Иногда они выходили погулять, для чего Астр-Кадастр приспособился втекать в старый бобровый зипун. Вот только шести пар тёплых ботинок у бобра не нашлось, поэтому гуляли не часто.

Так прошла зима, и наступила весна. Кнейдлах затеял обычную весеннюю уборку: скоро могли нагрянуть гости. И точно: вскоре пришла открытка. Прийти собрались все: и Кукарямба, и Клепсидра с мужем Бисквитом, и хорёк Анатоль, и, конечно, вомбат Комбат. И вот тут он озаботился. Ну, мужчины ещё ладно, но не перепугаются ли дамы нового знакомца? Всё-таки внешность у него весьма нестандартная, одни глаза чего стоят. Как бы с перепугу крику не подняли — вдруг пришелец обидится?

Долго ходя вокруг да около, он всё-таки высказал сомнения гостю, особо упирая на эффект неожиданности. Пришелец виновато моргал вразнобой: ему и так было неудобно, а тут ещё какие-то дамы...

Наконец день весеннего визита настал. Они приготовили угощение: напекли пирогов (пришелец замирал от счастья возле духовки), наварили компота из сушёных груш, достали заветный джин и вино для грога и даже набрали в лощинах подснежников.

Явились гости — нарядные, с гостинцами. Вомбат принёс вязанку сушёной рыбы, ехидна — вышитую подушку, выдры

Клепсидра и Бисквит — новые чашки с блюдцами, а хорёк Анатоль — стопку журналов с картинками.

Пока они в прихожей сматывали с себя шарфики, снимали шапочки и переобувались в мягкие тапки, Кнейдлах долго мялся, объяснял про необычного гостя и особо упирал на его крайнюю любезность и миролюбие. Наконец знакомство состоялось. Интересно, что когда Астр-Кадастр показался обществу, он был не просто сизого цвета — на нём по сизому фону были там и сям разбросаны розовые цветочки. Выглядел он феноменально, как огромный фантастический чайник.

Некоторое время гости были, конечно, в остолбенении, но постепенно беседа наладилась. Кукарямба уплетала пирог и, шевеля острым носом, рассказывала про проделки утконосов. Выдры перечисляли успехи своих необычайно талантливых выдрят, а Анатоль расспрашивал гостя про принципы устройства его блюдца. Бобёр, довольный, что всё обошлось, разливал чай и раскладывал варенье. И тут вдруг глаза пришельца враз перестали моргать, а рот широко раскрылся. Он сформировал длинное щупальце с указательным пальцем и молча ткнул им в сторону Кукарямбы.

— А? Что? — испугалась Кукарямба. — Я измазалась, да?

— Это! — просипел Астр-Кадастр, — продолжая указывать. — Оно!

— Кто оно? — не поняли все. — Где оно? Что?

— Вот это! Жёлтое! Круглое.

Внезапно Кнейдлах всё понял. На шее Кукарямбы висел симпатичный кулончик в виде пчёлки из янтаря. Вот что надо было для починки аппарата! Жёлтое, твёрдое, иногда бывает с мухами.

Бобёр вдруг ощутил странную грусть. Вот, теперь пришелец починит своё блюдце и улетит на нём, а ему будет его не хватать. Кто бы мог подумать?

Астр-Кадастр вдруг успокоился, вобрал щупальце и закрыл рот. Он тоже как-то посерьёзнел и погрустнел, многочисленные глаза подёрнулись дымкой. Но вскоре засияли снова:

— Я хотел сказать, какое прекрасное у вас украшение! Истинная красота и искусство! — воскликнул он. — И как оно подходит к вашим глазам!

Ехидна расплылась в улыбке, и беседа пошла своим чередом. Бобёр Кнейдлах глубоко вздохнул и побежал в чулан за новой порцией солёных орешков.

Ирина Вайсерберг

Лохматриус

сказка для детей старшего возраста

— А! Заходите! Заходите, заходите. Это у нас кто пришёл?

— Это я.

— Я понимаю, что вы. Фамилия ваша как?

— Моя?

— Ну, ваша, ребёнка вашего, какая разница?

— А! Моя — Иванова. А ребёнка — Петров.

— Минуточку! Вы ему кто?

— Я ему мать.

— А фамилии почему разные тогда?

— Ну... так вышло.

— Ну, вышло так вышло. Это, в конце концов, неважно. Важно другое. У вашего ребёнка, голубушка, судя по всему, тяжёлая форма невроза. Да и депрессивного фактора отрицать нельзя.

— Да что вы? Неужели? А мне казалось...

— Ну, казаться вам могло что угодно. Повторяю — ребёнок в тяжёлом психологическом состоянии. Это подтверждают все тесты, и, главным образом, вот этот.

— А... что это?

— Это психологический тест. Называется «Нарисуй несуществующее животное». Судя по этому рисунку, а он обычно отлично выявляет психологические проблемы, у вашего ребёнка всё не в порядке. Во-первых, он назвал его Лохматриус. Разве в этом имени не очевидна тревожность вашего малыша уже с самых первых звуков?

— Но...

— Погодите, это ещё не всё. Видите, животное расположено внизу — сразу очевидно, что у вашего мальчика низкая самооценка!

Художник Елена Пурескина

— Дело в том, что...

— Сейчас я расскажу вам, в чём дело. Дело, видимо, в том, что ребёнок очень агрессивен — вы видите, какие зубы у этого зверя?

— Разве он не просто улыбается?

— Ничего себе улыбочка! Вы от такой не убежали бы сломя голову? И теперь самое главное. Как вы видите, животное нарисовано только чёрным цветом. А теперь поймите, нет, осознайте, что таково мироощущение вашего ребёнка! Я бы рекомендовала вашему мальчику работу с психологом постоянно, пока ситуация не улучшится.

— Вы думаете, это необходимо? Ведь Лохматриус правда так выглядит! Но Витя его всё равно любит!

В кабинете повисла тяжёлая пауза. Дама в белом халате пристально и тяжело смотрела в лицо молодой женщине, не говоря ни слова. Потом потянулась к стопке бланков и процедила сквозь зубы:

— Я напишу вам адрес нашего центра, в который вы должны будете обратиться. Вам необходима консультация семейного психолога. Ситуация гораздо серьёзнее, чем я предполагала...

— Вы мне не поверили? Но я давно всё знаю про Лохматриуса. Правда, мы с ним пока не встречались, но...

— Вот и хорошо, что пока не встречались. Хорошо было бы, если б вы успели к врачу до того, как вы его встретите.

***

Мама пришла домой и с порога крикнула: «Витькаааа!»

Витька выскочил. На заспанной мордахе ясно читалась радость от маминого прихода и наличие какой-то немаловажной новости.

— Мам, а ты представляешь, мам! Мы с ним сегодня вместе мою комнату убирали и построили ему новое гнездо!

— А где оно? — спросила мама не без опаски.

— Ну как где, мам? Ну где ему быть, как не в аквариуме?

— А...а...а... разве он водоплавающий? — спросила мама с ещё большей опаской.

— Ну, нет, так будет! — обнадёжил её Витька и пошёл в направлении своей комнаты.

— Вить! Подожди! — позвала его мама.

— Чего, мам?

— А какого он цвета?

— Изумрудного, разумеется! — уверенно ответил Витька.

— А чего ж ты для психолога в школе его чёрным цветом нарисовал?

— А ты откуда знаешь? — удивился Витька. — Ты в школе была? Тогда ты, может, видела, мы с парнями для него кормушку построили — там, где голубятня!

— Нет, кормушки я не видела, — ответила мама. — Так что с чёрным цветом-то?

— А-а! Да разве же это важно? — отмахнулся Витька. — Она попросила меня — нарисуй, как можешь. Ну а я цветные карандаши забыл вчера, вот и нарисовал, как мог. А так он изумрудный, и бахрома у него лохматая на брюшке, представляешь? И глаза у него золотистые, как у тритона. И много-много зубов — чтоб ими всеми улыбаться, а ещё чтоб орехи есть. А ещё, знаешь, он кожистый ведь, но при этом бархатистый и тёплый, как кошка-сфинкс. Вот хочешь, погладь?

И Витька протянул маме руки, сложенные лодочкой. Она погладила то, что было у него в ладонях, и спросила:

— Кажется, он мурлычет?

— Значит, кормить пора, — озабоченно сказал Витька и убежал прочь.

Антоний Вампирусий
Ангелина Мэй

Шаббат начинается в пятницу

сказка для детей старшего возраста

Когда я зашёл в кабинет Шефа, тот деловито рассовывал по карманам портфеля какие-то бумаги.

— Значит так, — заговорил он, перебирая пачку визиток. — Всю предварительную работу я уже провёл: свет и тьму создал; твердь земную от воды отделил; траву, деревья и прочую зелень вырастил; птиц, рыб, а также всяких там скотов, гадов и прочих тварей натворил.

Шеф похихикал сам над своим каламбуром (мне смеяться над Его словами по должности не полагается) и продолжил:

— Я завтра на дачу поеду. Далеко, чёрт, зато хоть в кои-то веки шаббат проведу по-божески: шашлычки там, винишко, травка, грибочки, — Шеф опять похихикал. — В твою задачу, родной, входит поддерживать тут порядок. Химические реакции должны происходить с учётом валентности, яблоки падать на землю, а сила действия равняться силе противодействия. Следи за показаниями приборов: Е всегда должно быть равно произведению эм на це в квадрате, квадрат гипотенузы — сумме квадратов катетов, а значения синуса и косинуса не должны зашкаливать за единицу. Да, и не забывай поддерживать температуру в пределах нормы, а то эти твари такие чувствительные...

Тварями мой Шеф любя называл несуразных созданий, коих налепил по пьяной лавочке после обмывания свежесозданной земной тверди. Подогретая алкогольными парами причудливая фантазия Творца породила на свет существ толстых и коротконогих, с маленькими головками на змееподобных шеях; неуклюжих, шипастых и рогатых; с перепончатыми крыльями и огромными зубастыми клювами.... Короче, кунсткамера набралась — всем чертям на зависть.

— Вы только не забудьте оставить ключ от террариума, — напомнил я. — А то получится как в прошлый раз.

Шеф хлопнул себя божественной дланью по лбу.

— Хорошо, что напомнил! — он вытряхнул из кармана жилетки увесистую связку ключей, отстегнул один, самый маленький, и протянул его мне.

Наконец Шеф застегнул свой необъятный портфель, помахал мне на прощанье и дематериализовался. Я облегченно выдохнул. Шеф у меня, конечно, замечательный, но перед шаббатом — лучше у него под ногами не путаться. Впрочем, пост сдал — пост принял. Следующую пару дней мне предстоит неусыпно заботиться о Божественном мироздании.

Мироздание пребывало внутри стеклянного ящика. На нижней панели террариума шёл ряд всяких тумблеров, кнопок и регуляторов с индикаторами. Сам же террариум был наполовину заполнен солёной водой. Специальные моторчики генерировали на водную гладь тихую убаюкивающую волну. Посреди этого «моря» колыхалась сонная черепаха. Шеф купил её за бесценок полгода назад у какого-то бомжа на Птичьем рынке и приспособил в качестве надёжной опоры для своего проекта. На спине черепахи мирно подрёмывали три миллислоника (понятия не имею, где он их раздобыл — этот карликовый вид давно занесён в Красную Книгу).

К счастью, и черепаха, и наша хоботастая братия — животные неприхотливые. Лопают раз в неделю, гадят раз в две, а всё остальное время знай себе дрыхнут. Лучше бы Шеф ими и ограничился. Но нет! На спины слонов Он водрузил глиняный блин. Блин щетинился макушками древовидных хвощей и кишел чешуйчатыми тварями.

Я умостил свою задницу в Божье кресло, а ноги водрузил на стол. Повертел в руках факсимиле, потыкал им в чистый лист — после ухода Шефа вместо размашистого росчерка «БОГ» оно оставляло корявый автограф со смешным словом «ЗАМБОГА».

Вволю наигравшись печатью, я решил прогуляться в соседний отдел, где властвовал Аллах. У них был чудесный кофе, отличные сладости и замечательные девочки... простите, гурии.

У Аллаха я сразу направился к стойке офис-менеджера. Сегодня дежурила Айша — гурия неописуемой красоты, недавно переведённая из Вальгаллы по причине слишком мягкого характера и врождённого панического страха перед холодным оружием. При моём появлении она мило улыбнулась и сама

предложила мне долгожданную чашечку кофе с рахат-лукумом и воздушным зефиром. Ну разве я мог отказаться?! Усевшись на расшитые подушки перед Айшей, я пафосно провозгласил:

— Зови меня просто — ЗАМБОГА!

Айша заулыбалась ещё шире и поинтересовалась, считается ли мой перевод в Отдел Вудуизма понижением или повышением в должности? Я почему-то почувствовал себя идиотом...

Мы мило беседовали о погоде, рассуждали о вкусе чая, и, конечно же, не удержались от того, чтобы почесать языки на тему ремонта в соседнем офисе. Там была вотчина Сторукого Шивы, который категорически отказался прибегать к чьей бы то ни было помощи и все работы в своём офисе производил сам. Он самолично вёл бухгалтерию, сдавал налоговую отчётность, занимался делопроизводством, готовил бизнес-ланчи и организовывал деловые переговоры. При этом Сторукий успевал красить, белить, клеить, шпатлевать, ошкуривать, выравнивать, обивать, отмывать и надраивать... Никто не знал, как у него это получается, но все Шиве завидовали: у него в отделе была нехилая экономия как зарплатного фонда, так и хозяйственных расходов.

После кофе Айша предложила мне выкурить её фирменный кальян, и наше общение приобрело совсем неформальный характер. Разумеется, я и думать забыл про террариум с отходами божественной жизнедеятельности... Простите, последствиями божественной пьянки.

Потом я немного прогулялся по соседним отделам. Заглянул к грекам, где перекинулся парой анекдотов с доцентом Цербером. Сунулся было в каморку Кетцалькоатля — но тут же отказался от этой затеи, увидев его «кухню». На плите у милого старичка стоял огромный казан, в котором варились чьи-то конечности. А у меня ж — знаете — нервы... А в лабораторию АпчхиБудьЗдравия я не попал: на их двери красовалась выцветшая табличка «Карантин».

Настроение после моциона у меня было приподнятое. Я плюхнулся в шефово кресло, закинул ноги на стол и закурил божественную сигару. В секретере я обнаружил подшивку журналов «Play God», но быстро разочаровался в хвалёном издании. На одну фотографию мисс-жертвенник приходилась пара косматых паладинов с конкурса «Мистер Грааль» да длиннющая сводка с торгов благодатью. На середине второго номера я начал было клевать носом, но тут меня осенило:

— Твари!

Я в ужасе метнулся к террариуму. Если у нас здесь минуло полдня — в неволе сменились эпохи! Несчастные твари, небось, уже все извелись с голодухи, если вообще не передохли. Спешно зачерпнув из коробки добрую пригоршню манны — сыпанул от души в террариум и, жарко дыша, приник к стеклянной стене.

Твари были в порядке...

У меня отлегло от сердца. Но тут мне в глаза бросилось нечто странное. Что-то явно было не так. Доселе зверюги бесцельно слонялись по папоротниковым зарослям, противно блеяли и рычали. Изредка бултыхались в пересекающей земную твердь неглубокой речушке. Теперь же их поведение разительно изменилось.

Животные топали строем.

Передние — длинношеие и неповоротливые — обкусывали с верхушек хвощей шишечки. За ними смешно ковыляли на задних лапках зверюги поменьше. Они собирали добычу и относили её к специально оборудованной пещере, где её принимали совсем неказистые приплюснутые и колючие твари-кладовщики. Летучие бестии парили над твердью, выискивая новые заросли. Когда в террариуме свечерело, из пещеры выполз самый большой зверь. Он вскарабкался на холм и пронзительно затрубил. Со всех концов тверди к нему потянулись усталые сородичи. Похоже, они и без меня прекрасно приспособились. Я высыпал остатки манны в коробку, отряхнул руки о штаны и принялся наблюдать за тем, как господние твари распределяют между собой собранные за день шишечки. Большой зверь ревностно следил за размерами порций. «Похоже, что он у них за предводителя», — смекнул я.

Я не смог сомкнуть глаз до утра.

За ночь твари изобрели колесо, плуг и основы демократии. Чудовища выбрали себе вождя, разочаровались в нём, убили, выбрали нового. Какой-то плюгавенький тварёнок обнаружил россыпи манны. К тому времени продукт успел заветриться, подкиснуть и уже начал покрываться плесенью, но плюгавчик всё же умудрился основать религиозный культ. И теперь он предлагал своим адептам приобщиться к запасам божественной благодати всего за пару хвощёвых шишечек.

Потом один местный гений умудрился вывести из хвощей некое подобие ёлки со множеством шишек и всего двумя-тремя сегментами колючек. Сектанты тут же вытоптали экспериментальную плантацию и предали учёного анафеме.

В рядах тварей произошёл раскол, и бунтари бежали во главе с опальным селекционером. Оставшиеся обнесли город папоротниковым частоколом и на всякий случай заняли круговую оборону.

Пока я варил кофе, ортодоксы объявили еретикам войну, набрали пленных и как следует их ассимилировали. Следующие часа два моего времени твари молились и доедали остатки манны.

Честно говоря, мне стало интересно, что станут делать питомцы, лишившись божественной подкормки. Религиозный дурман развеялся с последними крохами манной плесени. Секрет земледелия к тому времени оказался безвозвратно утерян. Начался голод, потом — падёж.

Боже, что я наделал!

Я схватил коробку с кормом. Ключи! Поставил коробку, полез за ключами. Нашёл, открыл, снова вернулся к коробке. Пока я проделывал эти несложные манипуляции, твари открыли для себя каннибализм...

После моего опрометчивого эксперимента межвидовые разногласия приняли свой законченный (и закономерный для любой цивилизации) вид. Хоть я и старался своевременно восполнять запасы божественной пищи, часть питомцев осталась верна новой диете.

Свободное от охоты время хищники посвящали развитию искусства, науки, промышленности. Добыча лишь совершенствовала ритуалы вызова манны. Мне стало скучно. Я насыпал питомцам священную гору еды и отлучился по малой нужде...

Когда я вернулся, в террариуме уже вовсю дымили заводы. Вместо летающих тварей небесную твердь бороздили причудливые геликоптеры. Сухопутные динозавры предпочитали паровые машины. Из одного конца тверди в другой протянулась ветка железной дороги. По речке, окружённый пятном мазута, скользил маленький пароходик. Земная твердь как будто усохла и осыпалась по краям. Миллислоники обливались потом, вяло обмахивали себя ушами и тянули хоботы к водам Мирового Океана. Даже черепаший взгляд был преисполнен немой укоризны.

Я схватился за голову. Снова забыл: Шеф же специально предупреждал меня по поводу температуры! Я пошарил глазами в поисках градусника. Вместо термометра на приборной панели террариума зияла здоровенная дырка с обугленными краями. Все температурные регуляторы залило расплавленным

металлом. Чёрт же тебя побери! Надо срочно открыть крышку — пусть хотя бы проветрится.

Я сунул руку в карман. Потом в другой. Я перерыл весь кабинет...

Ключа не было. И термометр кто-то спёр...

А ещё куда-то запропастилась моя свежая справка о доходах. И стелька из правого ботинка... Что за чёрт?

Я выглянул в коридор. Чёрт с обломанным рогом, наряженный в синюю тужурку, старательно драил плинтус.

— Эй ты, чёрт тебя дери! — крикнул я. — Ну-ка вернул всё на место! А то щас быстро докладную накатаю — мало не покажется!

Чёрт от испуга аж подпрыгнул. При этом он неудачно подвернул копыто и грохнулся на пол с таким шумом, что из соседних лабораторий высыпали сотрудники всех рангов.

— Я не брал! — сразу начал отбрёхиваться бес, не вникая в подробности претензий к нему.

— Я тебе, тварь нечистая, щас покажу «не брал», — рявкнул я. — Положь инвентарь на место! И — стелька-то, стелька тебе какого рожна понадобилась?

Чёрт мелко затрясся, зажмурился и запищал фальцетом:

— Люсиииииии!!!

У стены материализовалась вахтёрша Люси, по совместительству исполнявшая у нас обязанности начальника по хозяйственной части. Девка была блондиниста, фигуриста, всегда ярко накрашена (однако не без меры) и щеголяла в ультракороткой юбке и декольте. Единственный недостаток портил её эпическую красоту: в обхвате прелестница была шире дверного проёма. Но и это качество она умудрялась использовать себе на пользу: перемещаясь для экономии сил исключительно методом телепортации, Люси являлась пред очи сотрудников в столь соблазнительных позах, что поклонников у неё было — легион.

Вахтёрша мгновенно оценила обстановку: ссориться с сотрудником Божественной лаборатории, хоть и мэнээсом, было рискованно.

— Подь сюды, скотина! — почти нежно промурлыкала она, прислоняясь к стене.

Чёрт прижал уши и на цыпочках (вы себе представляете чёрта, крадущегося на цыпочках?!) поплёлся к начальнице. Рогатый выглядел таким несчастным, что мне даже стало его жаль. Но только на миг. Я тут же вспомнил про стельку, про справку, про ключ, наконец! И снова нахмурился.

Художник Светлана Солдатова

Люси молча ждала, прислонясь к стене. Мне подумалось, что в отношении Люси глагол «прислониться» особенно точно выражает суть действия, и я неприлично хихикнул. В этот же момент из моей лаборатории раздался грохот. Из-под двери потянуло гарью и жареным мясом. Премерзкий запах, скажу я вам...

Я ворвался в кабинет, едва не впечатавшись нимбом в дверной косяк. Из террариума медленно поднимался к потолку огромный дымный столб, смахивающий по форме не то на гниющий гриб, не то на распускающийся цветок словоблудника декларативного.

Возникшая у меня за спиной Люси не растерялась и, схватив многострадального чёрта за ухо, швырнула его со всей дури в стену — аккурат в кнопку нейтрализации. Чёрт распластался по резной панели, ойкнул и медленно сполз на пол. Ему повезло больше нас: попасть под действие нейтрализатора — всё равно что под асфальтовым катком проползти...

Я оглядел кабинет. Чисто. Свежо. Пахнет радугой. О моём раздолбайстве напоминает только закоптившийся террариум с покорёженной крышкой и изувеченной приборной панелью. Починить-то его не трудно, да только Шеф всё равно узнает: свидетелей-то полна лаборатория. Я беспомощно оглянулся.

Хотя...

Допустим, Люси не заложит: у неё с Шефом свои счёты. Когда-то она пыталась Его соблазнить, но настолько безуспешно, что от переживаний даже пыталась заняться фитнесом. С тех пор она Его люто ненавидит и не преминет сделать хоть что-то поперёк. Но моему Шефу её мелкие интриги по барабану — он занят наукой... Ну, и красавчиками из «Play God», судя по всему.

А мелкий бес — ещё слишком мелкий. Для того чтобы меня заложить, он должен дорасти как минимум до старшего лаборанта. Сейчас-то его даже слушать никто не станет.

От сердца отлегло...

Осталось решить, что делать с террариумом.

— Шиве отдать твою посудину. Он починит. Всё равно у него половина рук без дела болтается. — Люси, наш идеальный завхоз, была на высоте. Я благодарно чмокнул её в щёку.

Я извлёк из террариума замороженные остатки Мироздания. Пока работали нейтрализаторы, да пока я раздумывал, как чинить лабораторное оборудование, температура в террариуме упала чуть ниже абсолютного нуля. Мировой океан превратился в аккуратный ледяной куб, из которого торчал задранный

кверху черепаший хвост. Древовидные хвощи и папоротники со звоном рассыпались в снежную пыль при первом же прикосновении. В итоге, хотел я того или нет, но пришлось одалживать примус у Кетцалькоатля.

Я растопил черепаху. Когда размораживал слоников — прижёг одному из них (кажется, правому) хобот. Затем разогрел на огне саму Землю.

Когда лёд оттаял, стало очевидно, что даже те твари, которые уцелели вследствие взрыва, передохли от холода. Если об этом прознает Шеф — не видать мне квартальной премии. Да, и годовой, скорее всего, тоже.

Я подкинул на ладони земной блин.

Что это? Из тверди торчала обугленная головка ключа. Моего ключа от террариума!

Похоже, что твари умудрились стибрить его у меня из кармана, даже не открывая крышки! Кстати, а вот и термометр! Но ни следа справки или хотя бы стельки мне обнаружить так и не удалось...

При помощи Люсиной пилочки для ногтей мы освободили ключ из глиняного кома. После него остался глубокий тоннель. Я расковырял отверстие пошире и вытряхнул на пол груду перегоревшей аппаратуры. Я сам не особо силён в компьютерной технике, но бес раньше работал системным администратором в одной фирме. Он-то и объяснил мне смысл находки. Не поверите — эти твари изобрели адронный коллайдер!

Слив остатки воды в ведро, я отдал террариум Люси. Пышнотелая завхоз тут же уволокла инвентарь в лабораторию Сторукого.

Я побродил из угла в угол, попытался стравить миллислоников (они драться отказались), а потом от нечего делать отщипнул кусочек тверди.

Глина уже оттаяла. Я размял комок в пальцах. Как там дальше Шеф креативил?

Да уж... Скульптор из меня никудышный... Получилось что-то неказистое: лысое, розовое, короткошеее. Похоже, что я ещё и с размером ошибся. Ладно, сойдёт и так. Я дыхнул на фигурку, как нас учили на лабораторных по креационизму. Существо запищало и попыталось укусить меня в щупальце...

Покуда я развлекался лепкой, вернулась вахтёрша, волоча починенный Шивой террариум. Сторукий потрудился на славу — ни малейшего следа катастрофы. Я не стал терять времени и тут же начал загружать мироздание обратно.

Животные, разумеется, разбежались. Впрочем, слоники перед бегством обильно поели, так что найти их по горячему следу не составило особого труда. Настоящие сложности возникли лишь с черепахой. Чешуйчатая дрянь забилась под шкаф, где и застряла. Я перепробовал всё: заклятия левитации, проклятие матери-производительницы и даже обычный веник. Рептилия лишь шипела в ответ да лязгала клювом.

Помощь пришла с неожиданной стороны — ко мне заглянула Айша.

— Ты там намаз совершаешь, что ли? — поинтересовалась она у моего зада. От неожиданности я приложился затылком к поддону злосчастного шкафа. Черепаха ехидно хрюкнула в темноте.

— Ты сделал правильный выбор, но у тебя явно спешат часы. Да и с направлением не угадал. Директор-паша на выходные на Р'Льех улетел за новыми ктулхами. А Р'Льех у нас в другой стороне.

Я осторожно выполз из-под мебели и обернулся к гурии.

— Айшенька, видишь ли, тут такая ситуёвина обрисовалась... — я кивнул в сторону закопчённого террариума. — Пока Шеф не вернулся, нужно заново создать мир. А я эту сволочь не могу выманить.

— Я думаю, я знаю, что ей нужно, — усмехнулась девушка. Она сбегала в свой офис и вскоре вернулась с большой тарелкой шербета. Мы поставили тарелку посреди комнаты. Я и не знал, что черепахи могут носиться с такой скоростью...

Вдвоём с Айшей мы протёрли стекло террариума, загрузили в него черепаху, слонов и остатки земного блина. Я хотел было попросить очаровательную конкурентшу ненадолго отвернуться, но передумал. В конце концов, она тоже приложила руку к созданию этого мира, и отшивать девушку на данном этапе было как минимум невежливо. Да и поздно уже.

Я укрепил небо и землю, создал заново траву и зверушек. В спешном порядке расцветил небо звёздами, после чего создал гадов и птиц. Кажется, я немного перепутал очередность. Ну да ладно...

Когда Мир был восстановлен, я запихнул туда самодельных уродцев. Авось пронесёт, и Шеф не заметит подмены. Какая разница — лысые, чешуйчатые...

Я протянул из туалета шланг и включил воду. Пока наполнялся террариум, я в шутку поинтересовался у Айши, не проходят ли на курсах гурий рецепт черепахового супа. Оказалось,

что суп не проходят. Зато существует множество других, не менее замечательных блюд из черепахи. Взять хотя бы шашлык...

Мы так увлеклись, что не сразу заметили новую катастрофу. Шланг оказался дырявым, и струйка воды всё это время лилась прямо на свежесозданные леса и равнины. Недаром говорят, что дурная голова ногам покоя не дает. Теперь пришлось сушить промокшее Мироздание Айшиным феном. В суматохе мы не заметили, как мелкий бес, подобравшись к террариуму, запустил туда одного из коллекционных ктулху Аллаха...

Когда мы закончили — уже смеркалось. Айша пригласила меня к себе на чай с шербетом, которые, как обычно, закончились фирменным кальяном. Вернулся я поздно ночью, насыпал тварям тысячелетнюю порцию манны и завалился спать.

Кто ж знал, что созданные мной твари окажутся на порядок прожорливее предыдущих?

Шеф вошёл в кабинет преувеличенно бодрым шагом, что означало однозначно удавшийся шаббат. Швырнул портфель на стол и сразу же направился к террариуму.

— Измельчали.... — вздохнул Бог, разглядывая существ на глиняном блине. — Полысели... Ну ничего так, живенькие, бегают... — и вдруг радостно начал тыкать пальцем куда-то в дальний угол — ой, какую штуку построили, ты погляди!

Я глянул через плечо Шефа: в том месте, куда указывал его палец, под землей был прокопан туннель, и в нём уютненько шуршал...

— Коллайдер... — прошептал я. И заорал на весь коридор. — ЛЮЮЮЮЮЮСИИИИ!!!

Наталья Войцык

Дорожная сказка

сказка для детей дорядного возраста

Ну-ка, угомонились там! Хватит вам, на всех одеял хватит, тряпок много у вашей матери! Всем достанется, не замёрзнете! Тихо усаживайтесь, если хотите слушать. Улеглись? Ай, молодцы, хорошие дети!

Что тогда рассказать таким хорошим детям? Чего не бывало, что бывало или что будет ещё давным-давно, так что нам не увидать? Чтобы всё сразу... И чтобы красавцы были, и страшно, да не страшно, а кончится всё веселой свадьбой? Хитрые какие! Хитрые у меня дети, ай, молодцы ещё раз... Ну, слушайте, вспомнил я одну историю, такую, чтобы всем вам понравилась...

Было это, или не было, а если было, то так давно, что вам и неинтересно, когда... Осенью это было, ранней осенью, самая славная пора — праздничная. Вот в эту самую пору загуляли на ярмарке два брата, два молодых красавца. Кудри чёрные, рубахи красные, сердца горячие — огонь, а не парни! Ой, загуляли, а зря, надо было в полдень на коней садиться да домой подаваться — нет, задержались в кабаке чуть не до полуночи. Поторговали утром славно, решили торг обмыть, вот домылись — вечер пришёл. Молодое вино, оно как молодые девчонки — чем годов меньше, тем задорней, с виду слабенькое, и не заметил, как с ног свалило... Что шумишь, женщина? Что такое «пьяница старый»?! Когда я напивался — сама помнишь? Не ворчи, мать, дети сказку слушают. Что значит «вино ему»? Сказка из слов сделана, слова не выбросишь...

Вот, сбила! Братья были, два парня, красивые, только молодые да глупые. Сидели бы до утра, — и денег хватало, и не гнал никто из корчмы! Не гнали, оставляли, просили песни петь, на гитаре играть. Нет, нельзя было: ждали их дома, на свадьбу

ждали, старший брат — у жениха первый друг, никак нельзя пропустить! Навсегда людей обидишь, плохо это. А что перебрали — так никто силой не наливал, сами с головой, сами и решили: поедем, за ночь доберёмся. Дурни молодые, да.

Дурни, да молодые, да кровь горячая. Из корчмы в обнимку вышли, на коней верхом упали да поскакали. Ой, стыд так ездить, лучше бы чучела соломенные лошадям на спину положили. Хорошо, не видал никто — никто ночью в степи на них не смотрел. Иначе бы долго рассказы ходили про двух дураков, это да... Ну, всё же выпито немало: взял своё хмель, дождался. Задремали парни в сёдлах, укачало их. Кони ровно идут, да тепло ещё было, вечер летний почти, безветренный. Сверчки в траве скрипят, всё свои песни допеть торопятся, до зимы недалеко — они и поют, успевают. Всё складывается, усыпила ребят дорога. Только беда за бедой — коней-то своих обменяли красавцы наши, лучше себе нашли. В голову им не стукнуло — славные кони, добрые кони, одно плохо: не знают новые лошадки дорогу! Не были они там никогда, не придут обратно сами, и хозяев своих глупых не привезут. Показать бы им дорогу, а некому...

Проснулись братья — стоят лошади посреди степи. Ковыль от края до края, ветер ночной холодный по ковылю бежит, шевелит да перебирает. Небо чистое, луна в нём висит. Полнолуние было тогда. Красная лунища, огромная, свет от неё красный — стоят кони в багровом море, кровавые волны катятся по степи... Сверчки замолкли, тишина стоит, только дыхание слышно, а больше в мире нет ничего. Ни звёзд, ни облаков, только луна на небе, как крови капля, набухла — близко-близко висит, вот-вот падать начнёт...

Да, жутко стало братьям. Спросонья такое увидеть, да не протрезвели ещё, чего там. Однако постояли, поморгали — а что такого, луна и луна. Бывает такая луна летом в степи, и осенью бывает, если тепло. Ковыли и ковыли. Серебристый он, ковыль, вот и вышло, как в зеркале — чего пугались? Что дороги нет, вот это хуже всего!

Почему не легли прямо тут, утром бы точно нашли, куда ехать? Раз заблудились, надо было утра дождаться! Правильно, я бы сейчас так сделал, и ты бы сделал — умные мы с тобой, сынок! Волков не было, да, рановато волкам, ещё в стаи не сбились, можно спокойно спать. Лошади бы посторожили, да. Так это мы с тобой умные, про нас не рассказывают — мы с тобой просто так поживём. А эти сказочные братья были дурни храбрые, они

постояли, подумали: в чём разница? Что сейчас ночевать, что дальше ехать — одно и то же...

Всё-таки решили подождать: если нашлись двое среди ночи неизвестно где — может и третий-четвёртый найдётся? Спросим дорогу, вдруг да повезёт? Надо дома быть утром, сильно надо... Если уж совсем никак, тогда тут останемся. С коней слезли, сели, стали ждать. Дремать начали. Тишина только мешала — тревожно было очень, в тишине.

Недолго сидели, не успели заснуть. Слышат: трава по-другому зашелестела. Опять глаза продрали — возок по ковылю плывёт. В чем душа держится, древний возок, а тихо плывёт, колёса не скрипнут. Лошадёхи возок тянут, низенькие, лохматые — страх смотреть! Никто таких лошадок и в мыслях не тронет, не позарится. Дед на возке, вожжи держит — такой же лохматый, седая борода до бровей, а от бровей сивые кудри верёвочкой подхвачены, чтобы было чем смотреть. И вроде бы далеко ещё до возка, но что-то расхотелось братьям с этим дедом встречаться. Переглянулись парни: не спрятаться ли куда? А куда тут прятаться — степь...

Стоят братья, ждут. Тут вдруг женщина подходит. Откуда взялась, непонятно. Только что не было — вот уже рядом. Женщина как женщина, из тех людей, у которых везде дом, да нигде дома нету — как мы, да. Юбка цветастая дорогу подметает, светлую рубаху луна багровым красит, шаль на плечах, прохладно всё же по ночи гулять. Монисто на шее, как положено, но цехинов на нём немного, медяшки больше, тусклые. Ни серёг не видать, ни колец, ни браслетов, — кнут пастуший в руке, тяжёлый, это всё. Подходит к парням, а те растерялись, удивились сильно.

Старший брат, видать, вина больше хлебнул, потому за него хмель больше думал: начал с ней говорить, как с девками в корчме: куда, мол, такая красивая в такую темень, не хочешь ли с нами? Вздохнула женщина, ничего не ответила. Младший тогда с ней заговорил: «Здравствуйте, уважаемая, хорошо ли дела идут?» Женщина ему отвечает: «Мои-то хорошо дела, а вот ваши — плохо. Заблудились, мальчики? Вижу, что потерялись, домой хотите, а не можете...».

Младший брат обрадовался. «Вот, не можем, — говорит, — не знаем, в какую сторону идти. Показали бы, уважаемая?» Женщина ему: «Я-то покажу, только далеко вы ушли. Вон туда вам», — и кнутовищем себе за спину ткнула. Глянули парни, а там такая же ночь, как по всей округе, степь и степь.

Художник Ирина Бабушкина

Как дорогу запомнить?.. Младший брат говорит, а сам внутри себя волнуется. «Может, проводите нас?» — спрашивает.

Тут женщина на него первый раз долгим взглядом посмотрела. Красивая женщина, не такая, как картины рисуют, а — такая: на неё раз взглянешь и никогда не забудешь. Только странно: луна здоровенная, стоит низко, а у этой женщины в глазах — нет луны. Не отражается ничего, чёрная глубина — и всё. Как колодец, глубина: нырнёшь — и плеска не слыхать... Вот поглядела женщина. «Провожу, — говорит, — почему не проводить? Короткой дорогой пойдём. Только не надо вам на неё смотреть, завяжите глаза лошадям, и себе тоже чем-нибудь глаза завяжите.

Старший брат загорячился, задираться начал: «Не было ещё ни разу, чтобы женщина мной, мужчиной, командовала! Не буду слушать, так пойду! Что она мне покажет такого, что меня испугает? Не бывает этого, ничего не боюсь!» Младший с детства мать слушался, знал, что женщина может не только глупости говорить, молча рукава оторвал от рубахи. Одним рукавом коню глаза закрыл, другим себе начал завязывать. Женщина опять вздохнула, говорит старшему: «Ты-то смелый, а коня пожалей. Конь тебя умнее, терпеть не будет. Убежит — не найдёшь. Пожалей коня, дурень, а сам — как хочешь, твоё дело. Уговаривать не стану».

Вот завязали, опять женщина говорит: «Держитесь за возок да крепче уздечки возьмите, чтобы кони, если что, не вырвались. И сами не отпускайте руки». И кнут разматывать начала.

Пошли понемногу. А где шли, младший не видал, не подглядывал. Только трудно было: как по реке против течения шли. Недолго вроде, а устали — будто бежали три дня и всё своё добро на себе тащили... Тихо было, шагов не слыхать, и копыта не стучали. Дышали тяжело и братья, и лошади — вот все звуки. Кнут ещё щёлкал громко, как из ружья стреляли. За ноги хватало что-то один раз, твёрдое, будто пальцы костяные — щёлкнул кнут, и отпустило. Но скоро остановились: пришли, значит. Младший брат тряпку с глаз сдёрнул: вроде бы ничего не изменилось, всё равно в степи возок стоит.

Однако изменилось. И дымом пахнет, и слышно, как вода разговаривает, река близко. И в сердце чувство — родные рядом, семья. Значит, правда пришли. Повернул младший брат голову, чудо увидел: старший-то, гордый такой, на колени перед женщиной упал, землю целует: «Прости, — говорит, — меня, дурака, в жизни не забуду, что видел!» Она его кнутовищем за

плечо подцепила, поднимает: «Забудешь, милый, утром всё и забудешь. Только солнце увидишь, забудешь...» — «Нет, не забуду!» — говорит старший брат, и в голосе у него слёзы слышны. Тут бы младший удивился, если бы силы остались: никогда ещё такого не видел. А женщина к нему идёт.

Подошла, спрашивает: «А ты, золотой, тоже не забудешь? Чего ещё попросишь, вежливый такой? Проводила вас, как ты хотел, домой теперь сами доберётесь: недалеко вышли».

Младший брат осмелел, видит, она не злится, и говорит: «Был бы я старше, попросил бы поцеловать такую красавицу — навек бы в памяти остался этот поцелуй! А так, хоть и наглый я, да молодой ещё. Руку вашу в благодарность поцелую, если разрешите!»

Сказал и испугался: вот обидится сейчас?! А женщина засмеялась. Лицо у ней смеётся, а глаза как были, так и остались — чёрные, тёмные... Живые и неживые сразу глаза. И прекрасные, не оторваться от них.

Смеётся женщина, говорит: «Ещё бы ты меня поцеловал — и правда бы, не забыл никогда. И не оставил. А руку — руку можно, руку не страшно...».

Кнут за пояс заткнула, протянула руку. Маленькая рука, твёрдая, пахнет как сад весной: сиренью, яблоневым цветом... Младший брат так и остался стоять, а женщина деду помахала, возок тронулся и уехал. Исчез, как не был, хотя и скрываться вроде негде: степь... ни камней, ни деревьев...

А дальше — как подкосило парней: упали они, где стояли, и уснули. Мёртвым сном, как камни спят. Глаза открыли — солнце встало. Река в десяти шагах, а за рекой дымки видать, костры зажигают, день начинается. Приехали. Через реку переплыть — и дома.

Пришли братья на реку, умыться спросонья. Посмотрел старший в воду, посмотрел младший на старшего — чёрные были кудри вечером, ни одного белого волоса. Белые стали после ночи, ни одного чёрного волоса, седая голова. Открыл рот младший брат, но старший на него закричал страшно: «Молчи, не хочу знать!»

Вернулись парни домой, встретила их суматоха: дети бегают, женщины в котлах мешают, праздничный стол готовят, девушки венки плетут — невесту наряжать, мужчины коня выбирают — жениху к невесте ехать. Успели братья к свадьбе, минута в минуту. Выпил старший брат на пиру одну чарку, самую горькую, чтобы у молодых была жизнь сладкая, и больше не пил,

как ни уговаривали. Взрослый стал, будто двадцать лет для него за ночь прошли. Сидел мужчина на пиру — думал, вспоминал что-то. А назавтра простился со всеми, на четыре стороны поклонился и ушёл. Никто его больше не видел, и слухи не ходили, сгинул где-то.

Младший брат жил, как жилось: женился, народил детишек кучу... Спите, что ли? Все уснули. А я думаю: что-то так тихо? А они носами посвистывают... Дети, дети... Набегались за день. Ну, спите.

Слышишь, мать, дети-то спят! Длинная сказка, прямо как жизнь, да... Что, жена, не сократить ли нам дорогу? Что-то разбередил я память, не засну сейчас. И не были там давно, проверить бы надо. Может, бродит кто, помощи ждёт... Ты тоже подумала? Вот я молодец: самую лучшую девушку нашёл, за себя замуж уговорил! Прокатимся, держи кнут. Дети? Дети завтра обрадуются: как раз в город к утру успеем! На ярмарку, а? Будут им карусели и пряники, и тебе новый платок с красными маками... Н-но-о, коняги, двинулись!..

Наталья Половаңова

Сюра

сцена для детей шарлатанского возраста

В тот декабрьский вечер я собиралась встретиться с друзьями в кафешке торгового центра. Собиралась и думала: «Алёнке я подарю брелок с белкой, Мишане — ручку и блокнот, Сане... А что же подарить Сане?»

От размышлений меня отвлёк мобильник. «Валенки, валенки, — запел он басом, — ох, да не подшиты, стареньки». Номер в телефонной книге не значился. «А ну тебя, — решила я, — отстань, мне некогда, потом, потом, я и так опаздываю!» Телефон умолк и тут же снова запел про изношенную обувку.

— Да, — раздраженно сказала я настырному незнакомому абоненту.

— Привет, — ответил абонент женским голосом. — Надюх, ты свободна?

— Нет. Привет, — буркнула я, узнав голос: это была Ольга Ножкина.

— Ты мне очень нужна, — заныла Ножкина. — Ну, очень. Очень-очень-очень. Смертельный случай.

У Ножкиной все случаи были смертельными.

— Ты откуда мой телефон знаешь?

— Мишаня дал.

Мысленно послав Мишане несколько нежных слов, характеризующих его поступок как недостаточно продуманный, я поняла, что отделаться от Ножкиной будет довольно затруднительно. Дешевле выслушать и по возможности быстро удовлетворить её просьбу.

— Ну, — сказала я.

— Понимаешь, мы уезжаем.

— Счастливого пути.

— Ты не поняла. Мы далеко уезжаем.

— Пишите письма.

— Надюх, ты чего? Мы уезжаем за границу. В Испанию. Навсегда.

Я помолчала.

— Алё, ты где?

— Здесь. А я-то вам зачем?

— Кроме тебя, некому помочь. Ты ведь одна живёшь.

— Ну, — я не совсем поняла связь между моим одиноким существованием и отъездом Ножкиных.

— Приезжай. Очень срочно. Такси я за тобой выслала.

Не понимаю, как я на это повелась. Но повелась ведь! Сунув в карман брелок и ручку с блокнотом, натянув куртку, шапку и сапоги, я выскочила из квартиры.

Квартира Ножкиных была завалена тюками и коробками.

— Только быстро, я опаздываю, — с порога предупредила я.

— Ага, — радостно сказала Ольга и потащила меня через тюки к дивану.

— Понимаешь, мы уезжаем, а вот её некуда деть, — Ножкина ткнула пальцем на диван: на диване сидела кошка.

Ножкина что-то щебетала про то, как её сестру Таньку пригласили работать в Испанию, и как она там здорово устроилась, и вот теперь забирает их с мамой к себе. А я разглядывала кошку: белая с чёрными пятнами шерсть, почти как у далматинцев. Глаза, один зелёный, другой голубой, спокойно глядели на меня, как бы оценивая: подойду ли я в качестве новой хозяйки?

— Я не могу, — наконец сказала я, с трудом отводя взгляд от этих огромных глаз.

— Ну, ты что? — заныла Ножкина. — Мы же не можем её одну бросить. Пропадёт ведь.

— А с собой забрать?

— Ой, это такие сложности! У нас совсем нет времени. Да и билеты уже куплены. Ну, пожалуйста! Она вообще-то смирная, воспитанная. Посмотри, какая лапочка.

— К туалету приучена?

Кошка фыркнула.

— Конечно! Я же говорю — воспитанная. Ну, скажи, ведь красивая, правда? Тебе ведь нравится?

Мне нравилась. Вот только у меня никогда раньше не было кошек, и я совершенно не представляла, как с ними управляться.

— Мебель не дерёт?

Кошка опять фыркнула.

— Не дерёт, не дерёт. Поставь ей когтеточку, объясни, что вот тут когти надо драть — и все дела.

Телефон заиграл увертюру к «Шерлоку Холмсу». Звонила Алёнка.

— Олька. Мне ведь некогда. Ну, давай, что ли, я попробую её забрать, только завтра. А то у меня встреча.

— Как — завтра? Завтра нас уже не будет! Нет, нет, забирай прямо сейчас!

— Но меня ждут!

— Возьми её с собой, она не помешает. Видишь ведь, какая смирная.

— Да куда я её дену, ты соображаешь? Как я вообще её понесу? На улице мороз! За пазуху мне её засунуть, что ли?

— Это я сейчас! — сказала Ножкина и вытащила из-под тюков тёплый конверт поросячьего цвета; в такие младенцев заворачивают. — Упакуем — донесёшь в целости и сохранности.

Кошка отвернулась и принялась разглядывать что-то невидимое мне в надвигающемся сумраке за окном.

— Как её звать-то?

— Сюра.

Вот так я очутилась на зимней улице, на автобусной остановке с розовым кульком в руках. Ехать мне надо было не так чтобы далеко, но пешком идти холодно. Мороз крепчал, и я пританцовывала, чтобы не замерзнуть. Рядом притормозил «Жигулёнок».

— Эй, мамаша, куда подвезти?

— Какая я тебе мамаша, — огрызнулась я.

— Раз с младенцем на руках, значит, мамаша. У тебя кто? Девочка?

— Кошка, — буркнула я, откинула край кулька и показала водителю кошачью морду.

— Оригинально, — пробормотал водила, добавил несколько отнюдь не оригинальных слов, хлопнул дверцей и укатил.

— Чего оригинального? Сам такой! — прокричала я вслед удаляющейся машине. — Кошка, она и есть кошка!

Кстати, а что эта Сюра ест? В смысле, каков её рацион? Ножкина мне не сказала, а я, дубина, забыла спросить. Одной рукой удерживая кулёк с Сюрой, я извлекла из кармана телефон и вызвала номер, с которого мне звонила Ножкина.

— Абонент недоступен, — сказал приятный женский голос.

— Ну, ёлы-палы, — пробормотала я и потопала обратно к Ножкиным.

В дверь я колотила минуты две. Наконец из соседней квартиры высунулась бабуля и сердито заявила:

— А ну прекрати ломать дверь! Они больше здесь не живут.

— Знаю, — ответила я, не прекращая стучать.

— Не живут, говорю. Слышишь, нет? Уехали вчера. Насовсем, слава те госссподи.

— Как вчера?!

— Как-как! Погрузили вещички и уехали.

— Не может быть, — пробормотала я, оставляя дверь в покое. — Я была у них десять минут назад.

— Ага, — кивнула бабуля, — Новый год не начался, а они уже напиваются до беспамятства: не помнят, где сегодня, где вчера. Иди уж домой, младенца-то заморозишь совсем.

— Это не младенец, — сказала я.

У бабули округлились глаза.

— Извините, — я старалась говорить как можно вежливее, — а у них, у Ножкиных, кошка была. Вы не знаете, чем её кормили?

— Кошка?! — взвизгнула бабуля. — Не знаю никакой кошки! Не видела и видеть не хочу! А ну, иди отсюда!

Я послушно потопала на остановку.

Так. Будем рассуждать логически. Ну, хорошо, может быть, бабушка видела, что вчера грузили какие-то вещи, и решила, что хозяева тоже уехали. Но почему же дверь не открывают? Или... Или Ножкина поняла, что это я, испугалась, что верну кошку, и поэтому не открыла. А телефон? Чего ж так быстро телефон отключила? Нет, конечно, может быть, села батарейка. Но всё равно. Странно это всё.

И тут я остановилась, как вкопанная. Странно было совсем не это. Как же я раньше-то не дотумкала? Ну, конечно! Обычно, когда хозяева расстаются с любимым животным, они что? Правильно. Плачут, причитают: ах, ты наша любименькая, бедненькая, да на кого ж мы тебя

оставляем, ты уж без нас не скучай! И прочую белиберду городят. Ножкина же упаковала мне кошку практически мгновенно, без всяких причитаний и стенаний. Вроде бы и не её эта кошка была. Тогда зачем столько хлопот: меня вызванивать, такси за мной посылать? Выгнала бы животину в подъезд, и все дела. Там бы, глядишь, подобрали. Нет, ничего не понимаю.

Автобуса я так и не дождалась. Пришлось идти пешком. Не очень далеко, но замёрзла я здорово. Иногда я приподнимала угол конверта и поглядывала на Сюру: как она там, жива ещё? Кошка поглядывала на меня, приоткрыв один глаз, голубой, и тут же его закрывала.

Наши всё ещё сидели в кафешке.

— Наконец-то явилась, — сказала Алёнка. — А мы уж тебе обзвонились. А это у тебя что?

— Только не говорите, что младенец, — взмолилась я. Быстренько рассказав, что произошло, я развернула конверт.

— Ух ты, какая лапочка! — завопила Алёнка. — А с кошкой отсюда не попрут?

— Будет сидеть тихо — не попрут, — сказал Мишаня, — а будет сидеть громко — её проблемы.

— Это теперь и мои проблемы, — вздохнула я. — Ой, у меня же для вас подарки. Алёнка, Мишаня, с наступающим вас! Сань, а тебе я не успела...

— Да ничего, ты сама как подарок, — успокоил меня Саня. — А кошку-то как зовут?

— Сюра, — сказала я.

— Дурацкое имечко, — сказал Мишаня. — Только Ножкина могла такое выдумать.

— Слышь, Мишань. А ты зачем Ножкиной мой номер дал?

— Мать, да ты чего? — непритворно удивился Мишаня. — Не давал я ей твой номер. Я её почитай с выпускного не видел и не слышал.

Гм. Наверное, я ошиблась. Или нет, ошиблась Ножкина, и номер ей дал кто-нибудь другой.

— Чёрт, — сказала я, похлопав себя по карманам, — народ, извините, я, кажется, с этой Сюрой деньги забыла.

— Сиди, — сказал Саня, — сейчас всё будет.

Он ушёл заказывать для меня кофе с пирожным, а я машинально гладила Сюру, лежащую на стуле в распотрошённом конверте.

— Ух ты, мурлычет! — опять завопила Алёнка. — Даже отсюда слышно.

— А я так и не узнала, что она ест, — сказала я.

— Вискас, что же ещё, — сказал Мишаня. — Вот только в кафе вискас не подают. А почему её так странно назвали — Сюра? Имя какое-то не кошачье. Мне оно напоминает...

Я так и не узнала, что же это имя напоминает Мишане.

Никогда не предполагала, что у кошек такой длинный язык. Она сработала им почти мгновенно — Санино пирожное мелькнуло в воздухе, как метеор, и скрылось во рту у Сюры.

— Ни фига себе, — прошептала Алёнка.

— А ещё? — спросил Саня, пододвигая к кошке пирожное Мишани.

Кошку уговаривать не пришлось. Второе пирожное последовало за первым.

— Я пойду за добавкой, — сказала Алёнка.

— Если она очень голодная, боюсь, у нас не хватит наличности, — заметил Мишаня.

— Жмот, — отреагировала Алёнка. — Смотри, какое чудное создание, а ты — жмот.

— Ну вот, сразу жмот, — сказал Мишаня. — Но я-то ладно. А вот как Надюха прокормит это чудище, если оно будет жрать одни пирожные...

— Да уж как-нибудь прокормлю, чего ж теперь.

Я опять погладила Сюру. Она уже не мурлыкала, а смотрела мне прямо в глаза — молча, выжидающе.

— Что? — спросила я, будто она могла мне ответить.

Ноги кошки, то есть лапы, стали стремительно удлиняться и утончаться. Я глядела на эту метаморфозу спокойно, как будто заранее знала, что так и будет. Хотя не знала, конечно. Алёнка завопила. А конечности всё удлинялись и удлинялись — пока не достигли примерно полутора метров. Теперь они представляли собой тонкие конусы, такие, как у слона на картине Дали, всегда забываю, как она называется: про сон что-то.

— Вот это Сюра так Сюра, — прошептал Саня.

Сюра встала на эти свои тоненькие ножки и потянулась за Алёнкиным пирожным.

— Брысь, — завопила Алёнка, — а ну иди отсюда со своей Сюрой!

— Пошли, — сказала я кошке и взяла со стула розовый кулёк.

Мы вышли из кафе и побрели к выходу из торгового центра. Народ пялился на нас, дети показывали пальцами, но особо никто не шокировался, видимо, думали, что это какая-нибудь рекламная акция к предстоящему Новому году.

— На улице холодно, между прочим. Не представляю, как я тебя такую потащу. И денег на проезд у меня нет...

Кошка изящно переступала своими конусами рядом со мной. Потом потёрлась о моё плечо.

— На юг бы сейчас. В жаркие страны. На море. Представляешь — у нас холодно, а у них там тепло. Эх, да разве ты представляешь?

Я посмотрела кошке в глаза. Почему-то подумала, что она всё понимает. И не только своим кошачьим умишком, но и глазами — и голубым, и зелёным. И даже каждым пятнышком на пёстрой далматинской шкуре.

Сюра обмотала мою шею передними лапами-конусами, которые оказались довольно гибкими и к тому же мягкими, как тёплый шерстяной шарф. Глаза её были прямо напротив моих, и я видела рисунок на их радужке — тонкие линии, расходящиеся по радиусу, и чёрный, узкий, глубокий зрачок посередине...

Шум торгового центра сменился другим, и я не сразу поняла, что это — шум прибоя. Запах солёных брызг смешивался с запахом кошачьей шерсти, и когда Сюра выпустила меня из своих объятий, я увидела, что мы с ней находимся на берегу моря. Чудесного тёплого моря с кричащими чайками и золотым песком.

— Сюра, ты волшебница! — закричала я восторженно.

— Есть немного, — согласилась кошка, втягивая лапы.

— Ничего себе. Ты разговариваешь?!

— Только с тобой.

— Ничего себе!

— Давай купаться, — предложила Сюра.

— У меня нет купальника, — смутилась я.

— Неважно, — фыркнула Сюра, — здесь никто не увидит.

Я огляделась. Действительно, берег был пустынен. Вверх уходила тропинка, но и на ней никого не было. Мы плескались, наверное, час. Или два, я не знаю, времени я не ощущала. У Сюры вместо передних лап выросли плавники, ими она брызгала на меня, я брызгала на неё, хохотала, валялась на песке, строила замки и «пекла» куличики. В общем, резвилась вовсю.

Потом захотелось есть. Взмах кошачьего языка — и передо мной оказались те самые пирожные из кафешки.

— Для тебя приберегла, — сказала Сюра.

— А ты сама как же?

— Мучное не ем, — важно сказала Сюра. — Пойду рыбку половлю. Ты можешь прогуляться, только недалеко.

— О'кей, — с набитым ртом проговорила я.

Художник Александра Поданева

Та самая тропинка, что уходила вверх по склону, привела меня к полуразрушенному четырёхэтажному зданию. Я узнала его, хотя с той поры, как мы с мамой здесь отдыхали, прошло много лет. Отчего же всё так пришло в запустение? Сорняки пробивались сквозь трещины в асфальте, битые стекла валялись под пустыми чёрными окнами, кое-где не было даже рам. А ведь раньше здесь было шумно, людно и весело. Дом отдыха когда-то жил полнокровной жизнью, принимая в каждый заезд по несколько сотен отдыхающих. Вон плакат: толстый уродливый гимнаст поднимает штангу и провозглашает: «Отдыхай — здоровье укрепляй!» Раньше вид его веселил меня до икоты. Теперь же — вызвал приступ жалости и грусти.

— Пойдём домой, — сказала я Сюре, спустившись на берег.

— Мрр? — спросила кошка, дожёвывая рыбёшку.

— Ну, пойдём... поедем... перенесёмся обратно. Домой.

— Тебе понравилось у моря? — спросила Сюра уже дома, когда мы обе устроились на диване.

— Очень. Спасибо тебе. Ты всегда так можешь? Раз — и на море?

— Не всегда. Иногда — получается.

Ох, хитрюга! Ну, ладно.

— Слушай, я вот что спросить хочу. Ты у Ножкиных раньше жила... Не скучаешь по ним?

— Скучаю? — Сюра задумалась.

— Кошки обычно скучают по своим хозяевам.

— Так то кошки...

— А ты разве не кошка?

— Кошка. Конечно, кошка.

— Тогда скучаешь?

— Если тебе так хочется — да.

— Мне не хочется. Я спрашиваю о твоих чувствах.

— Зачем? Тебя что-то не устраивает?

— Всё устраивает. Но у меня такое ощущение, что ты не очень-то скучаешь...

Сюра издала странный звук — что-то похожее на передёргивание затвора: клац. Я поняла, что тема закрыта.

— А они действительно за границу уехали?

— Кто?

— Ну, Ножкины. Бывшие хозяева.

— А, да, уехали.

— Понимаешь. Мне бабушка соседская сказала... Будто они вчера уехали. Но ведь так не бывает. Я ведь у них была сегодня!

— Мрр. Люди придают значение таким мелочам... Да. Была.

— Значит, бабушка ошиблась? И они ещё не уехали?

Снова — клац. Всё. Разговор окончен. Сюра закрыла глаза. Кажется, уснула.

Так и осталась у меня эта странная кошка. Чаще всего она вела себя так, как и подобает кошачьим: драла мебель, гонялась за бантиком, мурлыкала, когда я чесала её за ушком. Но иногда выкидывала совершенно невероятные номера. Например, перед маминым визитом покрасила когти моим красным лаком. Мама чуть в обморок не грохнулась: подумала, что они в крови.

— Зачем ты это сделала?

— Красиво, — ответила Сюра. — Ты же красишь, и никто не думает, что это кровь.

— Но кошки не красят когти!

— Так то кошки.

— А ты, ты — кошка?

— Кошка.

— Тогда зачем?

Клац. Разговор окончен.

Или вот ещё. Возвращаюсь я домой, а кошки нет. То есть не выбегает меня встречать, как обычно. Сюра, зову, ты где? Захожу в спальню, а там, перед моей кроватью — коврик, беленький такой мохнатый коврик, с чёрными пятнами. Я бросила сумки с едой на пол — что-то раскатилось, что-то разбилось. Потом я подняла коврик, прижала его к груди и, баюкая, стала ходить по комнатам, плохо соображая, зачем я это делаю. Внезапно она ожила в моих руках, замурлыкала и потёрлась о плечо.

— Я хотела сделать приятное. Ты приходишь с мороза, ноги замерзли, а тут — тёплый коврик. Слегка задремала, извини.

— У тебя совесть есть? — спросила я примерно через час.

— У кошек...

— ...нет совести. Святого тоже ничего нет. Теперь я буду это знать.

— Неправда. У кошек есть кое-что святое.

— И что же это?

Клац.

Новый год я собиралась встречать в обществе Мишани. Наготовила салатов: оливье, крабовый, «мужские грёзы». Сюра вертелась вокруг и не понимала, зачем я так суечусь.

— Ты столько съешь?

— Не я, а мы.

— Я не ем салат.

— Не о тебе речь. Ко мне придёт гость.

— Гость? Кто это?

— Тебе какая разница? Он ко мне придёт, а не к тебе.

— Разве я здесь никто?

— Кто, кто.

— Почему бы меня не поставить в известность?

— Ставлю. Ко мне придёт гость.

— А если он мне не понравится?

— Достаточно того, что он нравится мне.

— Ты так считаешь?

Кажется, она обиделась. Но мне было некогда обращать внимание на причуды этой странной кошки.

— Привет! С наступающим!

Мишаня пришёл с тортом и бутылкой шампанского. Потопал на коврике, чмокнул меня в щёчку.

— А где твоя киса? У меня для неё сюрприз!

Мишаня извлёк из пакета упаковку «Хилса» и игрушечную мышь.

— Сюра! — позвала я.

Кошка медленно вышла в прихожую.

— Гляди, что у меня есть!

Мишаня потряс мышкой перед носом Сюры. Цап! Четыре красные борозды на Мишаниной руке появились мгновенно, и тут же на пол капнуло несколько капель крови.

— Ах ты, гадина! — заревел Мишаня и попытался пнуть кошку ботинком. Сюра увернулась и исчезла в комнате.

— Зачем ты так? — спросила я. — Она хотела схватить мышку. И нечаянно промахнулась.

— Она это сделала нарочно! — Мишаня вытащил платок и зажал пораненную руку.

— Ты зря так думаешь. Дай я обработаю рану.

— Обойдусь. В общем, так: или я, или она!

— Послушай, но ведь это всего лишь кошка...

— Вот именно. А я — человек.

— Не могу же я её выгнать.

— Ты хочешь, чтобы ушёл я? Прекрасно. Счастливого Нового года вам с этим чудовищем.

Хлопнула дверь.

Я сидела на кухне, давилась слезами и оливье, когда ко мне на колени, как ни в чём не бывало, прыгнула Сюра.

— Брысь, — сказала я.

— Ушёл? Это к лучшему.

— К какому такому лучшему? Из-за тебя я поссорилась с другом, а ты — к лучшему? Да что ты вообще...

— Ты ему не нужна.

Я не ответила.

— Он гуляет с твоей подругой, как её... С Алёнкой.

— Ты врешь! Откуда ты знаешь?

— Сейчас он поехал к ней. Он всё равно бы уехал. Нашёл бы, к чему придраться, чтобы испортить отношения. Да не расстраивайся ты так, хочешь, махнём на море?

На море? О чём это она? Что такое море, что такое махнём?

Мир, наверное, рухнул, потому что стало темно. Когда я снова открыла глаза, то увидела перед собой две радужки: голубую и зелёную, которые постепенно слились в одну зелёно-голубую, и чёрный зрачок посередине...

Саня тоже был один — один в огромной квартире. Родители его уехали встречать Новый год в Египет. Он сидел на диване и смотрел выключенный телевизор.

— Привет, — сказал он. — Ты как здесь?

— Скучно стало, вот решила к тебе заглянуть. К тому же, если ты помнишь, я ведь так и не сделала тебе подарок. Как считаешь, наш визит за подарок сойдёт?

— Очень хороший подарок, новогодний, а главное — волшебный! Лучшего и желать нельзя, — Саня оживился. — А как ты вошла? Неужели я не запер дверь? Ух, ты со своей сюрреалистичной кошкой! Слушай, какие же вы молодцы, что пришли! А я вот один, скучаю... У меня и угостить-то вас нечем...

— Пошли, — решительно сказала я. — У нас салатов полная кухня.

— А твоя кошка всё такая же? Выкидывает, наверное, свои сюрреалистические штуки в стиле Дали. Да?

— Бывает.

— Хотел бы я, чтобы у меня была такая же кошка.

— Так забирай. Сюра, пойдёшь к Сане жить?

Кошка лежала на диване, свернувшись в клубок, и делала вид, что спит. Только уши её слегка подрагивали: значит, прислушивалась к разговору. Да кончик хвоста шевелился, что говорило о крайнем неодобрении моего предложения. Успокойся, Сюра, никому я тебя не отдам. Сюра фыркнула, не открывая глаз: мол, я и сама знаю.

В двенадцать часов я загадала желание. Но я его никому-никому не скажу, а то не сбудется! Подозреваю, что моя кошка его знает, но ведь Сюра — не совсем обычная кошка.

— Ты спрашивала, есть ли у кошек что-нибудь святое, помнишь?

— Помню.

— Это святое — приходить на помощь хозяевам, когда им плохо.

— А бывают кошки, которые не приходят на помощь?

— Бывают. Только это не совсем кошки.

— А ты? Ты — кошка?

— Я? Кошка. Да, кошка. Но ты знаешь...

— Что?

— Иногда кошкам приходится самим находить себе хозяев. Ведь бывают такие люди, которые не совсем хозяева.

— Как Ножкины?

Клац.

Художник Алевтина Хабибова

Дождь-Боб

сказка для детей старшего возраста

В те далёкие времена нашей юности мы собирались у Юрки, в его холостяцкой двухкомнатной хрущёвке. Встречи происходили по пятницам, когда хотелось расслабиться после рабочей недели. Ну, и расслаблялись. Можно было позволить себе чуть больше одного стакана пива или вина, ведь впереди было два выходных, и все, как правило, успевали просохнуть.

Кстати, о «просохнуть». Именно Юрка рассказал мне про Дождь-Боба. В одну из пятниц мы стояли с ним возле окна на его шестиметровой кухне. Он — с индивидуальным гранёным стаканом, помеченным на дне кусочком изоленты: «Чтоб не спёрли и не мыли, изверги». Я — с кружкой. Впрочем, содержимое и кружки, и стакана было одинаковым — портвейн «три семёрки». Сперва показалось, что зашумело в голове, но прислушавшись, я поняла — это шумит дождь.

— Ужас, — сказала я, — когда он теперь кончится-то? Я ведь без зонта.

— Когда Дождь-Боб нагуляется, тогда и кончится, — сказал Юрка.

— Кто?

— Дождь-Боб. Ты про него не слышала, что ли?

— Нет.

— Ну, слушай.

Рассказывал Юрка урывками, потому что народ ходил туда-сюда, то покурить, то за открывашкой, то в надежде найти что-нибудь съедобное в Юркином пустом холодильнике. Поэтому излагаю, как запомнила, не претендуя на полноту и достоверность событий.

...Когда Юрке было лет шесть или семь, в той самой квартире, что стала нашим штабом, жил Юркин дедушка, Анатолий Кузьмич. Это был милый, интеллигентный старичок в очках, пропахший валерьянкой и крепким табаком. Я его успела застать и даже пообщалась пару раз. Жил он один, но иногда ему подкидывали внука: деду — якобы для увеселения, внуку — вроде бы для воспитания. Но родители, наверное, ужаснулись бы, узнай, чем Кузьмич кормил Юрку: в основном килькой в томате, супом из пакетиков, ставридой с варёной картошкой да жареной ливерной колбасой. Впрочем, иногда он баловал внука и покупал ему слоёные трубочки, начинённые масляным кремом. Вот и в тот майский дождливый вечер, когда ливерка закончилась, а кильку совершенно, ну просто до отвращения не хотелось, Кузьмич отправился за лакомством для внука. Дождик шёл изрядный, поливал он уже третьи сутки, и пришлось брать с собой зонт.

...Собаку он подобрал на обратном пути. Вернее, она сама подобралась — пристроилась за Кузьмичом и трусила себе потихонечку, будто привязанная. Кузьмич заметил это и остановился. Собака тоже остановилась. Он протянул руку, чтобы погладить. Псинка подняла лапу в ответном приветствии.

— Эх, бедолага, — сказал, — мокнешь тут под дождём. Голодная, поди. А накормить некому.

— Боб, — бухнула в ответ собака, будто согласилась с вышесказанным. Голос у неё оказался низкий, солидный и совершенно не сочетался с достаточно скромной дворняжьей внешностью.

— Пойдём, угощу хоть килькой, — сказал Кузьмич.

Юркиному восторгу не было предела. Он обнимал собаку, и — о чудо! — её мокрая шерсть совершенно не пахла псиной, как бывает в подобных случаях с другими псами. Собака же стояла спокойно, давая себя обнимать, тискать и использовать в качестве ездовой. Она также не противилась вытиранию лап и вычёсыванию из шерсти репьёв. Деликатно поела немного кильки и быстро выпила воду, налитую в синюю эмалированную миску. Вопросительно посмотрела на Кузьмича. Сделала быстрое движение языком и прищёлкнула.

— Ещё воды? — догадался тот.

— Боб, — подтвердила собака.

— Его зовут Боб! — воскликнул Юрка.

— Бобик, наверное, — сказал Кузьмич.

— Ррр, — сказал пёс.

— Нет, деда, — перевёл с собачьего Юрка. — Не Бобик, а Боб. Какой же он Бобик?

В тот вечер никто не догадался связать приход Боба в квартиру с резким прекращением дождя. Но потом эта связь, конечно же, обнаружилась. Стоило Кузьмичу утром выйти с Бобом во двор, как обязательно брызгал дождик. При вечернем променаде повторялась та же ерунда. Первая капля падала, как только подъездная дверь выпускала Боба на волю, а последняя слетала аккурат псу на хвост при его возвращении в дом. Юрка с дедом экспериментировали довольно долго, и ни разу закономерность не нарушилась. Дождь при этом мог быть абсолютно любой. Если, скажем, Юрка выходил побегать с друзьями и брал с собой пса, то капал едва заметный слепой дождичек. Если же Кузьмич с Бобом шли гулять в парк, то обязательно брали зонтик — дождь мог обернуться ливнем и даже с грозой.

Дед старался выходить на утреннюю прогулку пораньше да вернуться побыстрее, дабы соседи не ворчали: «Ну вот, опять потекло», даже не подозревая, что виновник прохудившегося неба живёт буквально в двух шагах. Юрка же, напротив, навострился бегать по лужам долго и с удовольствием, благо Боб организовывал для мальчишки дожди тёплые да необильные.

Дождь-Бобом назвал его Юрка. Пёс не возражал. Вообще возражал он редко, был псом бесконфликтным, весёлым, но в то же время ненавязчивым. Как вы понимаете, дождь, который всегда идёт следом за тобой, рано или поздно надоест. И Боб, чувствуя это, иногда отпускал хозяев погулять одних. Иначе ведь и с Юркой мальчишки играть не будут — они могут догадаться о секрете Дождь-Боба. А однажды Боб сам себя чуть не выдал.

С другими собаками он, как правило, не конфликтовал. Просто уходил в сторону, если какая-то соплеменница начинала заявлять свои права на территорию. Однако в соседнем дворе жил противный бультерьер, наглый и агрессивный. Хозяева обычно держали его на поводке, но однажды он сорвался и искал, кого бы достать. А тут Юрка с Бобом погулять вышли. Бультерьер побежал прямо на Юрку. Тот обомлел, от страха шага сделать не может, стоит как вкопанный. Боб же спокойно встал на пути у бультерьера, загородил собой Юрку и тихонько зарычал. Но бультерьеру-то что? Это ж агрессор прирождённый. Подбежал и вцепился своими стальными челюстями Бобу прямо в лапу. И тут такое случилось... Боб не просто зарычал. Он ЗАРЫЧАЛ. Такого рыка Юрка не слышал никогда. И вдруг тучи набежали,

за одно мгновение — чёрные-чёрные. Ливень просто стеной полил. Гром ка-а-ак шарахнет! А потом молния! И прямо под хвост этому бультерьеру — жах! Тот аж задымился. Отпустил Боба, заскулил и домой унёсся.

А Боб упал. Прямо где стоял, там и упал.

Юрка очнулся, к Бобу кинулся, на руки его и домой. Бежит и ревёт, гром заглушает. Лапа, конечно, оказалась прокушена, но ничего, зажила, как на собаке. Кузьмич её промыл, зелёнкой полил, перебинтовал. Боб даже не пикнул, только глаза закрыл, челюсти сжал и хвостом шевелил: ничего, мол, хозяин, не больно мне. А вот Юрка простудился. Свалился с высоченной температурой. Боб тогда возле него целую неделю сидел, лоб языком вылизывал. На улице жара стояла тогда, и ни капли с неба не упало. Самое печальное, что картину вылизывания лба собачьим языком застали Юркины родители.

— Они меня домой забрали, — прихлёбывая «три семёрки», сказал Юрка. — Деду, конечно, досталось. И Бобу тоже. Но я от родителей иногда всё-таки сбегал. Гулял с Бобом или просто играл с ним у деда, здесь то есть. А когда бывал дома, то радовался дождику. Значит, думаю, дедушка с Бобом гулять пошли. Один раз замечаю — дождик целый день идёт, и ещё всю ночь, и наутро не прекращается. Я бегом к деду, звоню — нет никого. Я к соседке, та говорит — дедушку в больницу отвезли. Где собачка? — Она не знает. Я тогда долго-долго по городу бегал, Боба искал. И знаешь, дождик в это время шёл тёплый-тёплый, весёлый такой, ласковый, будто Боб его специально для меня запустил. Как будто снова облизывал меня тёплым своим языком. А потом на небе была огромная радуга! Никогда такую больше не видел. И всё. Лето кончилось. Я пошёл в школу, дожди зарядили, зачастили без просвета...

Юрка замолчал. Я спросила:

— А ты когда-нибудь потом встречался с Бобом?

Он помотал головой:

— Никогда. Правда, было такое, что видел где-нибудь в кустах очень похожую мохнатую собачью голову, бросался, и всегда мимо: либо не Боб, либо вообще никого. Наверное, его невозможно встретить по собственному желанию. Только если он сам захочет. Я ведь о чём больше всего жалею? Что у меня ни одной фотографии с ним нет! Конечно, я его помню и так, но столько лет прошло... Облик его стал размываться... Впрочем, он ведь запросто мог поменять внешность...

Я подумала, что Юрке хватит, и отобрала стакан.

Художник Наталья Лизяева

Дождик на улице капал совсем чуть-чуть. Я добежала до своего подъезда и пропустила вперёд соседку тётю Валю. Следом за ней зашла небольшая собачка. На вид — помесь двортерьера со спаниелем. И уже закрывая за собой дверь, я поняла — дождь мгновенно прекратился.

— Тёть Валь, — сказала я, — это ваша собака?

— Теперь моя, — отозвалась соседка. — Вчера шла за мной всю дорогу. Так вроде собачка неплохая, тихая, всё мне веселей будет. Пусть живёт.

— А... как её зовут?

— А никак. Ещё не назвала.

— Тогда назовите её...

Я наклонилась к собаке. Та посмотрела на меня снизу вверх очень серьёзно и низким голосом бухнула:

— Боб.

Яков Польдин

Будни

сцена для детей шарлатанского возраста

Всё-таки вторую секунду после пробуждения я люблю больше первой. Потому что соображать начинаю именно со второй секунды. И почему-то в этот думообразующий миг всегда появляется одна и та же глубочайшая мысль: «Поспать бы ещё немного». Впрочем, мысль мыслью, но вставать нужно. Хотя бы из чувства противоречия.

Представляя, как на нескорой ещё пенсии буду спать до одиннадцати утра в удобном гамаке на каком-нибудь тёплом острове, я потянулся и живенько соскочил на пол. Два наклона в стороны достаточно для зарядки? Наверное, достаточно. Всё же я не удержался и добавил к наклонам один поклон — к нижней полке холодильника, за ветчиной. Потом ещё вверх потянулся — за банкой кофе. Теперь точно достаточно.

Процедура одевания отработана так же блестяще, как и зарядка. Джинсы, клетчатая рубаха, кожаная жилетка, высокие кожаные сапоги и широкополая шляпа с загнутыми полями. Кто и когда впервые покусился на ковбойскую моду, не знал никто, но одежда эта давно стала профессиональной формой архитекторов.

Автоматически протерев рукавом и так сверкающий значок на груди, я вышел на улицу, дохнувшую в лицо остаточной утренней свежестью. В небе ни облачка. Хорошим будет день.

— Доброе утро, Город, — тихонько произнёс я.

— Доброе утро, Макс, — слегка насмешливо откликнулся Город. — Что-то ты не очень спешишь на работу.

— Так я уже на работе. Что у нас новенького?

— Много чего. Я, в отличие от некоторых юных архитекторов, не трачу драгоценное время на сон.

— Ух, ты! С каких это пор время для тебя стало драгоценным?

— Оно всегда таким было. Просто...

...Я не очень внимательно прислушивался к болтовне Города, соскучившегося за ночь по общению, решая, каким способом добраться до Управления. Собственно говоря, почему бы и не на такси? И быстрее, и новости узнать можно.

— Ладно, Город, — не очень вежливо прервал я разговорившегося старика, — доберусь до офиса, продолжим.

— Хорошо, Макс, как скажешь. Могу и вообще молчать. — В голосе Города явно послышалась обида.

— Не обижайся. Ты же знаешь, что я тебя люблю.

— Ладно, езжай давай. — Кажется, лесть, хоть и в виде чистой правды, сработала. — Вот и такси едет.

Каким образом Город умудряется узнавать мои мысли — непонятно. Сам он только глупо хихикает, если спросишь. Я махнул рукой, не глядя, и обернулся к остановившейся машине. Это пятно краски на передней двери мне знакомо.

— Привет, архитектор! — Голос у Давида явно оперный. Бас. Да и внешность подходящая. Ему бы на сцене царя Иоанна петь, а не баранку в дряхлом авто крутить.

— Привет! Добросишь до Управления?

— Без проблем. Прыгай.

Я ехал на работу, автоматически внимательно присматриваясь к провожающим меня домам, пытаясь заметить неприятности. В том, что они есть, я был уверен. Неприятности стали одолевать архитекторов много десятков лет назад. Редкий день обходился без них. И сегодня — не тот день, как подсказывало мне тренированное чутьё.

— Слышал? — отвлёк меня от раздумий бас Давида. — Город снова учудил, новенький бизнес-центр снёс.

— Где?

— Здесь, рядышком.

Да, сегодня точно не тот день.

— Давай туда, — вздохнув, бросил я водителю.

Гора разномастной мебели вперемешку с битой офисной техникой высилась над тем местом, где ещё вчера стоял красавец-дом из стекла и бетона. Сконфуженные сотрудники неожиданно рухнувших на землю фирм ошарашено перешёптывались друг с другом, робко поглядывая на красных, словно разгневанные помидоры, начальников.

— Город, — тихо позвал я, не дожидаясь, пока люди заметят меня.

— Ну? — тут же откликнулся он.

— Что это ещё за безобразие?

— Ты о чём?

— О том, что вижу. Ты зачем бизнес-центр снёс?

— Согласно техническому заданию, — возмутился Город, однако с лёгким, почти незаметным, сомнением в голосе. — Снести здание номер восемнадцать на Кленовой улице. Здесь парк будет, между прочим.

— Не будет здесь парка, — тоном усталого учителя ответил я, — это не Кленовая улица. Это Липовая улица. Ты снова перепутал.

— Да? А почему клёны растут?

— Где ты видишь клёны?

— Везде.

— Это липы. И улица Липовая поэтому.

— Точно?

— Да.

— Ты уверен?

— Уверен. Абсолютно.

— Знаешь, честно говоря, мне и самому эти клёны странными показались. Но вот ведь — так и не смог вспомнить, как они должны выглядеть... Может быть, это всё-таки клёны?

— Нет, Город, это липы. Ты снова не то сделал, что нужно.

— Ой... И что теперь?

— Не знаю. Сейчас доберусь до Управления, будем решать.

Не замеченный пострадавшими, я быстро прыгнул в машину.

— Проблема? — поинтересовался Давид.

— А ты как думаешь? — огрызнулся я.

— Говорят, что Город мстит людям. За то, что те его поганят.

— Чепуха! Ты же знаешь, что он просто болен. Обычный склероз, в его возрасте вполне простительный.

— Тебе виднее, — легко согласился водитель. — Ты ведь у нас архитектор всё-таки.

В голосе Давида послышалось понятное сожаление. Как обычно, когда речь заходит об избранности моей профессии. Но ведь мы, архитекторы, не виноваты в этом. Нас Город выбирает. Сам. По каким-то понятным ему одному признакам. Когда мы спрашиваем, почему именно мы, он всегда отвечает одинаково: «Потому что так правильно». Вот и всё, понимай, как хочешь. Только люди всё равно нам завидуют. Они считают, что слышать Город — большое счастье. Возможно, в других городах так и есть, но не в нашем случае. Общаться, а тем паче — работать — с каменным склеротиком — то ещё удовольствие. Каждый день — как в разведке в тылу врага. Знаешь, что засада, но не знаешь, под каким кустом.

Впрочем, Город я люблю. Безумно люблю. Всем сердцем, всем своим существом. Так же, как и остальные архитекторы — все восемнадцать человек в двухмиллионном мегаполисе.

— Стоп! — прервал я ворчание Давида, ещё не совсем понимая, что зацепил глаз. Машина свернула к обочине и остановилась. Я всмотрелся внимательнее и рассмеялся.

— Что такое? — Давид ещё не увидел несуразицы.

— Посмотри на казармы.

Через пару секунд рядом со мной оглушительно грохотал мощный хохот. Ещё бы! Строгие казённые прямоугольники войсковой части украшали легкомысленные стеклянные башенки с фонариками наверху.

— Вот радость-то у военных будет! — сквозь хохот пророкотал бас Давида. За что ж Город их так невзлюбил-то, не знаешь? То проходную в лабиринт превратит, то вот — башенки эти.

— Да нет. Он таким способом извиниться пытается. Помнишь, года три назад у Города острый приступ склероза был? Когда он последнюю войну вспомнил? Он же тогда не только все дома перекрасил в мышиный цвет да окна до уровня образцово-показательных бойниц сузил, он ещё и казармы под землю загнал. Бомбоубежища, мол. А потом долго не мог вспомнить, какими и где они должны быть в мирное время. Побегали тогда военные за нами.

— Знаешь, я иногда спрашиваю себя, — прекращая смеяться, задумчиво произнёс Давид, — почему люди не уезжают из Города? Сложно ведь так жить, постоянно ожидая подвоха.

Честно говоря, я тоже частенько задумывался об этом. Каждый из нас, проснувшись, рискует обнаружить себя в другой квартире; выйдя на улицу — не найти знакомой булочной, не узнать стоящий рядом дом.

— Не знаю. Наверное, потому что его склероз незлобный, смешной чаще всего. Да и не все ведь города живые, есть такие, которые изначально мёртвыми строились, как и один район у нас, а в неживом городе не каждый жить сможет.

— Это ты о Старом районе? Разве он мёртвый?

— Конечно. Город его не чувствует вовсе. Да и домами то, что там стоит, назвать сложно. Хотя я думаю, что люди не уезжают отсюда по другой причине. Потому что они любят старика — ведь он у нас всё-таки настоящий красавец — и готовы простить ему всё.

— Ну, не скажи. Я сегодня ночью одного типа подвозил в центр — неприятного такого, с бегающими глазками. Так он всю дорогу болтал, как его достал и сам Город, и его жители. Мол, Город развращает людей, делает из них бездельников, разучившихся о собственном жилье позаботиться. Упёртый донельзя.

— Всякое бывает, всегда найдётся недовольный довольством других, — пожал плечами я. — Ладно, поехали дальше, я уже совсем опоздал.

***

День бежал, как обычный будний день. В темпе лошади, намазанной скипидаром в одном месте и, к тому же, привязанной к летящей ракете. Нас, архитекторов, всё-таки слишком мало для такого объёма работы. Ночью Город, похоже, чувствовал себя совсем неважно. Сообщения о новых чудачествах больного сыпались, как из новенького рога изобилия.

Ближе к вечеру я попал на Красные холмы, на которых ещё совсем недавно скучно жила небольшая деревушка. Сейчас Город вплотную подошёл к ней, готовясь поглотить полностью. Жителей уже переселили в городские квартиры, а их убогие избёнки необходимо было снести. И снос нужно было обсудить с Городом.

Художник Игорь Савин

— Почему я вообще должен сносить эти дома? Они скоро сами рухнут.

— Так надо. Скоро — это по твоим понятиям, а люди столько ждать не могут.

— Может, подождут всё-таки?

— Нет.

— Точно?

— Да.

— Ну, тогда по старинке можно, динамитом. Красиво будет. Как фейерверк.

— Ты что! Взрывать нельзя! Запрещено. Так уже давно никто не делает.

— А почему тогда в центре решили динамитом сносить? — помолчав немного, неожиданно спросил Город.

Я напрягся. Где-то внутри меня дзинькнул набат, сердце, заметавшись, пропустило удар.

— Когда? Кто это тебе сказал такое?

— Сам видел. Сегодня ночью один человек заложил взрывчатку под стену торгового центра.

— Какой человек?

— Не знаю. Ты же в курсе, что люди для меня на одно лицо.

Я стоял дурным столбом и пытался понять: был ли, в самом деле, человек с динамитом? И, если был, то прошедшей ночью или лет сто назад?

— Город, сосредоточься, пожалуйста, — сглотнув, попросил я. — Это в самом деле нынешней ночью было?

— Разумеется! — Возмутился Город. — Я ещё подумал: почему бизнес-центр на Кленовой должен сносить я, а это здание просто взрывают. Обиделся, между прочим. Зря обиделся, что ли?

На всякий случай я достал коммуникатор и связался с Управлением. Никакие взрывные работы в ближайшем обозримом будущем не планировались. И всё тот же вопрос, прозвучавший много раз подряд от разных лиц, от нашего координатора до шефа полиции: «Он ничего не напутал?» Откуда я знаю? Может, и напутал. Но лучше бы проверить.

— Город, — позвал я после новых правильных вопросов полицейских, — в каком торговом центре это было?

— Недалеко от мэрии, — почему-то смущённо откликнулся Город.

Начиная подозревать неладное, я спросил:

— Ты не помнишь, в каком?

— Угу... не помню. Но рядом с площадью. Кажется, площадь Конституции она называется.

Час от часу не легче! Площади Конституции в нашем Городе нет. Может быть, и была когда-то, но теперь точно нет. Я знаю, я — архитектор. И тут я вспомнил разговор с таксистом.

— Давид? — Благо наш координатор не стал задавать лишних вопросов, быстро выяснил номер телефона и связал с нужным водителем. — Ты где точно высадил того пассажира, неприятного?

— Который плохо о Городе отзывался?

— Ну да.

— В центре.

— Это я знаю. Точнее!

— На Синей улице. У площади Радуги. Там ещё огромный торговый центр новый недавно появился.

Фу-у... Сошлось! Я быстро набрал номер полиции и сообщил о своих догадках. Теперь остаётся только ждать.

— Не успеют, — вдруг отозвался Город. — До взрыва меньше четырёх минут осталось.

— Откуда ты знаешь?

— Там к взрывчатке будильник приделан. Старый, ручной работы. Я его чувствую.

Приплыли! Кажется, Город сказал правду. Неприятный ком появился в горле и стремительно стал расти. Как же неприятно ощущать своё полное бессилие хоть как-то повлиять на ситуацию, изменить её; остановить ход будильника, подкрадывающегося к катастрофе. Тик-так, тик-так... Так, торговый центр... тысячи людей...

— Я правильно понял, Макс, — прозвучал в моей голове задумчивый голос, — снос торгового центра — личная инициатива этого человека?

— Да, так и есть. Личная сволочная инициатива.

— Тогда, может быть, стоит убрать оттуда взрывчатку?

— Этим как раз и занимаются. Только ведь не успеют — ты сам сказал.

— Они — нет, а я успею.

— Как?! — невольно заорал я. — Ты ведь только стройматериалы перемещать можешь!

— Ну, во-первых, взрывчатка тоже стройматериалы, — раньше была, по крайней мере, — рассудительно сказал Город, — во-вторых, я могу обрушить небольшой кусок стены, обхватить пакет кирпичами и всё вместе вышвырнуть подальше. Есть ещё такой любопытный способ...

— Достаточно! — нетерпеливо выкрикнул я. — Любым способом, но сделай это побыстрее. Пожалуйста!

— ...Сделано, — спокойно произнёс Город некоторое время спустя. И почти сразу, где-то далеко, у леса, послышался грохот мощного взрыва. — Вот, никто не пострадал. А дыру в стене я уже заделал. Правда, пришлось забрать материалы из другого места. Но ты ведь меня прикроешь? Да, Макс, прикроешь?

Почему-то после последнего вопроса со мной случилась лёгкая непродолжительная истерика.

— Конечно, прикрою, не волнуйся, — пообещал я, отдышавшись и утирая рукавом выжатые смехом слёзы.

Я ещё несколько часов сидел на Красных холмах, беседуя с Городом о всякой ерунде и рассматривая с высоты простирающиеся передо мной кварталы, парки с фонтанами; все эти шпили, башенки — всё то, что Город создал для нас. Создал кропотливо, с великим тщанием и большой любовью. И не его вина, что склероз городов не лечится. Разве это главное? Здесь я живу, здесь я работаю, и здесь мне спокойно. Спокойно, несмотря ни на что.

Спасибо, Город!

Эль Дальмар

Про слонёнка Васю

детская сказка

Слонёнок Вася очень любил дождь.

Но в саванне дождь шёл только на Новый год — и это был настоящий праздник!

«А что, если сделать дождь самому?» — подумал как-то слонёнок Вася.

Набрал побольше воды и выпустил прямо в небо. Самый настоящий дождь получился! И неважно, что маленький. Даже радуга заплясала вокруг!

— Дождь, дождь! — обрадованно закричали звери и стали прыгать под сверкающими струями, петь и веселиться.

И Вася тоже радовался и устраивал дождь до самого вечера.

А потом пришла мама-слониха, строго посмотрела на всех поверх очков и увела Васю за хобот домой. Ужинать.

— Это невозможно, сколько ты грязи наделал, — выговаривала мама-слониха Васе после десерта. — Я все туфли забрызгала. А мы, слоны, любим чистоту.

— Мы, слоны, должны твёрдо ступать по земле, — добавил папа-слон, укоризненно поглядывая на Васю поверх Очень Важной Газеты.

И маленькому Васе стало ужасно стыдно.

И он пообещал больше никогда-никогда не устраивать дождь.

* * *

Слонёнок Вася очень любил рисовать.

Но вот беда — листы в альбоме кончались слишком быстро!

И тогда Вася придумал рисовать на всём, что попадётся под хобот.

Тётя Лошадь осталась довольна — чёрно-белые полоски оказались ей очень к лицу. Она даже имя себе придумала новое — Зебра. И все в саванне ей завидовали.

Дядя Жираф тоже остался доволен. Такой модный клетчатый костюм получился! Правда, Вася немного огорчался, что клетки вышли неровными, но дядя Жираф успокаивал — так оригинальнее!

А уж как шумно радовалась Мартышка! Ей очень шёл голубой цвет! Мартышка даже рассказала по секрету всем в саван-

Художник Владимир Поворозник

Художник Владимир Плавразник

не, что это была её голубая мечта — иметь такой прекрасный голубой наряд!

Только мама-слониха огорчилась.

— На кого ты похож! — восклицала она и нервно поправляла очки. — Где это видано — розовый слон!

И старательно отмывала слонёнка Васю от розовой краски жёсткой губкой.

— Слоны должны быть серыми, — важно добавлял папа-слон за ужином, переворачивая очередную страницу Очень Важной Газеты. — Серый — самый благородный и аристократичный цвет во всей саванне.

И недовольно качал головой.

* * *

— Ты уже почти совсем большой слон, — говорила мама-слониха за завтраком. — И скоро пойдёшь в школу. Но по-прежнему не умеешь пользоваться салфетками! А ведь ты будешь учиться на дипломата!

— Но я хочу учиться на волшебника! — виновато пробормотал слонёнок Вася, старательно вытирая салфеткой за ушами — на всякий случай.

— Мы, слоны, испокон веку были дипломатами, — веско сказал слон-папа, осуждающе глядя на Васю. И потряс Очень Важной Газетой.

— Обещай, что не будешь думать о всяких глупостях! — строго сказала слониха-мама.

Вася грустно покивал.

Он очень любил маму и не хотел её огорчать.

* * *

— Где ты бегаешь? — недовольно спросила мама-слониха, накрывая стол к обеду. — Мне пришлось трубить три раза, прежде чем ты услышал.

— Мы! С Цветочной Феей! Летали за реку! — Вася, задыхаясь от восторга, приплясывал вокруг мамы. — Там много-много травы! И огромные белые цветы!

— Вася! — мама строго посмотрела на сына. — Ты уже почти совсем большой слон. А придумываешь небылицы! Иди умойся, и будем обедать.

— Слоны не летают, — внушительно произнёс папа-слон, разворачивая свежий номер Очень Важной Газеты. — Мы, слоны, очень весомые существа. А не какие-то там легкомысленные пташки.

С соседнего дерева голубой молнией слетела Мартышка, держась хвостом за лиану.

— Васе на десерт! — заверещала она и швырнула целую гроздь спелых бананов.

Слонёнок Вася ловко подхватил хоботом лакомство и улыбнулся.

Слониха-мама осуждающе покачала головой и, поджав губы, сухо поблагодарила за угощение.

Она была очень вежливой слонихой.

* * *

— Хороших снов! — папа и мама по очереди поцеловали маленького Васю и вышли из детской, плотно прикрыв за собой дверь.

В тот же миг на подоконнике рассыпался сноп искр, и маленькая Цветочная Фея приветливо помахала Васе ладошкой.

— Полетели к реке! Знакомые светлячки приглашали нас на вечерний концерт в честь Полнолуния!

— Не могу... — слонёнок Вася грустно вздохнул. — Мама сегодня сказала, что слоны не летают...

— Вот это новости... — пригорюнилась Цветочная Фея.

И тут же зазвенела крылышками:

— Это большие не летают! А ты ещё маленький слон! Полетели! Мы быстро, туда и обратно!

* * *

Улыбчивая луна плавно кружилась среди звёзд, навевая всем обитателям саванны добрые сны.

И мало кто видел, как мерно взмахивая ушами, летел в сторону реки слонёнок Вася.

А вокруг него, кувыркаясь и рассыпая искорки, порхала Цветочная Фея.

И стайка разноцветных сказок, сияя и переливаясь, будто светлячки, кружилась вокруг с тихим серебряным звоном — тихим, чтобы никого-никого не разбудить.

Контакт

сказка для детей зрелого возраста

Как водится, это случилось в пятницу.

В полнолуние.

Накануне за трапезой папенька свирепствовали.

Папенька свирепствовали, по обыкновению, бурно — в силу врождённой сварливости характера и известной старческой немощи.

Но в пятницу, в полнолуние, в папеньку просто зверь вселялся!

Вот и накануне, за трапезой. Скромно откушал ушицы с цыплёнком, корицей, пшеном и перцем; заливного судака в брусничном соусе, потрошков в соусе шафранном и винном, утёнка, жаренного на вертеле, ножки бараньей, начинённой яйцом (20 штук), зайца в лапше; закусил пирогами да блинами с икоркой и груздями маринованными; запивая яства медами вишнёвыми, малиновыми, белыми, паточными, медами с гвоздикой, мускатом, кардамоном; да ещё были настоечки ягодные, всей округе известные! Скромна была трапеза, скромна. И наполовину стол кушаньями заставлен не был. Да и то сказать: кто же станет наедаться от пуза перед субботней-то исповедью? Меньше ешь — легче каяться!

Завершив скудную трапезу, папенька внезапно сделался лицом красен, глазами сумрачен, бровями насуплен. Схватил баранью кость с серебряного подноса да и швырнул прямиком в лоб младшему отпрыску. Зверь, чистый зверь!

Отборной бранью разразился — и повторить честному люду стыдобушка.

Оскорбился младший отпрыск, насупился — да и вон из-за стола!

Да и кто бы не оскорбился на папенькино: «Ты, поганец, дискредитируешь моё Величество!»

Так и сказал — «дискредитируешь». Вот ведь пакость какая!

Вылез темнее ночи молодец из-за стола, сладким не побаловавшись, и отправился на все четыре стороны. А колчан со стрелами всегда при нём — мало ли что.

Вышел во чисто поле, что за задним двором царства простиралося, да и принялся в сердцах стрелы пускать куда глаза глядят. Авось да и случится чудо — попадёт какая в красну девицу невзначай.

Прислушался молодец, ладонь к уху приставив: не вскрикнет ли обрадованно девица, стрелой отмеченная?

Нет, тихо вокруг. Лишь лягухи горластые на болоте насмешливо перекликаются.

Вздохнул младший наследник царства-государства да и пошёл к болоту: стрелы собирать, дабы прибиту не быть папенькой за пустое разбазаривание государственного имущества.

Бредёт, за кусты камзолом цепляется, за лопухи сапогами узорчатыми запинается, честит вполголоса папеньку со всеми девицами в придачу. Глядь — на краю болота лягуха преогромная: на голове корона зубчатая серебрится, каждый зубец шариком золотистым увенчан, и мигают-переливаются те шарики цветом ярким, невиданным. Держит лягуха пучок стрел Ивановых, лапами перепончатыми оперение задумчиво перебирает, а на морде улыбка от уха до уха!

Ах, ты, чудо-чудное, диво-дивное!

— А ну, тварь пучеглазая, возвертай сей же час стрелы казённые! — грозно вскричал молодец, недвусмысленно подбоченясь.

— Ви хотеть женить? Ся? — скрипуче проквакала зелёная мерзавка; и торопливо подкрутила один из шариков на короне.

— Это папенька хочет жениться... тьфу! Хочет, чтобы я... того... женился, — растеряно пробормотал Ваня.

— Да пропади он пропадом, ваш папенька! — в сердцах воскликнула лягушка уже чистым мелодичным голоском.

И кокетливо захихикала.

Тут же поляна перед ними самонакрылась — и оком не успели моргнуть! — подносами с изысканными яствами. Чего только не было! Жареный молочный поросёнок в яблоках, обложенный кундюбками; жаркое из зайца, замоченного в лимонном соусе с кардамоном; дикая утка тушёная; лапша из голубей; перепела в виноградном соке; отварная губа лося; судак фаршированный заливной. А уж пирогов! Каравай яичный, каравай с сыром,

с грибами и шкварками; пирог круглый с курицей и яйцами, пироги блинчатые, икоркой начинённые; пирожки с карасиком; драчена с пылу с жару с коровьим маслицем; да ещё сбитень медовый! Пудинги: яблоневый и гру...

— Стой! — закричал Иван, с ужасом глядя на всё прибывающие яства. — Стой, пучеглазая! Я же только что трапезничал! Смерти моей хочешь?!

— Да не я это, — лягушка сняла с головы странное сооружение, осмотрела его со всех сторон и задумчиво почесала макушку. Затем, неопределённо махнув лапой, пояснила: — Автор. Диетой мается.

Иван плюхнулся рядом с пучеглазой и тоскливо уставился на пиршественную поляну.

— Давай, не стесняйся! — лягушка подтянула к себе ближайшее блюдо. — Не пропадать же добру. Честным пирком да за свадебку!

***

— Ну, а теперь, Иван, пришла пора о деле поговорить, — лягушка, явно увеличенная в размере, попыталась вновь натянуть корону на голову. Та не налезала. — Вот пропасть, шлем с разъёмом не стыкуется... Ну да ладно, пока достаточно аргентума для модуля не соберу, всё равно на связь с кораблём выходить толку нет.

— Ась? Об чём речи непонятственные вести изволишь? — Иван икнул, осоловело уставился на сотрапезника и тут же расплылся в понимающей улыбке. — А-а-а. Опять автор?

— Он, зараза, — лягушка выплюнула застрявшую перепелиную косточку. — Вот что, Ваня. Реверансы мне разводить некогда, поэтому давай кратко. Я материализую тебе жену, а ты мне поможешь во дворец добраться. А уж там я дня за три сам управлюсь.

— Матом... мате... ризуй! — кивнул на всё согласный Иван; раздувшийся живот давил на лоб и мешал соображать.

— Тогда давай целоваться, — вздохнула лягуха и с трудом взобралась царевичу на колено.

— Ты что, зелёная? Сбрендила?! С глузду сдвинулась? — Иван с омерзением затряс ногой, пытаясь сбросить нахалку, но та держалась крепко, ощутимо надавливая на колено разросшимся брюшком. — Я люблю живность... наверное... но не до такой же степени!

— Спокойно, Ваня, — лягушка перевела дух. — И не тряси меня так... чревато! Целоваться будем, как ни крути. Это

единственный способ войти в контакт для материализации психотипа. Хотя есть ещё иные, конечно... но вряд ли тебя это обрадует.

И зелёная гадина скабрезно хихикнула.

— Нечего меня стращать непонятственным! Сказал, не буду — и не буду! Моё слово крепко! — надулся Иван, передёргиваясь от отвращения.

— Эх ты, друг называется! А кто клялся в вечной дружбе за седьмым жбаном с медовухой?! Кто помочь обещал? Я же так навек застряну в этих болотах! Ловушка цивилизации... А мне ещё модуль ремонтировать! Да и тебя папенька прибьют, коли без жены воротишься!

Упоминание о папеньке вернуло Ивана в чувство.

— Тьфу ты, земноводное-инородное! Ладно. Только быстро... — И зажмурился, вытянув вперёд губы трубочкой для романтического контакта.

Художник Елена Минкина

***

— Чёрная дыра! — заорала лягушка басом. — Спиральная доминанта! Ступенчатый переход! И это ты называешь женой?!

Перед изумлённым взглядом царевича в дрожащем воздухе возникла сначала грозная секира с двумя пышными соблазнительными выпуклостями на древке, затем её сменила булава с теми же выпуклостями. Игриво повиляв нижней частью, булава растаяла, а на смену пришёл меч-кладенец с двумя длинными стройными лезвиями.

— Ваня, — лягушка подпрыгнула и пребольно стукнула молодца лапой по лбу. — Сканирование показало, что земляне размножаются только с себе подобными! Думай о жене, фантом тебя забери! О молодой, резвой, горячей жене! Приготовились!

После следующего поцелуя на поляне раздалось призывное ржание.

— Ух ты! — выпучив глаза, Иван с восхищением рассматривал белую кобылицу с изогнутой лебединой шеей, увитой шелковистой гривой. Нетерпеливо переступая стройными ногами, кобылица косила на молодца лиловым глазом и похлопывала себя по скульптурному крупу пышным хвостом.

— Кому и кобыла — жена, — непонятно констатировала лягуха и вновь шлёпнула Ивана по лбу.

— Да иди ты, — обиделся царевич. — Такой кобылки и у заморского императора, чай, не водится!

— Ты что, до утра намерен со мной целоваться?! — лягуха нервно вытерла макушку листом лопуха. — Перверсивец! Давай, сосредоточься! Всю дефицитную энергию тут потрачу на твои забавы! Целуемся в последний раз — и как выйдет, так и выйдет!

Вышло на славу.

Всем хороша, как ни повороти!

Назавтра и пир свадебный устроили на радостях.

Уж и пела новобрачная, уж и плясала, и лебёдушкой по озеру, и цветами папеньку с гостями осыпала, и улыбками лучезарными всех одаривала! А рубаху какую царю соткала в одноночье! А уж пирогов настряпала!

Правда, злые языки других невесток болтали из-под локотка: мол, схожа молодая ликом с внучкой прачки Авдотьи; но на чудеса мастерица — что да, то да! Не чета девке прачкиной! Царевна, чай! Хотя кто знает, бабоньки, каковские чудеса внучка-простолюдинка Ивану на выбеленных простынях являла...

***

— Ваня, — сказала лягушка, с трудом приканчивая очередной кусок пирога со стерлядью и прожаренными в коровьем масле рыжиками, с парой десятков яиц крутосваренных да сдобренных, не жалеючи, печёнкою перепелиною. — Ваня. Я вот что думаю: автор должен быть сыт. А в идеале — ещё и пьян. И чтобы нос в табаке. И медные трубы. А лучше — вообще без него. Сами уж как-нибудь. Сообразим. Вот в нашей галактике уже давно...

— А я в иных раздумиях пребываю: когда же эта твоя... как её там?.. Паргама? Гаргама?.. мелькать туда-сюда перестанет? — уныло пробормотал Иван, машинально поворачивая голову вслед молодой жене, которая металась от печки к пяльцам и обратно.

— Наведённая голограмма держится несколько дней, — лягуха попыталась отодвинуть свежеиспечённый пирог, заботливо поставленный перед нею. Но дурманящий дух опять вызвал слюноотделение. — Ещё пару деньков потерпи, друг! Потом свободу обретёшь, путешествовать отправишься... Да и я закончу отлаживать модуль.

Лягушка с сомнением оглядела свой живот:

— Ничего... как-нибудь втиснусь. Как говорят у нас в провинциях: в тесноте, да на орбите.

И, взглянув в унылое лицо Ивана-царевича, певуче добавила:

— А шкурку лягушачью-то потом сожги! Сожги, мил-дружок, потешься! Да и мне спокойнее будет.

Андрей Делькин

Сундучок старого Чё

детская сказка

Шершуны заявились вечером. Заслышав их голоса за дверью, я отложил сундучок с реликвиями и вылез из-за письменного стола. Когда я открыл дверь, толпа малышей, шурша по паркету и переливаясь всеми цветами радуги, обтекла меня и устремилась в мой кабинет.

— Сегодня воскресенье, старый Чё! — сказал самый маленький из них, шедший последним.

— Да, я помню, Рю! — соврал я. Со склерозом мы давние друзья.

— Ги, — вежливо поправил Рю. То есть Ги.

Шершуны забрались на диван напротив моего стола и замерли в предвкушении чуда. Точно так же, лет двести назад, мы с друзьями ждали долгожданных премьер в кинотеатре под названием... дай Бог памяти... «Пионер»... «Комсомолец»... Да неважно!

— Сказочку, значит? — спросил я, придвигая кресло к столу. — Про каких-нибудь земных чудищ?

Они закивали. Каждый воскресный вечер шершуны приходят к старому Чё, и всякий раз их ждёт новая сказка.

— Ну, значит, милые мои, слушайте сказку про страшную-страшную Золушку...

— Не-е-ет! — замотал головой Ги. Или Рю.

Так или иначе, но я моргнул. А потом вздрогнул. Я обычно в таких ситуациях вздрагиваю, когда моргаю. Шершуны любят меня разыгрывать, и за те неуловимые доли секунды, пока я их не вижу, мгновенно меняют цветовую гамму на контрастную. Потому и вздрагиваю.

— Саечку! Саечку! — радостно загалдели они, сорвались со своих мест и окружили меня.

Когда-то давно я научил малышей этому старому земному ритуалу, смысл которого сам уже плохо помню. Но ритуал как-то сразу понравился им, и теперь они не упускают случая лишний раз напугать старого Чё.

Наконец шершуны снова расселись на диване.

— Про страшную-страшную Золушку ты рассказывал в позапрошлое воскресенье, — деловито сказал Рю.

Склероз, что поделаешь...

— Ну, тогда про ужасную-ужасную... э-э-э... Дюймовочку, которая...

— Не-е-ет! — опять Ги. Правда, на этот раз я был готов и уже не вздрогнул. — Про жуткую-жуткую Дюймовочку было ещё летом!

Вот, досада... Неужели сказки мои закончились? Я почесал затылок и тут мой взгляд упал на сундучок.

— Сейчас... — пробормотал я, запустив руки в своё драгоценное барахло.

Латунная пистолетная гильза... Гладкий речной камушек с просверленной посередине дырочкой — как его, «коровий бок», что ли?.. Половинка карандаша с магической формулой «KOH-I-NOOR»... Все эти предметы вызывали в моей голове тихий шорох смутных воспоминаний, несколько раз они даже выручали меня, подсказывая сюжет для новой сказки. Но, увы, не сегодня. А шершуны ждали.

— Ага, — сказал я. — А про Красную кнопку не хотите ли сказочку?

— Йай! — восхищённо прошептал Рю. То есть Ги. — Красная к-к-к...

— ... нопка? — выдохнули его братья и сёстры, возбуждённо переглядываясь.

Кажется, я попал в самую точку.

— Ну, слушайте тогда. Жила-была на планете Земля эта самая к-к-к... Великая и ужасная, — я постарался добавить в голос зловещих ноток. — Земляне даже имя её старались не произносить полностью, чтобы она случайно не услышала и вдруг не объявилась рядом. Шершуны плотнее прижались друг к другу. Зрачки их глаз синхронно сузились. В цвете их шерсти стали преобладать багрово-тревожные тона.

— Потому что, если кто увидит её, то вмиг теряет волю. Его тело пытается убежать прочь, а ноги всё равно ведут всё ближе и ближе к смерти. И вот подходит он совсем близко, скрипит зубами, пытается сопротивляться, а рука упрямо тянется к кнопке!

Они зажмурились от страха, а я в этот момент полез с ногами на стол. В спине, конечно, сразу стрельнуло, но искусство требует жертв.

— И вот он... уже почти... нажал её, — задыхаясь, произнёс я, вытягиваясь в полный рост и делая страшное лицо. — Нажал и навсегда исчез!

В этот раз я немного поспешил. Когда малыши открыли глаза, я в запале крикнул:

— Саечку!

Но шершуны не выглядели испуганными, а скорее растерянными. Они совершенно не оценили моих приготовлений и почему-то смотрели мне на ноги или даже сквозь них. Да, именно так! Застыв с полуоткрытыми ртами, они смотрели на кресло, на котором сидел я всего несколько мгновений назад. Я спрыгнул на пол, а малыши начали вертеть головами по сторонам, как будто не замечая меня.

— Вы мне должны саечку! — произнёс я уже почти без энтузиазма.

— Н-н-н... — сказал Ги. Или как его там.

— ...навсегда! — в один голос прошептали его братья и сёстры, беря друг друга за руки.

Я несколько раз прошёлся перед ними, попрыгал, но никакой реакции не вызвал. Шершуны не только не видели меня, но и, похоже, не слышали.

Тут на стене ожили часы. С каждым ударом малыши отчаянно верещали, вжав головы в плечи, но не осмеливались сползти с дивана.

Итак, девять часов вечера. Обычно в это время сказка уже заканчивалась, и я провожал шершунов до двери. Представление нужно было срочно сворачивать, ведь скоро их родители обнаружат пропажу и заявятся сюда. Что скажу им я, невидимый и неслышимый? Что они подумают обо мне, чужаке с далёкой планеты?

В замешательстве я обошёл стол и опустился в кресло. Теперь малыши смотрели прямо на меня. Смотрели, но не видели. А та самая кнопка, вызвавшая моё воображение, лежала рядом с сундучком. Сейчас я уже не мог припомнить, доставал ли её оттуда, да это и не было важно.

— А если я нажму её? — подумал я вслух и взял в руку кнопку. Самая обычная кнопка непонятного уже назначения. Красная блямба растёт из белого пластмассового основания, отпустив корни — два проводка белого и голубого цвета.

Художник Юлия Щигал

Шершуны тем временем превратились в один дрожащий от страха мохнатый комочек с двадцатью тремя парами глаз, которые были устремлены сквозь меня. Рю, или кто он там, затянул старинную шершунскую песню, которую на этой планете всегда поют в минуты смертельной опасности. Я не понимал ни слова, но по интонациям было ясно, что малыши на грани.

Вообще, с точки зрения физики, моя невидимость была совершенно невозможна. Даже шершуны с их поразительными способностями к мимикрии неспособны полностью исчезнуть. Что говорить обо мне, землянине! Но сейчас я сам готов был поверить во что угодно, даже в волшебную кнопку! Хотя так и не смог вспомнить, когда и как успел её нажать.

Делать было нечего. Я вдавил кнопку в основание, и внутри него что-то щёлкнуло. Поведение шершунов, впрочем, не изменилось. Они всё так же бубнили под нос свою песню, глядя на моё кресло. Тогда я нажал кнопку ещё и ещё раз. Ничего!

Тут в дверь мягко постучали. Кто-то из родителей. Этого я боялся больше всего. Конец старому Чё и его воскресным сказочкам!

Я бросил кнопку в сундучок и обречённо поплёлся к двери.

— Чё! — позвал кто-то.

— Чё? — меланхолично спросил я на ходу.

— П-п-п... — это был голос Ги.

— ...поверил? — дружно крикнули остальные.

Я повернул голову и увидел, что малыши все как один лукаво глядят на меня, держась за животики и еле сдерживая смех.

— С-с-с... — начал Рю, но вся ватага в этот момент грохнула от смеха, посыпавшись с дивана на пол.

Да я и сам знаю. Саечку так саечку. Научил на свою голову...

Светлана Елтышева

Волшебные снежинки

сказка для детей среднего возраста

Евгений и Оксана сидели за столиком в кафе и смеялись. Всегда смешно вспоминать то, что было много лет назад. Они были друзьями в детстве, а потом, в старших классах, разъехались по разным концам Москвы. И так и не встречались ни разу. Выросли и забыли.

А тут — случайная встреча! И не узнали бы они друг друга, если бы мимо проходили. Но сегодня, в этот первый снежный в году день, Ксюша стояла на остановке и ловила снежинки. Он увидел и подошёл.

— Девушка, а вы знаете, что в первом снегу попадаются волшебные снежинки?

Она обернулась и ответила:

— Конечно, знаю.

***

Шёл первый в этом году снег. Лёгкий, пушистый и белый-белый! Он тихо падал на замёрзшую землю, покрывая её своим холодным невесомым одеялом.

Женька и Ксюшка гуляли во дворе своего дома. Женька гонял по свежему снегу, изображая из себя вездеход. Ксюшка стояла, ловила на варежку снежинки, внимательно их разглядывала и тут же стряхивала.

— Это не та. Это тоже не та.

— Чего ты там всё бормочешь?! — крикнул Женька, наматывая вокруг Ксюшки уже пятый круг. — Гляди, как я могу!

Женька высоко подпрыгнул и с размаху, обеими ногами топнул по снегу — тот разлетелся в разные стороны, как пух из подушки.

— Ух, красота!

— Ничего ты в красоте не понимаешь, — негромко, но внятно ответила серьёзная Ксюша.

Женька перестал бегать и подошёл к ней.

— Чего это не понимаю? Всё я понимаю!

— Лучше погляди, какая красивая снежинка. Чудо природы!

Ксюшка поднесла свою варежку к Женькиному лицу. Тот, разогретый бегом, выдохнул на неё горячим паром, и снежинка тут же растаяла, превратившись в малюсенькую блестящую капельку на шерстяной ворсинке.

— Ах! — только и успела сказать Ксюшка. — Это же была она! Что ты сделал?!

— Да, ничего я не сделал, — непонимающе ответил Женька. — Подумаешь, снежинка. Вон их сколько. Давай я тебе ещё тыщу наловлю! Хочешь руками, хочешь ртом. Смотри!

Он стал ловить снежинки открытым ртом.

— М-м, а вкусные какие! Эта апельсиновая. А эта земляничная! Эта вообще шоколадная! Поймать тебе шоколадную снежинку?

Женька поднёс к её рту засыпанную снегом варежку и тут только увидел, что Ксюша плачет.

— Ну, ты чего? Ну, извини. Я не хотел. Это же всего снежинка. Вон их сколько! — стал оправдываться Женька.

— Это не просто снежинка. Она — волшебная! — сквозь слёзы ответила Ксюша.

— Волшебная? Да ладно, — не поверил друг.

— Волшебная. Такие снежинки редко встречаются. Разве ты не знаешь?

— Не-ет, — Женька удивился ещё больше.

— Если в первый снег поймать снежинку с двенадцатью лучиками, загадать желание и аккуратно сдунуть её, то она долетит до Деда Мороза, расскажет ему твоё желание, и оно исполнится прямо в Новый год.

— Ух, ты! А я старался, Деду Морозу письмо писал, чтобы он мне игровую приставку подарил на Новый год. А, оказывается, можно просто снежинку поймать.

— Женька, ты как маленький! Какие письма? Какие игрушки? — разочарованно покачала головой Ксюша. — Письма взрослые придумали, чтобы узнать, что их дети хотят на Новый год. Они и подарки тебе под ёлку положат. Настоящий Дед Мороз только снежинки слушает. И исполняет самые добрые желания. А ты — «приставка»!

Женька озадаченно поправил съехавшую на лоб шапку и с любопытством спросил:

— А что это за «добрые желания»?

— Ну, например, чтобы кто-то выздоровел. Или помирился. Чтобы друга найти. Мало ли добрых желаний.

Женька тут же вспомнил последний пятничный вечер, плачущую маму и собирающего чемодан отца. Что случилось, он не совсем понял. Только мама, укладывая сына спать, сказала, что папа теперь не будет приходить домой с работы каждый вечер, а только в выходной. Женьке стало грустно и как-то тоскливо, но очень хотелось спать. Поэтому он даже поплакать не успел. Уснул.

— Рассказывай, какие это снежинки. Я буду с тобой их искать. Первая — тебе, вторая мне, ага?

— Хорошо, — перестала плакать девочка.

Ксюшка подняла тонкую веточку и принялась старательно рисовать снежинку на снегу.

— Только осторожно! Надо, чтобы она не успела растаять на тёплой варежке. И дуть надо тихо, а не как ты.

— Я лучше пальцы в варежке согну, чтобы её не греть. И дышать не буду.

Теперь друзья стояли рядом и сосредоточенно ловили снежинки.

— Не та, опять не та. Смотри, эта какая красивая!

— Да, красивая, но не та.

— А вот эта? Вроде похожа.

— Похожа, но у неё шесть лучиков.

Тем временем туча постепенно уходила из города. Снег начал редеть, и ребята заволновались.

— Она! Точно она! Смотри, — Женька показал варежку Ксюше, и та, закрыв нос и рот рукой, внимательно присмотрелась к снежинке.

Потом отошла и радостно сказала:

— Она.

— Так загадывай быстрей! Она твоя. И будем снова ловить. Мне.

Ксюша посмотрела на небо и уходящую тучу, потом на снежинку. Отошла подальше, зажмурилась, что-то прошептала и сильно дунула на Женькину варежку.

Снежинка вспорхнула и, подхваченная порывом воздуха, быстро скрылась из вида, смешавшись с другими.

— А что ты загадала? — не удержался от любопытства Женя.

Художник Александра Ивойлова

Художник Юлия Щигал

— Ты что! Нельзя говорить, а то не сбудется.

Дальше друзьям пришлось уже не стоять, а бегать за снежинками.

— Не та. Опять не та! Эх, снег кончается, — чуть не плакал от досады Женька. — Теперь что, целый год ждать, чтобы желание загадать? Посмотри, Ксюш, вроде похожа? Или нет?

— Ну-ка, — Ксюшка внимательно посмотрела на пойманную снежинку и поняла: снова не та.

Она уже было собралась ответить «нет», но взглянув на небо, а потом на своего друга, передумала:

— Везёт же тебе, Женька! Уже вторую поймал! Загадывай своё желание.

У мальчишки от волнения быстро забилось сердце, он закрыл глаза и мысленно произнёс: «Хочу, чтобы мама и папа каждый день приходили с работы домой». Потом он вытянул подальше

руку, чтобы горячий воздух изо рта успел остыть, пока летит до снежинки, и дунул.

Снежинка слетела с варежки, закружилась и медленно упала на снег.

— Не улетела, — разочарованно сказал Женька и почувствовал, как подступают слёзы.

Ксюшка подняла с земли ветку, которой рисовала, и начала мести ею по сугробу в том месте, куда упала Женькина снежинка.

— Лети, лети! Ну, пожалуйста! Лети! Ты же волшебная! Тебя Дед Мороз ждёт!

Ветер словно услышал Ксюшину просьбу, подхватил снежинки и позёмкой унёс их от друзей.

— Смотри, она улетела! — Ксюшка трясла за плечо Женю, растирающего по лицу солёные слёзы. — Она улетела. Она обязательно долетит. Вот увидишь!

— Улетела? — недоверчиво спросил мальчик.

— Конечно. Она же вол-шеб-на-я!

Женька последний раз хлюпнул носом и успокоился.

— Ксюша! Домой! — послышался мамин голос.

— Мне пора, Жень. Выходи завтра гулять. Будем снова снежинки ловить!

— Зачем? — удивился мальчик.

— Так красиво ведь!

***

— С тех пор я верю в волшебные снежинки! — Женя улыбался, глядя на раскрасневшуюся вдруг Оксану. — Всегда у меня эти желания сбывались. И именно с той формой снежинки, какую тогда поймал я. До сих пор загадываю эти «добрые желания».

— Жень, ты знаешь, на самом деле та твоя снежинка была «не та», — смущённо сказала девушка. — Я тогда тебе соврала. Очень хотелось, чтобы твоё желание исполнилось.

Молодой человек хотел было что-то сказать, но только выдохнул.

— М-да. Вот это новость. Да и ладно, — махнул он рукой. — А твои желания сбываются? Гляжу, ты снежинки ещё ловишь...

Ксюша улыбнулась.

— Ловлю. Сбываются.

— Так может, мы просто тогда открыли с тобой новый вид волшебных снежинок? — засмеялся Женя.

— Или Деду Морозу всё равно, сколько у снежинки лучей. Главное, чтобы желание было добрым! — подхватила Ксюша.

— Да! Конечно! А в этом году ты успела поймать снежинку? — вдруг вспомнил юноша. — Я тебе вроде помешал?

— Не успела. Но это не важно. Зато тебя встретила!

— А я успел. И, кажется, моё желание уже исполняется.

— Какое?

— Ты что! Не скажу, а то не сбудется.

Художник Юлия Щигал

Александра Зволинская

Ярмарка

сказка для детей шарлатского возраста

В детстве, когда мне становилось грустно, когда заряжали долгие, тоскливые осенние дожди, а на небе так трудно было хотя бы пару раз в неделю обнаружить солнце, когда уголки губ начинали тянуться к подбородку, норовя так там и остаться до весны, в мягкое кресло с высокой спинкой, стоявшее в гостиной, садился дедушка, доставал маленькую баночку для мёда, пустую, подзывал меня к себе и говорил:

— Мишка, у меня для тебя есть важное дело.

Он был абсолютно серьёзен, только где-то очень глубоко в глазах, почти незаметно — это сейчас я вспоминаю этот взгляд и вижу, а тогда было не до того, тогда мне было ужасно любопытно — таилась всезнающая лукавая улыбка, какая иногда бывает у мороженщиков и у волшебников.

— Какое, дед? — нетерпеливо спрашиваю я, видя, что он не торопится продолжать.

Дед щурится, потягивается, как довольный кот, а потом вдруг сводит руки прямо перед моим носом, и раскрывает ладони, а там...

...Там крохотная городская площадь, вымощенная щербатой брусчаткой, уставленная малюсенькими лотками и, побольше, шатрами с горами поспевших к сентябрю яблок, орехов, груш, слив и тыкв. Там — ткани, гуси, котята, деревянные ложки с красивыми узорами, а ещё...

— Мёд, Мишка, — очень тихо шепчет дед, почти касаясь своим носом моего. — Принесёшь мне мёду? Здоровье буду поправлять...

— Мёд? — я в изумлении смотрю на площадь у деда на ладонях. — Оттуда? А как?..

— Очень просто, — щурится дед, пряча улыбку в усах. — Нужно всего лишь дотронуться.

Я — мальчишка, мне всего-то восемь лет, и мне совершенно не страшно. Мне и вовсе-то ничегошеньки не может быть страшно, со мной ведь всегда всё будет хорошо! Я восхищённо касаюсь кончиком пальца верхушки самого большого шатра.

— Яблоки! Печёные яблоки! Мягкие, сладкие, яблоки! — надрывается кто-то над самым моим ухом, и я, полный любопытства и совсем чуть-чуть — удивления, вылезаю из-под прилавка. Торговец косится на меня неодобрительно, но браниться ему некогда, он расхваливает свой товар:

— Яблоки вкусные, самые сладкие! Налетай! Яблоки!..

На площади полно народу — ярмарка идёт полным ходом. И от каждого движения, от каждого прилавка, от каждого шага покупателей пахнет осенью, пряной, терпкой, ещё тёплой, но уже сырой и промозглой, хоть и самую капельку, ещё по-летнему нарядной, но всё же осенью. Сладкой, загадочной, с корицей, печёными каштанами и Рождеством. Надо же, какая она бывает, а я и не знал...

Я бреду, рассматривая всё подряд, заглядывая в лица прохожих, улыбающихся мне в ответ, и ищу мёд.

Ой, да вот же он! Совсем рядом — лоток, на котором стоят небольшие горшки, и торговец, дюжий рыжеусый мужчина, радушно улыбается, приглашая попробовать из каждого — мёд с гречихой, с целебными травами, васильковый, полевой и ещё много-много всякого.

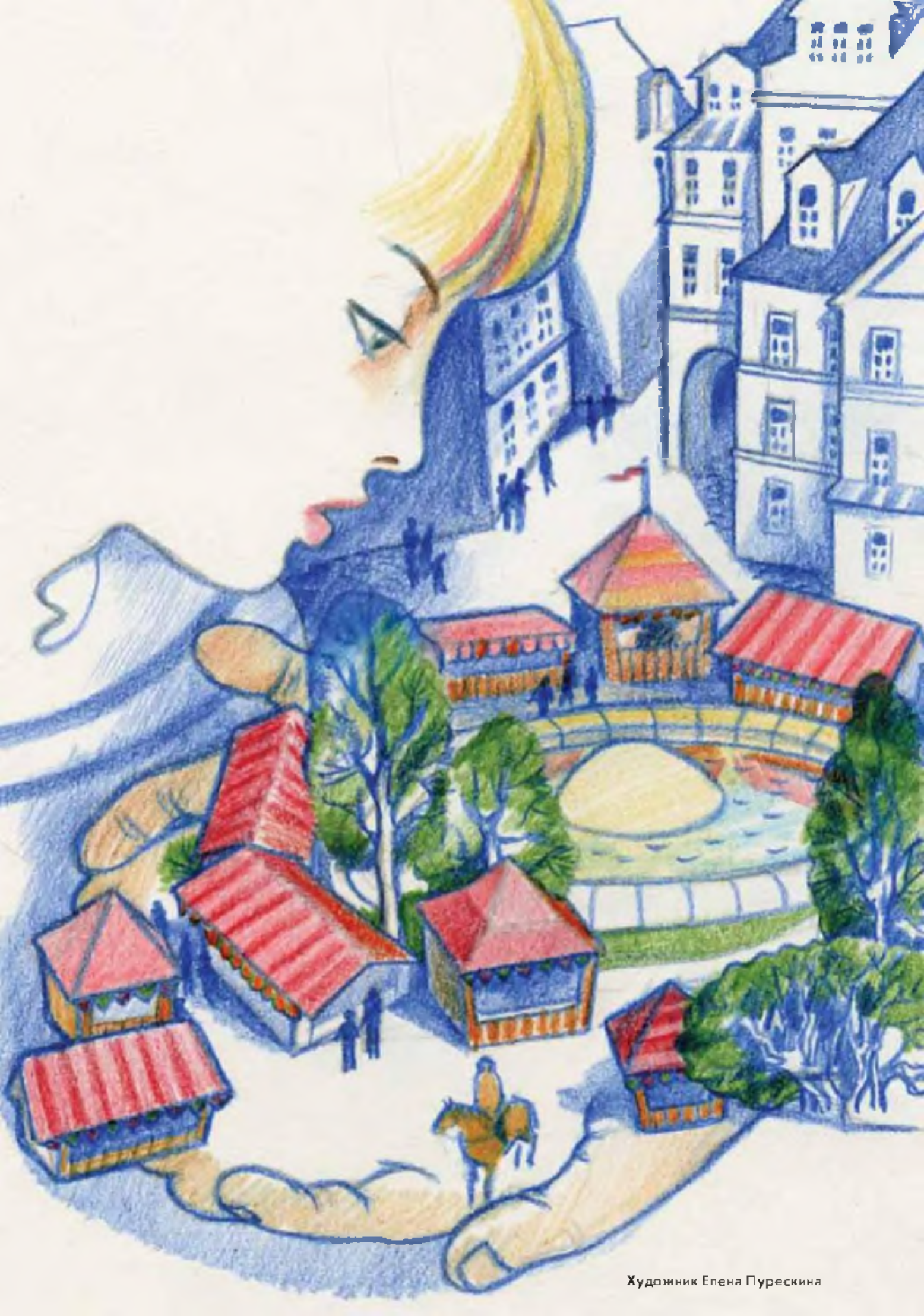
«Скажи, что от Витьки пришёл», — раздаётся над самым моим ухом голос деда, когда я вдруг понимаю, что заплатить за мёд мне нечем.

— Что, малец, хочешь медку? — улыбается мне торговец. — Тебе какого?

— Я от Витьки пришёл, — послушно говорю я. — Мне бы василькового.

— Ишь, от Витьки, значит, — он удивлённо рассматривает меня и вдруг улыбается — точно как дед. И тянется к горшку с васильковым мёдом. — Молодец, Витька, ладного парнишку вырастил. Чего сам не заходит давно? — и, видя моё удивление, тут же добавляет. — А передай ему, пусть заглянет, соскучился я.

Я почему-то сразу верю, что этот вот огромный рыжий мужчина соскучился по моему деду. И что дед, наверное, тоже. Он протягивает мне горшочек с мёдом и добавляет на прощанье:



Художник Елена Пурескина

— И сам заходи! Как тебя звать-то?

— Мишка, — отвечаю я.

— Мишка, — его улыбка становится ещё шире. — Ну конечно. Я ж тоже, знаешь, Михайло.

У меня начинают подкашиваться ноги...

...И через секунду я уже сижу на ковре перед дедовым креслом, изо всех сил прижимая к себе горшочек с мёдом. А дед смотрит на меня и улыбается — чуточку грустно, совсем чуть-чуть.

— Тебе привет от Михайлы, деда, — звонко заявляю я и ставлю горшок на стол. — Давай попробуем?

— Давай, — соглашается он, переливая мёд в банку. — Вот я уже и ложку принёс.

Мёд такой прозрачный, текучий, сладкий. Жёлтый и праздничный — совсем как янтарь, особенно если на свет посмотреть.

— Дед Вить, — вдруг вспоминаю я, — а почему ты сам не пошёл?

— Я? — улыбается Витька усталой улыбкой где-то очень глубоко в глазах моего деда. — Я, Мишка, потом схожу. Совсем потом. Попозже.

Прошло много лет, и вот уже я, проходя через гостиную одним осенним утром, вижу, что мой внук, белобрысый и сероглазый, как его бабушка, сидит очень-очень тихо у окна, положив подбородок на подоконник, и печально смотрит на улицу.

— Витька, — зову его я. — Вить, иди-ка сюда, у меня к тебе дело есть.

Я совсем не уверен, что у меня получится, но, кажется, просто пришло время.

Я сладко потягиваюсь, вспоминая, как мягко тает на языке прозрачный, как янтарь, васильковый мёд... и на ладонях у меня сам собой вырастает город, а в центре его — ярмарка с крохотными лотками и, побольше, пёстрыми шатрами.

— А мне нужно туда? — с бесстрашным любопытством спрашивает Витька, рассматривая маленькое чудо на моих ладонях.

— Туда, — улыбаюсь я ему в ответ. — Найдёшь там шатёр с мёдом, скажешь, что от Мишки.

— А кого спросить? — уточняет на всякий случай мой очень серьёзный и очень предусмотрительный восьмилетний внук.

— Спросить? — улыбается такой же точно Мишка где-то очень глубоко в моих глазах. — Виктора спроси.

Светлана Калинина

Гарпия

сказка для детей старшего возраста

Анастасия Вениаминовна работала в коммерческом банке в отделе управления персоналом. Да не просто работала — она его возглавляла. Лучшие годы своей жизни она отдала банку и теперь по праву считалась не просто одним из старейших сотрудников — она была неотъемлемой частью банка, его талисманом, основой и незыблемым краеугольным камнем корпоративной культуры.

Так сказал в своей речи председатель правления, когда в честь двадцатилетия работы Анастасии Вениаминовны был организован торжественный банкет, и руководители всех отделов приносили ей торжественные подарки, поздравляли с юбилеем и высказывали ей нижайшее и глубочайшее почтение.

Ещё будучи совсем молодой, Анастасия Вениаминовна устроилась работать в банк простым кассиром-контролёром и как-то неожиданно для всех спустя всего несколько месяцев обосновалась в отделе кадров, который вскоре и возглавила. Председателя правления, правда, на работу принимала не она, но с ним у Анастасии Вениаминовны быстро наладилось полное взаимопонимание, которое за те двадцать лет, что она проработала в банке, ничем ни разу не омрачилось.

Когда он говорил свою торжественную речь, она возвышалась во главе стола, длинноволосая, в меру экстравагантно одетая, неприступная и незыблемая, как гранитный горный уступ, и свет удовольствия озарял её лицо изнутри, делая юбиляршу почти красивой. Странно было наблюдать это окружающим. Ведь для них обычно существовал другой взгляд: суровый, оценивающий — казалось, он пронизывал насквозь.

Сотрудники банка, сплотившиеся сейчас в едином подобострастном порыве, были бы крайне удивлены, узнай они, что взгляд Анастасии Вениаминовны не казалось, а действительно пронизывал каждого из них насквозь. Дело в том, что Анастасия Вениаминовна была гарпией, настоящей, потомственной, унаследовавшей от предков важные таланты, благодаря которым и стала незаменимым сотрудником одного из флагманов банковского рынка.

Как и все настоящие гарпии, Анастасия Вениаминовна питалась человеческими мечтами.

За долгие столетия жизни среди людей у гарпий выработался определённый кодекс чести: при всём при том они искренне считали, что приносят людям добро, делают их жизнь счастливой и гармоничной.

Когда сотрудники открывали дверь в кабинет Анастасии Вениаминовны, а делали они это часто — каждый из них хотя бы раз в неделю да заходил к ней с каким-нибудь делом (ну, конечно, более мелкие сошки — не чаще, чем раз в месяц) — все их мечты и желания тут же становились ей ясны и очевидны. Обычно они отчётливо просматривались в районе макушки. Анастасия Вениаминовна внимательно их изучала и все лишние, неуместные идеи, мешающие жить, быстро, аккуратно и незаметно купировала. В результате скромные кассирши, погружённые в мечты о страстном романе с красавцем, уходили с мыслями о покупке модной краски для волос или записи к маникюрше, а руководители среднего звена, лелеявшие мысли о собственном бизнесе, вдруг понимали, что в квартире давно пора сделать ремонт; а уж самые высокопоставленные сотрудники не думали ни о чём ином, кроме квартальных планов, вожделенных бонусов и регулярных проплат за учёбу детей и ипотеку. Их мечты уже давным-давно были прополоты на совесть, и порой Анастасия Вениаминовна даже скучала. Но в целом собой и своей работой была довольна: ведь она избавляла людей от пустопорожних терзаний и попыток растратить себя на несбыточные прожекты, напрасное волнение и суету. Взамен в жизни её подопечных прочно внедрялись желания простые и прагматические: новые причёски и наряды, престижные автомобили, квартирные хлопоты, дорогостоящее лечение у хороших специалистов и правильное питание. Два-три года работы в банке — и они уже не могли представить себе ничего другого, были довольны и спокойны, уравновешенны и надёжны, становились уважаемыми членами сообщества и ждали пенсии, чтобы спокойно смотреть

телевизор и ездить на дачу. Правда, с детьми не у всех ладилось, но если случай был из рук вон, Анастасия Вениаминовна, естественно, входила в положение и устраивала отпрыска на работу — в банк или в другое учреждение, к кому-нибудь из своих многочисленных родственников, и в подшефной семье снова воцарялся покой.

Секрет успеха Анастасии Вениаминовны крылся в искренней заботе о своих подшефных. Она не лишала их абсолютно всех желаний, как это делали в незапамятные времена гарпии-отморозки — вооружённая богатым жизненным опытом и недоступной людям мудростью, она, будто заботливый садовник, всего-навсего удаляла лишнее. Она знала, кому и какую зарплату нужно назначить, пресекала на корню попытки резко и незаслуженно изменить статус. Ей нравилось, когда людей много и все довольны. Довольны, в первую очередь, ею. Нравилось, когда её благодарят за заботу. Это было куда приятнее прополки. Впрочем, одно без другого не существовало.

Заботилась Анастасия Вениаминовна о людях не только в официальных сферах. Она следила также, чтобы они вовремя вступали в брак с нужными людьми, вовремя отправлялись в отпуск, вовремя уходили в декрет — никто из них никогда не догадывался, какое участие в их судьбе принимала заслуженная гарпия коммерческого банка. Довольные жизнью сотрудники и стабильная атмосфера взаимопонимания — что могло быть прекраснее? Для Анастасии Вениаминовны — больше ничего. Среди гарпий, разумеется, были и такие, кто практиковал иные увеселения: поощряли среди людей интриги, разнообразные авантюрные связи и манипуляции, но в целом такое отношение считалось дурным тоном, хотя и вызывало ажиотаж в кулуарах. Анастасия Вениаминовна предпочитала спокойный комфорт и стабильность.

Таню она приняла в банк по просьбе своей приятельницы, гарпии государственного университета. Таня была растеряна, в меру грустна, красива и могла со временем стать украшением банка, так как была ещё и в достаточной мере умна. Она была ответственна, исполнительна и решительно понравилась Анастасии Вениаминовне. Вот только мечта...

Никогда ранее Анастасии Вениаминовне не приходилось видеть у людей такой мечты.

У большинства мечты напоминали чахлые растения на тоненьких стебельках, и не составляло труда разобраться, которые

там здравые мысли, а где сорняки, подлежащие срочному удалению, чтобы не заглушили полезных ростков. У Тани же вокруг головы сиял ореол, не видимый никому, кроме Анастасии Вениаминовны, радужный и непонятный.

В кои-то веки заслуженной гарпии пришлось прибегнуть к тайным справочникам. Безрезультатно. Там были намёки на подобные ситуации, но слишком смутные, чтобы быть практическим руководством. Тогда она решила присмотреться к Таниной мечте повнимательнее и устроила молодой сотруднице аттестацию. Три дня Анастасия Вениаминовна пыталась с помощью разных ухищрений разглядеть, что же творится в Таниной голове, и вывод её весьма озадачил.

Мечта у Тани была, но, в отличие от других сотрудников банка, мечта у неё была одна-единственная: огромная и животрепещущая, пронизывающая всё Танино естество так, что удалить её можно было только вместе с жизнью. В то же время она представлялась какой-то абсурдной, бескорыстной и настолько не влезающей ни в какие рамки, что Анастасия Вениаминовна впервые в жизни растерялась: Таня хотела петь.

Всего-навсего. Петь. По-настоящему. Так, чтобы зал замирал от волнения, чтобы, уходя с концерта или прослушав альбом, люди становились счастливее и радостнее. Своими песнями Таня хотела нести людям любовь и радость. Отнять у неё мечту было всё равно что убить её саму. Анастасия Вениаминовна точно не знала, что произойдёт, если Таня умрёт, а её мечта не воплотится, но поскольку была гарпией мудрой и осмотрительной, то проверять не стала. Превыше всего в окружающем мире она ценила равновесие и всегда о нём заботилась. Таково, если хотите, было её призвание.

Ввиду вскрывшегося обстоятельства проще всего, конечно, было Таню уволить. Однако возникало две сложности, и обе они в случае увольнения грозили нарушением равновесия. Во-первых, Таня выполняла все задания на отлично, и ни единого формального повода к увольнению не было. Во-вторых, Таня как-никак пришла по протекции, и уволить её значило проявить по отношению к кое-кому неуважение. Но страшнее всего то, что как в первом, так и во втором случае пришлось бы признать собственное поражение, что для человеческих и уж тем более гарпийных амбиций Анастасии Вениаминовны было категорически недопустимо.

Она обдумывала ситуацию долго и тщательно и в итоге решила принять вызов — вызов делу всей своей жизни. В конце концов,

Художник Александра Поданева

Таня могла представлять некий совершенно новый тип, странный продукт мутации, и технология манипуляции ею могла стать бесценным вкладом в развитие и процветание рода гарпий.

Дело требовало инноваций, и Анастасия Вениаминовна придумала коварный план.

Перво-наперво она нагрузила Таню работой за троих, почти без доплаты. Однако прошло три месяца, полгода, год, а Таня по-прежнему упорно следовала за своей мечтой. Превозмогая усталость, она находила силы писать песни, играть на гитаре и даже иной раз выступать на бардовских слётах.

Анастасия Вениаминовна умело взрыхлила почву и подбросила Тане идею купить автомобиль — можно экономить время, да и гитару с собой возить легче.

Таня взяла кредит, научилась водить — машина сразу стала требовать бензина, платной стоянки, техобслуживания, ремонта и доставлять массу прочих хлопот. Таня урывала время от занятий музыкой, брала подработки, но со своей мечтой не расставалась. Писать она стала реже, но зато выступать — чаще: машина и впрямь позволяла экономить время.

Анастасия Вениаминовна поразмыслила и пустила в ход тяжёлую артиллерию. Таня, сама того не ожидая, вдруг взяла ипотеку. Теперь уже приходилось работать за пятерых; она спала в обеденный перерыв, сильно похудела, но петь не перестала. Только теперь она делала это гораздо реже, иной раз неделями пела только во сне. Выбивалась из сил, но с мечтой упрямо не расставалась.

Анастасия Вениаминовна потеряла покой. Мечта никак не уменьшалась и не хотела менять форму, не оставляла места ни для каких других страстей, никакие сорняки к ней не приставали.

Анастасия Вениаминовна, смирив свою гордость, была вынуждена просить совета у старейшины гарпий. Та посмотрела на растерянную Анастасию Вениаминовну поверх очков, выслушала и на манер оракула изрекла: «Бойтесь своих желаний! Они могут исполниться».

На том аудиенция и закончилась.

Ухватившись за гениальный намёк, Анастасия Вениаминовна продавила решение о постановке мюзикла силами трудового коллектива на новогоднем корпоративе. Организовать всё от и до поручили Тане — не в ущерб работе, конечно же.

Долгожданное признание её способностей окрылило Таню и придало ей нечеловеческих сил. Новогодний корпоратив стал

для всех сотрудников подлинным откровением, и многие впервые задумались: а не проходит ли настоящая жизнь мимо? Они вроде бы по-прежнему были довольны, но изредка им теперь стало казаться, что соли и перца в их жизни могло бы быть чуть побольше. Правда, заканчивалось всё банальными поездками на отдых в экзотические страны. Для этого Анастасии Вениаминовне пришлось как следует потрудиться — она работала не покладая рук, восстанавливая порядок на подведомственной территории. Только теперь работа осложнялась тем, что сама Анастасия Вениаминовна задумалась: а действительно ли её дело так уж полезно, так нужно и благородно? Сомневающаяся гарпия теряет работоспособность куда быстрее, чем простой сомневающийся человек. И это куда серьёзнее...

Намучившись, Анастасия Вениаминовна поняла: настало время действовать решительно!

Вариант с организацией сольного концерта ей показался мелковатым, простым повторением корпоратива. Поэтому она пошла ва-банк, в буквальном смысле этого слова: банк выступил спонсором записи сольного альбома своей талантливой сотрудницы. Было куплено время на лучшей студии города у самого известного звукорежиссёра. С немалой переплатой, так как очередь к нему была расписана чуть ли не до следующего года — Анастасия Вениаминовна не была намерена столько ждать. Затем совет директоров банка привлёк партнёров для раскрутки альбома и провёл неслыханную ротацию кадров: в порядке покровительства талантам Таню перевели на должность, где нужно было работать в меру, а оплачивалась эта должность хорошо.

Альбом вышел и стал сенсацией.

Таня проснулась знаменитой.

Партнёры, привлечённые банком, проявили деловую хватку и уже через пару месяцев после выхода альбома организовали Тане весьма комфортабельный график концертов, пару хороших рекламных контрактов и начали готовиться к записи следующего альбома, благо материалов у неё накопилось на годы вперёд.

Таня была невероятно счастлива. Её единственная мечта, всё, о чём она грезила по ночам, стала воплощаться в жизнь.

И — как с ужасом заметила Анастасия Вениаминовна — мечта нисколько не стала слабее, никуда не исчезла! Она словно вырвалась из заточения и теперь зримо сияла едва ли не для всех окружающих. К Тане потянулись люди. Она рассчиталась за ипотеку, уволилась из банка и на прощание закатила

прекрасный банкет, где пела — совершенно бесплатно — для коллектива, который стал её родным домом и почти настоящей семьёй.

Анастасия Вениаминовна слушала концерт, украдкой вытирала слёзы и чувствовала себя совсем разбитой. Порядок не восстанавливался никак. То есть в банке-то был порядок. Она была вынуждена это признать, люди стали более раскованными и весёлыми, но это сразу позитивно отразилось на производственных результатах. А вот равновесие в душе у неё не восстанавливалось. Её стали посещать сомнения и смутные порывы, желания и многие неведомые прежде чувства.

Анастасия Вениаминовна в панике снова запросила аудиенции у старейшины гарпий.

Та лишь взглянула — не стала даже ни о чём спрашивать — и изрекла: «Такие люди встречаются редко. Тебе одновременно и повезло, и нет. Теперь ты сможешь превзойти себя, стать чем-то и кем-то большим, чем была. Если, конечно, сможешь принять вызов до конца и прожить его. Но хватит ли тебе силы духа — этого не знает никто. Одно могу сказать: если не хватит, превратишься в обозлённую, выжившую из ума старуху. И тогда тебе уже никто не поможет. Иди же и встреть свою судьбу».

Сказала как отрезала — конец аудиенции.

Я не знаю, что стало с Анастасией Вениаминовной дальше. Банк работает до сих пор. А Таня... Разве вы не слышали, как она поёт? Да, конечно, это она. Вы не ошиблись.

Для «своего» банка она всегда выступает бесплатно. Так как очень хорошо помнит, благодаря кому сбылась её заветная мечта.

И в остальном у неё тоже всё хорошо, но вы же знаете: частная жизнь — это не для печати. Могу сказать только, что Таня по-настоящему счастлива и готова щедро делиться счастьем с каждым, кому хватает смелости услышать.

Елена Касьян

Давным-давно

сказка для детей дошкольного возраста

Давным-давно, когда мать-Мгумпака родила саму себя, не было ещё ни воды, ни тверди, ни растительности.

Тогда отбросила Мгумпака пуповину, и стала Земля.

И было на Земле только одно.

Но с высоких гор прилетел чёрный коршун Нду, схватил одно — и унёс в высокие горы.

Тогда Мгумпака создала другое и нарекла его Жизнь. И зажили ею люди.

Но по сей день они продолжают искать одно, называя его каждый по-своему.

* * *

Все люди на земле сперва были женщинами, по образу и подобию матери-Мгумпаки.

Художники Татьяна Папушева и Илья Юдовский

Однажды Мгумпака обстригла свои волосы и закопала в землю.

Из волос выросли деревья Мфо. Их плоды можно было есть, из листьев шить платья, из стволов строить хижины, а цветы вплетать в косы.

Мгумпака велела женщинам свивать пуповины из веток дерева Мфо, глотать их раз в год и рожать самих себя.

Так женщины научились из всего делать всё, а из ничего — ничто.

* * *

Каждый камень, у которого коршун Нду сбрасывал своё перо, считался благословенным.

Только самые достойные имели право строить в том месте жилища.

Никто не видел ни коршуна Нду, ни его птенцов. Считалось, что они носят на своих крыльях одно, и потому осторожны.

Если женщина находила скорлупу от яйца Нду, её нарекали святой.

Всех святых мать-Мгумпака забирала к себе и делала из них Луны.

Семь лун было в небе над долиной. Семь птенцов вывел чёрный коршун Нду.

* * *

Раз в месяц во время полнолуний мать-Мгумпака слепла. В это время её пальцы становились мягкими и текучими, и Мгумпака создавала ручьи и озёра.

В ручьях жила рыба Мемента. Из её мяса готовили рыбный боботай, из костей делали гребни, а из чешуи зеркала.

А в озёрах жила рыба Асемпапаса. Она уносила на дно покойников. Ею пугали детей.

После полнолуний Мгумпака спала два дня и две ночи.

В это время рыбы учились плавать.

* * *

Мать-Мгумпака повелевала родом людским и была довольна.

Женщины были послушны, скромны и трудолюбивы. Они строили хижины в долине, шили платья и делали лёгкое вино из плодов дерева Мфо.

Но однажды заскучала Мгумпака и захотела, чтобы кто-то повелевал ею.

Свила Мгумпака пуповину из дерева Мфо и через год родила отца-Абоумбу.

И стал Абоумба мужчиной и повелевал Мгумпакой.

Так среди женщин поселилась зависть. И каждая захотела, чтобы ею повелевал мужчина.

* * *

Каждый месяц во время полнолуния, когда мать-Мгумпака слепла, отец-Абоумба тайно совокуплялся с земными женщинами.

Женщины стали рожать мальчиков, прятать их в ущельях, а пуповины закапывать глубоко в землю.

Когда из земли проросли деревья Кете, Мгумпака узнала об измене.

Она отдала отца-Абоумбу рыбе Асемпапасе на съедение и стала вдовой.

Женщин Мгумпака простила и позволила привести мальчиков в долину.

Так на земле появились деревья Кете и мужчины.

* * *

Когда женщины уходили в горы искать скорлупу от яиц коршуна Нду, в долину приходили дожди, и ручьи превращались в реки. Поэтому детские колыбели подвязывали к ветвям высоких деревьев.

Но дети не хотели сидеть смирно и часто тонули.

И сотворила мать-Мгумпака серого аиста Нуму. И стал Нуму ловить детей, выпадающих из колыбелей. И стал клювом протыкать им дырки в ушах.

Так каждая мать знала, сколько раз её ребёнок был непослушным.

* * *

Мужчины пили вино из плодов дерева Мфо, курили листья дерева Кете и философствовали о чёрном коршуне Нду.

Они ласкали своих женщин, но мечтали о женщинах соседей.

Они ели рыбный боботай и отказывались верить в мать-Мгумпаку.

Раз в месяц во время полнолуния они уходили из долины искать приключений, и их женщины плакали.

Тогда Мгумпака пришла к озеру и повелела Асемпапасе исторгнуть из себя отца-Абоумбу, чтобы тот образумил мужчин. И было так.

И задумался отец-Абоумба.

* * *

Давным-давно, когда баобабы были очень маленькими, а женские груди очень большими, отец-Абоумба создал черепаху Бинту на потеху мужчинам.

И стала черепаха Бинта.

И создал Абоумба питона Адуму на потеху женщинам.

И стал питон Адуму.

Но мать-Мгумпака научила женщин шить одежды из питоньей кожи.

И научила мужчин чертить письмена на панцире черепахи.

Так появилась мода и письменность.

* * *

Однажды три женщины у ручья красили волосы соком плодов Мфо. И нёс ручей свои воды к подножью высоких гор.

И сотряслась земля, и пришёл с той стороны слон Индомбе.

И наложил хобот на трёх женщин.

И познали женщины блаженство, и нарекли слона священным животным.

И узнала об этом мать-Мгумпака и забрала себе слона Индомбе. И спрятала его высоко в небе за седьмой луной.

С тех пор знают женщины про седьмое небо, но мало в него верят.

* * *

В третье лето от молодых побегов пришла в долину засуха. И призвала мать-Мгумпака духов дождя. И стала Муджаджи.

И была Муджаджи ненасытна и запросила за дождь высокую цену — всех мужчин долины.

И стали плакать женщины и дети, и стали проклинать Мгумпаку. И деревья стали терять листья, и птенцы коршуна — перья.

И отдала Мгумпака отца-Абоумбу.

И была Муджаджи довольна и пролила многие дожди на долину.

И поверили мужчины в мать-Мгумпаку. И стала всеобщая вера.

* * *

Муджаджи и Абоумба родили Абенаа.

Абенаа родил Маанану.

Маанана родила кофейное дерево и прославила своих предков.

И стали кофейные заросли.

Женщины долины приходили петь в зарослях, дети приходили спать в зарослях, мужчины приходили состязаться зарослях.

За это Абоумбу позволял им жевать кофейные зёрна.

Разгневалась мать-Мгумпака и разделила всех людей.

И остались одни жить в кофейных зарослях, а другие вернулись в долину.

* * *

Однажды мужчины долины ели боботай из рыбы Мемендры и говорили о том, что их жёны стали ленивы и неласковы. И каждый считал, что жена соседа лучше.

И поменяла мать-Мгумпака одних жён на других. И стало так.

И наслаждались мужчины новыми жёнами, но вскоре снова думали о жёнах соседей.

И меняла Мгумпака им женщин, пока не поняла, что нет занятия более бессмысленного, чем заставлять мужчину остановиться на достигнутом.

С тех пор каждый женатый мужчина мечтает о жене соседа.

А кто не мечтает, у того нет соседей.

* * *

Летел чёрный коршун Нду, нёс на своих крыльях одно.

Засмотрелся на львицу Нунуму, чиркнул клювом о скалу и высек искру.

И стал огонь.

В каждой семье с тех пор хранился огонь и передавался от отца сыну. Главный подарок к свадьбе был огонь от родителей.

А кто огонь не получал, тот женился без благословения.

Так все в долине знали каждого, кто ослушался старших.

А львицу Нунуму почитали и прославляли.

* * *

В большой праздник семи лун мать-Мгумпака въезжала в долину на слоне Индомбе.

Посмотреть на это приходили даже люди из кофейных зарослей.

И каждый, кто смог коснуться левого уха Индомбе, становился пророком, а кто правого — философом.

— Агуля! — кричала Мгумпака.

— Бум! — отвечали все, ударяя в бубны.

— Агуля!

— Бум! Бум! Бум!

В этот момент зацветали деревья Кете. Так мать-Мгумпака являла народу чудо.

* * *

Давным-давно, когда ещё не вызрели первые кофейные зёрна, решил отец-Абоумба отыскать суть вещей.

И создал Абоумба лук и стрелы, чтобы убить чёрного коршуна Нду и отобрать у него одно.

Тогда мать-Мгумпака сделала Абоумбу близоруким.

С тех пор люди из кофейных зарослей знают, что есть суть вещей, но увидеть её не могут.

* * *

Если мужчина ложится лицом вниз, его может загрызть шакал Уитма.

Поэтому мужчины долины всегда спят на спине.

И только когда они оплодотворяют своих женщин, Уитма может подкрасться сзади.

Поэтому женщины долины кричат по ночам, отпугивая шакалов.

Так мать-Мгумпака знает, сколько младенцев родится в следующем году.

* * *

Когда заканчивает бродить вино из плодов дерева Мфо, в долине начинается праздник посвящения.

Мать-Мгумпака делает из мальчиков мужчин, а их семенем удобряет священное древо жизни Бамбоджо.

Так юноши становятся взрослыми.

Так Мгумпака сохраняет молодость.

Так Бамбоджо соединяет небо и землю.

* * *

Слон Индомбе держит солнце во рту. Когда он поднимает хобот, наступает день, когда опускает — наступает ночь.

Однажды во время дождя Индомбе ощутил боль в желудке и изрыгнул цветную змею. Так стала радуга.

Каждый, кто проходил сквозь радугу, становился художником.

С тех пор во время дождя люди долины молятся слону Индомбе и просят у него радугу.

* * *

Однажды шакал перекусил ремень, на котором мать-Мгумпака носила Священный камень.

Камень упал в реку, и стала большая вода.

И призвала Мгумпака серого аиста Нуму.

Много дней и ночей Нуму рылся в земле, отыскивая пищу. И рылся до тех пор, пока не отделил сушу от моря.

Так стало море.

* * *

Рыба Асемпапаса стала приплывать из моря и уносить с собой неверных мужей.

И взмолились женщины, и заплакали, что скоро не останется мужчин в долине.

И создала мать-Мгумпака белого великана Мбомбо.

И шёл Мбомбо из моря к реке, и переступал через Священный камень. И брал Мбомбо неверных мужей за руку, и выводил их на чистую воду.

Так увидела Мгумпака, что женщины способны простить любое.

* * *

Однажды в кофейные заросли пришла страшная тля и стала пожирать листья и ветви.

И бежали люди в долину, и вели своих детей, и просили помощи у матери-Мгумпаки.

И приняли их люди долины. И позволила Мгумпака им остаться.

И велела, чтобы Муджаджи пролила дождь на заросли и утопила тлю.

И было так.

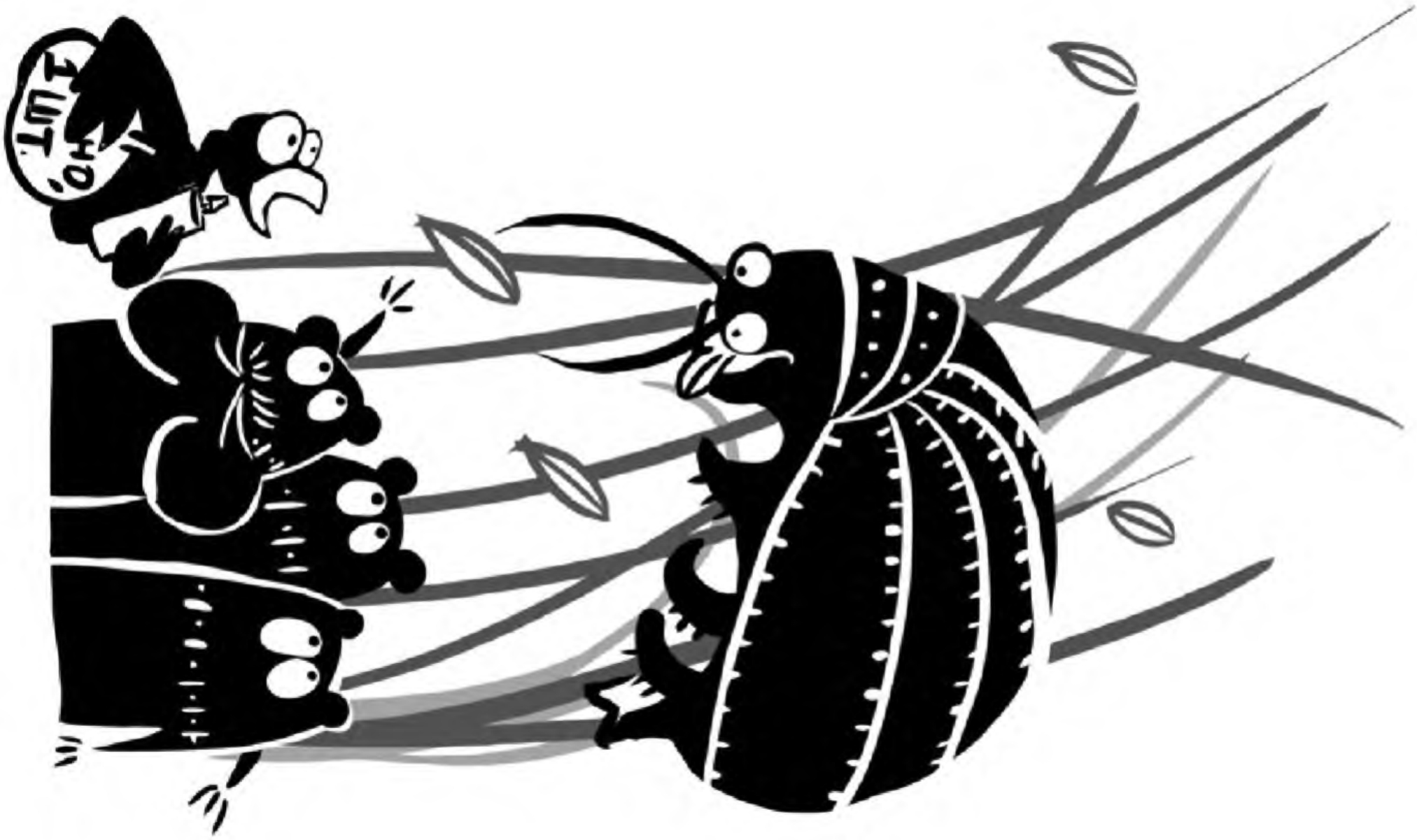
С тех пор все знают, что, спасая детей, человек придёт и к врагу своему.

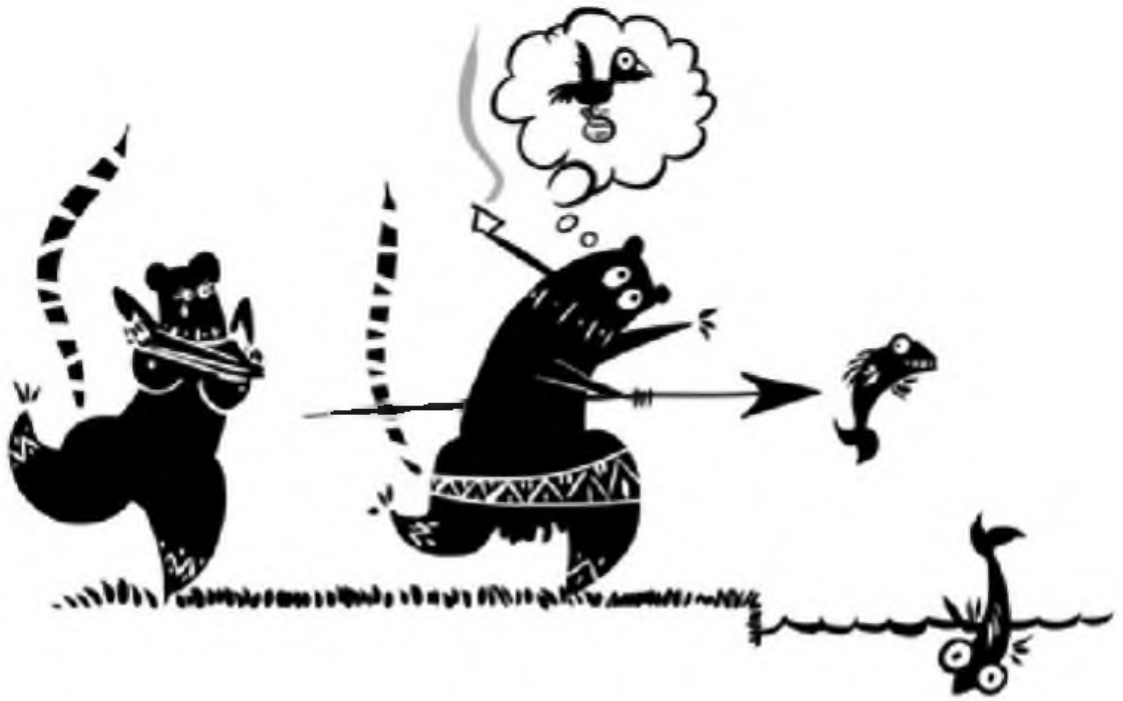
* * *

Однажды мужчины ловили рыбу Меменду и курили листья дерева Кете.

И размышляли мужчины о коршуне Нду и сути вещей.

Художники Татьяна Папушева и Илья Юдовский





И варили их жёны боботай из Мементы, и были их жёны ласковы, и обнажали свои груди.

Но не слышали мужчины своих жён и не смотрели на их прелести.

С тех пор так повелось — когда мужчины ловят рыбу, курят листья Кете и говорят о сути вещей, им не нужны женщины.

* * *

— Кого мы будем благодарить за наши удачи? — спрашивали люди.

— Меня благодарите, — говорила мать-Мгумпака.

— А кому мы будем жаловаться на наши беды? — спрашивали люди.

— Мне жалуйтесь, — отвечала Мгумпака.

— А кому мы будем жаловаться на тебя, мать-Мгумпака?

И явила Мгумпака справедливость, и создала Священный камень.

Не зарастает тропа к Священному камню.

Александр Кац

Унькино подворье

сказка для детей пародного возраста

Приготовил яичницу из двух шарикоподшипников и запил её грибом. Гриб свежий, со всполохами молний по краям и маленьким, всё ещё не прорвавшимся наружу, солнцем. Гриб продолжает расти. Унькин в задумчивости: ну и куда, скажите на милость, отсаживать, когда ему перестанет хватать места в банке?

Насупившийся банк вздохнул и, нервно передёрнув силовыми полями, раздвинулся немного, бурча, что лимиты роста как бы уже все выбраны, и если Унькину так уж хочется что-то сверх того, что уже есть, то ему нужно найти другой банк, побольше, что он вовсе не какой-то там, что он не может до бесконечности...

Унькин рассеянно отмахнулся от бубнящего надоеды, пообещав, впрочем, присмотреть ему замену.

Оборвав лишние побеги с дремлющего антикварного парового молота, выплеснул остатки гриба из кружки в кадушку, в которой под присмотром этого на удивление крепкого старца буйно цвела поросль унькиных. Некоторые из них были уже не по годам в очках с железной оправой. Задорно поблёскивая круглыми стёклышками, юные нахалы пели хором про какую-то Люси.

— Собаку не куплю! — пригрозил Унькин, разрыхляя асфальт вокруг молодёжи.

Во дворе, оттолкнув ногой ластившийся к нему облезлый дворовый трактор, Унькин присел на низкую треногую табуретку и, пододвинув ногой ржавое ведро, принялся доить старенький экскаватор. Моросил нудный алмазный дождь. Унькин не обращал на непогоду внимания.

Балбес-трактор затеялся было поиграть с хлопнувшим его по носу крупным алмазом, но забава быстро наскучила, и он,

забившись в будку, заснул, повизгивая во сне старыми, давно не мазанными траками.

Земля под Унькиным дрожала, норовя слямзить из-под него стульчик. Будка со спящим в ней трактором лениво прыгала через скакалку на одной ножке — эне-бене-раба... Паровой молот в кадушке довольно ухал во сне.

Начинался новый день.

* * *

Унькин проверил напряжённость поля в огороде и остался недоволен: «Маловато будет». Сказал ядерному грибу:

— Мало. Чёрта с два что вырастет.

— Да я уже считал, — проворчал гриб, погромыхивая молниями. — Надо сто семьдесят на каждый метр добавить, тогда в самый раз будет.

— А не ошибаешься, как в прошлый раз?

— Ну, сколько можно тыкать в нос дурацкой ошибкой, — возмутился ядерный гриб, высовываясь из банки. — Подумаешь, ну, забыл раз привести показание. А ты, кстати, сам во всём виноват! — неожиданно взъярился он. — У тебя вечно какие-то антикварные датчики везде стоят. Поди упомни, кто в какой системе единиц результаты выдаёт!

Бронзовый, весь в непонятных вензелях прибор, висящий на одиноко растущем посреди поля фонарном столбе на скрученной в трёх местах проволоке, проскрипел едва разборчиво: «У мня стле... па...» — и затих, бесстыдно демонстрируя так никем и неопознанную цифру.

— Вот! — взвился ядерный гриб. — Вот! Я же говорил! И на основе таких показаний я должен делать вычисления? Это что за цифра у него там, а? И во что я её должен перевести?!

Прибор дремал, негромко похрапывая и не обращая никакого внимания на вопли гриба.

Унькин лишь покачал головой:

— Да не расходись ты так. А то как ты понервничаешь, так мне потом уборки на два дня.

И попробовал поле на зуб. Пожевав немного поле, Унькин сплюнул недожёванные остатки и вздохнул: «Не сто семьдесят, а семьдесят, да и то едва ли...».

И пощёлкав по циферблату так и не проснувшегося прибора, подхватил ведро, заполненное до краев энергией, настаивавшейся всю ночь в сенях на чистом эфире, и принялся разбрасывать её по полю, стараясь не пропускать ни одного сантиметра.

* * *

— ...Самовар, — Унькин похлопал по блестящему боку гостя, — как вы понимаете из названия, всё варит сам!

— Да ну? И чугун, что ли? — не поверил дворовый трактор Тэшка. — Уж больно он хилый какой-то.

— Я так думаю, чугуна мы уж до следующего лета запасли, — подал голос старый экскаватор из своего загона, — компостная яма битком набита. Зачем нам чугун? Нам чугун нынче без надобности. Да и не может он чугун: у него же фурмы — смех один, а не фурмы!

— Значит, чугун не может, — облегчённо выдохнул Тэшка, — куда уж ему с таким-то крантиком, — и шумно почесался радиатором о забор. Во все стороны полетела ржавчина.

— Я всё как-то больше по чаю... — заговорил, преодолев робость, самовар. — У меня и рецептов с собой куча.

— А сортамент? — встрепенулся мирно спавший до того паровой молот. — И какие там добавки? А то мне потом поясницу ломит, если легируют не так, как надо.

— Душица, мята, кар... кар... кракадило — ну, это из новомодных, хотя вы наверняка уже о нём слышали.

— А какой от него, к примеру, эффект будет? — спросил трактор, развалившийся на будке.

— Да разный, — купился самовар на благожелательность окружающих. — Тонус вот повышается, к примеру.

— Чего? — удивился Унькин. — Да нет у нас никакого тонуса, так что и повышать его никакой возможности не представляется. А вот доменная печь разве что. У нас доменная печь на заднем дворе живёт, — пояснил Унькин, показывая куда-то за дом, — но её повышать не надо, она и так высокая.

— Да нет! — удивился их непониманию самовар. — Это вы сами внутрь будете принимать. С травками... и у вас, это... повысится, — добавил он упавшим голосом.

— Ты, что на удойность низкую намекаешь, что ли? — встрял в разговор экскаватор, мерно жевавший бухту спелого телефонного кабеля. — Так нам и не надо больше того, что Унькин надаивает. А больше у нас и поднимать нечего, кроме разве что моего ковша. Ну так время копать огород ещё не пришло, по-моему.

— Нет! — загорячился самовар. — Просто пьёте чай и получаете удовольствие! Всё же очень просто...

— Мы гриб пьём, — сказал Унькин, пожимая плечами, — ядерный. Он нам всё и поднимает.

И добавил озабоченно:

— Вот только не знаю, куда бы его пересадить.

— Так что же, выходит, что я тут не пригожусь? — загрустил самовар. — Что же, отойду, пожалуй, в иной мир. Туда, где пьют чай и получают хоть изредка, да пусть хоть и для вида, от этого удовольствие.

— Не, не найдёт, пожалуй, — сказал Унькин, глядя вслед уходящему самовару. — Это где же такой глупостью заниматься могут?

И почесал масляное брюшко дворового трактора, бессмысленно валявшегося возле своей будки кверху траками.

* * *

Грустный Унькин поливал в теплице вымахавшие выше него кусты микросхем. Урожай в этом году выдался неплохой, но Унькина это ничуть не радовало.

— Ну? И куда мне их столько? — ворчал он. — У меня паровой молот на дворе, и тот антикварный, да ещё трактор-идиот, этому микросхемы скармливать — только кремний зря переводить. А бродячих скупщиков не видать. Эх...

— Слышь, Унькин, — просунулся в дверь дворовый трактор Тэшка, — там к тебе пришли. Может, мне их лучше сразу разровнять, и все дела?

— Кто пришёл-то?

— Да почём я знаю, они не назвамшись.

Унькин отложил в сторону шланг.

— Что ж, пойдём, — пробурчал он и, прикрутив вентиль, бросил в карман пригоршню сорванных не глядя микросхем.

Гость, аналоговый компьютер Авак — так, по крайней мере, гласила надпись на табличке, приклёпанной к телеге на паровом ходу, к которой он и был прикреплён позеленевшими от старости медными болтами, — отчего-то обращаясь к дворовому трактору Тэшке, спросил сипло:

— Ну, ты, что ли, хозяин будешь?

— Ну, буду! — приосанился Тэшка, но получив пинок от Унькина, заюлил:

— А что, я бы мог!

— Мне сказали, у тебя излишки пневматики выросли, а мне срочно надо. Поизносился я что-то.

— Нет у нас пневматики. — грустно сказал Унькин, оттолкнув путавшегося под ногами Тэшку. — Неурожай. Кремния — как грязи, германий неплохой удался, а вот

с пневматикой... Хочешь? — протянул он Аваку пригоршню микросхем.

— Да я к ним как-то равнодушен, — замялся Авак, пыхнув паром, — мне бы что попроще, без всех этих изысков новомодных. Предпочитаю экологически чистый продукт.

— Так у нас молот есть, паровой, он тоже не любит, но ест, не брезгует, в отличие от некоторых.

— Да я тоже, куда деваться, — махнул гофрированным рукавом Авак и добавил твёрдо, — но испытываю при этом томление духа.

— Дух? — прогрохотал прятавшийся до сих пор за крыльцом паровой молот. — У нас есть дух — он в грибе сидит.

— Да, точно! — обрадовался Унькин. — Слушай, а тебе часом гриб не нужен? А то его, заразу, отсаживать уже некуда.

— Ну, если только часть... У меня как раз пересохло всё — банки опустели совсем.

— Ура! — закричал Унькин и побежал делить перезревший ядерный гриб на несколько частей.

— Это я, пожалуй, оставлю, — бормотал он, отделив часть с ещё не проклюнувшимся солнцем.

— А это — тётушке отошлю: уж очень она мне надоела. «Пришли мне чего-нибудь, пришли!» — передразнил он. — Вот так она кричит всё время: «Или ты не племянник мне, чё ли?» Вот я ей и пошлю — пусть порадуется: ядерный гриб штука очень полезная для здоровья, да и в хозяйстве совсем не лишняя.

И, отщипнув смачный кусочек, запихал его в рот и принялся жевать, довольно жмурясь.

— Вот! — сказал он, вручая Аваку треть гриба. — Чем богаты, как говорится, но больше не могу — родственники.

— Понимаю, сам не сирота. Племянников полно. Но спасибо и на этом.

Унькин грыз микросхемы, сплёвывая под ноги лужёные ножки, и думал: «С грибом я, положим, разобрался, но вот куда же мне столько микросхем-то девать?»

Дворовый трактор Тэшка играл на крыльце с оставленным без присмотра посвежевшим ядерным грибом. На цыпочках к ним подкрадывался вечер, мечтавший — ну хоть раз — застать их врасплох.

* * *

— Самовар, самовар идёт! — прокричал трактор, взгромоздившийся на свою будку. — Опять нам свой чай втюхивать будет! Не на тех напал! Ха-ха!

Унькин кивнул приближающемуся самовару и подбросил вверх двух созревших унькиных. Полные надежд унькины взмыли в воздух и очень быстро пропали из виду. Унькин едва успел помахать им вслед рукой.

— Хорошо полетели, — одобрительно сказал он, — как и учили: ниже радаров. Молодец, молот! Надеюсь, укрепятся где-нибудь в третьем или четвёртом квадранте, а то я уже все ноги посбивал, туда ходючи. Очень уж перспективные квадранты. При таком-то количестве флуктуаций — и без присмотра.

И, похлопав Тэшку по кабине, уселся на крыльце поджидать самовар, отражающий надраенными, как всегда, безупречно боками лучи восходящего, на этот раз из-за угла, солнца.

* * *

«...проверять наличие обновлений», — Унькин хмыкнул и отодвинул стального лиса, стоявшего у него на пути.

— Честно-честно! — завопил лис, забегая перед Унькиным. — Я это делаю регулярно. Вот, смотри, — указал он, помотав хвостом у Унькина перед носом. — Видишь? Красота! Правда ведь?

— Хвост как хвост, — проворчал Унькин, нёсший корзинку со свежеснесёнными экскаватором шарикоподшипниками, на масляных боках которых синел штамп «ГПЗ-17бис».

— Да нет, — огорчился лис и в доказательство заскрипел плохо смазанными сочленениями. — Ты не понял. Болт, на котором держится хвост, — новой конструкции. Весит на десять процентов меньше, а сносу ему никакого!

— А что, прошлый был так плох? — обречённо поинтересовался совсем уже оголодавший Унькин, явственно ощущавший запах яичницы из трёх... — нет! — четырёх шарикоподшипников. Вместе с ободками и синими штампами ОТК.

— Да нет же! — удивился непонятливости Унькина лис. — Тому тоже износа не было, просто этот — но-вый! Понимаешь? Новый.

— Понимаю, — совсем уж затосковал Унькин, видя, что лис перекрыл ему дорогу к доменной печи, затопленной им с утра пораньше. — Как не понять-то. Ладно, чёрт с тобой, оставайся.

— Ура-а! — закричал лис и деловито осведомился. — А, каковы будут мои обязанности?

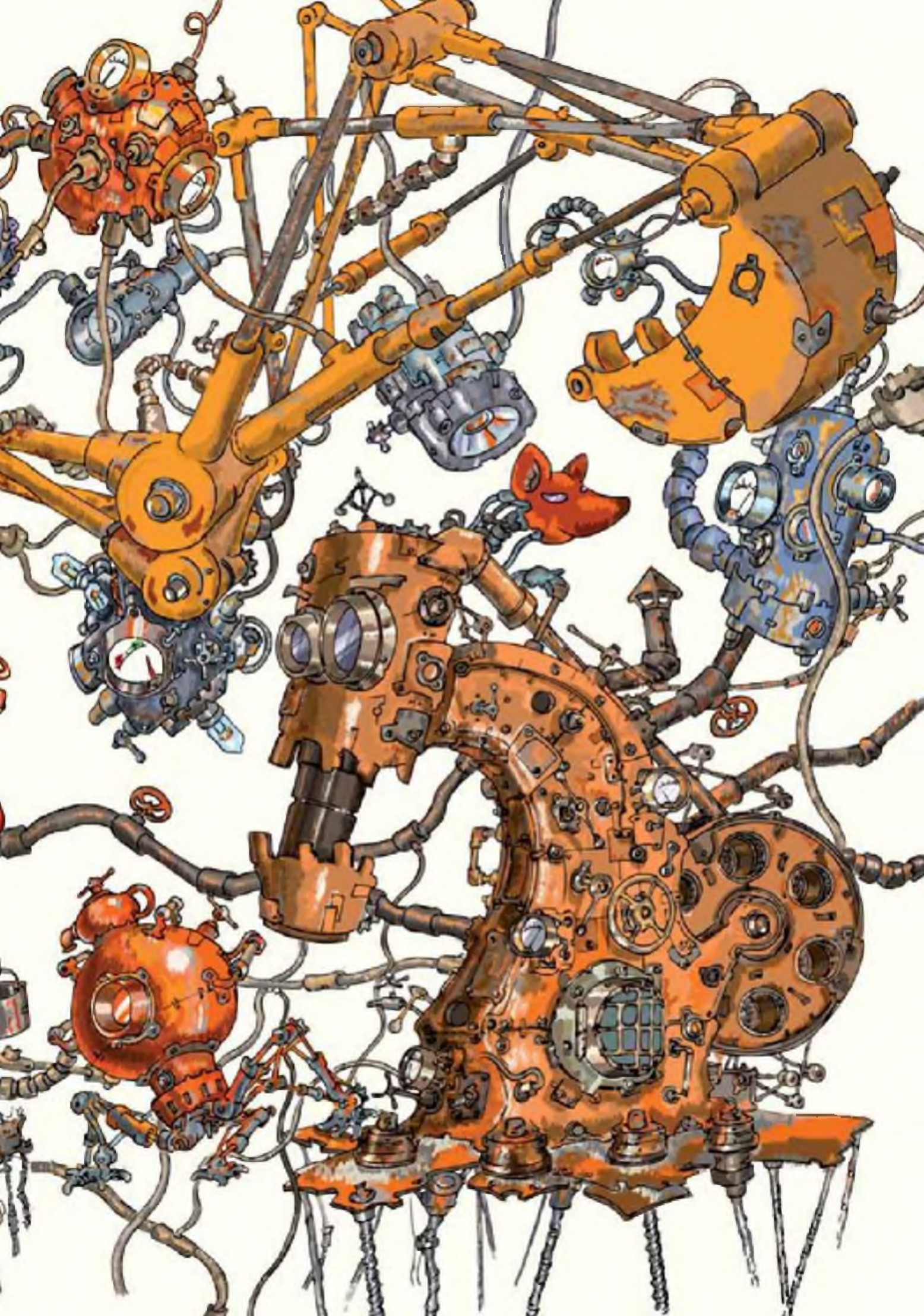
— Ну, ты это... — обернулся на бегу Унькин. — Обновляйся!

* * *

Запив ядерным грибом яичницу, Унькин выглянул во двор. Посреди двора, расправив антенны и сориентировав их на

Художник Татьяна Папушева и Илья Юдовский

Художник Татьяна Папушева и Илья Юдовский



дежурный спутник, сидел стальной лис. Вокруг него стояли, замерев, дворовый трактор Тэшка и дойный экскаватор. Из своей кадки за происходящим внимательно наблюдал паровой молот. И только юная поросль унькиных, игравшая в ножички на щелбаны, ни на что не обращала внимания. Как и всегда.

— Ну ты глянь! И эти туда же! Ну, я вам щас пообновляюсь! — рассердился Унькин и, пнув по дороге мирно спавший генератор помех, пошёл разгонять бездельников.

Утро.

* * *

Унькин выцедил стакан царской водки и занюхал ржавым гвоздём.

«Хорошо! — подумал Унькин. — Но мало». И налил ещё стаканчик.

Стакан мерно гудел силовыми линиями и ждал сигнала к отправлению. Сигнала всё не было и не было, лишь Унькин вздыхал отчего-то, глядя в окно. А вздохи кто, находясь хоть капельку в своём — да хотя бы и в чужом — уме, примет за сигнал? Стакан как-то по молодости совершил такую ошибку и, памятуя о знатной взбучке, сидел теперь тишайше и не рыпался, строго храня содержимое в заданном участке пространства-времени. «А может, у него по работе что не ладится?» — думал стакан. Хотя что может не ладиться у Унькина на работе, он понять никак не мог. То ли воображения не хватало, то ли Унькин думал о чём-то другом.

— И снова хорошо, — крякнул после второго Унькин и поглядел на прислонённый к стене рашпиль, которым он по четвергам снимал с оси Вселенной заусеницы времени. Если те появлялись, разумеется. Рашпиль давно уже жаловался Унькину на отсутствие работы, как будто Унькин и без него этого не знал.

Унькин снова налил, но отставил напиток в сторону, не обращая внимания на возмущённые вопли стакана. Отодвинув миску с позапрошлогодними, квёлыми уже гвоздями, вновь принялся изучать Книгу в поисках не найденных до сих пор дефектов, которые он мог бы поправить.

В окошко подглядывал дворовый трактор Тэшка, взобравшись потихоньку на антикварный паровой молот, спавший в потрескавшейся кадушке. Прислонившийся к стене рашпиль грыз микросхемы, сплёвывая лужёные ножки в фунтик, свёрнутый из старой, забытой Унькиным на столе, газеты с портретом

почившего в бозе от безвестности лидера одного из захолустных измерений.

А стальной лис, замерший посреди двора, ждал обновлений, как ждут прихода мессии: с твёрдой верой в несуществующую справедливость.

* * *

Унькин перебирал в подполе запасённые на зиму мысли. Урожай выдался богатый, не то что в прошлые годы, и Унькин откидывал мысли поплоше в сторону — угостить дворовый трактор Тэшку, да и о дойном экскаваторе не стоило забывать. Молодой же поросли унькиных, произраставшей в кадушке с антикварным паровым молотом, Унькин ничего давать не собирался — перебьются, да ещё и вокруг всё перебьют в юношеском задоре.

Унькин хихикнул, вспомнив, как он когда-то спёр у тогдашнего старшего унькина завалящую мыслишку да и своротил сгоряча горы неподалёку. Прорыл канал, соединивший море с пустовавшей до того лощиной, наполнив её до краёв. Потом долго спасал окружающие деревни, снесённые потопом. Потом... эх, много чего ещё было потом, пока до него не дошло, что мысль-то, которую он с таким энтузиазмом воспринял, была так себе мысль. Да, собственно, не мысль — мыслишка, да ещё и порождённая ехидным умом, просидевшим всё то время на высоком холме и жутко веселившимся, наблюдая за Унькиными усилиями сделать мир лучше.

Унькин вздохнул сокрушённо и, прихватив парочку мыслей для себя и по одной для трактора с экскаватором, отправился было наверх, но, спохватившись, взял ещё и для стального лиса, что занят был единственно обновлениями самого себя.

«Тоже, конечно, занятие, — думал Унькин, отгоняя Тэшку, пытавшегося схомячить и мысль, предназначенную лису, — не хуже иных, но, глядишь, моя мысль и ему не помешает».

И хмыкнув, отправился на огород: проверить, как там растут гвозди — в этом году они были мелкими и квёлыми уже на кустах, так что за ними нужен был глаз да глаз, а то сбегут ещё, как было уже однажды.

* * *

Унькин сидел на крыльце и выстругивал ножичком рыболовные крючки из старой полуоси, забытой чёрт ещё знает когда забредшим к ним на огонёк грузовиком-самосвалом, который не задержался у Унькина, разругавшись вдрызг с ехидным

паровым молотом, тогда ещё не совсем таким антикварным, как нынче, а ещё просто старым и многое повидавшим. Полуось была хорошей, выдержанной, и Унькин был доволен: рыбалка будет что надо!

Единственно, что беспокоило Унькина, так это дворовый трактор Тэшка. Брать этого подлеца с собой? Или не стоит? В прошлый раз, когда Унькин задремал в тенёчке, Тэшка удумал купаться прямо рядом с поставленными Унькиным снастями. Да ещё чуть было и не потоп — забыл, паршивец, в какую сторону всплывать надо. Хорошо хоть рыбы пособили, завели под идиота-трактора верёвки да помогли Унькину тащить, скрипя ржавыми от сырости суставами и выкрикивая при этом всякую весёлую похабщину. Ну, так на то они и рыбы, что с них взять...

А с другой стороны, обещал ведь...

Унькин посмотрел на Тэшку, торчащего с утра пораньше на своей будке и бдящему во все четыре фары за передвижениями чужих по дороге вдоль забора.

«Эх, придётся брать, — вздохнул Унькин и, поплевав на крючок, потёр его о колено; крючок заблестел, и Унькин успокоился. — Рыбы наверняка будут довольны: такие крючки у него уже давно не выходили, а с этими и не стыдно в гости».

«Посидим, — думал Унькин, — гриб ядерный с собой возьму, попьём, рыбы-то большие охотницы до того гриба».

А потом, глядишь, и произойдёт то, ради чего Унькин уже который год ходит на рыбалку — крючков несметное количество уже перетаскал. Рыбы встанут в круг и споют ему своими волшебными голосами, а он будет им подыгрывать на мандолине, а Тэшка... Ну, пусть станцует, что ли...

И Унькин, набив карманы свежими крючками и свистнув обезумевшему, на этот раз от радости, Тэшке, пошёл со двора. Вслед ему махала, нещадно завидуя, молодая поросль, а антикварный паровой молот бесстыдно храпел, несмотря на день на дворе и недовольство окружающих. Да и что с него взять, старый он: документация, и та вся давно утеряна. Приходится терпеть. Ну, сколько ему там ещё осталось, чуть меньше, чем вечность.

* * *

Унькин ушёл в город продавать микросхемы серии «Л», выросшие в этом году бессчётно. Уж и не припомнить такой урожайный год. А бродячие скупщики, как назло, запропастились где-то. Не в компостную же их яму, в конце концов! Вот Унькин, ругаясь на чём свет стоит, и ушёл, впрягшись в просевшую до

хорошо смазанных оптических осей телегу, сожалея слегка, что тот самосвал не сошёлся характером с паровым молотом и удрал однажды утром ни свет ни заря.

Дворовый трактор Тэшка помахал ветошью вслед Унькину и, вытерев набежавшую на левую фару слезу, соскочил со своей будки и деловито сказал молодой поросли унькиных, которых Унькин старший разводил в одном бочонке с антикварным паровым молотом:

— Я, эта, тут теперь за главного буду, значица. И, эта, порядок тут промежду вас мигом наведу, да! Пораспустились, понимаешь ли!

Юная поросль зашумела, доказывая, что они-то как раз ещё не распустились — им ещё целый сезон расти в кадушке, да и по родственной линии они куда ближе к Унькину. Но Тэшка их оборвал, сказав, что рассматриваются только деловые качества кандидатов.

Дойный экскаватор замахал ковшом, отгоняя Тэшку, порывавшегося подоить его, да так разошёлся, что шандарахнул со всей дури по крыше Тэшкиной будки и развалил её, да ещё и ковш заклинило.

Антикварный паровой молот, проснувшийся от тарарама, поднятого неугомонным Тэшкой, закричал, страшно пуча глаза:

— А ну, подходи! Я тебя сейчас в блин раскатаю на раз!

Но Тэшке в блин почему-то не хотелось, и он старался держаться на почтительном расстоянии от ветерана: иди знай, на что тот ещё способен...

* * *

— Где Тэшка? — спросил, осмотревшись, хмурый Унькин по возвращении. — У меня к нему есть пара вопросов по существу.

Ядерный гриб, живший в банке, сказал, высунувшись:

— Ушёл он. Навсегда. Сказал, что такого позора ему не перенести. Что он хотел как лучше. Собрал вещички и ушёл. Вчера ещё.

И добавил:

— Экскаватор не кормлен, не поен — у него ковш о Тэшку заклинило.

— И не до-о-ен, — наябедничала недружным хором молодая поросль.

А антикварный паровой молот промолчал — он спал, и ему снился кошмар: он раскатывает Тэшку в то-о-ненький такой

блин, а Тэшка вдруг восстанавливается и начинает хохотать Унькиным голосом, молот снова хватает Тэшку по башке и — бац! — и снова хохот. Молот взвизгнул от злости и проснулся, а Унькин сказал:

— Погоди, сейчас экскаватор подою и тебя смажу, не переживай, старый.

Выйдя со двора, Унькин завернул за угол. Хмыкнув, пнул дрыхнувшего кверху траками в придорожной канаве Тэшку:

— Вставай! Кто за тебя порядок наводить будет? Насвинячил — убирай.

И пошёл обратно, чинить ковш оголодавшего экскаватора.

* * *

Унькин бросал камешки в вечность. Он всегда так делал, когда его охватывала своими липкими объятиями старая подружка хандра. Вот и сейчас он сидел на краю поля, бросал камешки и ждал, что вечность ему ответит. Ну, хоть как-нибудь.

— Да не дождёшься, — проворчал ядерный гриб, живший в банке на подоконнике, — не до тебя ей.

— А до кого? — заинтересовался Унькин, слегка удивившийся, что вечности, оказывается, не до него. — До кого же ей тогда?

— А ни до кого, — фыркнул гриб и покрылся россыпью трескучих фиолетовых молний.

— А тебе идёт, — уныло сказал Унькин и, отвернувшись, швырнул ещё один камешек. Камешек плюхнулся в вечность, но там даже круги и те не пошли. Они так и остались в кучке вокруг воронки, втолковывая лежащему на дне мрачному камешку, по-видимому, что-то очень важное. Ну, в смысле, фиолетовое.

— Да ну, пустая трата энергии, — вздохнул гриб и погасил иллюминацию. — Так, для привлечения внимания.

— А что, тебе тоже нужно привлекать внимание? — искренне удивился Унькин. — Ты же — ого-го какой заметный! Хоть и в банке.

— Иногда и на меня находит, — вздохнул гриб. — И дело вовсе не в банке, а в самом себе. Вот у тебя что внутри?

— Ну, я не знаю, — задумался Унькин и даже перестал швырять камешки. Все с интересом уставились на него. Даже вечность и та скосила на Унькина глаз, пусть и всего один. — Наверно, материя. Хотя это и не обязательно в данный период времени вселенной.

— Во-от, — грустно сказал гриб, — а у меня, увы, дух.

— Чей? — изумился Унькин, а вечность уставилась на них уже всеми глазами.

— Мой, — задумчиво ответил гриб. — Кажется. Ну, или ещё чей-нибудь.

И подумав немного, добавил:

— Томится. Судя по всему.

— Во как, — Унькин даже отложил камешки в сторону. — А у меня, интересно, что томится? Ведь у меня нет духа, ни своего, ни чужого.

— Так ты, видимо, сам и есть дух, — предположил гриб. — Потому и томишься.

— Нет, — махнул рукой Унькин, — какое там, дел невпроворот. Вон урожай микросхем удался зверский, не знаю, что с ним делать. Да дворовый трактор Тэшка повадился молодой поросли унькиных срамные сказки рассказывать, пока антикварный паровой молот спит. А спит он, старый хрыч, всегда! Портят мне молодежь, паршивцы! — взъярился Унькин.— Будешь тут духом, как же!

И швырнув в хихикающую вечность ещё один камешек, встал.

— Пойду, задам трёпку подлецу Тэшке, чтоб ему неповадно было. Дух, как же...

И ушёл, ругаясь на чём свет стоит, хлопнув по дороге калиткой так, что та, сорвавшись с навесов и накренившись, повисла и уставилась с удивлением Унькину вослед: ты чего это, Унькин, с глузду съехал?

А вечность, подмигнув ядерному грибу, затихла, искоса поглядывая, как гриб, угрюмо ворча, прочерчивает вокруг себя молниями лабиринт в безуспешной попытке понять, чей же у него внутри дух, и что будет, когда тот в конце концов вырвется на волю. В то, что это когда-нибудь произойдёт, и произошедшее, скорее всего, изменит мир, гриб был уверен на все сто. Как и вечность. Которая, впрочем, быстро отвлеклась на более перспективный, пусть и краткосрочный проект: протобактерия, жившая в жалкой луже на безымянной, сплошь покрытой вулканами планете, неосторожно прислонилась к другой протобактерии и, не удержавшись, к своему огромному удивлению и восторгу слилась с ней в единое целое.

* * *

Унькин утёр лоб. Охота за сбежавшим из банки ядерным грибом завершилась минимальными разрушениями: дыра в заборе,

сожжённый старый сарай с запасённым на зиму металлоломом, проснувшийся не вовремя антикварный паровой молот — в общем, мелочь, если разобраться.

Ядерный гриб трусливо помалкивал в банке, да Унькин и не обращал на него внимание. Гриб, повздыхав немного и потрещав потешно молниями, заканючил было своё любимое: «Я больше не буду, кто же знал, что забор больше трёх килотонн не...», но Унькин махнул на него рукой и вышел на крыльцо.

— Давно его деактивировать надо было! — орал перемазанный с ног до головы сажей дворовый трактор Тэшка

— Пых-пых, — поддержал его раскочегаренный на всю катушку паровой молот. — Подайте его мне, — ревел он, — в мономолекулярный слой подлеца раскатаю!

Унькин молча, не обращая никакого внимания на поднявшийся во дворе гвалт, прошёл сквозь дыру в заборе и побрёл по направлению к третьей луне слева, вставшей вместе с первым солнцем раз в десять оборотов. Его, как и всегда в таких случаях, звала дорога. Новенькое её полотно расстилалось под ногами и, дурашливо хихикая, убегало в холмы, то скрываясь из виду, то появляясь вновь.

Унькин шёл не торопясь. Он знал, что проказливая дорога всё равно приведёт его обратно, по пути заведя почему-то в старый полуразвалившийся бункер за холмами. Там он, как всегда, просидит до захода луны, глядя на умершие ещё в те времена, когда Унькин сам был ещё молодой порослью, мониторы. А потом, кивнув рассвету, встанет и побредёт домой, по уже молчаливой и невыносимо скучной к тому времени дороге, скатывая её в рулон, чтобы в следующий раз не заблудиться. В то, что следующий раз будет, Унькин не сомневался — так было заведено, и не ему менять.

...Всё на месте. В бункере отчётливо пахло сажей. Унькин отмахнулся от электрических бабочек, водивших хоровод вокруг его головы, но те не обратили на него внимание. Мониторы так и не ожили, а сквозь трещину в своде бункера, появившуюся от контакта с головой Унькина, всё ещё была видна луна.

— Надо бы заделать, — сказал кто-то, и Унькин снова подпрыгнул: от неожиданности.

— Ты кто?

— Я? — уточнил Унькин отгонявший рой электрических бабочек от своей головы. — Я — Унькин.

— А какой модификации? — поинтересовался чужак. — Я, к примеру — «F». С правом на модифицированное потомство.

— А-а, то есть...

— Да, то есть я — Унькина, и мне нужен такой, как ты, — сказала она и хихикнула. — Для модификации.

— Но я... — забубнил Унькин, — как я могу...

— Ничего, — улыбнулась Унькина. — Справимся...

И заряд молнии шандарахнул прямо во всё ещё не отошедшую от контакта с бетонным сводом голову Унькина.

— Ух ты, — пробормотал он, глядя на ядерный гриб, непонятно как оказавшийся в бункере, — а ты как здесь?

— Ха! — завопил гриб — Тебе на помощь! Иначе откуда же тебе столько энергии взять?

— И правда, — согласился Унькин, глядя на увитую молниями Унькину, парящую в метре над полом.

Приняв решение, он, уже не колеблясь, потянулся к ней раскалённой добела, слегка дрожащей рукой, крепко держась другой за радостно ухающий ядерный гриб.

* * *

— Сегодня вы все как один вступаете в самостоятельную жизнь! — надрывался дворовый трактор Тэшка. — И все как один должны будете...

Хоть он и делал это уже много раз, Тэшка так и не удосужился выучить слова наизусть, а потому читал по истрепавшейся от времени бумажке. Прочтя последнее из сохранившихся слов, замолк, удивившись. «Вроде тут раньше больше было», — пробормотал он и, повертев так не вовремя закончившуюся бумажку, воскликнул:

— А, ладно, летите уже!

И молодая поросль Унькиных кинулась разбирать воздушные шары, отталкивая друг друга и оттаптывая колёса и траки всем, кто не успел увернуться.

— Летите уже, ну! — кричал Тэшка, а дойный экскаватор громко трубил, задрав ковш в небо:

— Давайте! Вас ждёт замечательная жизнь впереди!!!

— Уф! — выдохнул остатки пара антикварный паровой молот. — Разлетелись.

— Сейчас уже Унькин вернуться должен. На этот раз едва успели место освободить под новую поросль. А всё ты! — погрозил он изрядно отощавшему ядерному грибу, спящему в своей банке.

И потянулся, захрустев всеми сочленениями.

— А всё-таки как-то пусто без них, — пробормотал он, зевая. — Но ничего, это ненадолго.

И задремал, механически продумывая новый учебный план.

* * *

— Ура! — закричал дворовый трактор Тэшка. — Уррра! Мы в нём мелкосхемы на зиму солить будем!

— В ком? — не понял Унькин.

— Ну, в баке, что ты собрался у нас завести.

— Не в баке, а в БАКе, балбес расхлябанный. В Большом Адронном Коллайдере то бишь. В нём мелкосхемы не засолишь, мы в нём дырки пространственные замачивать будем, больше он всё одно ни на что не годен. Подлатаем маленько, и всё. А вот с дырками уже совсем другая история будет. Мы сквозь них запчасти для нашего парового молота доставать будем в прошлом. Иначе никак нельзя: их больше никто не выпускает, а старик уже совсем почти не просыпается.

— Он же проснётся, опять всех ругать будет, — возразил Тэшка, — пусть уж лучше спит себе.

— А кто за молодой порослью следить будет? — вздохнул Унькин. — Другого такого нам не найти, так что идём к коллайдеру. За дырками.

И, прихватив ядерный гриб, Унькин отправился в путь. Долго ли он шёл, коротко ли, но в конце концов пришёл в чистое поле достаточных размеров.

— Эй, гриб! — встряхнул Унькин банку с дремлющим внутри неё ядерным грибом. — Ты чё? Спишь, чё ли?

— Я не сплю! — возмутился гриб, отчаянно зевая. — Я энергию э...э... экономлю. Ну, чё? Нашёл?

— Да. Пойдёт?

— Пойдёт, — одобрил гриб, озираясь вокруг, — здесь и прочертим, выпускай.

Унькин отщёлкнул застёжки магнитной банки, в которой жил гриб, и тот с душераздирающим рёвом вырвался наружу.

— Тебе что, делать нечего!? — заорал оглушённый Унькин. — Каждый раз одно и то же!

— Извини, — покраснел гриб, — забылся на радостях — не часто мне на волю удаётся... Так какой коллайдер сооружаем?

— На какой у тебя энергии хватит. Потом рассчитаемся. А сейчас давай за дело, времени совсем не осталось...

Ядерный гриб, завывая и грохоча, скатывал чистое поле в рулон, сшивая по шву молниями. Он дробно стучал гигантской швейной машинкой, а Унькин, воткнув рядом с собой сачок, сидел на краю поля и, болтая ногами в римановом пространстве, лепил из протонов, припасённых заранее, два снежка: один

левозакрученный, а другой — право. И главное было — не дать им раньше времени сцепиться!

* * *

Унькин почесал в затылке. Тот, ощетинившись силовыми когда-то линиями, заворчал:

— Чё те, делать неча, чё ли?

— Да есть, — вздохнул Унькин, — какой там «нечего»... Но надо же иногда и перерыв сделать. Или вот, как сейчас, вид: ну, будто бы я как бы чего-то не понимаю.

— Кто? Ты, да чего-то не понимаешь? — поразился затылок и добавил авторитетно: — Не, не, так не бывает!

— Вот и приходится делать вид, — проворчал Унькин, — а то уж совсем скучно иногда становится: всё по расписанию, даже самовар, и тот в гости приходит строго каждый третий цикл второй луны. Бедолага...

— Так пусть бы ужо и не приходил вовсе, — пробурчал затылок, пригладив линии. — Чё занятых людёв от работы-то глупостями отвлекать. Ишь, поганец, чё удумал: чай, грит, надо пить!

— Угу, только я слыхал, что и правда есть такие чудики в третьем отсюда измерении. И правда пьют. Такие, брат, дела.

* * *

Дворовый трактор Тэшка заполошно носился вокруг старого парового молота, убивая время до обеда, а молот просто так спал, не обращая никакого внимания на грохот, издаваемый трактором, и визг перепуганного времени.

Унькин вышел на крыльцо и похлопал себя по растрёпанному затылку.

— Что, снова достаёт? — посмотрел в его сторону терпеливо дожидающийся утренней дойки экскаватор.

— Погода меняется, — вздохнул Унькин, — всего лишь меняется погода...

И, отпихнув назойливый трактор, принялся поливать из лейки юную поросль унькиных, подрастающих в старой рассохшейся кадке с паровым молотом. Молот хрюкнул во сне и заворочался, одобрительно ворча и подставляя бока под блестящие в лучах утреннего солнца чёрные, потрескивающие от напряжения струйки.

* * *

Унькин сидел на крыльце и лузгал мелкосхемы серии «К» урожая этого года. Все три солнца светили подозрительно

умеренно. Унькин глянул на барометр — стрелка, предсказывающая солнечный ветер, дремала на отметке «Тиха-а, я сплю!»

Унькин пощёлкал пальцами и шандарахнул высеченной искрой в циферблат, рядом со стрелкой.

— А? Что?! — заметалась стрелка под радостное улюлюканье молодой поросли унькиных. — Случилось что?

— Ветер будет? — миролюбиво спросил Унькин.

— К-какой ещё ветер? — стрелка никак не могла проснуться.

— Любой, — терпение Унькина иногда бывало безграничным.

— А-а-а, — успокоилась стрелка, — я сейчас, погоди...

И принялась раскидывать карты.

— Ага. Значит так. Если башня номер один зацепится за облако, то... Вот: три солнца должны сойтись в одно, и наступит... Нет, не наступит, это из другой реальности. А что нам скажут кости? — и стрелка принялась трясти кости. — Эй, кости! Просыпайтесь, день на дворе!

— Ну, чего ещё? — проворчали кости, гревшиеся в лучах солнца номер один.— Не видишь, что ли, мы отдыхаем!

— У меня с картами проблема, — задёргалась стрелка, — у меня точность предсказания страдает!

— А что с ней?

— Грипп. Дверной.

— А, тогда ладно, — вздохнули старые кости. — Если дверной... Значит так: солнца номер три и номер четыре, с периодичностью до целой запятой в периоде...

— Вы давайте не умничайте! Вы скажите, будет ветер или нет? — взвизгнула стрелка. — А уж потом умничайте, если конечно найдётся, кому вас выслушать!

— Будет. Вот только маленькая незадачка: когда — не знаем.

— Отлично! — дёрнулась стрелка через отметку «Буря» и разлеглась на отметке «Спасайсь, кто может!» в двух делениях от «А-а! Мы все умрём!»

— Ну и когда? — спросил Унькин. — А то мне теплицы надо прикрыть, что ли...

— Когда-нибудь, — отвечала стрелка важно, — но зато с гарантией.

Унькин посмотрел на юную поросль, укрывшуюся под разноцветными зонтами, на старый паровой молот, мерно дремлющий, как и прежде, и успокоился: раз молот на жизнь не жалуется, значит, ничего страшного их не ожидает. По крайней мере, в ближайшем будущем.

И ещё раз щёлкнул пальцами. Стрелка, глядя как заворожённая на короткую дугу между пальцами Унькина, плавно скатилась на отметку «Умеренный солнечный ветер».

Унькин ткнул в бок стального лиса, стоящего посреди двора в ожидании обновлений: «А ты как считаешь?» Лис подстроил антенны и сказал: «Всё будет хорошо!» И снова замер. Идиот, что с него взять.

* * *

— Чёта нонче с Унькиным не то, — сказал всё ещё не доеденный экскаватор, — раньше вроде за ним такого не замечалось.

— Да нормально всё! — прогрохотал давно немазанным подшипником дворовый трактор Тэшка. — Он просто думает. Вон он: на крыше сидит.

— А что, внизу думать уже нельзя? — лязгнул клапаном антикварный паровой молот, оторвавшись от прореживания молодой поросли унькиных, едва проклюнувшейся у него в кадушке. — Тут забот полон рот, а он по крышам, что твой кролик, ползает.

— Так, может, у него батарейка закончилась? — не унимался Тэшка. — Надо же грибу ядерному сказать, что у Унькина... Гриб, эй! Слышь, гри-иб!!! Унькину батарейки подзарядить нада!

— Ты чего орёшь, как будто у тебя трансмиссия выпала на ходу! — рявкнул паровой молот. — Ты, вахлак, мне унькиных растить мешаешь своими воплями: вишь, они все обратно в землю норовят зарыться. А ну, вылазь немедля!!!

Унькин сидел на крыше и не слушал вопли, раздававшиеся снизу. Он смотрел на протекавшую нынче через соседний холм речку. Речка, заметив внимание Унькина, помахала ему и улыбнулась застенчиво.

— Я скоро уйду, ты не беспокойся...

— Может, останешься? У нас тут хорошо... А я к тебе буду ходить на рыбалку. Рыба, небось, соскучилась по добрым разговорам у костра?

— Это точно, — вздохнула речка, — да и я давно уже не слыхала, как они поют. А помнишь, в прошлый раз ты играл на банджо, а они пели «дом восходящего солнца»?

— Мы ещё первое место тогда заняли, — хмыкнул Унькин. — Уж и не помню, где. Впрочем, всё это чушь, главное — было хорошо! Оставайся, а?

— Знаешь же, что не могу... Ну, хорошо, до третьего солнца останусь, хотя это и против правил.

— Спасибо, я тебе очень признателен, я сейчас...

Унькин спрыгнул с крыши и пошёл доить экскаватор, запнувшись по дороге — чего с ним никогда не бывало — о стального лиса, стоящего посреди двора с раскрытыми антеннами.

— Речка, небось, пришла, — хмыкнул паровой молот. — Давненько её не было в наших краях...

— Ура!!! — завопил Тэшка. — На рыбалку пойдём! А я как раз новую песню выучил, про прогоревший клапан и пообтесавшийся кардан. Сейчас я вам её спою.

— Я тебе спою! — взвился паровой молот. — Ты мне юную поросль своими песнями не порть!

— Хорошая песня, — поддержал экскаватор Тэшку. — Я её уже сколько раз слышал, только слов не разобрал.

— Зато я разобрал! — гаркнул молот. — Да я тебя в мономолекулярный слой раскатаю, если ты её при детях петь будешь!

Молодая поросль унькиных с любопытством смотрела на Тэшку, исподтишка подавая ему знаки: ну, давай, давай! Мы уже все во внимании!

Унькин доил рассуждающий о чём-то экскаватор и думал: из чего же ему изготовить третью струну для банджо? Старая давно порвалась, да и вторая тоже едва дышит, истрепалась вся. А взять фирменные суперструны у него энергии не хватает — ядерный гриб совсем расхворался в последнее время...

* * *

— Ну, и в чём смысл жизни? — спросил ядерный гриб, погромыхивая чем попало в своей банке.

— Какой такой смысл? — удивился Унькин, отрываясь от списка, который он усердно готовил с самого утра перед завтрашней поездкой в город. Микросхем нынешнего урожая всё ещё завались, а вот кое-чего самого необходимого было совсем в обрез. Один только гриб, потреблявший плутоний без меры, чего стоил. Мало того, что он все запасы на зиму сожрал, так он ещё и повадился угрожать, будто демонстративно зачахнет на виду у всех.

— Какой смысл? — повторил Унькин.

— Ну, в жизни. Я вот тут подумал: «А что будет, если я возьму и зачахну?» Нет, нет! Это я для примера, — успокоил гриб взвившегося на дыбы Унькина. — Что и... всё?

— Что «всё»? — Унькин метнул стило в висевший на стене портрет знатного Кого-попало — попал!

— Ну, зачем тогда всё?

— Да какая разница. Смотри: я попал... Погоди, что значит «зачем»?

— Ну, смысл в чём?

— А что? Должен быть? — Унькин почесал в затылке и выдернул стило из недовольно сморщившегося портрета. — А я и не знал. И что, у всякой жизни должен? Вот наш балбес, дворовый трактор Тэшка, какой в его жизни смысл может быть?

— Так это его надо спросить, каждый за свой смысл сам отвечать должен.

— Ага, а твой, к примеру?

— А я... вот ищу его, точно знаю, что раньше был. Да, видимо, обронил при пересадке из банки в банку. А вот Тэшку никто не пересаживал, так что он должен знать.

— Меня тоже никто не пересаживал, но я тоже не знаю почему-то.

— Ну, хорошо, не хочешь спрашивать Тэшку, не надо. Сами сейчас всё решим. Что будет, если он возьмёт да помрёт, как в прошлую луну, когда у него магнето сдохло? А запасного нет! А я в отлучке: по делам куда-нибудь уехал, и от меня нельзя подкурить?

— Ну, в переплавку его. У нас с железом вечно проблема — доменная печь жалуется всё время на простои.

— Ага, значит, его смысл жизни — накормить эту прорву-домну. Ну, вот и определились!

— Если в этом смысл жизни, то он мне тогда вовсе не нужен, я от него отказываюсь, — сказал Унькин и вписал в список: «Запасное магнето для Тэшки». Взглянув на ядерный гриб, впавший в задумчивость, добавил: «Две штуки».

* * *

— Цыть, вахлаки! — проскрипел антикварный паровой молот на молодую поросль унькиных. — Спать мешаете.

И снова захрапел неисправным уже который год выпускным клапаном. Будучи пенсионером, молот чинить клапан отказывался принципиально. «Ещё чего, только время зазря переводить! — отмахивался он от доведённого до белого каления Унькина. — Тебе же это не помешало в своё время вырасти, и этим ничего не сделается».

И немедленно засыпал. И на вопли Унькина о бессоннице никак не реагировал: какая ещё такая бессонница у молодого Унькина?

* * *

Расстроенный Унькин сидел на крыльце. Вокруг него валялись приборы и инструменты для настройки, но результат, увы, был... не очень.

Дворовый трактор Тэшка в обычной своей манере заполошно носился вокруг старой рассохшейся кадушки, в которой крепко спал антикварный паровой молот, поскрипывая чем-то там внутри. Тэшка кричал: «Вставай! Просыпайсь! Все! Вы слышали — все! А тебе особое приглашение, что ли? Слышишь ты или нет, старая развалина!»

Молодая поросль унькиных в кадушке переговаривалась вполголоса, пытаясь выяснить, в чём же там дело и чем им лично это грозит. Но по молодости так ни черта и не поняв, они решили ждать развития событий. А наставник молот спал себе и спал, а просыпаться так и вовсе не собирался.

Тэшка, осознав наконец всю тщетность своих усилий, обругал разомлевший под светом третьего солнца паровой молот страшными словами и кинулся к своей последней надежде, к дойному экскаватору, прятавшемуся в своей стайке[1] от греха подальше.

Экскаватор был пусть и не мудр, но уже изрядно стар, а посему помнил крепко: как только шум, лучше всего немедленно спрятаться — всё меньше расходов на ремонт потом.

— Ты что, не видишь!? — залязгал второй передачей Тэшка на трусливый экскаватор. — Унькин расстроился. Как мы теперь его в чувства приведём, а?

— Я не доен уже третий оборот! — счёл нужным заявить экскаватор, не выходя, впрочем, наружу.

— Выйди немедля! — взревел Тэшка так, что даже в доме Унькина зазвенели чашки в шкафу. — Выходи, трус! Мне... Нам всем нужна твоя помощь!

Экскаватор робко выглянул:

— А чем я могу-то? И вообще, когда меня доить будут?

— Ты можешь сделать то, что не могу я! Шарахни ему ковшом по башке, чтобы он очнулся. Я бы и сам, но у меня нет ковша, и мне не дотянуться.

— И... это поможет? — робко спросил экскаватор, выбираясь наружу бочком.

— Ещё как поможет, — уверил его Тэшка. — Мне же вон тогда помогло, хотя ты и промазал. К счастью.

---

[1] **Стайка** — *диалект.* — поветь, ; загон, хлев, крытый сарай для скота.

Экскаватор проковылял к крыльцу и размахнулся.

— Стой!!! — завопил Тэшка. — Стой!!! Не Унькина, Молоту по башке бей! Мо... Ай! — взвизгнул Тэшка и, теряя на ходу траки, ринулся спасаться в свою будку.

Экскаватор был глуховат и не разобрал, чего там кричал Тэшка.

— Чтоб вас! — ворчал пришедший в себя Унькин, выбираясь из под обломков крыльца. — А Тэшку — в металлолом сдам! Вот только появится скупщик — сразу и сдам. Всё, кончилось моё терпение! — повысил он голос, чтобы Тэшка слышал его угрозу.

С удовольствием понаблюдав, как трясётся от страха будка с лязгающим всеми сочленениями Тэшкой внутри, удовлетворённо хмыкнул и пошёл доить забарикадировавшийся в стайке экскаватор, не преминув по дороге пнуть со всего маха безмятежно храпящий паровой молот.

— А!? Что? — очумело завертелся тот во все стороны. — Ты чего, Унькин, с чердака упал? Такая погода стоит — грех не подремать, а ты!

И, что характерно, тут же заснул снова! Возраст.

* * *

Унькин сидел на крыльце и решительно ничего не делал. Он даже не думал. У него пробило изоляцию, и он сидел в облаке искр с открытыми глазами и отвалившейся правой рукой. Оглушительный треск, издаваемый им, разбудил-таки задремавший — казалось, уже навсегда — антикварный паровой молот.

— Что замерли, мерзавцы! — крикнул молот прячущимся за Тэшкиной будкой дойному экскаватору с раздувшимися до предела трубками и стальному лису со свёрнутыми в трубочку антеннами. — А где этот бездельник Тэшка?

— Заржавел. На металлолом сдали, — крикнул изрядно обшарпанный лис. — Ещё в прошлую фазу луны и сдали.

— Кто сдал? — изумился молот. — Кто посмел?

— Да кто-то из молодой поросли, уж и не упомню кто... — прокричал экскаватор. — Меня вон через раз доят,— наябедничал он на всякий случай, — скоро все трубки полопаются окончательно, и меня тоже того, в металлолом. Скорее бы уж!

— А где они? — огляделся молот. — Смотри-ка, и правда, никого не осталось. А кто их уму-разуму... Выходит, они что? Сами?

— Разлетелись все, кто куда. Вон Унькин один остался... — пискнул лис заржавевшим горлом.

— И давно это он так?

— Да уже порядочно, — откликнулся экскаватор, пока лис боролся с заевшим голосовым механизмом. — У него уже совсем скоро заряд должен кончиться. Так нам кто-то сказал. Тогда и его в металлолом, а нас на свалку.

— Я вам дам на свалку! — завизжал сочленениями молот. — Где ядерный гриб, почему он не подзарядит Унькина?!

— Ушёл гриб-то. Сказал, что у него запасы энергии истощились, и ушёл. Новый источник искать, — прорвался голос лиса сквозь ржавчину.

— Ну, ясно, — сказал молот. — Значит так. Сейчас мы Унькина в себя приведём, а уж он всё по местам расставит. Эй, ты, безмозглый, дай-ка Унькину ковшом — может, у него искрение прекратится.

Экскаватор опасливо подобрался поближе и со всего маху шандарахнул Унькина по голове. Треск и правда прекратился, но вместе с тем Унькин вдруг рассыпался по двору мелкими осколками, и лишь небольших размеров шаровая молния, выпрыгнув откуда-то, заметалась по двору, увёртываясь от панически визжащего лиса, мечущегося в поисках спасения, и тщательно огибая руины развалившегося посреди двора экскаватора.

— Ну, вот, — грустно сказал Молот, — и правда, пора и честь знать. Засиделся я тут с вами! — крикнул он неизвестно кому и вдруг взлетел из развалившейся кадушки и, мощно ревя стартовыми ускорителями, пошёл на взлёт в сторону третьей луны. Рядом с ним летела шаровая молния, не отставая ни на сантиметр.

Молодой Унькин смотрел на взлетающий из-за холма молот, пока тот не скрылся в небе, проломив низкие облака, и, похлопав по спине блестящий свежевыкрашенными боками трактор Тэшку, спросил:

— Ну, долго ещё идти до твоего дома, вахлак? Уж больно мне хочется с твоим хозяином познакомиться.

— Рядом, совсем рядом уже! — закричал Тэшка и понёсся, не разбирая дороги, через холм, оставив позади смеющегося Унькина. — Эй, я вернулся!

* * *

Пространство скрутилось в узелок и задрожало. У него были самые серьёзные намерения, разумеется, оно совсем уже созрело для рождения новой вселенной. Но там, как это обычно бывает, что-то не очень сошлось в расчётах и, немного побившись

в судорогах, пространство разочарованно затихло. А затем нехотя распрямилось, зыркнув по сторонам — не видел ли кто? — вновь потрескивая сведёнными судорогой силовыми линиями.

Прямо в том самом месте, где ожидалась вспышка, в центре несостоявшегося Биг Бэнга, сидел Унькин с ядерным грибом в одной руке и новенькой кадушкой подходящих размеров в другой.

«Чем не вселенная? — подумало пространство и вздохнуло. — Ну, масштабы, конечно, не столь внушительны, а всё равно целый мир». И вздохнуло ещё раз. Даже с учётом ядерного гриба. От вздохов пространства шли рябью застывавшие причудливыми разводами звёздные туманности.

Унькин встал и, оглядевшись по сторонам, уверенно затопал в нужном направлении, не обращая внимания на весёлые в это время суток холмы, меж которыми шустро бежала его дорога, на речушку, текущую молоком и мёдом, неверную спутницу простодушной дороги. На солнце, занятое инвентаризацией всё время норовящих разбежаться облаков, на луну, подметавшую свой двор да задремавшую, прислонившись к забору. Унькин улыбался. Он шёл Домой.

Данил Кирилюк

Сакбояж зелёной кожи

сказки для детей старшего возраста

В детстве Норк видел исчезающего кролика. Белая шёрстка, длинные прижатые к спине уши, красные точки глаз. Кролик дёрнул носом, прежде чем исчезнуть под цилиндром фокусника. А спустя минуту снова появился под аплодисменты восторженной детворы. Не хлопал только Норк. Важный вопрос занимал его воображение: где находился кролик целую минуту?

С того дня утекло немало воды, и ожидание чуда давно оставило жизнь Норка, уступив повседневным заботам и страхам. Но фокус не забывался, всплывая в иные моменты перед глазами. Специалист (один из самых дорогих, что Норк мог себе позволить) называл это клаустрофобией, но, вероятно, лишь потому, что, неловко ёрзая на кушетке, Норк не открыл всей правды. Цилиндр, поглотивший кролика, стал для него чем-то большим, нежели принадлежностью трюкача. Перед лифтом или платяным шкафом, лестницей в подвал или кабинкой общественного туалета Норк чувствовал близость его краёв — чёрных, лоснящихся, всё круглее и ближе, а дна не разобрать. Только и ждут, пока не сомкнётся за спиною дверь. Было время (Норк заканчивал тогда пятый класс), когда казалось, что жизнь вот-вот станет невыносимой, однако за пару шагов до этого «вот-вот» выяснилось, что фобия имеет собственную уязвимость. Проще всего оказалось с подвалами: достаточно было нескольких окошек, чтобы видение цилиндра отступало без следа. Окна — те же дыры, а дырявый цилиндр силой, видимо, не обладал. Лифтов Норк научился избегать, поднимаясь и спускаясь пешком («Полезнее для здоровья», — говорил он себе, останавливаясь отдышаться). В туалетах, подавив стеснение, пользовался писсуарами, а с

платяным шкафом разобрался раз и навсегда, сняв с него дверцы и заднюю стенку.

Не слишком прилежный ученик, Норк сделался не особенно старательным студентом, а затем, вполне закономерно, — не самым успешным служащим. Сам он, конечно, во всех неудачах винил цилиндр, однако, говоря по правде, природные леность и мечтательность сыграли в несложившейся его карьере куда большую роль. К тридцати пяти Норк достиг должности аудитора и большую часть времени проводил в разъездах. Проверяя отчёты и сводки то в одном конце страны, то в другом, он мечтал о должности старшего аудитора, позволившей бы осесть в конторе, обзавестись столом и рассылать на задания не столь удачливых коллег. Увы, на пути к этой мечте вновь встал коварный цилиндр, принявший на сей раз облик самолёта.

Впервые поднявшись на борт, Норк никак не ждал, что в салоне со множеством иллюминаторов детский кошмар сможет его одолеть. Однако когда самолёт поднялся над облаками, а солнце ударило внутрь, пассажиры один за другим начали задвигать шторки, и близость цилиндра стала явной как никогда. Норк выбрался наружу ни жив ни мёртв. В памяти остались только отчаянные мольбы к стюардессе пересадить его ближе к окну и холодная сосущая пустота вокруг. Ни за какие деньги Норк не согласился бы повторить подобного.

Бухгалтерия меж тем нашла его неспособность к полётам весьма экономичной: поручения, доставававшиеся Норку, не отличались срочностью или важностью, и боязнь высоты (так пришлось всё объяснить) послужила удобным поводом пересадить его на поезд. Со временем Норк научился получать удовольствие от поездок по железной дороге или, по крайней мере, убедил в этом себя.

Неспешный ход поездов сделал тише и размереннее жизнь Норка. Он перестал торопиться и (парадоксальным образом) — опаздывать. Научился мирно засыпать под стук колёс и просыпаться за четверть часа до нужной станции. Привык коротать время в залах ожидания и вагонах-ресторанах.

Объездив по делам компании две дюжины городов, Норк так толком и не познакомился ни с одним, зато досконально изучил их вокзалы и привокзальные площади. Приезжая в место, где уже бывал прежде, хозяйским взглядом он осматривал перрон, отмечая происшедшие с последнего визита изменения. Тут поставили газетный киоск, там убрали лоток мороженщика, здесь открыли буфет.

Норк немало гордился своей наблюдательностью и памятью и думал порой, что в иные времена мог бы стать детективом — из тех, что, только взглянув на человека, определяют, кем тот работает, сколько у него детей и кого убил на прошлой неделе. Потому-то, ожидая поезда, Норк частенько присматривался к пассажирам, строя на их счёт разнообразные догадки, а затем, если появлялась возможность, заводил с объектом своего наблюдения разговор и проверял правильность своих предположений. Это невинное, в сущности, увлечение и привело Норка к встрече с обладателем зелёного саквояжа.

Случилось это в октябре, когда Норк возвращался из двухдневной поездки домой. Ожидая в захудалом привокзальном ресторанчике омлета, он осматривал зал в поисках сколько-нибудь интересной персоны. Несмотря на раннее утро, за столиками сидели несколько человек, таких же, вероятно, командировочных. Неестественно бледный юноша за соседним столом, отчаянно подавляя зевоту, перелистывал газету. Мужчина в летах наискосок недоверчиво ковырял вилкой пережаренный бекон. Чуть поодаль старикан в потёртом плаще тихо всхрапывал, нависая над пустой рюмкой. «Утренние персонажи угрюмы и пусты, — думал, разглядывая их, Норк, — оттого что невыспаны». Сам он тоже клевал носом, то и дело бросая взгляд на часы, и, наверное, именно потому не сразу заметил ещё одного посетителя, спрятавшегося в дальнем углу за пожухлым деревцем в кадке.

Тот сидел смирно, ничем не выдавая своего присутствия, и, возможно, Норк не заметил бы его вовсе, если бы официант, принёсший наконец омлет, не свернул к столику в углу и не поинтересовался, желает ли гость ещё чего-нибудь. Ответа Норк не расслышал, раздосадованный своей невнимательностью. Официант, поджав губы, вернулся к стойке, а Норк, принявшись за омлет (слегка подостывший и чуть-чуть недосоленный), определился с объектом.

Сквозь чахлые желтоватые листочки проглядывал тёмно-синий костюм — судя по всему, довольно новый. Под столом (Норк специально уронил салфетку, чтобы нагнуться) виднелись отутюженные брюки того же цвета вечернего неба и чёрные, тускло поблёскивающие штиблеты. К стулу незнакомца был придвинут другой, а на нём виднелось что-то тёмное — чемоданчик или скорее саквояж (деталей Норк не рассмотрел). Пол в ресторане не отличался чистотой, и Норк тоже ощутил желание положить свой кейс на стул или диванчик.

В попытках рассмотреть ещё что-нибудь Норк склонялся и вправо, и влево, опускал голову к столу, чуть не дотрагиваясь галстуком до омлета, привставал, опираясь на подлокотники и словно бы разминая затёкшую спину. Вконец заинтригованный, Норк собирался было подойти к нему и попросить огня для сигареты (некурящий, он носил с собой распечатанную пачку специально для таких случаев), но тут объявили его поезд, и Норк вынужден был поспешить на платформу. Тем и закончилась первая встреча с обладателем саквояжа.

Нельзя сказать, что эта встреча запала Норку в память, в его жизни таких сценок случалось предостаточно. Тем не менее он сразу узнал незнакомца, когда они встретились повторно — через две недели.

Поезд Норка стоял тогда на перегоне, ожидая скорого. Тот задерживался, состав Норка не пускали, делать было решительно нечего. Вагон пустовал: в преддверии зимы пассажиров на этой ветке становилось всё меньше. В своём купе Норк оказался в одиночестве. Парочка в соседнем заперлась изнутри и к общению с посторонними была не расположена. Пожилой господин через две двери, читавший детектив в мятой бумажной обложке, после нескольких попыток с ним заговорить тоже запер дверь и на стук отзывался издевательским хохотом. Угрюмый проводник при появлении Норка даже не стал прятать со стола бутыль, и когда тот отказался выпить, потерял к пассажиру всякий интерес, повторяя раз за разом: «Претензии есть? Нету претензий. Посетите вагон-ресторан».

Норк посетил, но запах пережаренного масла, встретивший его ещё в тамбуре, пробудил дремавшую до поры изжогу, и, глотая гидроокись алюминия, Норк ретировался в своё купе. Дважды перечёл купленные загодя газеты, перерешал кроссворды (один оказался жульническим — ответы обещали поместить только в следующем номере), пририсовал длинную пышную бороду актрисе на третьем развороте. Поразмыслив, добавил ей маленькие витые рожки, бородавку на нос и острые торчащие изо рта зубы. Он уже собирался вернуться к первой странице, чтобы наделить обитавших там политиков такими же клыками: левых — из-под верхней губы, правых — из-под нижней, когда поезд, наконец, тронулся.

Состав снялся с места тихо и незаметно, двигаясь едва ли быстрее шагающего по своим делам человека. За окном потянулись медленно справа налево рыжие и лиловые деревца. Норк прислонился лбом к холодному стеклу. Когда поезд шёл споро,

шпалы на соседней колее сливались в широкую серую полосу меж рельс, так что выхватить на мгновение промежутки между ними удавалось только быстрым движением глаз — Норк любил развлекаться так ещё с детства. Сейчас же они выплывали из-за рамы и лениво утекали вдаль, теряясь в мутной дали на той стороне столика.

Заоконная муть потемнела: их догонял скорый. Несмотря на название, шёл он лишь чуть быстрее, и перед глазами Норка поехала сначала зелёная стена локомотива, законопаченные окна почтового вагона и, наконец, окна вагонов пассажирских. Кто-то спал, завернувшись в одеяло, кто-то сидел за столиком, читая книжку, одна парочка миловалась, не потрудившись даже задёрнуть шторку, а один унылый тип пялился в окно.

Мимо прошли ещё несколько вагонов. В очередном окне к Норку приблизился саквояж. Низенький, толстенький, уютный — он лежал на столике у самого стекла, словно специально давая себя рассмотреть. Вдобавок, то ли скорый чуть замедлил ход, то ли поезд Норка чуть убыстрил, но двигались они теперь почти с одной скоростью. Тёмно-зёленый снизу, кверху саквояж покрывался мелкими песочными пятнышками, сливавшимися в тусклые жёлтые застёжки — вроде тех, что бывают у кошельков. По бокам бугристая кожа собиралась в глубокие складки, из которых свивался тонкий длинный ремень. Владелец, обмотав ремень вокруг запястья, держал руку на саквояже, будто опасаясь, что тот может куда-то исчезнуть.

Одет он был всё в тот же цвета вечернего неба костюм. Теперь Норк разглядел к тому же золочёные пуговицы на обшлагах. Сам незнакомец укрылся газетой (тот же номер лежал перед Норком), и лица его видно не было. Тонкие пальцы нервно барабанили по пупырчатой коже саквояжа, газета чуть подрагивала от неровного хода поезда. Матовые холёные ногти вкупе с краешком белоснежной рубашки, выглядывавшей из-под пиджака, вызвали у Норка волну неприязни, которую он всегда испытывал к людям, могущим позволить себе больше, чем он сам.

Скорый дёрнулся, набирая ход, и саквояж со своим хозяином поплыли прочь, оставив Норка хмурить брови. Посидев несколько минут, он поднялся, выстучал проводника из его купе и, продемонстрировав ему не очень новую двадцатку, выяснил, откуда и в каком направлении двигался скорый. Вернувшись к себе, Норк разложил на столике карту и отметил два крестика: один подле места первой встречи, другой рядом с нынешней. Чуть

поразмыслив, добавил возле каждой точки дату. Двадцатку проводнику он не отдал.

В следующие месяцы точек на карте прибавилось. Человек с саквояжем появлялся где-то на краю зрения и исчезал на недели. Норк видел его садящимся в поезд на провинциальном полустанке и выходящим на столичный перрон, обедающим в привокзальном кафе на севере страны и скрывающимся в общественном туалете на юге. Поглощённый делами компании, при каждой встрече Норк вынужден был спешить — на отходящий ли с минуты на минуту поезд, на деловую ли встречу. И каждый раз Норк видел господина с саквояжем на протяжении от силы нескольких минут.

Такого рода знакомства не редкость среди людей, часто путешествующих. Норк знал в лицо многих проводников, а они, в свою очередь, выделяли его из безликой массы пассажиров: лишним пакетиком сахара к чаю, коротким взглядом глаза в глаза. «Как разведчики», — думал Норк. Среди соседей по вагону или залу ожидания он нет-нет да замечал знакомое лицо какого-нибудь такого же, как он, командировочного. Не раз случалось ему, поздоровавшись с кем-то в вокзальной толпе, задаваться вопросом: «Кем был человек, кивнувший ему так приветливо полминуты назад?»

Однако в человеке с саквояжем было несколько несообразностей, отличавших его от прочих путешественников. Он всегда носил старомодного кроя тёмно-синий костюм с жёлтыми блестящими пуговицами и такими же запонками на рубашке. Одежда, однако, при всей консервативности неизменно выглядела свежей и отутюженной, что придавало незнакомцу солидность и респектабельность, каких Норку при всем желании не удавалось добиться. Кроме того, он, похоже, не расставался с кожаным саквояжем; во всяком случае, Норк не видел при нём другого багажа.

«Конечно, — думал Норк, — объяснения могут быть самые простые. Костюмов у него, должно быть, несколько, и все одинаковые. А саквояж таскает с собой оттого, что параноик». Однако, несмотря на все доводы и выводы, воображение рисовало картины с участием тайных агентов, секретных документов и специальных служб. Движимый любопытством, Норк начал осторожно расспрашивать проводников, стюардов, попутчиков: не встречался ли им его старинный знакомый, обладатель синего костюма и зелёного саквояжа, следовавший тем же маршрутом несколькими днями ранее. Эта немудрёная уловка оказалась

довольно действенной, и карта стала пополняться всё новыми точками и датами, складывавшимися в цепочки маршрутов.

Начали обнаруживаться очевидцы, из свидетельств которых Норк, как мозаику, складывал портрет человека с саквояжем. Многие наблюдали его за столиком над бисквитом или кружкой чая, режущим на мелкие кусочки стейк, однако забавным образом никто не видел, как он откусывает бисквит или подносит кусочек стейка ко рту. «Сидел-сидел, — кривились официанты, — да так и не съел ничего. Даже не притронулся». Другой странностью оказалось то, что ни с кем из собеседников Норка обладатель саквояжа не заговаривал. «Нелюдим, — говорили о нём проводники ,— подал билет и ни спасибо, ни до свидания». «Хмурый какой-то и неприветливый, — пожимали плечами стюарды, — но чаевые оставлял неплохие». «Просто бука!» — восклицала экспрессивная барышня, которой человек с саквояжем не подал руки при выходе из поезда. Все их рассказы Норк вносил в маленькую записную книжечку, испытывая при этом совсем ему не свойственный охотничий азарт.

Увлечение его, поначалу невинное, приобретало мало-помалу характер навязчивый. Норк высматривал в толпе на вокзалах знакомый синий костюм, в конторе при выборе командировки предпочтение отдавал поездкам, укладывавшимся в кривую вязь отмеченных на карте маршрутов, а при покупке билета неизменно интересовался у кассира, не покупал ли на тот же состав билета его друг — с таким, знаете ли, зелёным саквояжем...

Посещая магазины готовой одежды, Норк выяснил, что костюмы такого фасона, как у его «знакомого», уже не выпускают, и сшить такой можно лишь на заказ. Магазины кожаных изделий, галантереи, туристические и даже антикварные тоже ничего не дали: саквояжа, подобного тому, что носил с собой незнакомец, не было ни в одном. Всё это повергало Норка в уныние, но ещё более утверждало во мнении, что господин с саквояжем совсем не прост.

Изучая карту, где были отмечены явления незнакомца, Норк всё чаще ощущал бессилие понять его мотивы, разобраться в том, что им движет: перемещения выглядели хаотическими, без какой бы то ни было закономерности. Если верить очевидцам (а Норка иногда посещало чувство, будто все они состоят в сговоре с интересующим его человеком и его саквояжем и нарочно вводят его в заблуждение), он мог, едва выйдя из поезда, тут же сесть на состав, идущий в обратном направлении. Казалось, что в путешествиях по железным дорогам он проводит не

просто большую часть времени, а всё время, сколько его есть. «Кто же он такой? Ревизор-железнодорожник? Курьер? Сумасшедший?» — Норк терялся в догадках.

Между тем на некоторых станциях служащие уже стали узнавать Норка и, только завидев, уже качали отрицательно головой либо, напротив, спешили поделиться новыми подробностями. Большинство из них, вероятно, считали и человека с чемоданчиком, и самого Норка безобидными придурками, умалишёнными, каких в изобилии порождает городская жизнь.

«Кто только в поездах не ездит, — рассказывали ему в спальном вагоне, — один, было дело, куклу в клетке с собой возил — огромную, как живую совсем. Молоко тёплое ей заказывал, разговоры с ней разговаривал. Спасибо, господин!.. А этот ваш с саквояжем ехал с месяц уже как. Строгий такой, молчаливый, слова не скажет. Паштет из печени брал — в меню пальцем ткнул и снова в газету уткнулся. Зато расплатился сотенной и сдачи не потребовал. Всем бы так...»

«Саквояж? — переспрашивали Норка в купейном. — Что там саквояж! Вот пару недель назад ехала одна дама, так она целую клумбу с собой везла! Натурально — посудина такая с землёй и цветы, цветы оттуда. Отдельное купе для них выкупила, сама по соседству ехала... Спасибо господин!.. А этого, в синем, давно видно не было, месяца три уже как. Саквояж странный у него: вроде как в чешуе какой...»

«В синем... — повторяли в вагоне-ресторане. — Ехал тут один в синем. Всё мясо рубленое заказывал, с кровью. Не выходя из купе килограммами жрал... Спасибо господин!.. Но вам другой нужен, с саквояжиком, да. Он помнится, фазанье филе заказывал, под соусом. Мы с ног сбились, пока фазана нашли: поварята, пока поезд в столице стоял, на рынок бегали. Но достали, да. А он ни кусочка не съел, представляете? Даже в рот не взял...»

«Зелёный саквояж? Золотые пуговицы? — потирали лоб в плацкартном. — Не припомню. Был тут один, так у него камешки прямо в коже торчали — по руке, как браслет. Вот ведь до чего молодёжь дошла. Спасибо, господин!.. А этот, с пуговицами, только воду брал, без газа. Ткнул пальцем в бутылку и полтинник протянул. И помахал: без сдачи, мол. Богатей, наверно».

Человек с саквояжем, казалось, успел побывать везде: стоило копнуть поглубже, и следы его обнаруживались в разных поездах, на разных станциях. «Может, их несколько? — думал Норк. — В одних костюмах, с одинаковыми саквояжами?»

Фигура эта обрастала новыми подробностями, всё менее правдоподобными: человека с саквояжем видели зашедшим в мужское отделение туалета и вышедшим через несколько минут из женского. В одном кафе он просидел несколько часов кряду над единственной порцией мороженого, держа перед собой кверху ногами недельной давности газету. В одном из столичных экспрессов проводник шёпотом рассказывал Норку, как ночью услышал из купе господина с саквояжем какие-то стоны (тут проводник несколькими непристойными движениями продемонстрировал, чем, на его взгляд, занимался в купе господин со своим багажом). Но когда начал стучаться в дверь, тот появился в конце вагона, прошёл мимо ошеломлённого проводника, отпер дверь и прошествовал в абсолютно пустое купе. Свидетельства такого рода Норк записывал в книжечку, сделав предварительно пометку «слухи» или «не проверено».

Несколько раз у Норка возникала мысль, что стоило бы, наверное, обратиться в полицию или ещё куда-нибудь, но помимо набора странностей предъявить ему было нечего. Скорее всего, Норку не поверили бы, а то и вовсе подняли бы на смех.

Прошёл почти год с тех пор, как Норк впервые увидел человека с саквояжем. Приближалось время отпуска. Обычно Норк уезжал на это время к побережью, чтобы отмокнуть в солёной воде, выгореть дочерна на солнцепёке, но в этот раз он решил провести свободный месяц иначе. Ему были известны маршруты человека в синем костюме, он выучил расписание поездов едва ли не лучше железнодорожников и полагал, что сможет найти владельца зелёного саквояжа — с тем, чтобы раз и навсегда закрыть для себя этот вопрос.

Лето подходило к концу. За окнами поездов светило ласковое солнце, по далёким полям сновали маленькие, похожие на игрушки, трактора, собирая урожай, а на станциях появились первые афиши концертов ко дню опавшей листвы. Норк блохой скакал из поезда в поезд. Он проходил из вагона в вагон, расспрашивал проводников, заглядывал в купе, извинялся и шёл дальше. За трое суток он проспал менее пяти часов, опасаясь пропустить человека с саквояжем, осмотрел двадцать семь поездов и спустил на билеты больше половины отпускных.

Верен ли оказался расчёт, удача ли сопутствовала Норку, но в ночь на четвёртый день он настиг свою цель. Это произошло на подъезде к столице, в самом заурядном поезде, тащившемся со всеми остановками чуть не с южной границы. «Синий? Зелёный? — нахмурился проводник. — В седьмом купе сидит».

К тому моменту Норк вымотался настолько, что уже не чувствовал ничего, кроме мрачного удовлетворения. Дав проводнику несколько купюр, он прошёл к седьмому купе, сдвинул в сторону дверцу и, поинтересовавшись для проформы «Не занято?», уселся напротив. Человек в синем бросил на него быстрый взгляд и укрылся газетой.

Стучали колеса, сохло во рту. Пытаясь успокоиться, Норк рассматривал человека напротив: те самые стрелки на брюках, полосатые носки («неужели и их не меняет?»), тускло поблескивающие в свете лампы башмаки. Круглые желтоватые запонки на белоснежных рукавах рубашки, торчащих из-под пиджака, пуговицы на самом пиджаке. «Медь? — думал Норк, — Латунь? Позолота? Или?..»

Саквояж стоял на диванчике по правую руку от хозяина, цветная ткань промялась — он и впрямь, видно, был тяжёл. Человек в синем держал руку на крышке, мерно водя по ней пальцами. Как тогда, в окне идущего соседней колеёй экспресса.

— Что нового в прессе? — предпринял Норк первую попытку.

Человек в синем зашелестел газетой. Ничего не ответил.

— Простите, — Норк приподнялся и заглянул поверх газеты, — не хотите пить?

Он показал бутылку с водой без газа, купленную несколькими днями ранее.

Человек напротив поднял газету выше.

Норк откупорил бутылку и сделал несколько глотков. Он чувствовал, что успокаивается.

— Интересная, должно быть, газета, — заметил он и рванул её на себя.

Раздался треск рвущейся бумаги. В руках человека напротив остались крохотные белые клочки. Он разжал пальцы — бумажки, порхая в воздухе, опустились на пол.

Норк небрежно сложил газету и бросил на свой диванчик.

— Кто вы? — спросил он.

Человек в синем молчал. Глаза его — тоже синие — были направлены прямо перед собой и легонько подёргивались, отчего казалось, будто он продолжает читать отнятую газету.

— Откуда вы?

Никакой реакции.

— Вы меня слышите? — Норк повысил голос.

— Вы вообще меня понимаете? — он помахал рукой перед глазами соседа.

С тем же отсутствующим взглядом тот приподнялся и толкнул Норка назад — на его диванчик. Норк сжался, ожидая продолжения, но человек в синем сидел спокойно, глядя прямо перед собой, и поглаживал кончиками пальцев саквояж.

— Я видел вас седьмого октября прошлого года, — Норк закашлялся, вытаскивая записную книжечку, — затем двадцать первого в Северном экспрессе, шестого декабря в Бакре...

Человек в синем гладил саквояж и молчал, а Норк сыпал названиями и датами.

Ожили динамики над головой:

— Поезд прибывает на конечную станцию. Просьба освободить вагоны.

Человек в синем поднялся, перехватил рукоятку саквояжа и вышел из купе. Норк последовал за ним.

Быстрыми шагами тот шёл по перрону, Норк забегал то слева, то справа, не умолкая ни на секунду.

Не обращая на него внимания, человек в синем подошёл к кассе. Просунул в окошко несколько купюр, сложенную в несколько раз карту (почти такую же, как у Норка), постучал ногтем по кружочку с названием станции и показал кассиру указательный палец — ловкими заученными движениями.

— Туда же, — бросил Норк, — в то же купе!

И бросился вдогонку за человеком в синем. Тот направлялся, судя по всему, в один из ресторанчиков рядом с вокзалом. Не пытаясь скрыться от Норка, он шёл быстро, глядя прямо перед собой.

— Стойте! — крикнул Норк, задыхаясь на бегу. — Стойте!

Человек в синем, пересекавший как раз дорогу, вдруг замедлил шаг и вроде хотел было обернуться, как вдруг из-за поворота выскочил грузовик.

Визг тормозов заглушил звук удара. Кто-то закричал.

Норк подбежал к обочине, причитая:

— Я же говорил... Я же кричал: «Стойте!»...

Вокруг начали собираться люди, кто-то вызывал полицию, кто-то скорую. Водитель грузовика срывающимся голосом объяснял: «Тут же знак стоит. Нету перехода тут. Нету».

Норк подошёл ближе.

Синий костюм порвался в нескольких местах, наливался чернотой. Одна нога была противоестественно вывернута, другая чуть подёргивалась. Руки распластались по асфальту. Но глаза были открыты, и взгляд их был устремлен к саквояжу: он отлетел при ударе прочь и валялся поодаль, у обочины.

Норк подхватил саквояж и, тяжело дыша, пошёл прочь. Никто, кажется, этого не заметил.

Позади послышался протяжный стон. «Он жив! Ещё жив!» — раздались возгласы.

Норк ускорил шаг.

Он благополучно сел на поезд, и, едва дождавшись отправления, запер дверь купе.

Саквояж совсем не пострадал, только припорошился пылью. Кожа зеленоватого, нефритового оттенка — мягкая и податливая — казалась тёплой на ощупь. Норк провёл по ней кончиками пальцев: действительно, на крышке выступали несколько маленьких наростов, похожих на чешую.

— Ну... — сказал Норк вполголоса, — вот и всё.

Он надавил на застежки. Не поддались. Надавил сильнее. Безрезультатно. Распотрошив продуктовый набор в пакетике, попробовал поддеть застёжку пластиковым ножом, просунуть в щель под ней. Сделанные из рога или кости, застёжки так плотно примыкали к коже, словно росли из неё. Норк нажал, надавил сильнее, повернул...

Внутри саквояжа что-то сместилось, одна его стенка подалась внутрь, другая выпятилась наружу — нож с треском сломался. Ремень, который Норк намотал на руку, дёрнулся, сжался, обжигая кожу. Норк не успел не то что подняться, — выругаться в последний раз, прежде чем саквояж открылся, и мир померк перед его глазами.

Спустя пару минут дверь купе отворилась. Человек в синем одёрнул костюм, поправил стремительно наливавшиеся золотом запонки и, ласково поглаживая саквояж, направился в вагон-ресторан.

На этом историю Норка можно было бы завершить, если бы не ещё один эпизод. Спустя долгое время он пришёл в себя от раскалывающей голову боли. Вокруг стояли люди в белых халатах, маячили кафельные стены. «Повезло, — сообщил кто-то справа, — что череп цел остался». «Нистагм-то какой, — сказали слева, — надо бы на томографию». — «Чемоданчик, чемоданчик не забудьте — при нём был», — растолкав халаты, кто-то протиснулся к каталке и положил на грудь саквояж. Норк хотел закричать, но пересохшее горло издало только хрип. Саквояж тихо заурчал, зелёный ремешок скользнул под рукав, и мир снова погрузился во тьму — на этот раз безвозвратно.

Александра Князева

По ту сторону

сказки для детей старшего возраста

Последний виток спирали скользнул между ладонями, и потеплевшая верёвка, дёрнувшись, замерла. Эльза разжала пальцы и осторожно, чтобы не качнуть лодку лишний раз, откинулась на спину. Над озером вперемежку с редкими облаками медленно дрейфовали давно ставшие знакомыми созвездия. Дно уже где-то совсем близко — оставалось только немножко подождать. В прошлый раз якорь зацепился за что-то, и жизнь длилась целых пятнадцать минут. Это была чужая жизнь, но Эльза знала, что ещё чуть-чуть, и едва мерцающая ниточка дотянется и до её собственной. Девушка слегка пошевелилась, устраиваясь удобнее, и закрыла глаза. Где-то глубоко в полуночной глубине медленным маятником качался якорь, изредка задевая широкой лапой обрывки чьих-то миров, которые вспыхивали под веками, как зыбкие предрассветные сны. Она всё ещё ждала, хотя уже было понятно, что длины верёвки не хватает. Пора было заканчивать, но Эльза медлила — очередной мир-мираж, выхваченный из небытия лапами якоря, пах яблоками, и она улыбалась.

***

Худощавый всклокоченный парень, на вид немногим старше Эльзы, вырвался из прибрежных зарослей настолько неожиданно, что девушка чуть не выпустила леску из рук. Незнакомец остановился по колено в воде, придерживая длинными руками хлёсткие ветки.

— Ты Лодочник?

— Лодочник, — отпираться было бессмысленно.

Парень просиял:

— До Сегая довезёшь?

Эльза покачала головой и глубже надвинула съехавшую шапку.

— Почему?

— Другого поищи. Я не повезу.

— У меня есть чем заплатить! — парень порывисто сунул руку за пазуху. Освобождённая ветка с победным шелестом вернулась в изначальное положение, заслонив просителя. В кустах вскрикнули, чертыхнулись, и ветка снова отодвинулась. Парень протянул руку и разжал грязную ладонь, на которой радугой блеснули несколько крупных камней.

— Этого хватит?

Эльза фыркнула, смотала леску и потянулась за веслом — на дне лодки уже лежали два тугих мотка русалочьих волос. В этот раз связываться нет смысла — ей самой не так уж и долго осталось. А за оставшиеся семь ночей она вполне могла бы собрать и на третий — трёх должно было хватить. Парень растерянно перевёл взгляд с ладони на девушку:

— Подожди! Чего ты хочешь?

— Память, — буркнула девушка через плечо, скорее чтобы отвязаться.

Незнакомец понял по-своему и оживился ещё больше:

— Историю? По рукам! Я люблю рассказывать.

Эльза невесело рассмеялась:

— А если я буду последней, кому ты сможешь её рассказать? Не жалко?

Парень хитро прищурил светлые глаза:

— Так уж и последней?

— Ну да: расскажешь и забудешь. Совсем. Твои воспоминания станут моими. Но я возьму только что-то стоящее. Унылую ерунду можешь оставить себе.

— Шутишь?

Эльза пожала плечами и резко оттолкнулась веслом.

— Подожди! Я согласен, — парень, забывшись, шагнул вперёд и тут же провалился в воду чуть ли не по пояс. Над головой досадливо прошипела ветка, упустившая возможность отыграться.

Добровольно отдать память соглашались редко. А если и соглашались, то ей перепадала какая-то муть, состоящая практически целиком из детских обид и каких-то совершенно дурацких историй. Светлые воспоминания приходилось тайком вытягивать самой, когда уж было совсем невмоготу. Не очень честно,

конечно, но выхода не было: прошлой своей жизни Эльза уже почти не помнила. Она развернула лодку и внимательнее глянула на парня. Пассажир был какой-то мятый, лицо осунулось. В длинных спутанных волосах застряли сухие веточки и лесная паутина, с потёртой одежды течёт вода, на щеке — длинная свежая ссадина.

— Ты здесь сколько уже?

— Да дня три... — парень рассеянно почесал голову. — Может, четыре.

«Двое суток ещё протянет. А может, даже больше — держится неплохо. Оставить? — совесть, по глупости выменянная перехода три назад, успела ковырнуть остатки души тупой иглой. — Нет, не выберется. Не успеет».

— Хорошо. Залезай.

Пассажир широко, немного нервно, улыбнулся, закинул в лодку потрёпанную сумку и, хлюпая одеждой, перевалился через борт.

— Уф, спасибо! А то я думал, что с ума сойду. За последнюю ночь чуть не поседел. Голоса кругом, не поймёшь, откуда. И, чуть глаза закроешь, как смотрит на тебя кто-то. Тут что, везде так?

Эльза неопределённо повела плечом и оттолкнулась от берега:

— На берегу бывает, а на реке и островах — тихо.

***

К одному из разбросанных в русле островков они причалили сразу после заката.

— Костёр есть чем развести?

Берат кивнул.

— Держи, — Эльза, перегнувшись через борт, протянула парню корзину с двумя пойманными накануне рыбинами. Рыбы выглядели странно, но Эльза была уверена, что есть их можно. — Там, за кустами, удобная полянка. Фруктами-ягодами не отравишься, так что не стесняйся — выбирай любые. Хищников тут нет. Всё... До завтра! — девушка, схватившись за резной нос, легко столкнула лодку в воду и, скрипя башмаками по влажному песку, перепрыгнула через борт.

— Ты куда? — Берат, не выпуская корзины, шагнул в воду следом. — Мы же договаривались!

— Да никуда я не денусь, — Эльза сосредоточено крутила весло, пытаясь сбросить водоросли, предательски овившиеся вокруг лопасти. — Я тебя на рассвете подберу.

— И что мне делать?

— Ну... Ужин приготовь, если голодный. Потом спать завалиться можно или звёзды считать — что хочешь. — Зелёная тина наконец-то поддалась, Эльза отбросила мокрый комок в сторону, и лодка, вильнув узкой кормой, скрылась за камышами. — Пока!

Берат ещё с минуту смотрел, как расходятся, путаясь в зарослях, круги по сиреневой поверхности воды и, тихо ругнувшись, направился к кустам.

***

Русалочьи волосы не так-то легко заметить. При почти полной луне от бликов их вовсе не отличить. Эльза бесшумно скользила вдоль тёмных берегов. Как назло, берега были пологими, песчаными — на таких мало что задерживается. В воде, щедро переливающейся серебристыми отсветами, ловить тоже было нечего. Выудив от силы десятка два волосин, она поняла, что сегодня дела не выйдет. Эльза с тоской глянула вниз по течению, туда, где река, сверкая лунной чешуёй, исчезала за чёрным лесистым мысом. За излучиной наверняка есть заводь. Девушка нервно потёрла переносицу — в заводях тонкие, едва мерцающие нити встречались чаще всего и, если очень повезёт, можно было даже найти несколько густых светлых прядей, запутавшихся в зарослях осоки или зацепившихся за плавник, выброшенный на берег. Но мыс она обогнёт только завтра, с пассажиром, а при солнечном свете волосы от тины отличить практически невозможно. Может, сейчас съездить? Эльза оглянулась на темнеющий панцирь острова. Где-то в глубине между чёрных стволов оранжево плескался крошечный костерок. Нет. Лучше не надо. Мало ли что... Она тихо прошла вдоль берега и стала на якорь с подветренной стороны острова. Луна в этом месте была не видна — её заслоняло нависающее над водой дерево, что было очень кстати — Эльза не любила луну. Давным-давно, Эльза готова была поклясться, что это было ещё по ту сторону, луна оказалась просто круглым куском белого камня, пустым бесцветным миром, который просто отражает чужой свет. А кому может понравиться, когда над головой висит мертвец? И ещё, с постоянной, но от этого не менее неожиданной горечью думала девушка, они были похожи — Эльза и луна — обе отражали чужой свет, потому что своего у них почти ничего не осталось...

Девушка размотала было катушку лески, но рыбачить не хотелось. Она забросила леску на дно и, немного поколебавшись,

Художник Максим Ларин

растянулась в лодке, сунув мешок с волосами под голову. Ажурная крона, вырезанная лунными ножницами из плотной бумаги, слегка шевелясь, висела между ней и сизым небом. Эльза задумалась: странный парень — мало кто соглашается отдать хорошие воспоминания добровольно. Со стариками понятно — им остаётся не так уж и много, а этому и двадцати, наверно, нет — наживёт ещё... Может, на берегу пересидел? И как его за три ночи не сожрали-то? Везучий, видно... А если потребовать день непрожитой жизни? Дня-то точно хватит на дольше, чем воспоминания. И кроме того, воспоминания будут тогда собственными, Эльзиными. Она прикрыла глаза и мечтательно улыбнулась.

Однажды ей предложили день жизни, и она согласилась. О, что за чудо был тот день! Самый настоящий солнечный летний день в насквозь просоленном городке с выветренными ракушечными стенами. Где-то на северном побережье. У Эльзы были толстые рыжие косы, вперемежку переплетённые сединой и синими лентами, и широкая зелёная юбка в ярких заплатках. Эльза как зачарованная ходила вдоль цветочных фасадов домов по узким серым улочкам, обрывавшимся, казалось бы, прямо в небо. Она обошла весь городок снизу доверху, от самого причала через пёстрый рынок и оживлённую площадь до двух крошечных домиков, прижимавшихся к самому краю скалы над морем, точь-в-точь ласточкины гнёзда. Она разговаривала с местными рыбаками и торговками, танцевала под музыку уличного скрипача, останавливалась поболтать с прохожими. От нечего делать, просто так. Кто-то охотно отвечал, кто-то смеялся (Эльза смеялась вместе с ним), кто-то отмахивался, как от надоедливой мухи, кто-то глядел с сочувствием. Одна торговка даже угостила её горячим пирожком. Эльза не возражала. К вечеру, выходя из ворот города, она чуть не столкнулась с высоким стариком. Эльза махнула рукой и, тяжело переставляя уставшие ноги, пошла по извилистой дороге вверх. Хотелось отойти от города и глянуть на звёзды — вдруг это всё-таки был её мир? Старик, было, попытался её остановить — куда это понесло на ночь глядя Рыжую Хлою, городскую сумасшедшую? — но передумал, смотрел некоторое время ей вслед, а потом развернулся и вошёл в город. А Эльза, звеня волосами, растворилась в сгущающейся сиреневой темноте, так и не успев увидеть звёзды...

В тот раз её отпустило с трудом. Во второй раз расстаться с жизнью было практически невозможно — она тянула назад, вцепившись в звенящие косы, чуть ли не с позвоночником вырывая чувство танца на нагретой солнцем брусчатке базарной

площади... Но день стоил того. И Эльза, откинув с глаз бесцветную неровную чёлку, с завистью посмотрела на смешливую рыжеволосую девчонку, сидящую на носу, окунув в мерцающую воду тонкую руку. Девчонку, которая через много лет станет безумной старой женщиной, несколько раз мелькнувшей перед Эльзой отражением в слюдяных окнах...

***

Неладное она почувствовала не сразу. Но так уж случилось, что в одночасье ветер, осторожно шуршащий тёмной кроной, замолк на секунду, переводя дыхание, мелкие волны перестали скрестись в деревянный борт, а лягушачий хор в камышах замолчал, закончив очередную серенаду. И в абсолютно мёртвой тишине она услышала, как над стынущей поверхностью реки вязким холодом разливается медленная свистящая песня. В следующее мгновение, чудом не перевернув лодку, она оказалась в воде и в несколько прыжков, едва не застряв веслом в густом кустарнике, выскочила на край поляны.

У костра, неестественно далеко подавшись вперёд, едва сохраняя равновесие, сидел Берат. В его широко распахнутых стекленеющих глазах беспрепятственно плясал рыжий огонь. По худому лицу, искажённому неверными отсветами, блуждали то ли ужас, то ли блаженная улыбка. По другую сторону костра, спиной к Эльзе, подобрав под себя длинные узловатые конечности, сидела тварь. Чёрный, омерзительно тощий силуэт, вытянувшись в струнку, мерно покачивался в такт языкам пламени. Над поляной липкой паутиной висела едва слышная песня. Девушка метнулась к костру и, не глядя, что было сил наотмашь ударила веслом по чёрному существу. Песня тотчас же прекратилась, и Берат, потеряв равновесие, рухнул на тлеющие угли. В тёмное небо взметнулся рой огненных пчёл. В следующий момент липкую тишину над поляной разорвал отчаянный вопль, и Эльза, перепрыгнув через разрушенный костёр, за шиворот дёрнула парня назад: «К лодке! Быстро!» Берат ошалело крутил головой. «Туда!» — Эльза резко толкнула его в плечо, указывая направление. И бросилась бы следом, если бы что-то почти сразу же не свалило её с ног. Девушка оглянулась: чёрная тварь, припав к земле, крепко вцепилась в штанину и вперила в неё белёсые выпуклые глаза без зрачков. Бледные губы скривились в гадкой ухмылке: «нЕ ЖадНичАЙ, дЕВочка...» Тихий вкрадчивый голос и короткая фраза, каждый звук которой, казалось, произносили разные голоса.

У Эльзы от волнения перехватило горло, она произнесла почти шёпотом: «Отпусти!» Существо запрокинуло голову, и в его глотке заклокотал жёсткий, сипящий смех. Липкий холод пополз вверх по ноге. Эльза закричала от ужаса и снова наотмашь рубанула веслом. Хватка ослабла, и девушка, как могла, чуть ли не на четвереньках кинулась в кусты.

Берат, не разбирая дороги, продирался через колючие заросли, пока не выскочил на берег прямо к широкой, ртутно блестящей глади воды. Лодки нигде не было — по телу жаркой волной разлилась паника. Он в отчаянии пошарил взглядом по воде и почти тут же заметил её, полускрытую в густой тени тополя, росшего поодаль. Слабо соображая, что он делает, парень кинулся к лодке по мелководью. Рука почти уже ухватилась за планширь, когда лёгкая тень, вынырнув из кустов, молнией метнулась по берегу, оттолкнулась от ствола и, проскользнув по нависшей над водой ветке, прыгнула прямёхонько в середину лодки. Борт ушёл из-под руки, обдав фонтаном брызг и без того мокрого парня. В довершении всего в запястье мёртвой хваткой вцепились холодные пальцы. Берат было потянулся к поясу за ножом, но потерял равновесие и невольно вскрикнул. «Не ори! Это я, Эльза! Быстро в лодку». Через борт ему удалось перевалиться только со второй попытки — руки почему-то стали совсем ватными. Мокрым кулём он рухнул на дно. Последнее, что он увидел, была Эльза, стоящая на одном колене с занесённым для гребка веслом, и светлую ленту песчаного берега за её спиной, на фоне которой гибким изломанным силуэтом чернел охотник, упустивший добычу...

...Тёмная вода всё сильнее сжимала грудь холодными тисками, не давая ни вдохнуть, ни выдохнуть. Берат что было сил рванулся вверх, жадно глотая воздух. Холодные капли, постепенно теплея, стекали по лицу и за шиворот...

— Да тише ты — лодку перевернёшь, — девушка, сидевшая на корме, пристально смотрела на него из-под надвинутой на лоб шапки. Руки её были сжаты на лежащем поперёк лодки весле, с лопасти которого часто стекали серебристые капли. Берат наконец-то вспомнил, где находится.

— Кружку воды вылила, а он трепыхается, будто под водопадом протащили. Живой?

Берат промычал несколько невразумительных звуков. Девушка встревоженно наклонилась вперёд:

— Имя помнишь?

Берат кивнул, но тут же пожалел об этом — в голове будто разворошили осиное гнездо!

— Говори, — не отставала девушка.

Берат попытался загнать ос обратно:

— Эльза?

— Да не моё! Своё помнишь?

— Мм... Берат...

— Что здесь делаешь и куда плывёшь, помнишь?

— Вроде как...

— Куда?

— Сегай... Да помню я всё! Что ты мне допрос устроила?!

Эльза ещё некоторое время с тревогой смотрела на него, не произнося ни слова.

— Ладно, что уж тут поделаешь, — вздохнула она немного погодя.

Берат кое-как приподнялся и сел. Облокотившись о форштевень, оглянулся: лохматая макушка острова торчала где-то в полумиле вверх по течению. Лодка медленно дрейфовала в густой тени вдоль правого берега. Рой в голове немного угомонился.

— Сколько я тут... без сознания?

Девушка безразлично пожала плечом:

— Минут двадцать. Может, полчаса.

— А что... это было? У костра.

— Фантом, — нарочито равнодушный голос слегка дрогнул, Эльза помедлила. — Извини, что так вышло. Они обычно на островах долго не задерживаются: питаться нечем — тают быстро. Этот стойкий какой-то. А, может, просто его выбросило недавно совсем.

— Ты что, знала про эту тварь и оставила меня там?! — успокоившиеся было осы снова подняли бунт.

— Ничего я не знала, — Эльза устало потёрла переносицу. — Мелкие острова чистые... Обычно чистые. У меня раньше такого не было. Извини... Болит сильно?

— Что? — не сразу понял Берат.

— Ты рукой в костёр угодил. Болит?

— Ах, ты ж гадство! — Берат скосил глаза на обгоревший рукав. По предплечью моментально пробежала жгучая боль, и парень, недолго думая, склонился и сунул руку в прохладную ночную воду. Стало немного легче.

Эльза положила весло поперёк лодки.

— Хочешь, боль заберу? — помедлив, спросила она.

Берат недоверчиво глянул на девушку:

— Как это?

— Руку давай.

— Да нормально всё, переживу.

— Мне ничего не будет. Давай руку... Не бойся.

Берат нехотя вытащил руку из воды и протянул Эльзе. От кисти до локтя жаркой волной прокатилась пульсирующая боль. Девушка обхватила запястье, потянула руку к себе. Закрыв ожог узкой холодной ладонью, наклонилась вперёд, заглянула ему в глаза. И над рекой липкой паутиной развернулась тихая свистящая песня. Берат похолодел от ужаса и рванулся прочь, но тонкие пальцы держали запястье мёртвой хваткой, а холодный, чуть мерцающий взгляд полностью парализовал волю — он даже вскрикнуть не успел. Впрочем, всё закончилось почти сразу. Эльза, тряхнув головой, отвела взгляд, разжала пальцы, и пассажир, потеряв равновесие, рухнул на спину.

— Ну, как теперь?

Берат с нескрываемым испугом уставился на девушку. Эльза снова натянула шапку на глаза.

— Болеть больше не будет, но рана останется, пока не заживёт. Надо перевязать чем-нибудь... Вот, держи, — она бросила ему на колени широкую полоску светлой ткани.

Берат осмотрел руку: на внутренней стороне предплечья успело вздуться семейство белёсых волдырей. Он провёл пальцами по обожжённой коже — боли действительно не было. Лодку мягко качнуло — Эльза оттолкнулась веслом от нависшего берега.

— До рассвета пару часов осталось, так что останавливаться где-то нет смысла.

Длинными умелыми гребками девушка направила лодку на стрежень, где их мгновенно подхватило быстрое течение. Эльзе оставалось лишь, слегка касаясь воды веслом, править курс. Мимо по обе стороны проплывал безликий тёмный лес. Берат зубами затянул узелок кривовато наложенной повязки и пристально посмотрел на перевозчицу. Тонкая фигура сильными длинными движениями отталкивалась от воды, мерно погружая весло то справа, то слева по борту. Свет заходящей луны серебристо разлился по сильно потёртой куртке и бесформенной шапке, надвинутой на самые глаза.

— Эльза...

— Ну?

— Ты — фантом?

— Нет... — девушка горько улыбнулась. — Пока нет.

Они причалили перед самым рассветом, в час, когда дует лёгкий ветерок, неся над водой клочья сизого тумана. Лодка ткнулась в берег справа от ветхих перекошенных мостков, и они оба, до колен замочив ноги, вытащили её на влажный песок. Прямо от мостков вверх по склону, теряясь в тумане, тянулась хорошо различимая тропинка.

— Это точно здесь?

Эльза кивнула:

— Ты назвал место и расплатился — ты приплыл куда хотел.

Берат с сомнением посмотрел на девушку. Та сидела на узком планшире, скрестив руки на груди; по лицу и плечам беспорядочно сползали выбившиеся из-под шапки и отсыревшие в тумане пряди.

— Мы же на историю вроде как договаривались?

— Боль, конечно, не лучший вариант, но тоже считается, — Эльза кивнула на перебинтованную руку. — А историю прибереги для другого раза... Тем более, ещё неизвестно, сколько и чего из тебя вытянули на острове.

Берат потеребил потёртую лямку сумки, чудом не потерянной во время ночного бегства.

— Спасибо. Может, ещё увидимся...

Эльза пожала плечами.

— Может.

— Пока тогда...

— Счастливо.

Берат помедлил, сунул руку в сумку, покопавшись там, улыбнулся и протянул девушке пару мелких красных яблок. А потом быстро развернулся и, шурша песком, направился к тающей в тумане тропинке.

Эльза стояла и смотрела, как постепенно растворяется в предрассветном тумане долговязый силуэт, и упрямо пыталась сохранить очертания расплывающегося перед глазами мира. Мир затапливали злые Эльзины слёзы. Хотелось орать от несправедливости и от отчаянья, хотелось броситься вслед, вцепиться в руку, в одежду, умолять взять с собой — этот бы точно согласился...

Но предательски перехватило горло, и ей на секунду показалось, что её опять тянет куда-то вниз, в тёмную холодную бездну. А солнце, как в разбитом зеркале, рассыпается на осколки, с каждой секундой становясь бледнее, и вода разрывает грудь на куски, заполняя сердце мёртвой свинцовой тяжестью...

Очнулась она почти сразу, почувствовав на лице мокрый шершавый песок. В правом предплечье жаром пульсировала жгучая боль. Эльза поднялась на четвереньки, некоторое время тупо глядя на беспорядочные следы на песке, повернулась, села, подтянула ноги и откинулась назад, неуклюже прислонясь к крутому борту. Шаги Берата давно стихли, а Эльза все сидела, не отрывая взгляда от тропинки, затянутой молочным туманом. Она опять отпустила пассажира. И опять умерла.

В который раз, интересно?..

Наверное, тогда, много лет назад, какая-то уж очень веская причина заставила её сделать тот, последний, шаг с утёса. Вряд ли она уже когда-нибудь вспомнит, какая... Дура! Ни первая смерть, ни все следующие ничего не изменили... А ведь могла же забрать чужую жизнь...

Она опустила глаза и увидела, как по изрытому её башмаками песку ломаной змейкой вьётся слабо поблёскивающая нитка. Ладно, а вдруг получится?..

Эльза намотала волос на пальцы и сунула за пазуху вместе с извалянными в песке яблоками. Потом поднялась, столкнула лодку в воду и тяжело перевалилась через борт.

В том месте, где когда-то билось сердце, прямо под карманом с яблоками как-то странно звонко гудела пустота. До новолуния оставалось шесть дней... Шести дней должно было хватить.

Александр Кузнецов

Случай из алхимической практики Роджера Бэкона

сказка для детей старшего возраста

Удивление мэтра уже вошло в привычку после каждого визита возводить глаза к небу и риторически вопрошать: «Господи! Ты когда-нибудь пошлёшь мне хоть одного вменяемого заказчика? Откуда у них у всех такие дикие идеи?» Но поскольку деньги нужны были мэтру всегда, он хватался за любой заказ. И регулярно вляпывался в неприятности.

Знаменитый алхимик, обладатель пяти университетских дипломов (сколько из них настоящих — оставим на его совести), бакалавр магии, высокоучёный мэтр сэр Роджер Бэкон был в тот вечер как всегда. А как всегда — это означает литра три. Портвейна. Нет, не за день. Что вы, что вы! Как вы могли такое подумать?! За вечер. За день было больше, естественно.

Леди Стаффорд вошла в лабораторию без стука и уселась без приглашения.

— Мне нужна ваша помощь, мэтр, — сухо сказала она.

— Само собой, — благодушно кивнул Роджер Бэкон. — Всем требуется моя помощь. Несомненно, миледи, вы увлеклись изготовлением философского камня. Разумеется, я могу дать вам пару консультаций. Но, сами понимаете, это потребует с вашей стороны некоторых затрат...

— Не говорите ерунды, мэтр, — ещё более сухо осадила почтенного изыскателя леди

Стаффорд. — Послушайте меня внимательно. Видите ли, мой муж — коллекционер.

— Прекрасное хобби, — кивнул сэр Роджер. — Поздравляю вас сударыня.

Художник Сергей Чуб (Иофик)

— Поздравляете?! — взвизгнула леди Стаффорд. — Вы хоть знаете, что именно лорд Стаффорд коллекционирует?

— Миледи, вы меня удивляете, — тон сэра Роджера становился всё более отеческим. — Наверняка он коллекционирует бриллианты. Или поместья. Или замки на побережье Луары. Или...

— Мой супруг коллекционирует ножи! — выплюнула из себя леди Стаффорд.

— И что в этом такого особенного? — удивился мэтр.

— Что особенного? — окончательно потеряла самообладание леди Стаффорд. — Вчера он, изволите ли видеть, пришёл в супружескую спальню в четыре часа утра. Он занимался коллекцией! Так вы думаете, он пришёл один?

— А что, он кого-то ещё приволок? — с любопытством спросил сэр Роджер.

— Он притащил с собой какую-то остроотточенную железяку гнусного вида! — рявкнула леди Стаффорд. — И ещё промасленную тряпку! И в супружеской спальне, простите, он занимался тем, что полировал эту железку, вместо того, чтобы обращать внимание на меня, дьявол его укуси!

— Так вы хотите эликсир универсальной привлекательности? — осторожно уточнил мэтр.

— Нет! — снова рявкнула леди Стаффорд. — Привлекательности у меня своей хватает! Мне нужно, чтобы вы отвратили моего мужа от коллекционирования этих идиотских клинков!

— Э-э-э-э... — глубокомысленно сказал высокоучёный алхимик.

— Естественно, — кивнула леди Стаффорд. — Я вас понимаю, это сложно. Тысяча гиней, — небрежно заметила она.

Сэр Роджер, не гнушавшийся работать за пару соверенов, сумел только открыть рот и слабо промычать что-то...

— Я приду к вам через два дня, — сказала леди Стаффорд, решительно устремляясь к двери. — Полагаю, этого времени вам хватит.

Великий учёный хотел было на это заметить, что великие проекты требуют больших финансовых вливаний, но его единственным слушателем осталась дрожащая от удара входная дверь.

— Грешно упускать возможность поставить столь высокооплачиваемый и воистину великий эксперимент, — доверительно сказал потолку сэр Роджер. — Надо завтра с утра подумать.

Двое суток дым в лаборатории почтенного мэтра стоял коромыслом. Да каким там коромыслом? Грязно-рыжий дым стелился по полу неопрятными лужами, отдельными кусками лежал на полках, вываливался в окно, заставляя весь квартал чихать. На столе булькало в огромной реторте отсвечивающее серебром непонятное варево, время от времени извергающее из себя фонтаны металлических опилок. Приходящая кухарка удивлялась, куда исчезли из кухни все ножи, и требовала денег для похода в скобяную лавку. На лабораторном столе валялись гвозди и подковы вперемешку с травами и камнями. Мэтр давно уже щедрой

рукой опустошил всё содержимое тайного шкафчика, и пыльца из драконьей чешуи взвесью висела в воздухе, время от времени заставляя мэтра неистово чихать, от чего воробьи за окном падали замертво.

К вечеру второго дня мэтр, ссутулившись, стоял над колбой и помешивал в ней жуткого вида поварским тесаком. Тесак с лёгким шипением и как бы ухмылкой растворялся.

— Ну, вот, наверное, и хватит, — бормотал под нос сэр Роджер, который за эти двое суток в творческой эйфории ограничился всего-то тремя кувшинами креплёного пива. — Или всё-таки добавить бронзовых опилок пополам с вытяжкой из предстательной железы девственного камелеопарда? А может...

Появление леди Стаффорд прервало его размышления.

— Прошу вас, миледи, — попытался изобразить учтивый поклон сэр Роджер. — Сейчас, я перелью во что-нибудь...

С этими словами он протянул заказчице заткнутый пробкой глиняный кувшинчик.

— Достаточно пяти-семи капель на стакан вина. Результат проявится дня через четыре.

— Я рада, что не ошиблась в вашей гениальности, мэтр, — натужно улыбнулась леди Стафхорд. — Вот ваш гонорар.

Тяжёлый мешочек упал на стол. Пока сэр Роджер прятал его за пазуху, выпрямлялся и готовился произнести краткую благодарственную речь, леди Стаффорд уже подъезжала к своему дому.

Гонорар учёный мэтр потратил с толком. Тут даже злые языки не нашли бы повода позлословить. На сто гиней сэр Роджер закупил вдосталь магических ингредиентов, дабы иметь возможность в будущем полностью посвятить себя научной работе. На остальные девятьсот был закуплен и аккуратно расставлен в подвале по стеллажам портвейн.

***

Знаменитый алхимик, обладатель пяти университетских дипломов (сколько из них настоящих — оставим на его совести), бакалавр магии, высокоучёный мэтр сэр Роджер Бэкон сидел в кресле у камина, смотря сквозь бокал на танцующее пламя. Он был добр, великодушен и расслаблен. Напрасно. Потому что распахнувшаяся входная дверь грянула о косяк с такой силой, что стоявшая на каминной полке вазочка с сушёными цветками папоротника подпрыгнула метра на полтора.

— Что это значит? — произнесла леди Стаффорд таким голосом, что завывание чёрного самума в Ливийской пустыне показалось бы гипотетическому прохожему ангельским пением.

Сэру Роджеру очень захотелось уехать в Ниццу. Или в Тимбукту. Или даже в холодную Сиберию. Лишь бы оказаться подальше от разгневанной леди Стаффорд...

— А в чём, собственно, дело? — попытался возмутиться мэтр. — Зелье должно было сработать! Это я вам отвечаю! Ваш муж перестал коллекционировать ножи? Хотя бы по утрам?

— Перестал, — тихо со змеиным придыханием ответила леди Стаффорд, явно готовясь порвать мэтра на тряпочки. — Ножи — перестал. Великий боже, что я имела против маленьких изящных железочек? Знаете, что он теперь коллекционирует? ЧТО он повсюду таскает с собой? Да, в постель тоже, чёрт побери!!!

— Неужели женское бельё? — попытался фривольно пошутить сэр Роджер.

Леди Стаффорд не приняла шутки.

— Он, — тихо ответила она, — начал коллекционировать, — голос её окреп, — ТОПОРЫ!!!

Художник Сергей Чуб (Иофик)

Время тётушки Маргарет

сказка для детей пародного возраста

Тётя Маргарет позвонила мне в два часа ночи.

— Максик! — сказала она. — Ты не подержишь у себя несколько дней моего Микки?

Тётя Маргарет до сих пор называет меня Максиком, хотя, видит бог, я давно уже окончил школу, колледж и даже университет. Впрочем, она называет в таком духе всех своих знакомых, независимо от возраста.

— Да подержу, тётя, отчего же нет? — осторожно согласился я. — Только почему об этом надо спрашивать посреди ночи? Что-нибудь случилось?

— А разве уже так поздно? — защебетала тётя Маргарет. — Ах, я и не подозревала! Ты же знаешь, я никогда не обращаю внимания на время...

Здесь, видимо, следует остановиться и поподробнее рассказать о тётушке Маргарет, её ненаглядном Микки и о часах.

Тётушка Маргарет — добродушное, взбалмошное и совершенно беспардонное существо. Ну, вы уже поняли: она может позвонить в пять утра, чтобы ей помогли решить кроссворд. Она вечно жалуется, что ничего не успевает, но на себя ей времени хватает вполне. Выглядит тётя всегда на редкость ухоженно и респектабельно.

Дома, впрочем, беспорядок у неё жуткий. Кузен Джеймс как-то случайно был у тётушки в гостях и потом рассказывал, что такого бардака он не видел даже на заводской свалке. (Поймите правильно, кузен Джеймс работал тогда на заводе управляющим).

Впрочем, тётю Маргарет редко можно застать дома. Чаще всего она ходит по гостям вместе со своим ненаглядным Микки.

Микки — это ручной крыс тётушки Маргарет. Или крыса. Не знаю, я ей под хвост не заглядывал. Во всяком случае, тётушка не расстаётся с ним ни на минуту. Где бы вы ни встретили тётушку Марго — Микки обязательно будет сидеть у неё на плече или на сгибе локтя.

И наконец, страсть тётушки — часовые магазины. Она готова бродить по ним сутки напролёт. Кажется, во всём Лондоне не найдётся такой захудалой, торгующей часами лавчонки, в которой не побывала бы тётя Маргарет со своей неизменной крысой. Более того, она питает нездоровое пристрастие вообще к любым часам. Несколько раз она опаздывала на поезд, потому что любовалась вокзальным табло. Да о чём говорить! Я сам как-то, в молодости, ожидая знакомую из колледжа, видел тётушку, бродившую вокруг обычных уличных часов. Нет, она никого не ждала, это было видно. Когда я уходил со своей знакомой (опоздавшей, между прочим, на полтора часа), тётя Маргарет ещё была там и так же ходила кругами вокруг столба. Микки, разумеется, сидел у неё на плече.

Итак, в шесть утра тётушка уже стучалась в дверь. Щебетать она начала ещё с порога:

— Ты представляешь, Максик, какие они негодяи! Мне нужно срочно на континент, а они требуют на Микки документы! Ну как они не понимают, что я при всём желании не успеваю сделать никакие документы! Вот поэтому оставляю тебе Микки на недельку. Микки, ты поживёшь несколько дней без меня?

Крыс был вял и невыразителен. Ему было очевидно всё равно, где находиться.

— Тётя, а где его держать? — спросил я. — У вас какая-нибудь клетка есть?

Тётушка посмотрела на меня так, словно я только что прилюдно признался в пристрастии к чтению бульварных листков.

— Ты что? Микки — в клетку? Глупости какие! Он прекрасно себя чувствует без всякой клетки! Просто посади его куда-нибудь, и Микки будет там спокойно сидеть!

— Ну, хорошо, а кормить его чем? — спросил я.

Вот тут тётушка Марго растерялась.

— Кормить? Ну-у-у, ты знаешь, он не голодный... не надо его ничем кормить. Я через неделю заберу его и покормлю сама. Правда, Микки?

Крыс еле-еле шевельнул хвостом. Я мысленно покачал головой, но ничего не сказал.

Щебетание тётушки Маргарет длилось ещё час. Наконец она с видимой неохотой вручила мне своего крыса и распрощалась. Захлопнулась входная дверь.

— Ну и куда тебя деть? — спросил я крыса.

Микки преобразился на глазах. Он порывисто вскочил, дёрнулся туда, сюда, понюхал воздух и каким-то акробатическим движением взлетел на прикроватную тумбочку. Там он улёгся рядом с часами и снова стал блёклым и сонным.

Я сходил на кухню и принёс блюдечко с водой и горсть крупы. Крыс даже не шевельнулся.

— Ну, как хочешь, — пожал я плечами.

Крысу было всё равно.

Мне надо было поработать. Из редакции уже звонили и напоминали про заказанную статью. Давно задуманная книга тоже требовала внимания. Я разложил на столе нужную литературу, взял чистый лист и задумался над вступлением.

Очнулся я оттого, что за окном темнело. Часы показывали десять вечера, всё тело ломило от долгого сидения за столом. В горле пересохло, а передо мной красовался абсолютно чистый лист бумаги.

— Что за чёрт? — спросил я в пространство. — Я что, уснул?

Разумеется, мне никто не ответил.

Поужинав в кафе, я вернулся домой, мимоходом взглянув на крыса. Он точно так же лежал на тумбочке. Крупа в блюдечке была не тронута, но выглядел он бодрее.

На следующий день я полдня провёл в редакции, где имел, среди прочего, один неприятный разговор. Статью следовало закончить сегодня, во что бы то ни стало, иначе на публикацию можно было не рассчитывать.

Было три часа дня. Я сел за стол, взял ручку...

И осознал, что за окном темно. Часы показывали десять вечера.

Я не пил ничего крепче кофе. Припадками никогда никакими не страдал. «Что происходит, чёрт возьми?» — думал я. В соседней комнате послышался цокот коготков.

«Крыс? Но при чём тут он?»

Я заглянул в комнату. Крыс гарцевал по тумбочке, чуть ли не приплясывая. Сделав несколько кругов вокруг будильника, он уставился на него и распахнул пасть...

Очнулся я лежащим на полу. Часы показывали полпервого ночи. Крыс довольно смотрел на меня. Внезапная догадка пронзила моё сознание:

Художник Алёна Кудряшова

— Так ты, что ли, время жрёшь, тварь? — спросил я, приподнимаясь.

И попытался схватить дьявольскую зверушку. Рука моя цапнула пустоту.

Крыс не бегал и не проделывал акробатических номеров. Он просто исчез.

За моей спиной послышался шорох. Крыс сидел сзади и нагло улыбался.

Я бросился снова. Бесполезно. Он даже не утекал из пальцев, а просто исчезал, чтобы через мгновение появиться в другом месте. Кажется, в фантастических романах это называется телепортация.

Спустя несколько бестолковых попыток поймать неуловимую тварь, я вспомнил про пистолет, давным-давно валяющийся в ящике стола. Правда, последние мои успехи на поприще стрельбы были давно, в колледже, но тут, думаю, не промахнусь...

Я навёл пистолет на крыса. Казалось, тот занервничал...

Вдруг меня обдало ледяным ветром. Посреди комнаты начал сгущаться силуэт. Несколько мгновений — и он обрёл знакомые очертания.

Тётя Маргарет?

Куда девалось её обычное добродушие и рассеянность? Из-под шляпки тяжело смотрели чужие ледяные глаза, готовые взглядом медленно порезать меня на кусочки. Пистолет потяжелел и вывалился из ослабевших рук. Я пошатнулся.

— Ты хотел обидеть Микки, племянник? Ну-ка, Микки, расскажи, неужели Максик пожалел для нас с тобой немножечко времени?

Крыс уже знакомым непостижимым образом переместился ей на плечо. Клянусь, я видел, как он начал что-то шептать тёте Маргарет на ухо! Её угрожающий взгляд обрёл весомость и плотность. Меня со страшной силой швырнуло спиной о стену. Что-то хрустнуло в плече. Глаза тёти Маргарет, обычно скучно-серые, теперь совершенно почернели.

— Тебе не следовало трогать Микки, племянничек. Подумаешь, не сильно убыло бы тебя. А теперь будет хуже...

Два бездонных чёрных колодца склонились надо мной. Слабость была невероятная. Я слабо завизжал, почувствовав, как из меня вытягивают какой-то невидимый жгут, необходимую часть меня самого, кусок души, но не мог даже пошевелиться.

Чёрные колодцы потухли. Тётя Маргарет стояла в дверном проёме, поправляя шляпку. Крыс сидел у неё на плече и злорадно скалил зубы.

— Прощай, племянник. Я больше тебя не трону, но думаю, ты догадываешься, что об этом маленьком инциденте лучше молчать? Иначе... сам понимаешь...

Сидящий у неё на плече крыс издевательски прищурился. Тётя Маргарет вышла.

Человек плохо чувствует себя, столкнувшись с непостижимым. Ему хочется поискать какую-то опору, найти объяснение. Просто убедиться в чём-то, в конце концов. Я отдышался, протянул руку к телефону и позвонил дяде Генри.

Дядя Генри в нашей семье нечто вроде лорда-хранителя традиций и клерка в учётном столе. Он держит в памяти всю генеалогию семейства, помнит все даты свадеб и рождений и без запинки может растолковать, кем именно приходится кузен Джеймс престарелой бабушке Глории.

— Дядя Генри, — сказал я. — Как выглядела тётя Маргарет в молодости?

— Что значит как? — начал дядя Генри и замолчал. Я слышал, как он на том конце провода мучительно думает, недоумевает, а потом разводит руками перед невидимым собеседником.

— Я н-не знаю, — наконец выговорил дядя Генри. — Я пытаюсь вспомнить, и никак... Она была такой, как сейчас, всю жизнь. Проклятье! Я же должен помнить её молоденькой! Нет... не выходит...

— И у неё всегда был крыс, — голос мой был ровен и уверен.

— Да, — ответил дядя Генри.

— Спасибо, дядя, — сказал я. — Всё сходится.

Мне захотелось напиться. До потери сознания. Что ещё оставалось?

Надевая шляпу, чтобы идти в бар, я взглянул в зеркало. На меня смотрело лицо, постаревшее на добрый десяток лет. И в волосах появилась седая прядь...

Софья Кузнецова

Почему кошки бывают трёхцветными, а коты нет

сказка для детей старшего возраста

Хромосомы кошки XX, кота — XY.
Чёрный окрас — доминантный признак (B), рыжий — рецессивный (b). Эту информацию содержат только X-хромосомы.
Чёрная окраска кошек определяется геном B, рыжая — геном b. Эти гены расположены в X (женской половой) хромосоме. В Y-хромосоме (мужской) они отсутствуют.

Из задачки по генетике.

Давным-давно, когда Земля стояла на трёх китах, а мир был новеньким, как с иголочки, и чистеньким, как из химчистки, далеко-далеко, там где раки зимуют и курица петухом поёт, жили-были кошки. Спокойно! Кошки — название собирательное. Коты, разумеется, тоже жили, куда же без них. Боги в то время были заняты: горшки обжигали, поэтому с окрасом животных не заморачивались, и все кошки были серыми. Все-все, и коты тоже. Серая шёрстка — это очень удобно, поверьте мне.

Но всегда найдётся кто-то, кто не доволен устоявшимся положением вещей. И почему-то чаще всего это — женщины.

— Милый, — сказала Кошка весенней тёплой полночью. — Мне надоела эта серость, хочется чего-то понарядней. Да и чем-то выделиться среди остальных не мешает.

— А как? — приоткрыл глаз Кот.

— Я всё придумала. Пойдём.

Чего хочет женщина, того хочет сами знаете кто.

— О, мать-белая Луна! — завопила Кошка кошачьим мявом. — Яркой жемчужиной сияешь ты в небесах, светлой

дорожкой блестишь на воде. Подари нам каплю лунного света.

— Ну? — спросила Кошка, любуясь своей белоснежной шубкой. — Как тебе? Ты доволен?

— Неплохо, — осторожно лизнул лапу Кот.

Первый опыт, увы, не всегда самый удачный, и через весьма непродолжительное время они убедились, что белая шёрстка — это красиво, но очень, очень непрактично.

— Я стёрла себе весь язык, — пожаловалась Кошка, — тяжело поддерживать такой наряд в нужном состоянии.

— Ты наверняка уже придумала выход, дорогая, — вздохнул Кот, заранее покорно соглашаясь.

— О, мать-тёмная Ночь! — завопила Кошка кошачьим мявом. — Чёрным бархатом укрываешь ты землю, страшным мраком заливаешь ущелья. Подари нам каплю своей тьмы.

— Ну? — спросила Кошка. — Как тебе? Теперь ты доволен?

— Лучше, — сказал Кот. — Только пожалела Ночь краски для нас: мордочки и лапки остались беленькими. А у меня ещё и на груди белое пятно. Право же, это как-то неэстетично.

— Зато очень эротично, — сладко потянулась Кошка. — Впрочем, ты можешь принять деловой вид и считать это пятно галстуком.

В пятницу Кошка разглядывала себя в луже, оставшейся после четвергового дождика.

— Миленько, — мурлыкала она, повернув голову и пытаясь разглядеть своё отражение со спины, — очень даже миленько получилось. Но всё же чего-то не хватает, не находишь? — пнула она в бок нежащегося Кота.

— Ш-ш-што ты от меня хочеш-ш-шь? — зашипел Кот, но тут же сник. — Я, пожалуй, подремлю, а ты иди без меня, милая. Хотя мне кажется, дорогая, что ты и так неотразима.

Мнения Котов надо учитывать, но — как погоду, не более.

— О, мать-красное Солнце! — завопила Кошка кошачьим мявом. — Алым цветком украшаешь ты небеса, жарким поцелуем любишь всё живое. Подари мне каплю своего света.

— Да я не то чтобы мать, — хмыкнуло Солнце и пощекотало Кошку своими лучами. — Но краски мне для тебя не жалко.

— Только не перестарайся! — озабоченно мяукнула Кошка.

Засмеялось Солнце, обрызгало Кошку рыжим светом, оставило на ней свои отметины.

— Ну? — затормошила она разомлевшего на солнышке Кота.

— Дорогая, — разнеженно промурчал Кот, не открывая глаз, — ты прекрасна! Ты... ты... ты просто идеальная Кошка!

— Мр-р-р, — сказала Кошка, любуясь собой во всё ещё не просохшей луже. — Такая красота достойна специального имени. Назовусь я... а назовусь я звучным словом Триколор!

Давно это было — трава тогда была зеленее и выше, вода мокрее и жиже, дожди лили только по четвергам, а на горе рак насвистывал свою песенку.

Потом-то остальные спохватились: кто выпросил себе у Ночи чёрную шкурку, кто у Луны — белую, самые отважные — у Солнышка рыжую. Самые предприимчивые стали двухцветными. Самые ленивые так и остались серыми. Но только самые-самые элегантные кошки, для которых красота шкурки — не пустой звук, способны были попросить трижды... А котам оно и вовсе не сдалось.

Художник Апевтина Хабибова

Колобок

сказка для детей дошкольного возраста

o eat or not to eat? — старик покосился на свежеиспечённый колобок, тут же заслонённый видением фрикасе из курочки рябы, откушанным вчера в замке у любимой мышки Норы. Ах, эта Нора, урождённая графиня Д'Амбар, любовно называемая Норушкой, от чего она сразу переставала быть серенькой мышкой... Старик с отвращением взглянул на колобок ещё раз: хотя бабка божилась, что муку ей доставляют из самого графства Сусек, но вид кособокого кулинарного изыска навевал мысль о пыльных степях родной Засарайщины.

***

— Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл, — заунывно тянул Колобок.

— Погоди ты со своей бабушкой! Это какой дед, Мазай? — Заяц поскрёб лапой правое ухо, которому крепко досталось на весенних спасработах.

— Я знаю? — Колобок непременно пожал бы плечами, если бы они у него были. — Я к нему в паспорт не заглядывал. Ешь меня поскорей, нечего тут...

— Да ты что, Шарик? Тьфу, то есть, Колобок... Я ж от рождения убеждённый вегетарианец! Только подлапный корм, да и тот без хлеба.

***

— Я от бабушки ушёл, — упавшим голосом признался Колобок.

— Позволь, похоже, я знаком с этой пожилой леди приятной наружности, это ведь её навещает прелестная внучка в шляпке

цвета бордо? — Волк спрятал за спину лапу с зажатыми в ней косичками, взятыми на память о Красной Шапочке.

— Может, и её, — вздохнул Колобок, — хотя девчонка по ошибке всегда приходит, когда той нет дома и на хозяйстве только дед.

***

— ЧТО? ЭТО? БЫЛО???

— Уважаемые радиослушатели, вы прослушали «Блюз Бездомного Колобка», ваши отзывы и пожелания...

— Карузо Посусекамскребённый! — сморщился Медведь от непрошенного вокала. — Что-то не припоминаю, чтобы я тебе на ухо наступал, хотя бы по причине отсутствия такового.

— Отсутствие у меня ушей оскорбляет твой эстетический вкус? А просто на вкус меня попробовать?

— Сынок, — снисходительно пробасил Медведь, — никогда не поддавайся соблазну петь в присутствии профессионалов.

Художник Юлия Кепюх

И он затянул бессмертное «Let`s eat bee, let`s eat bee», дирижируя сам себе измазанной мёдом лапой.

***

— На диете я, милый, а от мучного лишние калории, — хитрющие глаза осыпали его рыжими искрами.

— А как же «Хлеб — всему голова!»? — горестно затряс головой Колобок.

— Это кто ж тебе сказал?

— Люди.

— А вот к людям я больше ни ногой, ни нагой, — вздохнула Лиса о чём-то своём. — Так ты считаешь, что сакральный смысл твоего существования — быть съеденным?

— С богами не спорят. Не нужен я никому, с виду неказист, неаппетитен, да и не харизматичен к тому же, — блеснул эрудицией Колобок.

— Да ну, не трагедь! «Не трагедь» — это, кстати, глагол, а косметика творит чудеса. Если я нарисую на тебе что-нибудь вот здесь зелёненьким, вот здесь беленьким, а сюда посажу прекрасную синюю кляксу...

Так у лисы появился глобус. Не очень правильной формы и с не всегда адекватной реакцией на смену погоды, времени года и настроения, но свой. Другой.

Борис Куртуазий

Контракт

сказка для детей старшего возраста

Албес огляделся и удовлетворённо кивнул. Место было отличное: сравнительно большая, ровная поляна, заросшая мелкой травой и окружённая с трёх сторон стеной высокого густого орешника. Охотник аккуратно размотал шёлковый шнур с затяжной петлёй на одном конце, уложил петлю в центре поляны и принялся искусно маскировать ловушку, уводя свободный конец шнура в кусты. Там он крепко привязал шнур к стволу ближайшего дерева. Другой шнур, одним концом прикреплённый к изящному, но прочному ошейнику, украшающему шею невысокой миловидной девушки, Албес привязал к собственному поясу. Потом он несильно подтолкнул девушку в спину.

— Давай, милая Ороста, иди туда, — охотник указал на центр поляны, — Садись там, плети венок и пой тихонько что-нибудь печальное. Короче, страдай вовсю. Удачной нам охоты!

С этими словами он вручил девушке заранее приготовленную охапку ромашек, а сам спрятался в кустах. Ороста послушно уселась в указанном месте, рассыпала перед собой цветы и принялась плести венок, мурлыча что-то невероятно жалобное. Албес едва разбирал слова, но, в общем, тема была выбрана подходящая: что-то в песне не то ожидало, не то созревало, да ещё и осыпалось периодически, сопровождаясь всхлипываниями. Словом, то ли про озимые, то ли про сокровенное. Охотник одобрительно кивнул, отхлебнул немного молодого пива из каучуковой фляги и поёрзал, устраиваясь поудобнее.

Единорог, на удивление, не заставил себя долго ждать. Албес знал, что именно в этой местности его видели особенно часто, но такой удачи не ожидал: с тех пор, как Ороста начала петь, не

прошло и часа. Волшебное существо появилось на противоположном от охотника крае поляны и замерло, принюхиваясь и обшаривая взглядом окрестности. Охотник медленно, стараясь даже не дышать, положил ладонь на шнур-ловушку. Единорог снова потянул носом воздух, замер на пару мгновений и сделал несколько шагов по направлению к девушке. Та не замечала его, увлёченная то ли венком, то ли страданиями. Албес на долю секунды отвёл взгляд от добычи, чтобы получше ухватиться за шнур, и вздрогнул, услышав ехидный голос:

— Вылазь из кустов, жулик! — единорог исподлобья смотрел туда, где прятался охотник.

Ороста взвизгнула, уронила венок и закрыла голову руками.

— Да не вопи ты, — заметил единорог, — Не трону. Только меня там не хватало. Хотя могу и боднуть. Если этот негодяй немедленно не выйдет!

Албес выругался сквозь зубы и выбрался на поляну. Единорог попятился немного и принялся разглядывать охотника. Посмотрел правым глазом, прищурился, потом посмотрел левым и фыркнул:

— Значит, на эту вот почтенную барышню, ты, простота соломенная, собирался поймать меня, так? И что же заставило тебя полагать, что подобное мероприятие может увенчаться успехом?

— Девственница же, — развёл руками Албес.

— В каком месте? — насупился единорог. — Ты чего? Слепой? На ней же пробы ставить негде. Ты где её взял вообще, олух?

— Сам ты олух! — обиделся Албес. — В агентстве мэтра Утинера, между прочим. А у него превосходная репутация!

— Напрокат?! — ахнул единорог. — Да ещё у кого! Не, брат, такого обалдуя свет не видывал! Как же это тебя угораздило?

— Да чего как? — Албес развёл руками, — Обычно как. Спросил у местных, в таверне, где в этом захолустье можно раздобыть девственницу за божескую цену. Мне и сказали идти к Утинеру.

— Ты бы ещё к мамке Ерезе сгонял, в приют для престарелых! — ядовито заметил единорог и издевательски заржал.

— А если ты такой разумный и дальновидный, так чего припёрся, а? — не остался в долгу Албес. — И не появлялся бы вообще! А то поучает он ещё...

— Да мне просто любопытно стало, что за простофиля такой тут ошивается, — ответил единорог. — Контракт на меня уже, поди, лет пять, как объявлен. И что — сильно поймали? То-то же. Хоть бы поинтересовался, так сказать, статистикой. Навёл справки. Прощупал... мнээ... ситуацию.

— Всех не перещупаешь, — хмуро сообщил Албес. — Щупа не хватит. Не говоря уже о деньгах.

— Так не лез бы, коли щупом не вышел, — ехидно заметил единорог.

— А ты почём знаешь, что не девственница? — перешёл в наступление охотник. — Тоже ведь, поди, не щупал! А умничаешь.

— Мне щупать и не надо, человечишко, — с нескрываемым превосходством парировал единорог. — У меня свои методы, безотказные. Экстрасенсорика, понял, темнота?

— Слушай, лошадь! — разозлился Албес. — Я тебе своим щупом куда попало не тыкаю — вот и ты мне в лицо своей эк... трах... сорикой не тычь, понял?!

— Ладно, не ярись, — примирительно сказал единорог. — Кстати, а кто контракт-то объявил?

— Кто надо, — буркнул Албес. — Столичный Бестиарий.

— А кто является Главой Бестиария, знаешь?

— Да какая мне разница? — пожал плечами охотник.

— А такая, что Главой является сам мэтр Утинер, — усмехнулся единорог. — Сам, понимаешь, контракт объявил и сам же дутую девственницу напрокат сдал. Беспроигрышный вариант. Развели тебя, горе-охотник.

Ороста захихикала, прикрывая рот руками. Албес пару секунд остолбенело смотрел на единорога, потом судорожно вздохнул, схватился за сердце и, как подкошенный, лицом вниз рухнул на землю. Девушка пронзительно завизжала.

— Балбес балбесом, а такой впечатлительный, — единорог покачал головой. — Ладно, барышня, не вопи ты! Так и быть, оживим твоего горе-охотничка.

И он спокойно направился к неподвижному Албесу, медленно опуская волшебный рог.

Верёвочная петля мёртвой хваткой стянула передние ноги животного, а последовавший за этим сильный рывок опрокинул единорога раньше, чем тот успел осознать происходящее. Албес молниеносно вскочил на ноги, рванулся к ошарашенной добыче и ловко опутал верёвкой все четыре ноги. Затем быстро насадил на рог флягу.

— Зря я тебя высмеивал! — лежащий на земле единорог косил глазом на сидящего в пяти шагах Албеса. — Поделом мне...

— Поумнел, никак, — усмехнулся Албес. — А то всё трахсорика, трахсорика. Меньше сора в башке — больше пользы для здоровья.

— Слушай, охотник... А может, договоримся? Сам подумай, ну приведёшь меня к этому мерзавцу Утинеру...

— Дурак ты, лошадь, — покачал головой Албес. — Подумаешь, эка невидаль: единорог. У меня, чтоб ты знал, лошадь, контракт... на *девственницу*. Так что лежи смирно — будем подманивать. Настоящая охота только теперь и начинается!

Художник Светлана Солдатова

Медицинский случай

сказка для детей старшего возраста

Два часа ночи известный на весь город доктор Хаим Канарейчик был неожиданно разбужен в своей собственной постели двумя совершенно посторонними людьми. Крепкие руки одного стащили с доктора одеяло, ещё более крепкие руки второго аккуратно приподняли его за подмышки и перевели из лежачего положения в сидячее. От неожиданности Канарейчик немножко испугался, а от испуга совсем проснулся и уставился на посетителей выпученными немножко больше обычного глазами.

— Добрый вечер, доктор, — тихим басом сказал первый. — Слушайте, вы такой шкилет на внешний вид, но этот вид таки ниврoку весит!

— Доктор, — громким шёпотом произнёс второй. — Извиняйте за поздний визит, но кто же ходит спать с открытой дверью? Или мама не говорила вам, шо в этом городе полно шпаны?

— А английский замок? А внутренний засов? А стальная цепочка? — пролепетал Канарейчик.

— Йося, ты заметил шо-то такое на входе? — поинтересовался второй у напарника.

— Додик, ты с меня смеёшься? — пожал плечами тот. — Это не дверь, это настойчивое приглашение быть как дома.

— А шо вам надо, господа? — Канарейчик зябко поёжился, с опаской переводя взгляд с одного визитёра на другого. — Если полечить грудную клетку, так приходите утром, а если пограбить, так идите лучше до стоматолога Функа.

— Доктор, — Йося развёл руками и усмехнулся. — Или мы учим вас за вашу работу?

— Доктор, — Додик вежливо улыбнулся. — Беня очень просил вас быстро прибежать.

— Беня? Таки сам Беня? — доктор спустил ноги с кровати и принялся нащупывать тапки. — Или ему так плохо, шо нельзя подождать?

— Ему очень плохо, — грустно подтвердил Йося.

— Дайте мине две минуты на одеться, — Канарейчик потянулся за брюками.

— Доктор, Эдя Ротшильд затопил бы весь Париж собственной слюной, глядя на эту шикарную пижаму, — Йося взял того под руку и потянул к двери. — Ходите так. Беня ценит ваше время так же, как вы цените своё здоровье.

— Беня хочет видеть ваши уши, — внёс окончательную ясность Додик. — Так какая разница вашим ушам, доктор, во шо одет весь остальной организм?

— Главное, шобы он не пострадал через глаза, — подхватил Йося. — Так их мы вам сейчас закроем в лучшем виде.

И он полез в карман. Доктор Канарейчик зажмурился от ужаса и вжался в спинку кровати, мысленно прощаясь с жизнью. Но Йося вытащил из кармана не пистолет, а чёрную повязку.

После недолгой поездки в фаэтоне и ещё более короткой переноски доктора поставили на пол и сняли с глаз повязку. Канарейчик стал озираться по сторонам, разглядывая комнату и находившихся в ней людей. Кроме Бени, которого знал весь город, и уже знакомых доктору Йоси и Додика, в помещении находилось ещё двое — мужчина и женщина. Беня подошёл к доктору и легко хлопнул его по плечу.

— Дорогой доктор, я так рад, шо вы мине не отказали!

— Слушайте, — наклонил голову Канарейчик. — Медицина таки может очень много, но даже она ещё не знает надёжный способ отказать Бене. Так шо я могу вам сделать, шобы скорее обратно оказаться в своей кровати собственными ногами?

Беня пристально посмотрел доктору в глаза.

— Люди говорят, шо Хаим Канарейчик голым ухом услышит самый маленький хрип в самой глубине больного через зимнее пальто, даже если это пальто стоит в самом центре нашего базара. Так я спрашиваю: или люди брешут?

— Беня, стойте тихо и дышите громко, как будто вы никуда не торопитесь. — Канарейчик приложил ухо к Бениной груди и замер, прислушиваясь.

Художник Лера Мишурова

— Ну и шо там слышно внутре миня? — поинтересовался Беня.

Доктор Канарейчик посмотрел на него и улыбнулся.

— Таки вы чисто дышите, Беня. Так чисто, шо я слышу, как тикают ваши золотые часы. Интересно, шо ещё вчера эти самые часы жизнерадостно тикали на пузе этого вечно простуженного маклера, Сёмы Спектора.

— Люди не брешут, или больше не зовите меня Беня! — хлопнул себя по бёдрам тот. — Доктор, таки вы маэстро слуха! У миня тут есть один головной боль, так вы же поможете мине сделать ему вырванные годы?

Он взял Канарейчика под руку и подвёл к стоящему в углу массивному сейфу.

— Если я буду медленно крутить за вот это колёсико тудой, доктор, так оно будет тихонько трещать. А вы прикладите своё ухо до этого места — я хочу, шобы вы слушали и сразу сказали, если оно вдруг щёлкнет совсем другим баритоном. Потом я покручу его сюдой, и вы обратно будете слушать. Когда эта дверца откроется, то король умер станет да здравствует король.

— Беня, — доктор присел перед сейфом и прижался ухом к дверце. — Я не очень понял за короля, но мине таки любопытно другое. А если кто-нибудь, не дай бог, войдёт? А если кто-нибудь потом, не дай бог, спросит?

— Не трясите чубчиком, доктор, — кивнул Беня, принимаясь вращать циферблат кодового замка. — У нас есть маслин для всех любопытных. А на потом мы красиво сделаем вам такой бледный вид, шо будет ясно, шо вас грубо заставили. А теперь всем ша! Ваш выход, доктор.

Дверца сейфа бесшумно открылась. Беня довольно улыбнулся, обнял Канарейчка и звонко расцеловал в обе щёки.

— Маэстро, если вам когда-нибудь перехочется мазать сопли йодом, ходите до миня. Спросите, кого хочете, или Беня таки умеет уважать квалификацию. Вы знали Мойшу Хруста? Так вот, Мойша был королём. Так он жил, как король, и умер, как король. Мойша Хруст был королём слуха, и если кто-то скажет, шо это не так, то он будет иметь дело с Беней, который умеет постоять за светлую память хорошего человека.

— А шо случилось с Мойшей, Беня, вы случайно не знаете? — голос Канарейчика предательски задрожал.

— Ах, доктор, — Беня смахнул слезу и отвернулся. — Я слышал, шо Мойша думал за медицину лучше, чем

мы с вами. А теперь Йося и Додик вернут вас взад, до вашей тёплой кровати.

— Беня, я дико извиняюсь, но мы капельку забыли за алиби, — Канарейчик вежливо подёргал Беню за рукав. — Вы дадите мине такое алиби, шо городничий будет плакать в оба два глаза и крепко жалеть миня всем своим скверным характером, если вдруг шо?

— Маэстро, не надо говорить два раза, — Беня положил руку на плечо доктора и кивнул своим бойцам. — Вы сами выберете себе такое алиби, какое хочете выдержать. Ходите тудой и нате вам.

Бандиты синхронно подняли сжатые в кулаки правые руки. Хайм внимательно рассмотрел каждый, уважительно кивая головой, и повернулся к Бене.

— Слушайте, Беня, нехай к мине приложится мадам. Я имею думать, шо у неё лёгкая рука.

— Сонечка, — обратился к женщине Беня. — Удовлетворите доктора. Пускай никто не имеет сказать, шо Беня бросает слов на ветер.

Рыжеволосая Соня игриво подмигнула Канарейчику, нежно коснулась пальцами левой руки его щеки, а потом с неженской силой провела классический хук справа в челюсть. Хаим Канарейчик громко икнул, закатил глаза и стал заваливаться назад. Йося ловко подхватил обмякшее тело, закинул его себе на плечо и направился к выходу.

— Сделайте в сэйфе чисто, — велел Беня своим. — А вот эту коробочку оставьте. Не зовите миня Беней, если я забуду позаботиться за хороших людей. Всё, делаем ноги.

* * *

Ближе к обеду следующего дня доктор Канарейчик сидел в стоматологическом кресле.

— Таки это да, красиво! — доктор Функ осторожно вложил пациенту тампон за щёку. — Это надо уметь, коллега. Так уронить лицо об унитаз, шобы сломать клык? Слушайте сюда, Хаим — я поставлю вам дюралевую коронку.

— А жоётую нийжа? — поинтересовался Канарейчик открытым ртом.

— Таки можно, — кивнул Функ. — Но тройной тариф, коллега. Она у меня последняя. Представляете, какой-то бандит вчера ночью очистил мой сэйф. А я спал, как грудной пожарник. Мине бы ваш слух, Хаим, так я бы, может, проснулся и успел поднять хай. И ещё... обезболивающее тоже украли, так шо приготовьтесь сильно потерпеть...

Валентин Лебедев

За пять минут до мечты

детская сказка

В детской комнате обычно живёт много игрушек. День напролёт они кувыркаются с детьми в разных забавах. Ну, вы сами прекрасно знаете, как с игрушками весело. С ними время, как в сказке, мчится! День за днём, неделя за неделей. А там, глядишь, именины наступят. Или вообще главный расчудесный праздник с новогодней ёлкой. И что самое восхитительное, с подарками! Вот тут-то в игрушечной компании обычно прибавление случается. Когда кукла новая, когда зверёк какой-нибудь плюшевый. А бывает, что и машинки разные одна за другой из подарочных коробок выкатываются. С ними, правда, часто всякие аварии случаются. Машинки — это такие особенные шустрые, шумные и геройские игрушки, у которых хоть и яркая, однако весьма короткая судьба. Недолговечные они, рассыпаются с треском.

Впрочем, бывают и такие машины, которые, несмотря ни на какие испытания, невредимыми остаются. Вот, один знакомый пластмассовый грузовик, например, крепким орешком оказался. Помнится, все игрушки к нему с большим уважением относились. Во-первых, потому что он добрый и всегда всех на себе катал. А во-вторых, он чаще остальных бывал на улице, большой мир видел и по ночам другим игрушкам занятные истории с приключениями рассказывал. Ну да! Игрушкам же ночью спать не надо, а до утра скучно в темноте просто так сидеть. Вот они и переговариваются между собой о том о сём ночь напролёт. У всех игрушек на свете, чтоб вы знали, есть свой секретный язык, на котором они друг с другом общаются. И будь то хоть турецкая, хоть китайская, хоть наша русская игрушка — все друг друга распрекрасно понимают.

А кроме игрушек, язык тот секретный никто не знает. Ну, разве только волшебники. Да ещё мудрые кошки и собаки, которые вообще всё на свете чуют и понимают. Но у них с игрушками давний благородный уговор: уж они-то умеют хранить игрушечные тайны и ни за что никогда никому не проболтаются про ночные игрушечные разговоры...

И мы бы сейчас об этом ничего не знали, если бы не одна знаменитая фея. Была она когда-то давным-давно Феей Мягкой Подушки у одного ребёнка. И случилась с ней необыкновенная история. Просто невероятная! Через много лет, став уже почтенной Феей Журавлиных Караванов, как-то тихим осенним вечером рассказала она за чаем с халвой свою историю знакомому доброму сказочнику. Послушал её сказочник и от сильного удивления про любимую халву напрочь забыл. Даже чай у него в серебряном подстаканнике остыл. Вот какая оказалась захватывающая история! Покачал он головой в изумлении и решил, что ребятам про тот невероятный случай тоже непременно знать надобно. Сомневался только: как бы всё-таки при этом игрушечную тайну сохранить? Думал, думал и придумал! Взял хитрый выдумщик да и назвал случай, рассказанный феей, просто сказкой. Но вы так и знайте: никакая это не сказка, а самая что ни на есть чистая правда! Да, собственно, вот она.

***

Жили-были в одной детской комнате игрушки: кукла Катя, кукла Вероника, звонкий мячик, два плюшевых медвежонка, резиновый щенок, грузовик, слон, свинка-копилка, резиновый кит, деревянный конь да тряпичная обезьянка Лили. Кукла Катя всегда носила один и тот же красный комбинезон с карманами. А кукла Вероника была большой модницей. Вертелась перед каждым зеркалом, наряды по сто раз на день меняла.

Слоник Соломон из папье-маше был очень тихой и скромной игрушкой. Несмотря на это, ссадин в общих забавах ему доставалось больше всех. Он, впрочем, никогда не жаловался, только вздыхал огорчённо, обнаруживая у себя на боках очередные вмятины.

Медведь Гоша был весёлый добряк, а медвежонок Чарли почему-то всегда грустил; в лапах он неустанно держал красивое розовое сердечко. С сердечком Чарли не расставался ни днём, ни ночью. Рыжего щенка звали Кузей, а синего резинового китёнка — Булькой. Кузя и Булька были друзья — не разлей вода. И действительно, из всех игрушек только они одни купались

в ванне вместе с маленькой хозяйкой Юлей. У каждого из них на животе имелись дырочки-свистульки. В ванной можно было пускать из дырочек целые гроздья мыльных пузырей. Самые удачные пузыри поднимались до самого потолка! А кувыркаясь на полу, щенок и китёнок так заливисто пищали, что остальные игрушки сразу бросались в игру следом за ними.

А вот грузовик и конь сначала безымянными жили. И чтоб им не было обидно, игрушки между собой прозвали их с почтением Петровичем и Тыгыдымычем. У мяча же вообще имени не было, пока грузовик Петрович случайно не придумал называть его Футболом. Мячик, надо признать, был совсем не спортивным, а обычным детским, маленьким, но от такого замечательного прозвища отказываться не стал. И Петровича зауважал всеми фибрами своей резиновой души. Бывало, как услышит, что его Футболом кличут, так давай сразу радостно прыгать!

Копилку, понятное дело, звали Хавроньей. В ней всегда хрюкали какие-то монетки. Но не подумайте, жадной она совсем не была и частенько во время всеобщей кутерьмы тряслась от безудержного хохота так, что роняла свои пятачки и копеечки. Их потом приходилось разыскивать по всем углам. Особенно когда обезьянка Лили чудить начинала. Впрочем, у толстушки Хавроньи был такой отличный нюх на монетки, что находила она их всегда безошибочно.

Неудивительно, что с такими игрушками в комнате у Юли всегда царило нескончаемое веселье.

Фее же поначалу до игрушек не было никакого дела. Она появлялась по ночам неведомо откуда и строго следила, чтобы подушка у девочки была мягкой и не падала на пол. От этого зависит, прилетят ли с луны сказочные сны. Дело в том, что сны — это такие нежные и капризные существа! Чуть какая подушка не по нраву — узор не тот или мягкости не хватает — сразу без разговоров прочь улетают. Поэтому подушечным феям всегда трудно приходится. Однако Юлина фея наловчилась управляться с ними в два счёта. Приметила, что сны, помимо всего, весьма неохотно залетают в комнату, если игрушки разбросаны. Пришлось Юлиных игрушек к порядку приучать, чтобы не валялись, где попало. Избалованные игрушки маленькую Юлю любили безмерно! Поэтому, хоть сначала и трудновато было, стали ради неё по ночам прилежными, фею слушались и со временем даже подружились с волшебницей.

***

Однажды зимней ночью завязался в игрушечном углу обычный тихий разговор. Сначала обезьянка Лили долго хвасталась: ей утром посчастливилось примерить пару старых платьев Вероники. А затем все хотели послушать любимый старый рассказ о лихих конных скачках, но грузовик вдруг посветил фарами в тёмный угол и сказал:

— Погоди, Тыгыдымыч. А почему это у нас сегодня Кузя с Булькой грустные?

Посмотрели — и правда: прижались неразлучные друзья боками и чуть ли не плачут.

— Ну-ка, выкладывайте, что стряслось? Кто вас обидел?

Китёнок Булька опустил в пол глаза и ответил:

— Сегодня наша Юля заявила, что она уже большая. А большие не плещутся в ванне вместе с игрушками. И нас с Кузей не взяла!

— Да, это верно. Подрос ребёнок... — с умилением сказала Юлина фея.

— О чём это ты? — удивилась Лили.

— Как о чём? Обычное дело: все дети растут. — Фея улыбнулась.

— То есть, как это «растут»? — изумились игрушки.

— Неужели вы не замечаете, что ребёнок постепенно меняется? Разве не помните, какой малышкой-глупышкой она была совсем недавно? А теперь? Разве не видите, какой смышлёной она становится? И рассуждает серьёзно. Года-то бегут! Вон, книжками уже интересуется...

— Точно! Точно! — воскликнула кукла Катя. — Она и меня учит буквы читать...

— И меня! — подтвердила Вероника, кокетливо тряхнув белобрысыми кудряшками.

— Ой, так это, оказывается, буквы? А я, кулёма, считала, что мы с Юлей просто картинки непонятные понарошку разглядываем... — изумилась обезьянка.

— Я всё равно не возьму в толк. И что же это значит? — погладил хоботом ушибленную холку слоник Соломон.

— Всё очень просто. Это значит, что с годами ребёнок становится взрослым. Только и всего.

— Только и всего? И ты вот так спокойно говоришь об этом? — возмутилась Лили.

— Да что же тут особенного? Все рано или поздно вырастают и становятся взрослыми...

— Но ведь взрослым не нужны игрушки! — фыркнул конь Тыгыдымыч.

— Вот именно! — буркнул печальный медвежонок Чарли.

— Ой, погодите! А я вспомнила! Раньше здесь была Милашка-Неваляшка! Где она теперь? — мартышка вытаращила в страхе глаза.

— Угу, а ещё раньше здесь жил Попугай-погремушка. Тебя, мартышка, тогда ещё не было. И других игрушек тоже. А я вот помню. Попугай ведь тоже исчез куда-то... — озадаченно подбоченился добряк Гоша.

— Ты хочешь сказать, что придёт время, и с нами тоже... никто не будет играть? — ахнула Хавронья.

— Ну, не знаю. С тобой, копилка, может, и будут. Я знаю, есть такие взрослые... — Добрая фея уже пожалела, что случайно сообщила игрушкам огорчительную новость.

— Послушай-ка! — принялся рассуждать грузовик Петрович. — Вот ты говоришь, все когда-нибудь становятся взрослыми. Так?

— Ну да...

— А раз так, то и мы тоже станем взрослыми?

— Вот тут я не уверена.

— Эх, ты! Волшебница называется! Фея, а таких важных вещей не знаешь? — укоризненно протараторила мартышка, разволновавшаяся больше всех.

— Ладно, если вас так заинтересовал этот вопрос, я, конечно, могу уточнить. Надо посмотреть в Большой Волшебной Книге. Идёт?

— Идёт! — согласились все, а Петрович добавил: — Только ты, чур, как следует там разузнай!

***

Вот так, хочешь не хочешь, пришлось подушечной фее вникать в посторонние волшебные дела. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Приближался Новый год. Короткие зимние дни мелькали один за другим, а очередь к Большой Волшебной Книге в царстве фей, казалось, тянулась бесконечно. Но — долго ли, коротко ли — нашла, наконец, фея, где в волшебной книге про игрушки сказано, и всю премудрую науку добросовестно выучила. А когда последние листы переворачивала, обнаружила вдруг между страниц какую-то цветную полоску из тонкой рисовой бумаги. Вообще-то класть посторонние предметы в волшебные книги строго-настрого запрещено. Поэтому Фея

Мягкой Подушки сразу догадалась, что бумажная полоска хранилась там неспроста. Любопытно ей стало. Развернула — вроде как фантик от неизвестной конфеты. Хотела фея его на старое место аккуратно положить, да книга не приняла! Стала тогда фея его тщательно со всех сторон рассматривать, а тут серебряный звоночек в ухе прозвенел. Пора лететь на ночное дежурство к Юлиной подушке! Чтобы не сорить в библиотеке, странный фантик из волшебной книги пришлось с собой взять...

Приманила фея сладкие сны на Юлину подушку, свила там для них уютное гнёздышко, а сама — к игрушкам с важным волшебным известием.

— Здравствуйте! Как поживает весёлая компания?

— Здрастьте-здрасьте! — ответила вертихвостка Лили. — У тебя хорошая новость или не очень? Ты уж лучше сразу выкладывай, без всяких волшебных хитростей...

— А какая новость у вас считается хорошей? — растерялась фея.

— Она ещё спрашивает! — схватилась за голову мартышка.

— Ты же обещала кое-что выведать в толстой книге! Забыла? — засеменил копытами Тыгыдымыч.

— Не томи, феюшка! — расплылся в улыбке медвежонок Гоша. — Сил нет ждать...

— Станем мы, игрушки, взрослыми или не станем? — вспыхнул фарами Петрович.

— Вот смешные! Я же потому и торопилась к вам, чтобы об этом рассказать. Только вы мне прежде растолкуйте: сами-то вы как? Хотите стать взрослыми? Или, может, наоборот?

— А что, можно выбирать? — поднятым хоботом Соломон изобразил вопросительный знак.

— Ай, ладно. Раз обещала, расскажу всё, как есть. А там уж сами решайте.... — махнула рукой фея. — Слушайте. Вот, что я узнала. Оказывается, у каждой игрушки есть шанс стать взрослой. Нужно только очень сильно захотеть...

— Я очень-очень-очень хочу! — прошептала кукла Катя, заморгав ресницами.

— И я!

— И я! — послышалось со всех сторон.

— Выходит, все хотят? — Фея пристально посмотрела на каждого. — Только, знайте, одного хотения мало. Должно быть соблюдено самое важное условие. Растёт лишь тот, у кого есть заветная мечта! Так говорит Большая Волшебная Книга.

— Ой, а что это такое? — подскочила мартышка.

— Мечта — это... это... — фея затруднилась ответить. — Ну, как бы вам объяснить?

— Мы — игрушки простые. Ты нам по-простому объясни, — предложил конь Тыгыдымыч. — Вот взять, к примеру, меня. Давно хочу стать цирковым артистом — это мечта?

— Пожалуй, да, — согласилась фея.

— Ой, а я тоже хочу артисткой. Только не в цирке, а в кино! — всплеснула руками кукла Вероника. — Ну, или балериной! Или модельером! Или...

— Заветная мечта — без всяких «или»! — уточнила фея.

— Тогда я ещё подумаю, можно? — смутилась Вероника; у неё от волнения зарделись щёки.

— Можно, — согласилась фея. — До Нового года ещё есть немного времени. Успеешь?

— Я постараюсь, — пообещала Вероника.

— А у меня мечта — стать водолазом. Только настоящим! — Все обернулись. Это был щенок Кузя.

— А ты, Булька? — кивнул Тыгыдымыч лежавшему рядом китёнку. — Мечтаешь стать настоящим морским китом?

— Вообще-то неплохо бы, — хмыкнул Булька. — Только если говорить о заветной мечте без всяких «или», — тут он посмотрел на фею, — то, наверное, надо быть до конца честным перед самим собой.

— Именно так! — Фее понравилась его глубокая мысль.

— Ну вот, я и говорю...

— Вот чудак! Говорит «говорю», а сам ничегошеньки не говорит! — хихикнула в ладошки балаболка Лили.

— Тихо ты! — шикнула на неё фея. — Раскрыть заветную мечту — это тебе не шутки шутить. Понимать надо!

— Давай, Булька, не смущайся, — по-свойски толкнул китёнка мячик.

— Точно, Булька! Не дрейфь! Говори, дружище, не бойся! — подбодрил Петрович.

— Ну, чего ж! Я и говорю... — Булька повернулся хвостом к мартышке и, всё ещё волнуясь, промямлил: — Хочу пассажиров в океане катать. По-настоящему. Чтобы солёные волны за бортом и всё такое...

— То есть как это? — изумились игрушки. Фея тоже чуточку удивилась.

— Ну что тут непонятного? Хочу стать капитаном на большом белом пароходе...

— Во даёт! — подпрыгнула мартышка.

— Вот это мечта так мечта! — Кузя с восхищением посмотрел на приятеля и завилял хвостом.

— Браво, Булька! — похвалил Тыгыдымыч. — Достойная мечта! Уважаю!

Катя и Вероника стали с интересом разглядывать китёнка. И даже у медвежонка Чарли восторженно заблестели печальные чёрные бусинки.

— Ну, а у меня мечта простая, — вздохнул Соломон.

— Это не важно. Главное, чтобы заветная, — подбодрила слонёнка фея.

— А какая? Какая у тебя мечта? — неугомонная Лили была тут как тут.

— Мечтаю вырасти, стать большим слоном. Вырасту — отправлюсь гулять по Африке.

— А, может, лучше махнём вместе в цирк? — предложил конь Тыгыдымыч. — Хорошему слону в цирке всегда дело найдётся...

— Можно и в цирк, — добродушно ухмыльнулся Соломон. — Но сначала всё-таки в саванну, в мою любимую Африку.

— А почему не в Индию? — поинтересовалась Лили.

— Каждому — своё! — Соломон похлопал мартышку по загривку. — Но ты не расстраивайся! Хочешь, попрошу Бульку, и он перевезёт меня из Африки через океан, погостить в твоей Индии?

— Действительно, в Индию, в Африку или там в Бразилию — это уж после разберёмся. Наш капитан куда хочешь нас отвезёт. Верно, Булька? Сначала надо заветную мечту осуществить! — Петрович приосанился, и все догадались, что теперь он хочет рассказать кое-что о себе.

— В Бразилии не водятся слоны, — заметила мимоходом умная фея.

— Ничего! Значит, Соломон будет там первым. Если, конечно, эта самая Бразилия не окажется какой-нибудь ужасной Безобразилией. Главное, чтобы Соломону там хорошо было! — Петрович подмигнул левой фарой. — Я вот тут с вами посоветоваться хотел, друзья мои.

— Валяй, Петрович, советуйся! — мартышка села в кузов и навострила уши.

— Видите ли, какой конфуз получается...

— Где конфуз? Не видим! — обезьяна завертелась во все стороны.

— Сиди смирно, Лили! Дело в том, что у меня вроде как нет мечты...

— Иди ты! — не поверила Лили. — Неужели совсем никакой? Должна быть! Поищи хорошенько.

— Нет, я серьёзно. Хотя поискать, конечно, можно...

— Давай, Петрович, ищи, а мы пока других послушаем, — Лили ободряюще похлопала по кабине и повернулась к печальному Чарли. Медвежонок вздрогнул и судорожно вцепился в неразлучное сердце:

— Ой, а это обязательно, рассказывать о своей заветной мечте?

— Не то чтобы обязательно. Но надо же как-то убедиться, что она у тебя есть, — добродушно пожала плечами фея.

— Честное слово, у меня есть мечта. Единственная! Она у меня давным-давно есть!

— Да ты не волнуйся, Чарли! — Петрович направил фары на медвежонка.

— Не отвлекайся, Петрович! Ищи свою мечту, а с Чарли мы сами разберёмся, — Лили ласково взяла сникшего медвежонка за локоток. — Правда же, Чарли? Ну, ты сам прикинь! Прикинь своей умной плюшевой головой: что такого с твоей единственной мечтой станется, если мы о ней немножко узнаем? Кому, как не друзьям, поведать заветную мечту! Знаешь, я тебе честно скажу: у меня такое предчувствие, что вот если ты сейчас о ней расскажешь — она станет ещё крепче...

— Шутишь? — медвежонок недоверчиво понурился.

— А вот это ты зря! Думаешь, раз я обезьяна, то лишь на глупые шуточки способна? Нет, Чарли, у нас тут разговор серьёзный. Можно сказать, судьбоносный. Мы все тебе верим, но ведь ошибиться нельзя, понимаешь?

Все игрушки замерли. Никто не ожидал от вертлявой хохотушки столь задушевной мудрости. Фея неожиданно увидела обезьянку совсем в ином свете. Медвежонок расчувствовался, оттаял, тяжело вздохнул и проворчал нерешительно:

— Ну, ладно. Если вы серьёзно, тогда слушайте...

Чарли говорил очень тихо и медленно. История у него вышла длинная и грустная. Все слушали романтический рассказ, затаив дыхание. В конце обе куклы, а также некоторые другие сентиментальные особы даже всплакнули от переизбытка чувств. Наконец-то выяснилось, почему Чарли был таким печальным медвежонком. Оказалось, в своём сердце — том самом, с которым никогда не расставался — он преданно носил очень нежное воспоминание об одной милой подружке. Они влюбились сразу, с первого взгляда, как только столкнулись на фабрике мягких

игрушек. И в магазине на полке держались вместе. Они, конечно же, хотели быть вместе всегда. Они поклялись друг другу в этом! Они были самой счастливой парой игрушечных медвежат на свете. Но однажды судьба немилосердно разлучила их, и с той поры верный Чарли жил лишь упрямой надеждой, что когда-нибудь, в один прекрасный день, его потерянная любовь к нему вернётся. Ни у кого не осталось ни малейшего сомнения, и фея это подтвердила, что мечта у влюблённого Чарли самая настоящая и, по большому счёту, заветная...

После этого другим игрушкам стало как-то неловко говорить. До утра воцарилось молчание. Фея задумчиво шуршала у окна цветным фантиком. Днём же, как всегда, азартно и весёло играли с Юлей. А на следующую ночь, дождавшись, когда фея закончит колдовать над подушкой, Петрович, подмигнув заговорщически фарами, снова собрал всех на совещание.

— Ну, что? Кто ещё приготовил заветную мечту? — тряхнул гривой Тыгыдымыч.

— Давайте сегодня я буду первым, — воскликнул Футбол, опасаясь, что о нём, чего доброго, могут забыть. И тут же без запинки выложил: — Хочу в космос! Хочу полететь на другие планеты! Надеюсь, это можно считать заветной мечтой?

— А ты как хочешь в космос: космонавтом или звездолётом? — тут же полюбопытствовала дотошная Лили.

— А какая разница? — удивился мяч.

— Кое-какая разница есть... — почесала затылок мартышка. — И притом существенная! В общем и целом, с тобой всё ясно, но не помешало бы определиться в деталях. Правда же, фея?

— Совершенно верно, — подтвердила Фея Мягкой Подушки. Обезьянка нравилась ей всё больше.

— А теперь давайте узнаем у Гоши!

Добродушный медвежонок пожал плечами и смущенно проурчал:

— Да я как все!

— Что значит «как все»? — переспросила Лили. — Тоже в космос, что ли?

— Нет, зачем в космос? Космос мне без надобности!

— Ну вот! А говоришь «как все»! У нас тут, к твоему сведению, все мечты разные. Это я тебе, плюшевый, на всякий случай втолковываю, если ты сам не заметил...

— Да заметил я! Вон Булька капитаном хочет стать. Молодец!

— Хм. Так, значит, и ты в капитаны надумал податься?

Художник Татьяна Долгал

— Нет! Кто сказал? Зачем в капитаны? В капитаны мне не интересно! Я вообще-то воды побаиваюсь...

— Значит, и водолазом ты быть вряд ли захочешь, — сделала вывод мартышка.

— Это точно! Водолазом мне совсем не интересно. Водолазом вон Кузька хочет стать. Я же всё слышал...

— Так чего же ты нам голову морочишь?

— Да разве я морочу? Артистом хочу быть. В цирке, — медведь довольно заулыбался и добавил: — Как все...

— Ну, положим, не все хотят в артисты, — закряхтел грузовик Петрович, аккуратно разминая застоявшиеся колёса. — Послушав внимательно ваши разговоры, я, кажется, нашёл себе заветную мечту.

— Ой, ну давай, говори уже поскорее! — заёрзала в кузове Лили.

Петрович направил фары в потолок и торжественно произнёс короткую речь:

— Друзья мои! Для такого непоседливого существа, как я, трудно представить иную судьбу, как быть вечным путешественником. Я мечтал бы бродить в саванне вместе с нашим Соломоном. И в горах, и в джунглях. И даже в Антарктиде!

При слове «Антарктида» слонёнок вздрогнул, но Петрович его успокоил:

— Не бойся, Соломон, туда я тебя не зову! Я хотел бы бороздить океан вместе с отважным капитаном Булькой. Эх, да что там говорить! Даже на дно морское хотел бы погрузиться вместе с Кузей. Мне и на другие планеты было бы заманчиво заглянуть. Тут мы с Футболом родственные души! Хочется объехать весь белый свет! Все закоулки Вселенной! Вот такая у меня заветная мечта! Представляете, сколько приключений я бы смог вам тогда рассказать!

— А ты лучше записывай! — Лили мечтательно обхватила кабину всеми четырьмя лапами. — Представляешь, сколько книжек с приключениями будет?

— А ведь верно! Отличная мысль! Спасибо, Лили! Кстати, нас, с неопределёнными мечтами, тут, кажется, немного осталось. Получилось как-то невежливо с моей стороны: я вырвался вперёд остальных. Полагаю, теперь надо дать высказаться нашим милым барышням.

В ответ на галантность Петровича тут же откликнулась очаровательная Вероника:

— Можете меня поздравить, у меня сегодня новая заветная мечта! Фигурное катание!

— А что окажется у тебя заветной мечтой завтра? — в словах феи прозвучал намёк на иронию. — Ведь, помнится, ещё вчера ты хотела стать киноартисткой?

— Наша Вероника будет менять свои мечты, как платья! — хихикнула Лили. Временами она вела себя несносно и уж определённо не упускала возможности подразнить кукольную красавицу.

Вероника бесстрастно поправила чёлку и продолжила:

— Допустим, некоторым будет трудно меня понять...

— Это почему же, подруга? — прищурилась Лили.

— Не вижу ничего предосудительного в том, чтобы изменить свою мечту.

— Ну, не мне решать, это верно. Пусть скажет фея...

Между ними чуть было не разгорелась ссора, но неожиданно всеобщий интерес привлекла кукла Катя. Она заговорила спокойно и просто, словно её сокровенное раздумье случайно вырвалось наружу:

— Нашей Веронике можно только позавидовать. И всем остальным тоже. А вот для меня, не буду скрывать, это очень трудный вопрос. Мы с вами только и делаем, что играем тут целыми днями. Просто удивительно, откуда берутся ваши мечты? А мне так мало известно о настоящей жизни! И всё же, друзья, я твёрдо знаю! Я очень-очень хочу вырасти и стать взрослой. И жить, как живут обычные люди. Я так сильно этого хочу, что умоляю вас считать мою простую мечту заветной. Пожалуйста! Может быть, чуть позднее я пойму, кем именно я захочу стать. Но сейчас я мечтаю стать настоящим живым ребёнком...

— Эх, любо-дорого послушать! — хрюкнула Хавронья. — Какие же вы всё-таки...

— Что-что-что? И какие же это мы? Ну-ка, договаривай, раз начала! — воинственный пыл мартышки ещё не успел остыть...

— Вы все просто замечательные! Вы все так красиво мечтаете! Вы сами не понимаете, какие вы замечательные! И поэтому я решила, что ни за что не хотела бы вас потерять. Если у нас всё получится, если чудо осуществимо, разобьюсь вдребезги, но стану доктором! И буду беречь вас! Буду следить, чтобы у каждого из вас было отменное здоровье. Вот! И у артистов, и у капитана Бульки, и у Чарли! У всех-всех-всех. Чтобы никакие болезни к вам не пристали и не помешали воплотить в жизнь прекрасные мечты!

Игрушки сгрудились кучей вокруг Хавроньи и Кати и, забыв недавние обиды, долго с нежностью обнимали друг друга. Глядя

на эти благородные порывы, фея ещё больше захотела помочь им вырасти. Однако она ещё не успела сообщить самое важное, а меж тем уже близилось утро. Надо было поторапливаться. Поэтому она деликатно кашлянула в кулачок и попросила у игрушек внимания.

— Друзья мои! Теперь, когда каждый определил свою заветную мечту, я должна объяснить, что необходимо делать дальше...

— Постойте! — глаза у Лили округлились от негодования. — Хорошенькое дело! А как же я?

Фея пристально посмотрела на неё и сказала загадочно:

— С тобой, Лили, особый разговор.

— Почему?

— Дело в том... В общем, мне кажется, что ты не такая, как все.

— Ага! Куклам, значит, можно? Грузовикам и резиновым, значит, можно? Тыгыдымычу деревянному и Соломону из какого-то там папье-маше тоже можно? Получается, если я одна тут тряпичная, то мне сразу нельзя? Да? — Лили пылала таким отчаянным гневом, будто все её предали. — Эх, вы! А ещё друзьями назывались!

Не ожидавшие такого поворота событий игрушки недоумённо загалдели, наперебой пытаясь узнать, в чём провинилась несчастная Лили. Тогда фея достала из своего кружевного кармашка тот самый загадочный фантик:

— Лили, дорогая, произошло печальное недоразумение. Не спеши так расстраиваться! Ты неправильно истолковала мои слова. Тут, прежде чем решать, какая у тебя заветная мечта, необходимо кое с чем серьёзно разобраться. Полагаю, для твоей судьбы это может быть чрезвычайно важным. Взгляни-ка сюда как следует!

Лили в полной растерянности уставилась на разноцветную бумажку в руках феи:

— Причём тут это?

— Очень даже причём! Слушай! Здесь на обороте тайными лунными чернилами написано, что некоторое время тому назад одна глупая и капризная индийская принцесса, шутя, пожелала стать тряпичной обезьянкой, лишь бы строгий звездочёт не заставлял её учить многомудрые стихи из древних книг, которые она посчитала чересчур длинными и скучными. Поскольку слова её были опрометчиво сказаны в священном храме, великий Брахма услышал их и переменил судьбу болтливой принцессы. Случилось то, чего пожелала глупая девочка. Она тут же забыла

о своей прежней жизни. Трусливый же звездочёт, страшась княжеского гнева, скрыл от несчастных родителей прискорбное происшествие и тайком подбросил тряпичную игрушку бродячим факирам. Факиры долго странствовали по пыльным дорогам, потешая за пригоршню риса стариков и детишек в бедняцких деревнях, а потом продали обезьянку на портовом базаре одному весёлому моряку. Чужеземец забрал её на большой железный корабль. Так в облике простой игрушки принцесса покинула берега родной Индии.

— Ой, как интересно! — обомлела Катя. — И всё это случилось с нашей Лили? Да?

— Вполне возможно, — ответила фея. — Ведь её привёз Юлин папа. А он, насколько я знаю, капитан дальнего плавания.

— То-то я заметил, она нам всё про Индию да про Индию. Неспроста это! — махнул хоботом Соломон.

— Ничего себе новость! — присвистнул Кузя.

— Не свисти, денег не будет! — пожурила его Хавронья.

— Эврика! — воскликнула тут фея, засияв от радости. — Спасибо, свинка! Это именно то, что поможет нам всё прояснить!

— О чём ты? — насторожилась Лили.

— А вот послушай! Я ведь ещё не всё рассказала. Тут говорится, что у принцессы имелось ожерелье из золотых монет, и одну крохотную монетку Брахма оставил обезьянке на счастье. Об этом не знали ни звездочёт, ни факиры. Никто из тех, у кого побывала эта игрушка за время своих скитаний.

— Ну-ка, покажи монетку, Лили? — подпрыгнул мячик.

— Наверное, я её потеряла! — захлюпала носом мартышка.

— Погоди реветь! — подбодрил её Петрович. — Ерунда какая! Разве без монетки нельзя? Хочешь быть принцессой — будь ею! Ведь главное — чтобы была заветная мечта!

— Да с чего вы взяли, что Лили — та самая принцесса? — скептически поджала губки Вероника. — Это ещё доказать надо! Вот если бы у неё была монетка — тогда другое дело!

— Не слушай её, Лили! — сказал грустный Чарли. — Наверняка твоя монетка никуда не делась. Просто она очень надёжно спрятана!

— Да я вообще считаю, что нашей Лили лучше оставаться обезьянкой. У неё это замечательно получается! — вкрадчиво улыбаясь, подчёркнуто съязвила Вероника.

— Хватит! Чем всякие глупости молоть, давайте лучше искать! Ну-ка, расступись! — Хавронья протиснулась между плюшевыми медвежатами и стала обнюхивать мартышку своим

шершавым розовым пятачком. Делала она это так тщательно, что та не выдержала и захихикала.

— Стой смирно, не вертись! Как ты можешь быть столь легкомысленной в такой ответственный момент? — возмутился Тыгыдымыч.

— Так ведь щекотно же!

— Ничего-ничего! Пусть вертится на здоровье! — добродушно позволила копилка. — Мне это не мешает.

— Неужто нашла? — ахнул Гоша.

— Да говорю же, нет у неё ничего! Эта сказочка — про другую принцессу... — хмыкнула Вероника, но, поймав на себе сердитый взгляд свиньи, тут же прикусила язычок.

— Хох! Чтобы я да не нашла! — Хавронья торжествующе подняла нос. — Я ведь всегда знала, что у Лили золотое сердце!

— Правда? — обрадованная обезьянка принялась ощупывать себя. — Но почему же я его не чувствую?

— Зато другие чувствуют! — уверенно хрюкнула Хавронья.

***

— Ну, вот мы и разобрались! — Фея отлучилась к детской кроватке, поправила подушку. Ребёнок беспокойно ворочался, и от него веяло жаром. Взглянув в волшебное перламутровое зеркальце, проверила, какие сны снятся Юле. Заметила липкого кошмарика, ловко поймала его за хвост и вышвырнула в форточку. Вернувшись к игрушкам, фея торопливо сказала:

— Пока ребёнок досматривает последний предутренний сон, постараюсь вкратце объяснить план наших действий. Если останутся неясности, растолкую завтра. А пока запоминайте, как можете. Во-первых, волшебное превращение игрушек происходит под новогодней ёлкой. Поэтому надо будет аккуратно пробраться в гостиную. Во-вторых, стоя под ёлкой, следует крепко зажмуриться и назвать без запинки свою заветную мечту. Чтобы ничего не перепутать, каждый должен быть крайне внимательным! В-третьих, я это особо подчёркиваю, такая волшебная возможность случается лишь пока под новогодней ёлкой лежат нераскрытые подарки. Как правило, подарки появляются под ёлкой в самую последнюю ночь перед праздником. То есть завтра. Поэтому завтра придётся действовать оперативно.

— Простите, а «оперативно» — это как? — поинтересовался медвежонок Гоша.

— Это значит, что тебе, неуклюжий, придётся пошевеливаться! — объяснила Лили. — Шустро надо будет действовать, понял?

— Угу. Так бы сразу и сказали...

***

Когда Юля проснулась, умылась, съела кашу с яблоком и выпила морковный сок, вместо того чтобы, как обычно, играть с куклами, она стала радостно собираться на детский утренник. На утреннике она была снежинкой. Домой вернулась с запахами мандаринов, хвои и конфет. И с температурой. Её уложили в кровать, вызвали врача. Пришёл старенький врач в белом халате, принёс в комнату грустный запах лекарств. За весь день поиграть с Юлей так никому и не пришлось.

***

Ночью Фея Мягкой Подушки прилетела в игрушечный угол и запричитала:

— Друзья мои! Надо же такому случиться перед самым Новым годом! Беда! Наша девочка заболела гриппом. Предстоит тяжёлая ночь. Чтобы обеспечить Юле здоровый сон, я должна быть при ней неотлучно. Вам, к сожалению, придётся выполнять волшебный план самостоятельно. Надеюсь, вы хорошо запомнили, что надо делать? Пусть у вас всё получится! Наступила ночь Заветной Мечты! От всего сердца желаю вам успеха! Действуйте!

— Нельзя поддаваться унынию! — заявил Петрович, сверкнув на прощание фарами вслед улетевшей фее. — Прошу всех в кузов. Усаживайтесь плотнее, чтобы все поместились. Второго рейса не будет.

Началась посадка. Куклы сели с правой стороны, медвежата — с левой. Затем Тыгыдымыч помог забраться в середину Соломону, Хавронье и Бульке с Кузей. Свободного места в кузове не осталось.

— Придётся тебе, Футбол, своим ходом! — сказал Петрович мячу.

— Нет проблем! — мячик бодро подпрыгнул и покатился в сторону гостиной. — Надо же когда-то привыкать к самостоятельности. Я — круглый. Да к тому же прыгучий. Докачусь как-нибудь. До встречи под ёлкой!

Тыгыдымыч галантно поднял копыто и предложить мартышке место у себя в седле:

— Запрыгивайте, Ваше Высочество! Окажите честь будущему цирковому артисту. Не стесняйтесь!

— Да ты что, Тыгыдымыч? Когда это я стеснялась?

— Тогда в чём дело?

— Да ни в чём. Просто я никуда не еду, — грустно ответила Лили.

— Ой!

— Как же так?

— Неужели передумала?

— Не веришь, что чудо получится? — все разом недоумённо загалдели игрушки.

— Нет, что вы! Я теперь в чудеса очень даже верю! И назад принцессой обязательно хочу стать. — Лили опустила уши и посмотрела в сторону Юлиной кроватки. — Когда-нибудь. В другой раз. Просто я тут покумекала немного. Понимаете, проснётся ребёнок, увидит, что нас нет. Представляете? И сразу ещё больше заболеет! Ну, вот я и решила: пусть хоть я, что ли, останусь. Тогда ей, может быть, не очень обидно будет...

Притихли игрушки, задумались. А Хавронья хрюкнула:

— Вот что значит золотое сердце! Что я вам говорила? Ну-ка, помогите выбраться. Без меня вам просторней будет.

Тут и остальные игрушки стали выпрыгивать из кузова. Передумали бросать Юлю.

***

Сказочник, которому фея поведала эту историю, был очень дотошным, поэтому он сразу спросил:

— Скажите, многоуважаемая фея, а известно ли что-либо о судьбе Футбола?

— Разумеется, известно, дорогой господин сказочник. Поскольку характер у него был непоседливый и прыгучий, у него не хватило терпения долго ждать под ёлкой. В какой-то момент он крепко зажмурился и буквально через несколько месяцев стал первым искусственным спутником Земли.

— Кто бы мог подумать! Какая удивительная судьба!

— Я вам больше скажу, раз уж вам так интересно продолжение этой истории. Думаю, такие чудеса случаются нечасто.

— Дорогая Фея Журавлиных Караванов! Вы же знаете, как я люблю всякие невероятные чудеса...

— Слушайте же! В тот самый день, когда наш спутник полетел на космическую орбиту, у девочки Юли появилась очаровательная младшая сестра. Её назвали Катей...

— Вы хотите сказать, что кукла Катя тоже осуществила свою заветную мечту?

— Да-да-да, господин сказочник! Вы очень проницательны. Впрочем, для меня самой до сих пор остаётся загадкой, каким образом кукла Катя оказалась в ту ночь под новогодней ёлкой.

— Это действительно странно. Сама она вряд ли добралась бы до гостиной. Наверное, её привёз грузовик? Или конь?

— Не уверена. Лично я подозреваю, что ей помогла кошка Муська.

— Ах, ну я же ничего не знал про кошку Муську! Вы утаили от меня столь важное обстоятельство, дорогая фея. Это сильно меняет дело. В таком случае, не исключено, что ваша догадка верна.

— Разумеется. Я же помню, как они дружили. Впрочем, и это ещё не всё. Через много лет, когда девочка Катя выросла, ей встретился один приятный молодой человек. Катя ему очень нравилась, но он был слишком стеснительным и никак не мог найти слов, подходящих для романтического разговора. Ну, вы же знаете, мой друг, самые красивые слова быстрее всех находят те, кому порядочные девушки не должны доверять. Но юноша всё-таки нашёл способ сообщить Кате о своих чувствах: он подарил ей любимого медвежонка своего детства. Медвежонка с сердечком. Точь-в-точь такого же, какой был у неё дома! И это оказалась Марта, подружка печального Чарли! Их заветная мечта сбылась, они снова встретились!

— Вот как! Оказывается, всё самое интересное в этой истории произошло позже! В таком случае, я не могу не спросить про Лили...

В это время прозвенел бриллиантовый колокольчик. Пора провожать улетающих журавлей! Фея едва заметно улыбнулась, благородно откланялась и улетела на ослепительно жёлтом кленовом листе в осеннюю даль, пообещав рассказать о приключениях принцессы Лили в другой раз...

Сепульбасия для сепульки с Баррабумса

сказка для детей старшего возраста

В левозакрученном луче одной далёкой спиральной галактики метаизмерения QQE, называемого в просторечии кукуевским, в системе Баррабумс доживала свой век одна ветхая планета. Из всех захолустий вселенной эта планета была самым бесперспективным местом. Звезда Баррабумс светила на пределе своих гелиево-водородных ресурсов и вот-вот готовилась к коллапсу — последнему акту своей космической эволюции. Некогда проживавшие на планете сепульки воспользовались субсидией межгалактического фонда помощи переселенцам и давным-давно перебрались кто куда. Остался на планете лишь один прижимистый сепулька, который решил дождаться сезона всегалактических распродаж и сэкономить на переезде.

Соседи, заходившие к нему посепулить на прощание, драматически вскидывали щупальца и восклицали: «Смотри, рискуешь! Баррабумс — звезда ненадёжная: вон как шныряется протуберанцами! Бежать надо. Умные шматульки уж тыщу лет как сбежали, на другом луче галактики обосновались, шматулюются себе в удовольствие и горя не знают...» А прижимистый сепулька им отвечал: «Ха! Ещё бы им не шматуляться! С их богатством этак каждый смог бы!». Тут ему, конечно, трудно было возразить. Сепулькам ли равняться со шматульками?!

Фыркая и роняя напоследок на родную планету сентиментальные капельки амброзии, соседи навсегда исчезали за шлюзами станции телепортации, а прижимистый сепулька ковылял в родную тень, подсчитывая в уме соблазнительные выгоды своего рискованного упрямства и заглушая свой страх перед вспышками уставшей звезды мечтами о том, как он заживёт где-нибудь

на шикарной Сепульбасии, о которой у него были весьма смутные представления и очень нескромные фантазии...

В искривлённом пространстве агонизирующей звезды, как известно, время летит стремительно. Атмосфера на планете приходила в совершенное расстройство. Гравитационное поле то и дело лихорадило. Однако всегалактическая инфляция изрядно потрепала сбережения прижимистого сепульки, и он всякий раз откладывал и откладывал свою телепортацию, надеясь на сказочную удачу следующего сезона всегалактических скидок.

Наконец, космические власти потеряли всякое терпение и пригрозили, что готовы пойти наперекор исконным принципам невмешательства в частные дела, если бестолковый сепулька не образумится. Обещали насильно упечь его туда, куда Сепул шкарявок не гонял. Прижимистый сепулька снова заартачился. И тогда вдруг вмешался картель страховщиков. Приняв во внимание запредельный риск и свои астрономические убытки в случае коллапса звезды, единственным фактическим владельцем которой по праву естественного наследования оставался этот прижимистый сепулька, могущественный картель предложил ему неслыханную сделку. Ну, разумеется, не супер, не Сепульбасию — однако условия очень даже божеские!

Ошалевший от свалившегося счастья сепулька потерял чувство меры, потребовал себе в качестве компенсации морального ущерба карманный телепортатор малого радиуса действия (эту новинку как раз усиленно рекламировали по всем телепатическим каналам), а после долго не мог выбрать, куда ему теперь со всем своим богатством податься. Дошло до того, что он принялся выторговывать себе аж целых три сеанса мегасепуляции! Картель страховщиков вынужден был на это согласиться, поскольку секретный прогноз астроаналитиков ничего хорошего насчёт звезды Баррабумс не предвещал: по всем расчётам, звезда уже как бы и не должна была существовать, держалась на каких-то неучтённых запасах термоядерной энергии. К тому времени оператор телепортационных услуг, как назло, уже успел свернуть и эвакуировать с планеты всё своё оборудование. На то, чтобы спешным порядком заново доставить для единственного сепульки резервную мобильную станцию, ушла уйма космических денег. Однако спасение с обречённой планеты последнего коренного жителя привлекло внимание широкой межгалактической общественности. Общественность видала во вселенной всякое, но быть свидетелем грандиозного катаклизма выпадало в жизни не каждому. В кои-то веки проявило интерес даже замкнутое

в себе тороидальное метаизмерение Z! В итоге доходы от новостных агентств, не поскупившихся заплатить за право трансляции с места события, а также немалые доходы от рекламы с лихвой перекрыли все расходы.

То, что произошло в дальнейшем, списали на дефект мобильной станции в условиях запредельных аномалий пространственно-временного континуума: прославившийся на весь космос сепулька в процессе телепортации неожиданно потерялся!

Такого не случалось со времён первых экспериментов! Транскосмические перемещения давно уже стали обыденным явлением обитаемой вселенной. Конечно, просвещённое население, с младых антенн прекрасно усвоившее универсальные законы термодинамики, понимало, что совсем исчезнуть несчастный сепулька не мог. Однако факт оставался фактом: в расчётных координатах места назначения он не появился. Картель страховщиков и оператор телепортационных сетей жутко перепугались за свою репутацию и поклялись сделать всё возможное, а также невозможное, чтобы отыскать таинственную пропажу в целости и невредимости. Ввиду того, что этот инцидент приобрёл всекосмическую значимость, серьёзное вселенское начальство тоже назначило официальное расследование.

Пока откры́живался каждый бит телеметрической информации, пока развинчивались на атомы узлы и агрегаты телепортационной станции и рассчитывались сложнейшие алгоритмы тотального вселенского поиска, сепульке пришлось пережить несколько часов незабываемого приключения.

Новая планета встретила его сказочной иллюминацией, фейерверками и благодатной прохладой. Вокруг громоздились сюрреалистические ландшафты, с ворчанием и шуршанием катились нескончаемым потоком какие-то замысловатые капсулы, освещая себе путь мощными лучами света. Аборигены причудливой вертикально-симметричной формы большими шумными группами перемещались по строго размеченным дорожкам, ловко перебирая парой нижних отростков. «Вот так сюрприз! — ахнул сепулька от восторга. — Неужели Сепульбасия?!»

Он тут же попробовал принять местную форму, но с непривычки не удержал равновесие и распластался на земле. Реакция аборигенов воспоследовала незамедлительно:

— Ну, вот! Уже надрался! Хорош гусёк!

— Да ладно! Устал человек — праздник как-никак!

Художник Максим Опин

— Ой, ну кто бы сомневался! Между прочим, до Нового года ещё целых шесть часов!

— Это вы злитесь, потому что завидуете!

— Кому? Вот этому? Было бы чему завидовать!

— Ну, конечно же, завидуете! У вас, небось, ещё майонез и зелёный горошек для оливье не куплены, а тут человек уже вовсю празднует, и ему, в отличие от вас, уже хорошо!

— Да таким, как этот, хоть праздник, хоть будень, хоть Новый год, хоть день взятия Бастилии — всегда хорошо! Глаза зальют — и довольны до соплей...

— Вы бы хоть сегодня спрятали своё жало! Поберегите яд для собственного мужа, если, конечно, он от вас ещё не сбежал!

— Хам!

Сепулька не сразу настроился на телепатический канал аборигенов, и смысл этого разговора от него ускользнул.

— Вставай, брат! Не обращай внимания на всяких тут ехидн! Имеем право! — Весёлый абориген поднял обмякшего от избыточной гравитации сепульку и прислонил к стенке. — С Новым годом!

— Сепульбасия! — торжественно произнёс сепулька, с трудом осваивая непривычную для себя технику общения. Отправленный перед этим телепатический луч в сознании аборигена отклика не получил.

— Не, я не Вася! Меня Николаем зовут, — абориген снял с бокового отростка клок эпителия и протянул сепульке пять оголившихся маленьких розовых щупальцев. — Будем знакомы!

Просканировав кору нейроцентра аборигена в его верхнем шипкообразном отростке, сепулька сообразил, что от него требуется то же самое. «Кажется, они тут симметричны во всём...» — заключил сепулька и протянул Николаю своё подобие руки.

— Э, брат! Да ты, я смотрю, совсем окочурился! Рука у тебя вон какая холодная, прям как у жмурика! Плохи твои дела — простудишься. Пойдём, что ли, примем для согрева души?

— Пойдём! — симметрично ответил сепулька.

— Ну, а звать-то тебя как? — спросил Николай, наливая сорокапроцентный раствор этилового спирта в белые стаканчики из тонкого рифлёного белого пластика.

— Сепулька, — старательно артикулируя, ответил новоприбывший переселенец.

— Ха! Да ты, брат, с юмором!

— С юмором! — симметрично согласился сепулька, и они симметрично сдвинули стаканы.

— И я парень весёлый! — засмеялся абориген Николай и хлопнул сепульку по плечу. Сепулька снова распластался на земле. «Всё-таки с гравитацией в этой Сепульбасии перебор!» — подумал сепулька, хватаясь за дружески протянутую руку.

Через час душесогревающего разговора проблемы с гравитацией начались и у аборигена Николая. Вдвоём они смогли кое-как добраться до жилища и даже умудрились не потерять предмет, который Николай называл ёлкой. К этому предмету Николай относился с особой нежностью и очень им дорожил.

Однако, несмотря на горячие заверения Николая, дома их ждал весьма недружеский, абсолютно несимметричный приём.

— Вот зараза! — незлобиво поморщился Николай, прикладывая сосульку к синяку на левой скуле, когда они снова оказались на улице.

— Зараза! — симметрично поддакнул сепулька, начиная осознавать, что райская жизнь на Сепульбасии сопряжена с некоторыми проблемами когнитивного диссонанса.

— Не, ты не подумай, вообще-то Клавка у меня нормальная, с пониманием. Сегодня только с цепи сорвалась чего-то. Вот же ж засада! Ну, как теперь Новый год встречать будем? Может, сходим ей за цветами? — попытался мыслить позитивно Николай.

— Сходим, — кивнул сепулька. И тут его осенило: «Ну, нет! Хватит изнурять себя борьбой с местной гравитацией!»

Он достал свой новенький карманный телепортатор малого радиуса действия, обнял друга Николая и нажал на пусковую кнопку.

— Фигня! — Николай скептически махнул рукой на пирамиды. — Мы с Клавкой два года назад тут были. Нет тут никаких нормальных цветов — одни финики да вонючие верблюды. Зря ты меня сюда притащил...

Николай снял куртку и отошёл в тень сфинкса: в окрестностях Каира было жарко.

— Ну, извини, брат, — Сепулька стал рядом и, немного поколдовав с настройками, снова запустил в действие свой чудо-прибор.

Вторая телепортация малого радиуса действия оказалась ещё менее удачной. Там, где они очутились, вокруг до самого горизонта плескалась сплошная вода.

— Сепулька! Ну, ё...! — отчаянно захлёбываясь, крикнул Николай, и тяжёлые сапоги утянули его в синюю пучину.

Сепулька, твёрдо знавший универсальные законы термодинамики, тоже хлебнул немного и быстро сообразил, что без вреда для здоровья они с Николаем вряд ли смогут столько выпить. Приняв новую форму, сепулька махнул широким рыбьим хвостом и нырнул за Николаем..

— Классный у тебя приборчик! — уважительно сказал Николай, обсыхая на песке под пальмами. — Как ты думаешь, где мы сейчас?

— Сепульбасия! — ответил сепулька, наслаждаясь щупальцами медузы, вытряхнутой из кармана Николаевой куртки.

— Думаешь?

— Сто пудов! — вытянул сепулька телепатическим приёмом из подкорки друга правильный ответ.

— А я вот сомневаюсь: Сингапур знаю, Сенегал тоже, кажись, есть — откуда вдруг взялась Сепульбасия? Вроде ж нету такой страны? А?

— Есть! — решительно возразил сепулька.

— А цветы в этой Сепульбасии есть?

— В Сепульбасии всё есть!

— Это хорошо. Тогда давай, что ли, за цветами? А то к Новому году не поспеем. Клавка, небось, уж извелась вся. Она у меня отходчивая...

— А у тебя там в куртке сколько карманов? — облизнув пальцы, поинтересовался сепулька; он уже освоил длинные фразы.

— Два.

— А во втором случайно не завалялась ещё медуза?

Николай отряхнул куртку от песка, вывернул карманы — медузы не было.

Оставляя на песке две вереницы следов босых ступней, они отправились за цветами для Клавдии. Долго искать не пришлось: неподалёку в рыбацкой деревне смутлые пухлогубые островитянки в набедренных повязках из пальмовых листьев как раз украшали свои хижины экзотическими цветочными гирляндами и непонятно, но задушевно пели о чём-то вечно женском. Сепулька быстренько выгнал из моря на берег целую стаю крупных рыбин — туземные женщины, сверкая счастливыми белозубыми улыбками, водрузили ему на шею роскошную гирлянду из цветков жасмина и лотоса, бойко и настойчиво уговаривая поселиться в деревне навсегда.

— Ты что ли с морфлота? — уважительно поинтересовался Николай.

— Нет. С Баррабумса, — честно признался сепулька.

— Круто! — хлопнул друга по плечу Николай. Они обнялись, и сепулька направил карманный телепортатор на координаты нулевой точки локального пространства — чтобы, не заморачиваясь мудрёными вычислениями, вернуться в начальный пункт всех недавних перемещений.

Во дворе дома их ждала зарёванная Клава и следопыты всегалактической службы спасения. Благодаря работе карманного телепортатора им удалось быстро запеленговать местонахождение пропавшего сепульки. Клава страстно обняла Николая. Сепулька надел на своих счастливых друзей цветочную гирлянду. Галактические следопыты, отчаянно размахивая щупальцами, из последних сил удерживали открытым туннель в метапространство.

Сепулька засуетился, достал свой карманный телепортатор и, смущаясь, сунул в пятерню Николаю:

— С Новым годом!

— С Новым годом! — симметрично ответили Николай с Клавдией.

В окне третьего этажа играла сказочными огнями драгоценная ёлка.

— Сепульбасия! — засмеялся сепулька.

Он уже знал, куда вернётся после трёх своих законных мегасепуляций.

Елена Максимова

Воспитательная сказочка

сказка для детей старшего возраста

Часть 1. Про Злую Девочку

адно, расскажу-ка я вам сказочку. Страшную такую, чтобы потом вы не спали, а таращились ночью в темноту спальни и ждали: а не придёт ли за вами какая-нибудь Бука. Или, к примеру, Бяка. Или, что ещё страшнее, сам Ёкарный Бабай. А что? Вы думали, нету их? Ха-ха два раза. Ещё как есть! Просто те, кто с ними сталкивался, уже никогда ничего не расскажут.

В общем, жила-была девочка. И была эта девочка злая-презлая. Ещё когда она в песочнице с другими детьми играла, то всё время их обижала. Кого ущипнёт, у кого игрушку отнимет, у кого сломает принцессин замок, а в нём башенки! И изумруды! И алмазов не счесть! А Злая Девочка подкрадётся незаметно и ногой его, ногой, замок этот. И хохочет ещё так противно, чтобы обиднее было. Дети все от неё плакали, а мамы этих рыдающих детей однажды собрались кучкой и сказали маме Злой Девочки:

— Вы себе как хотите, а чтобы ваша Злая Девочка больше в нашей песочнице не играла, а то мы ей сами так наподдадим, что она надолго забудет драться.

Ну, Девочкина мама тоже немножко поплакала, но перестала Злую Девочку в общую песочницу водить, потому что и сама видела, что от неё никому житья нет. И дома тоже, между прочим. Мама ей вкусную котлетку пожарит, а Злая Девочка губы надует и кричит:

— Противная твоя котлетка! Пересоленная! И недожаренная! Ешь её сама! — и раз котлетку — на пол. И ногой обязательно придавит, чтобы никто уже её съесть не смог.

Бабушка ей пирожков румяных напечёт, а Злая Девочка шипит:

— Сгорели твои пирожки, бабка! Вон какие: корка прямо запеклась, а начинку и вовсе в рот взять невозможно! — А сама пирожок расковыряет-расковыряет и всё разбросает по полу, а то и по ковру. А бабушке старенькой убирать. У бабушки, конечно, губы от обиды дрожат, а Злая Девочка ехидно хохочет:

— Так тебе и надо, бабка! Не будешь в другой раз пирожки жечь!

Пошла Злая Девочка в школу и, конечно, и там всех стала обижать. То соседку по парте под руку толкнёт, и у той вместо красивых крючков загогулины какие-то страхолюдные получаются. То ручку у кого-нибудь отнимет, то пенальчик порвёт, то линейку сломает. А если кто-нибудь у доски отвечает, так она нарочно неправильно подсказывает, а потом, когда человеку двойку ставят, опять злорадно хохочет.

Не только ученики, учителя — и те от неё плакали, потому что Злая Девочка мешала им уроки вести. Да что учителя — сам директор, и то со Злой Девочкой справиться не мог. Вызвал он в школу родителей и говорит им:

— Вы, родители, пожалуйста, сделайте что-нибудь со своей Девочкой, потому что она никому в школе житья не даёт. И сама не учится, и другим мешает. Ведь это нехорошо.

Родители только в платки сморкаются:

— Не знаем мы, — говорят, — что нам с Девочкой делать. Вот такая она у нас уродилась. Мы ей и книжки добрые читали, и песни хорошие пели, и в цирк водили, а она только злее и злее становится. Помогли бы вы нам, товарищ директор. Может, есть какая-нибудь главная педагогическая хитрость, чтобы из Злой Девочки сделать Добрую?

Директор призадумался и отвечает:

— Хитрость эта, конечно, совсем не педагогическая, но попробуйте Буку на помощь позвать. Иногда помогает, исправляются дети. Или, на крайний случай, Бяку.

Родители обрадовались, прибежали домой, скорей давай Буку звать, сразу вместе с Бякой, чтобы надёжнее было. Бука с Бякой пришли, заперлись со Злой Девочкой в комнате, сидели там, сидели, потом выскочили, как оглашенные, и бежать.

— Ничего, — говорят, — мы с вашей Злой Девочкой сделать не можем! Она вон у Буки платьице розавинькое порвала, а Бяке фингал под глазом поставила! Мы тут бессильны.

Смотрят родители — и правда. Пусть у Буки платье грязное, но под грязью заметно, что оно когда-то розовеньким было, а теперь юбка разорвана просто напополам. Неизвестно вообще, как она теперь в таком платье к другим детям пойдёт в воспитательных целях. А у Бяки под глазом, когда её умыли хорошенько, и в самом деле такой фингал здоровенный обнаружился, что ей, наверное, долго фонарь в потёмках не потребуется.

— Что же нам делать? — взмолились родители, зашив Буке платьице и накормив обеих воспитательниц вкусными пирожками.

— Тут разве только Ёкарный Бабай поможет, — сумрачно сказала Бука, а Бяка только головой покивала, потому что рот у неё был занят пирожком.

Вот пришли родители в комнату к Злой Девочке и говорят:

— Если ты, Злая Девочка, сейчас же не исправишься, мы позовем Бабая и велим ему тебя забрать.

— ХА-ХА-ХА! — засмеялась Злая Девочка. — Нету никаких бабаев, как и дедов морозов тоже нету! И никто меня не заберёт! И вы никого не позовёте, потому что вы же меня любите!

— Так ты не будешь исправляться? — рассердились родители и бабушка.

Художник Сергей Чуб (Иофик)

— Не буду, — решительно заявила Злая Девочка и даже ногой для надёжности притопнула. — Мне нравится быть злой и всех обижать, и идите поэтому из моей комнаты прочь, и нечего мне говорить, что у меня тут грязь и свинарник. Как хочу, так и живу, моя комната, и вам в ней делать нечего, а я буду телевизор смотреть.

— Ну что ж, — сказали родители и бабушка. — Ты нас совсем измучила и других тоже. Никого не слушаешься, грубишь, кушать не хочешь, уроки не делаешь, в школу ходишь через раз, в комнате убираться не даёшь и всех обижаешь. Мы так больше жить не можем.

И они позвали Ёкарного Бабая. А у него разговор короткий, он вам не воспитатель, как Бука и Бяка. Пришёл Бабай, схватил Злую Девочку и засунул в свой пыльный мешок. Девочка давай кричать, давай плакать:

— Мама, папа, бабушка, вытащите меня из этого мешка, давайте Бабаю колотушек!

А родители и бабушка её спрашивают:

— А ты исправишься? Станешь Доброй Девочкой?

— Нет! — кричит Злая Девочка. — Мне нравится быть Злой!

— Ну, значит, мы Бабаю колотушек давать не будем, а ты сиди в мешке, пока не надоест.

И Ёкарный Бабай унёс мешок вместе со Злой Девочкой. Родители и бабушка поплакали, конечно, немного: всё-таки они Девочку любили, хоть она и злая была. А потом потихоньку убрались у неё в комнате, извинились перед всеми, кого Злая Девочка обидела, и родили себе другую Девочку, хорошую.

Часть 2. Про Добрую Девочку

Хорошая Девочка была очень, очень добрая. Она никому и ни в чём не могла отказать и всё время пыталась сделать для других что-нибудь хорошее. Вот прямо просыпалась утром и сразу думала: «Что же мне, что же мне сделать хорошего?»

Приведёт её мама в песочницу, а Добрая Девочка начинает для остальных детей печь куличики, строить замки и раздает все свои игрушки. Прямо в руки суёт и совочек, и формочки, и грабельки, и даже ведёрко. И ещё нарочно из дома захватит с собой кукол, и медведей, и зайчиков, которые в барабан стучат, и ещё всякого, и раздаёт другим детям, раздаёт. Те, конечно, сначала просто обалдевали от такой доброты, а потом им это очень понравилось, и они уже ждали, когда же придёт Добрая Девочка и надарит им кучу игрушек. И сидели просто в песочнице и ничего сами не строили, потому что знали, что Добрая Девочка и замок построит, и куличиков напечёт, и посудку свою принесёт, и устроит чаепитие для всех кукол и детей. И так они к этому привыкли, что уже и дома ничего сами не делали, а требовали, чтобы ихние мамы и папы вокруг них плясали и выполняли каждое их желание, как это делает Добрая Девочка.

И однажды эти мамы и папы не выдержали, собрались кучкой и сказали маме Доброй Девочки:

— Вы больше свою девочку в нашу песочницу не водите, она портит наших детей, и с ними уже нет никакого сладу.

Мама Доброй Девочки, конечно же, сильно расстроилась, но при этом испытала некоторое облегчение, потому что теперь Добрая Девочка перестала таскать из дома только что купленные игрушки и раздаривать их другим детям. Всё-таки игрушки — они денег стоят, а мама с папой и бабушкой хоть и работали, но невозможно же обеспечить игрушками всех детей в городе.

Дома Добрая Девочка тоже всё время делала что-нибудь очень хорошее: то она посуду помоет, то полы, то мебель переставит. И оно бы неплохо, но делала она всё это очень неумело, и поэтому маме, папе и бабушке приходилось то и дело покупать новую посуду взамен разбитой, лечить синяки и шишки, набитые, когда они поскальзывались на плохо вытертом полу, и чинить сломанную мебель. Иногда они просили Добрую Девочку не помогать им так уж сильно, но Девочка даже слышать ничего не хотела: очень уж ей хотелось делать добрые дела.

Когда Добрая Девочка пошла в школу, она сразу же начала раздавать одноклассникам свои книжки, тетрадки и ручки с карандашами. Маме, папе и бабушке приходилось буквально каждый день покупать ей новые учебники, дневники и тетради. Ранец ей тоже покупали чуть не каждую неделю, потому что стоило кому-нибудь из детей свой ранец поцарапать или испачкать, и Добрая Девочка тут же отдавала свой.

Мама, папа и бабушка просто умоляли уже Добрую Девочку не раздаривать вещи, но Девочка возражала:

— Если у Павлика не было ручки, я же должна была ему помочь? А если Наташа забыла дома тетрадку с домашним заданием, кто, кроме меня, отдал бы ей свою?

И неважно, что Добрая Девочка сама получала двойку за то, что не могла показать учительнице тетрадку с домашним заданием — зато Наташе ставили пятёрку.

Учителя тоже сильно жаловались на Добрую Девочку, потому что она мешала им вести уроки: громко подсказывала, вслух объясняла то, что другие дети не сразу поняли, вскакивала с места и бежала к четвёртой парте в третьем ряду, чтобы помочь второгоднику и хулигану Вовке красиво написать палочки

и крючочки или решить задачку — в общем, то и дело нарушала учебный процесс.

И директор тоже ничего не мог с ней сделать, потому что Добрая Девочка на все его увещевания возражала:

— Ведь кто-то должен делать добро, правда?

И тогда директор не выдержал и пригласил в школу родителей и бабушку.

— Слушайте, — сказал он, смущаясь и краснея, — я, конечно, понимаю, что у вас очень Добрая Девочка, но нельзя ли с ней что-нибудь сделать, чтобы она перестала быть такой уж доброй?

— Да мы просто не знаем, как на неё повлиять, — заплакали мама, папа и бабушка. — Она ведь у нас с самого рождения такая! И в песочнице всех детей испортила так, что они все ужасно разбаловались, и дома то и дело мебель переставляет и посуду бьёт, когда моет хрустальные фужеры вместе с чугунными сковородками. Она то бабушкины пирожки сожжёт — иди, говорит, бабуленька, иди, отдохни, я сама за ними послежу. То котлеты испортит — пересолит или недожарит, а однажды и вовсе их сахаром посолила. Скажите нам, пожалуйста, товарищ директор, нет ли какой-нибудь педагогической хитрости, чтобы она перестала быть такой доброй?

Директор совсем смутился и говорит:

— Я вам уже один раз полезный совет давал, а других у меня и нет.

Делать нечего — пришли мама, папа и бабушка домой и позвали Буку и Бяку. Так, мол, и так, Бука и Бяка, положение у нас уж очень дурацкое. Нельзя ли как-нибудь уговорить Добрую Девочку стать чуть-чуть не такой доброй? Ну, Буке с Бякой ещё за прошлый раз стыдно было, когда они ничего со Злой Девочкой сделать не смогли, вот они и согласились. Заперлись они в комнате с Доброй Девочкой и сидели там долго-долго, а когда вышли, мама с папой и бабушкой только ахнули: на Буке кроме розавинького платьица было надето ещё пять разных платьиц: голубенькое, жёлтенькое, зелёненькое, в полосочку и в крапинку, а на Бяке — четыре юбочки и семь блузочек. И в руках каждая еле удерживала охапку мишек, собачек, тетрадок, альбомов и фломастеров с цветными карандашами. А ещё у Буки на голове была надета красивая осенняя вязаная шапочка с ушками, а у Бяки — тёплая мохнатенькая зимняя шапочка с помпонами.

— Вот, — сказали растерянно Бука и Бяка. — Не смогли мы вашу Добрую Девочку переубедить. Тут разве только Ёкарный Бабай поможет. И то вряд ли.

Подумали-подумали мама, папа и бабушка, повздыхали да и позвали Ёкарного Бабая. А у него, как вы знаете, разговор короткий: за Девочку да и в пыльный мешок. Мама, папа и бабушка плачут, слезами заливаются, а Добрая Девочка из мешка волнуется:

— Бабай, а Бабай, а тебе не тяжело ли меня нести? Я ведь не маленькая уже. Давай лучше ты в мешок залезай, а я тебя сама куда надо отнесу, а? А вы, мама, папа и бабушка, не плачьте, чего ж вы плачете-то? Я же знаю, что замучила вас своей добротой, а по-другому я не умею. Так что вы пока без меня немножко отдохните, а я Бабаю помогу, а там посмотрим.

Но тут Ёкарный Бабай унёс мешок вместе с Доброй Девочкой прочь, а мама, папа и бабушка остались одни-одинёшеньки.

Часть 3. Про обеих девочек и всех-всех

Вот засунул Ёкарный Бабай Добрую Девочку в пыльный мешок, закинул его на плечо и пошёл себе. Мама, папа и бабушка плачут-убиваются, а что делать? И от Злой Девочки никому житья не было, и от Доброй тоже.

А Добрая Девочка в мешке устроилась поудобнее да и думает: «Что это я тут без дела сижу? Нужно что-нибудь хорошее скорее сделать. Ох, какой мешок пыльный, дай-ка я тут приберусь немного, что ли». И начала прибираться: по стенкам стучит, пыль выколачивает, и вдруг — бац! Бац! Кто-то её по руке ударил, а потом ещё и ущипнул.

— Ой! — закричала Добрая Девочка. — Кто это тут дерётся?

— Это я, Злая Девочка, — отвечает ей Кто-то. — А ты кто такая?

— А я Добрая Девочка, — отвечает Кому-то Добрая Девочка. — Вот хотела немножко прибраться да пыль выколотить.

— Ха-ха-ха! — кричит Кто-то. — Что ж ты такая добрая, да вдруг в пыльном мешке у Бабая оказалась?

— Да вот, — отвечает Добрая Девочка. — Слишком уж много я добра всем делала, мама, папа и бабушка и не выдержали, отдали меня Ёкарному Бабаю.

— Это что же получается? — кричит Злая Девочка. — И злой быть плохо, и доброй тоже нехорошо?

И опять драться начала.

А Добрая Девочка ей скорее в руки свои игрушки суёт, да ручки, да тетрадки, да фломастеры, и уже кофточку на себе расстёгивает, заботится: вдруг Злая Девочка замёрзнет? И такой

они шум и суматоху подняли, что мешок просто ходуном заходил, и Ёкарному Бабаю очень его тяжело нести стало. Он припустил быстрее бежать, прибежал к себе домой, пыльный мешок развязал и обеих девочек из мешка-то и вытряхнул.

Злая опять драться полезла, а Добрая её обнимает, грязное лицо своим носовым платочком вытирает, кофточку на ней застёгивает. Потом обернулась, вокруг посмотрела, да так и ахнула:

— Бабай! — говорит. — Да что же это у тебя в доме так пыльно и неуютно? Нужно тут порядок навести. Ох, сколько я сейчас добрых дел наделаю!

Схватила скорее ведро и тряпку и давай полы мыть. А Злая Девочка на неё посмотрела-посмотрела, и так ей вдруг завидно стало: она-то ведь никогда-никогда добрых дел не делала, и жилось ей на самом деле скучно-прескучно. Она схватила другое ведро и другую тряпку и тоже стала пол намывать, а заодно то Добрую Девочку грязной водой окатит, то на ногу ей наступит. Но Добрая Девочка нисколько не обижалась, потому что понимала, что Злая Девочка пока к добрым делам не приучена.

И вот они вдвоём всё в доме у Ёкарного Бабая перемыли, перечистили, потом пирожков напекли и котлет нажарили. И Злая Девочка не капризничала и не кричала, что котлеты невкусные, а пирожки сгорели — ведь она сама их делала, так на кого же теперь жаловаться?

Тут к ним в гости Бука и Бяка заглянули, и так им всё это понравилось, что они у Бабая надолго задержались. Вместе с обеими Девочками и убирались, и кушать готовили, и книжки читали, и фломастерами рисовали, и шапочки с ушками вязали.

А Девочки друг у дружки учились, как быть не так чтобы очень злыми, но не так чтобы очень добрыми, а чтобы всё в меру получалось. Кому помочь, кому отказать, а кого и по попе нашлёпать. Буке с Бякой тоже иногда доставалось, но они не обижались, а понимали, что всё это только из лучших побуждений делается. А нечего было Буке тетрадку Бякину рвать да завидовать, что Бяка красивее сиреневого зайчика нарисовала.

И нечего было Бяке Букину пряжу запутывать, если Бука розавинькие варежки наряднее связала.

И скоро все они очень подружились — и Злая Девочка, и Добрая Девочка, и Бука, и даже Бяка. И Злая Девочка честно сказала, что была злой, потому что её держали в строгости, а делать ничего не давали, и она ужасно скучала. А Добрая Девочка тоже призналась, что была такой доброй, потому что мама, папа и бабушка сильно её баловали и всё-всё-всё разрешали и покупали, а ей тоже хотелось о ком-то заботиться. А Бука сказала, что вообще-то ей совсем не нравится приходить к детям и их пугать, а больше нравится варежки и шапочки с ушками вязать. А Бяка тоже сказала, что лучше она будет зайчиков и медведиков рисовать, а детей пугать и ей не нравится.

И только Ёкарный Бабай сидел в уголке, насупившись, и молчал. И день молчал, и другой молчал, а только насупливался всё сильнее и сильнее, хотя в доме у него стало чисто, и пирожки каждый день, и рисунки всякие, и даже варежки ему Бука связала со звёздочками. И вдруг вскочил Бабай, пыльный мешок схватил Бабай, да куда-то как побежит Бабай — только его и видели. Обе Девочки притихли, и Бука с Бякой тоже примолкли: непонятно, куда это Ёкарный Бабай побежал, да ещё такой сердитый?

А Ёкарный Бабай прибежал к маме, папе и бабушке и давай их в свой пыльный мешок запихивать. Запихивает и приговаривает:

— Детей строго держать надо, да не слишком. Детей баловать надо, да не слишком. Детей любить надо, детей воспитывать надо, а не чуть что — звать на помощь Буку, Бяку и меня, Бабая Ёкарного! Вот посидите-ка вы сами в моём пыльном мешке, может, и поймёте, что это не девочки у вас были Злая да Добрая, а это вы глупые такие, даром, что взрослые. А когда научитесь, я вас из пыльного мешка выпущу, а девочек вам больше не отдам, пусть у меня живут. У меня теперь дома и чисто, и тепло, и красиво, и пирожки с котлетами каждый день.

— Ай! — кричат мама, папа и бабушка. — Мы не хотим в пыльный мешок! Это мешок для неисправимых детей, а не для взрослых!

— Эх вы! — отвечает им Ёкарный Бабай. — Неисправимые дети получаются у неисправимых взрослых. Вот посидите у меня в мешке да подумайте. А детей я больше трогать не буду — не

нравится мне детей пугать и из дома уносить. И Буке с Бякой тоже не нравится.

Вскинул мешок на плечо и понёс. А куда понёс — я не знаю. Мне не сказали.

Вот и сказочке конец, а кто слушал — возьмите на полке пирожок, который испекли Девочки и Бука с Бякой. Он не подгоревший, потому что они уже научились вкусные пирожки печь.

Художник Сергей Чуб (Иофик)

Екатерина Медведева

Вернуть дракона

детская сказка

Жил-был Дракон. Большой, добродушный и полезный. Чешуйки его бумажной шкуры при ближайшем рассмотрении оказывались самыми настоящими денежными купюрами. Поэтому жители города, в котором поселился Дракон, никогда не испытывали недостатка в деньгах. Дракон щедро линял каждый вторник, устилая всю главную площадь новенькими зелёными банкнотами разного достоинства. Горожане приходили с граблями, лопатами и тачками, усердно пополняли бюджет и отправлялись в другие города за покупками. В благодарность за стабильное финансирование Дракону вручили ключ от города, подарили дом и переименовали центральную улицу в Проспект Дракона.

По характеру Дракон был миролюбивый и слегка застенчивый. Он покидал своё благоустроенное жилище только по вторникам, всё остальное время проводя в саду: подстригал кусты, пропалывал розы, кормил рыбок в пруду, срезал букеты для дома. А иногда, в особенно хорошем расположении духа, Дракон начинал творить чудеса. Он выглядывал из-за забора, проверяя, нет ли поблизости любопытствующих, и доставал из золотого футлярчика волшебный карандаш. Всё, что нарисовано этим карандашом, тут же становилось настоящим, правда, только на один день. Обычно Дракон рисовал сказочные цветы, радугу и разноцветных бабочек. А ещё он рисовал себе крылья, ведь Драконы любят летать.

Мэр города, Клотильда фон Шнобель, сидела на крыше мэрии и подглядывала в подзорную трубу за горожанами. Это было её любимое занятие. Сегодня ей удалось узнать, что парикмахер носит парик, молочник разбавляет молоко водой, а школьники

прогуливают школу. Фрау Клотильда довольно ухмыльнулась и уже собиралась спуститься в кабинет, чтобы внести ценные наблюдения в картотеку. Но тут она заметила необычайно яркую радугу во дворе Драконьего дома.

«Непорядок, — подумала Клотильда, — Откуда появилась радуга, если не шёл дождь?»

Её так заинтересовало необычайное явление природы, что картотека была забыта, и Драконий сад подвергся пристальному наблюдению. И надо же было такому случиться, что именно в этот момент Дракон рисовал себе крылья. Как обычно, он спрятал золотой футлярчик под третий камень от крыльца и беспечно взмыл в синее небо.

Наслаждаясь полётом, Дракон обгонял облака, любовался закатом и распугивал пролетающих птиц. А в это время тёмная зловещая тень с большим носом прокралась в сад и коварно похитила волшебный карандаш.

В тот же вечер воровка долго крутилась у зеркала, любуясь своим новым греческим профилем. А утром начались неприятности. У входа в мэрию знакомый охранник посмотрел на Клотильду как-то странно, присвистнул и попросил предъявить документы. Сравнив фотографию с оригиналом, он поинтересовался, что привлекательная фрейлен делает сегодня вечером, подмигнул, но на рабочее место в мэрию не пустил, посоветовав по-дружески вернуть документы владелице. Немного погоревав, Клотильда отправилась домой, но бдительный швейцар со словами «Я вас не знаю!» захлопнул дверь у неё перед носом. Клотильда поняла, что у неё началась новая жизнь.

Новая жизнь началась и у Дракона. Следующим вечером, когда он собрался полетать, под третьим камнем от крыльца волшебного карандаша не оказалось. Не оказалось его и под вторым, и под первым камнем. Обыскав весь сад, Дракон горько заплакал и совсем расклеился.

Во вторник новая жизнь началась и у горожан. Простояв целый день на площади, они в недоумении разошлись с пустыми тачками по домам, а в среду побежали в мэрию жаловаться. Узнав, что фрау Шнобель второй день не появляется на работе, горожане бросились к Дракону за объяснениями. Но там их ждала маленькая записка, прибитая гвоздиком к двери: «Вы украли мой волшебный карандаш. Я не хочу больше жить в вашем городе». Озадаченные горожане переглянулись. Ситуация была критической: горожане никогда не делали запасов наличности, привыкнув каждый вторник получать много денег. «Неужели

нам придётся идти работать?» — ужаснулись они и стали уговаривать друг друга вернуть карандаш. Но карандаша ни у кого не оказалось, и горожане печально разбрелись по своим домам.

Как жить дальше?! Экстренно собрался городской совет. Учёные мужи поскрипывали мозгами и придумывали различные варианты выхода из кризиса. Предложение вернуть в магазины все купленные вещи горожане с негодованием отвергли. Перейти с натурального кофе на растворимый, мыться холодной водой и передавать одежду по наследству было немыслимо! Требовалось срочно вернуть Дракона. Но как это сделать? Горожане знали, что он поселился в заброшенной угольной шахте, и уже посылали делегацию для переговоров. Однако результат был плачевен — показавшийся из пещеры Дракон оказался чёрным, пыльным и не расположенным к общению. Он обиделся всерьёз и отказался разговаривать...

А сроки коммунальных платежей неумолимо приближались. Перспектива остаться без электричества и прочих благ цивилизации так напугала городской совет, что на очередное совещание стали пускать всех желающих. Тогда-то школьники, прогуливающие школу, и предложили отправить к Дракону самую красивую девушку города. Мол, в сказках это всегда срабатывает: Дракон, очарованный красотой и беззащитностью просительницы, растрогается и перестанет дуться. Учёные мужи обрадовались, захлопали в ладоши и быстро составили указ о проведении конкурса красоты, скрыв до поры от обывателей его истинную цель.

Жительницы города разом повеселели, перестали нервно всхлипывать и стройными рядами потянулись в новый салон красоты «Спящая красавица», как нельзя кстати открывшийся на центральной улице. Его хозяйка, миловидная женщина с аккуратным маленьким носиком, творила чудеса при помощи новейшей косметологической технологии «Макияж во сне». Выпив чашечку снотворного чая, дурнушка засыпала на десять минут и просыпалась красавицей. К сожалению, макияж — вещь недолговечная, и к следующему утру чудесный эффект исчезал. Поэтому тем, кому хотелось быть красавицами, приходилось ежедневно записываться на приём.

В день конкурса красоты «Спящая красавица» была переполнена. Груды пустых чашечек, ряды спящих клиенток. Мадам Шик трудилась не покладая рук. Оберегая тайны своей технологии, она работала без ассистенток, поэтому конкурс красоты начался поздно вечером, когда все участницы наконец-то

подготовились. Среди них оказалась и миловидная хозяйка салона. Ведь любой женщине хочется доказать, что она самая красивая — хотя бы в пределах родного города.

Конкурсантки предстали во всей красе. Они ходили по сцене в купальниках, демонстрировали свой ум и прочие достоинства, пели и танцевали. Жюри было в восторге, но к утру вдруг начали происходить разные странности. У одной участницы уменьшились глаза, у второй на всём лице появились веснушки, третья обзавелась густыми сросшимися бровями... Одна за другой девушки теряли идеальную красоту, и только мадам Шик по-прежнему выглядела безупречно. Периодически она доставала из золотого футлярчика то карандаш для губ, то для век, то для бровей и поправляла макияж — но это ведь не запрещено! Жюри недолго сомневалось, выбирая победительницу. Ликующей мадам Шик вручили корону, памятные призы и путёвку в угольную шахту. Последний приз поверг её в недоумение. Но, без долгих разговоров, красавицу упаковали в картонную коробку и доставили к Дракону.

Радостные горожане уселись на лужайке, достали приготовленные бутерброды и стали ожидать развития событий. События не заставили себя ждать: начался дождь. Наскоро доев

отсыревшие бутерброды, разочарованные горожане похлюпали по домам.

Оставшись в одиночестве, коробка размокла. С испорченной причёской и смытым макияжем бывшая мадам Шик выбралась из-под ошмётков картона и бросилась в шахту, чтобы укрыться от дождя...

На следующий день городская пресса пестрела сенсационными заголовками: «Героический подвиг Клотильды фон Шнобель», «Волшебный карандаш возвращён владельцу», «Куда исчезла мадам Шик?» Фотографии умилённого Дракона и скромно улыбающейся фрау Клотильды долго ещё не сходили со страниц газет. Горожане ликовали, вновь обретя источник постоянных доходов. Дракон, наученный горьким опытом, стал прятать карандаш в более надёжное место — под второй камень от крыльца. Спасительницу города на радостях переизбрали на второй и третий срок сразу. И только волшебный карандаш тосковал о загубленной карьере визажиста...

Виктория Орлова

Хитрый зверь Ерундук и другие

детская сказка

Ох, и хитрый зверь, этот Ерундук! Когда он у нас в Странне появился, мы его сначала пожалели. Нелепый такой: два хвоста, полоски поперёк, мордочка пятачком, на лапах перепонки. По деревьям лазать не умеет, сидит внизу, у самых корней, и вверх тоскливо так смотрит. А по щекам впалым слюнки текут. От голода.

Мы его спрашиваем: «Ты откуда тут взялся?»

А он: «Вася нарисовал. Нарисовал, а старший брат Петя, ехидный такой, его и спрашивает: «Кого это ты, Вася, тут изобразил?» — Вася говорит: «Бурундука». — «Ну, какой же это бурундук! — говорит Петя. — У бурундука полоски вдоль, и хвост один, и лапы не такие». — «Это у тебя, — говорит, — не бурундук, а ерундук какой-то». Дорисовал пятачок и подписал печатными буквами: «ЕРУНДУК». И на стенку повесил. А потом я у вас оказался».

Ну, мы не удивились. У нас в Странне все такие. Коровака вон Маришка придумала, девочка одна, она к нам потом ещё в гости приходила. Крокомила двоечник Сидоров в тетрадку написал: буквы перепутал. А Хромяка Анютка Иванова случайно изобрела, когда домашнюю работу на переменке на окошке перед уроком делала. Ну и другие тоже кто как на свет белый появились. Особенно, конечно, Хворьку с Упандой не повезло: Хворёк теперь хворает всё время, а Упанда на Упальму только влезет — сразу падает. Просто караул какой-то! Так что мы Ерундука сразу в компанию приняли и стали стараться, чтоб ему не так грустно было на белом свете жить.

Я, если честно, сначала больше всех старался — понравился он мне. Да и живётся мне тут легче всех — хорошие

Ковалы нигде не пропадут. Сковал ему крючок такой специальный, чтоб он с земли мог ветки с орехами да яблоками доставать: по деревьям-то с его перепонками не очень-то полазаешь, а есть ему, понятное дело, хочется. Ерундук крючок взял, даже спасибо не сказал — сразу давай яблоки с яблони стряхивать и жевать усиленно. Ну, думаю, понятно: зверь голодный как зверь — не до политесу ему. И пошёл думать, что бы ему такое ещё сковать, чтоб ему жить полегче стало.

А утром ко мне Упанда притопала. Помоги, говорит, Ковала, сил моих больше нет с Упальмы падать. Придумай мне какую-нибудь штуку, чтоб на пальме держаться! Ну и пришлось, конечно, помочь. Три дня провозился. Но сделал-таки крепёж! Здорово получилось, хоть сам на Упальму лезь! А потом думаю: дай-ка я, и правда, попробую сам на Упальму-то! А то вдруг крепёж не сработает — будет у Упанды ещё один синяк, а у меня подмоченная ре-пу-та-ция. Ну и пошёл.

Прихожу к Упальме — а Упанды-то там и нету! Странно, думаю. Обычно Упанда возле Упальмы сидит и никуда не уходит. А тут, нате вам, куда-то делась. Ну, думаю, ладно, проверю без неё. Влез я на Упальму быстро. Сколько она меня ни стряхивала — ничего у неё не вышло: хороший крепёж вышел. Влез и решил осмотреться: где Упанда-то? Смотрю, неладно дело: лес наш опустел. Ёрж с семейством у берега речки, как обычно, не резвится. Один Крокомил в зарослях Камыша сидит, зубищами от голода щёлкает. Он у нас вообще всю жизнь голодный. Потому что все его характер гадкий знают и близко не подходят. Несмотря на привлекательную внешность. За внешностью-то — полна пасть зубов! Вот и приходится ему травкой питаться. А для такой зверюги травка — это разве еда? Так, чтоб с голоду не помереть...

А больше в лесу никого. Только возле Косины, где Ерундук поселился, какое-то бурление наблюдается. Спустился я с Упальмы и — туда.

Иду себе по тропинке, вдруг вижу — Снуслик лежит. Спит. Снуслик, он такой: бежит-бежит, потом — раз! — и спит. Потом вскочит — и опять бежит. Так-то ничего страшного, только если он на тропинке заснёт, его убрать надо на травку. А то пойдёт Коровака — она мечтательница, рогами-одуванчиками мотает, песенку поёт, под ноги никогда не смотрит — отдавит Снуслику лапу или хвост. Или ещё чего-нибудь. Нехорошо получится.

Только я хотел Снуслика поднять — он как вскочит! И бежать. Я ему кричу: «Ты куда?» — А он: «Ерундуку помогать!» И умчался.

Художник Марина Пузыренко

Молодец, думаю: товарищу помогать вон как торопится. Иду дальше. Гляжу: Земленойка тащится и причитает. Она вообще-то всё время причитает. Ноет-ноет, ноет-ноет, пока всем слушать не надоест, и все не разбегутся. А она тогда начинает ныть, что никто её слушать не хочет.

Догнал я её и говорю: здорово, мол, Земленойка! Как дела? — «Да нормально дела», — отвечает Земленойка. У меня корзинка из рук выпала. Чтоб у Земленойки дела нормально были? Первый раз такое слышу! А Земленойка дальше причитает. «У меня-то, — говорит, — дела просто прекрасно по сравнению с Ерундуком. Ерундук-то у нас больной совсем, лапы у него болят, пятачок течёт — аллергия у него на наш лес. Вот, собрала ему земляных орешков, несу, может, от аллергии помогут. Мне хорошо помогают. Детишки вот сегодня голодные останутся. Ну да это ничего, зато Ерундук, может быть, поправится. Может, правда, и не поможет — он ведь сильно болен, не то что я, но вдруг?»

Землеройка дальше потрусила, а я стою как вкопанный. Чтоб Земленойка детей голодными оставила — это скорее Слонце с неба в кусты рухнет. А уж чтобы она ныла не про свою горькую судьбинушку... даже не знаю, что должно случиться.

Иду дальше. Навстречу Ёржики всем семейством плетутся. Еле живые. «Вы куда?», — спрашиваю. — А они: «Да вот, Ерундуку дом помогали строить». — «Устали?» — спрашиваю. — «Да нет, — говорят, — ерунда, главное, что Ерундук теперь в тепле будет».

А сами еле ноги волочат. Это наши-то Ёржики! Ох, непорядок.

Припустил я что есть мочи к Косине. Прибегаю — вижу: суетится народ, бегает, домище Ерундуку строит. И Упанда тут же. Старается! А Ерундук этот сидит себе под яблонькой, щёки лоснятся, сам толстый стал! И ест. И на народ покрикивает:

— Эй, Зряблик, что-то мне песня твоя не нравится! Фальшивишь ты! Что? Охрип? Ерунда! Я сам еле жив сижу, мне, может, твоя песня жизнь продлевает. А когда ты фальшивишь, я тут же умирать начинаю!

И правда, закатил Ерундук глаза и падать начал. Зряблик, гляжу, испугался и как запоёт! Ерундук тут же ожил и давай дальше командовать:

— Эй, Добёр! Что это ты остановился? Лапу зашиб? Ерунда! Я вон, видишь, совсем лапами шевелить не могу, а дом у меня до сих пор не готов. Что ж мне, опять у Хворька ночевать? — И Добёр давай в два раза быстрее работать!

Подошёл я к Ерундуку и говорю:

— Нехорошо, Ерундук! Если тебе помогают, так и ты помогать должен! Несправедливо!

— А, ерунда! — отвечает Ерундук. — Главное — чтоб хорошо было, а справедливость — это ерунда.

— Нет уж! — тут я прямо рассердился. — Ну-ка, звери добрые, заканчивайте эту благотворительность! Похоже, у нас тут паразит завёлся! — Звери остановились, удивляются: где, мол, паразит?

— А вот, — говорю. — Все наши заботы для него — ерунда, а вы тут на него работаете!

— И правда, — звери говорят; а сами удивляются: как же так получилось?

— Ты, Ерундук, — говорю, — бесполезный зверь. И даже вредный: вон как народ лесной умучил!

— Нет! — кричит Ерундук. — Я не вредный! И не бесполезный даже! Я очень полезный! Я — ваш смысл жизни!

— Это как? — тут и я опешил.

— Ну, вот гляди, Ковала: Земленойка больше про свою несчастную жизнь не ноет? Не ноет! Хворёк свои хвори забыл? Забыл, вон как вкалывает! Даже Зряблик арии оперные поёт, а прежде что? Усядется на Косину и хнычет: «Всё зря! Всё зря!» А теперь он своим пением мне жизнь спасает! Вот какой я полезный!

Ну, хитрец! Посмеялись мы и решили: пусть Ерундук остаётся. Только больше зверей пусть не обманывает и научится чужие заботы уважать.

А он и вправду полезный оказался: если настроение у кого плохое, Ерундук скажет: «А, ерунда!» И тут же придумает, как настроение исправить. И из любой трудной ситуации хитрый выход найдёт. Народ лесной теперь к нему за советом ходит. И каждый, когда выходит из ерундучьего дома, головой покачает и скажет:

— Ох, и хитрый зверь, этот Ерундук!

Евгения Панкратова

Память

сказка для детей старшего возраста

«Память — способность помнить, не забывать прошлого; свойство души хранить, помнить сознанье о былом...»

В. Даль «Толковый словарь живого великорусского языка»

на подошла сзади, неслышно, как кошка, и мягко положила руки ему на плечи. Вздохнув, он запрокинул голову, подставляя лоб и щеки её прохладным ладоням, и закрыл глаза. Она осторожно провела подушечками пальцев по его лицу, повторив изгиб бровей, нежно коснувшись век и губ, погладила по щеке и тихонько, чуть заметно улыбнулась.

— Устал?

Он согласно кивнул, поймал её ладошки своими сильными ладонями и принялся тихонько поглаживать их, словно маленьких испуганных птичек.

— Слушай, ну почему у тебя всегда такие холодные лапы? Как у лягушонка...

Она рассмеялась.

— Зато твои всегда горячие, как... как печка! Хочешь чаю? Мама приходила, принесла имбирь и сушеные апельсиновые корочки... И пирожки — кажется, в этот раз с яблочным джемом и корицей.

— Нет, малыш. Сегодня не хочется... Посидишь со мной?

Она согласно кивнула и устроилась в кресле напротив, привычно свернувшись клубочком. «Словно кошка...» — опять

подумалось ему. Она действительно во многом походила на кошку — такая же гибкая, так же ластится к рукам, так же гуляет сама по себе... «Кажется, мне повезло, что эта кошка решила немного пожить тут...», — он чуть улыбнулся этой своей нелепой мысли.

— Расскажи, малыш, как прошёл твой день.

Она отрицательно помотала головой и улыбнулась ему беспечно и понимающе, как умеют улыбаться только старики и маленькие дети.

— Расскажи сначала, как прошёл твой...

Он усмехнулся чуть виновато. Глупо было надеяться, что она не заметит...

***

— Док! Док! Чёёёрт, да Макс же!

Он обернулся и сразу увидел Яна, стоящего у стойки регистратора. Не заметить его было бы сложно — вокруг него говорливой птичьей стайкой толпились молодые люди в белых халатах.

— Господа студенты, имею честь представить вам доктора Максимилиана Штейна, лучшего специалиста этой клиники в области... В области чего ты у нас лучший специалист, дружище?

Они оба расхохотались и крепко обнялись. Студенты, переглядываясь с улыбками, чуть отошли, словно бы давая старым друзьям возможность поговорить наедине.

— Как ты, Макс? Как Джинджер, как Басти? Чёёёрт, я не видел тебя столько лет... Ты, говорят, теперь светило? Посмотрим, посмотрим... Вот, студентов привёз. Буду показывать — передний край науки, новейшие технологии, лучшие умы...

Макс с молчаливой улыбкой смотрел на друга, замечая, как тот изменился за прошедшие годы — новые морщинки в уголках глаз, усталая складка на лбу, седина в волосах... Но всё та же яркая мимика, обилие жестов — Ян всегда был балагуром. Всё тот же журчащий переливами смеха голос, всё те же шуточки и неизменное Яново «чёёёрт». И лишь что-то в глазах, в опущенных уголках губ, в пропущенных паузах между словами...

— ...говорят, вы тут, ребята, научились читать человеческий мозг, как открытую книгу... Чёёёрт, вот уж не думал, что на своём веку успею увидеть такое...

— Что случилось, Ян?

Запнувшись на полуслове, Ян на какой-то миг стал вдруг серым, старым и смертельно усталым человеком. Лишь на миг.

— Потом, Макс. Я расскажу... потом...

И вот уже снова журчит негромкий, хорошо поставленный баритон:

— Итак, господа студенты, мы с вами находимся в крупнейшем научном центре Европы, занимающимся исследованиями мозга человека. Клиника этого центра по праву считается одной из лучших в мире, и честь проходить здесь практику достаётся только избранным студентам, лучшим из лучших. Лучшим из лучших, Грабински, так что на вашем месте я бы спрятал ухмылку подальше и засел бы за учебники... Доктор Штейн, прошу вас...

***

— Это Кристина, Макс...

Макс непонимающе посмотрел на Яна, устало сгорбившегося в низком, удобном кресле для посетителей. Вот уже час они сидели у Макса в кабинете и сквозь огромное окно в западной стене молча наблюдали, как тонет в зелёном море рыжеватое солнце. Было очевидно, что Яну нужно собраться с мыслями — и Макс, не говоря ни слова, приготовил кофе и устроился в кресле напротив с книгой. Изредка поглядывая на друга, бездумно помешивающего ложечкой остывающий напиток, Макс думал о том, что он никогда прежде не видел Яна таким... разбитым, подавленным, сломленным, почти... почти обречённым. Когда-то они проводили довольно много времени вместе, и Максу казалось, что он неплохо понимает Яна. Но теперь, спустя столько лет... Что же могло так изменить никогда не унывающего весельчака?

Макс решил, что гадать не имеет смысла. Очевидно, что Ян хочет об этом поговорить, так что рано или поздно всё и так станет на свои места. Нужно только дать ему время...

— Это Кристина, Макс... Ты же помнишь Кристину, мою жену?

Разумеется, Макс помнил Кристину. Невысокая, статная, элегантная и утончённая, темпераментная и удивительно дружелюбная — и к тому же чертовски красивая, с пышной копной густых рыжеватых волос... Кристину трудно было забыть.

— Это Кристина. С ней... плохо. Всё... очень плохо.

— Ян...

— Погоди, не перебивай. У Кристины обнаружили опухоль головного мозга. Где-то в районе гипоталамуса. Я не знаю всех тонкостей, ты же помнишь — я всегда был скорее теоретик, нежели практик... Опухоль операбельна, но нейрохирург, который

консультировал нас, сказал, что возможны осложнения... Он хороший доктор, но ты же знаешь Кристину...

Макс невесело хмыкнул. Он помнил — Кристина была патологически недоверчива по отношению к врачам любых специальностей.

— Как ты думаешь, Макс, ты мог бы?..

Ян запнулся и замолчал. Стиснул ладони между коленей и посмотрел на друга с такой смесью отчаяния и надежды во взгляде, что у Макса по спине поползли холодные, липкие мурашки...

Художник Инга Бурина

***

— И что ты ему ответил?

В комнате стало совсем темно, но Максу не хотелось вставать, чтобы зажечь свет. Он чуть потянулся и на ощупь нашёл её ладошку.

— Иди ко мне, малыш...

Она, словно давно ждала этих слов, легко соскользнула с кресла и уютно устроилась у него на коленях, положив голову ему на плечо.

— Тебе тяжело... Ты думаешь... Решаешь? — её шёпот звучал как шорох его собственных сомнений. Макс всегда удивлялся тому, как она умеет угадывать его мысли...

Разумеется, он не сказал ни «да», ни «нет». Он давно уже перерос тот возраст, когда ради друга готов броситься в любую авантюру. И он давно перестал верить в собственное всемогущество. И перестал давать обещания, когда дело касалось чьей-то жизни. Потому что понял, на собственном грустном опыте понял — нет ничего горше и больнее несбывшейся надежды...

— Ян переслал мне все медицинские файлы... Результаты анализов, снимки MRI, заключения специалистов. Кристина приедет послезавтра. Посмотрим, малыш. Посмотрим...

Она чуть повозилась, устраиваясь поудобнее, а потом снова затихла. Макс, погруженный в свои мысли, принялся тихонько поглаживать её по голове — и впрямь, словно кошку...

— Если хочешь, я даже могу помурлыкать... Это нетрудно, если знать как...

Рассмеявшись от неожиданности, Макс крепко прижал её к себе и ласково чмокнул в нос.

— Прости, малыш, задумался... Поздно уже. Пойдём спать, котёнок?

Она согласно кивнула, а потом пристально посмотрела ему в глаза и тяжело вздохнула. Разумеется, в темноте он этого не заметил.

***

Кристина, даже похудевшая, даже бледная и осунувшаяся, оставалось всё такой же красивой. Макс, присев на край стола, наблюдал, как с настороженностью дикого зверька Кристина оглядывает его кабинет. Она словно утонула в низком широком кресле для посетителей, и Макс внезапно поймал себя на остром чувстве жалости к этой хрупкой рыжеволосой женщине.

«Плохо, Макс. Совсем плохо. Так дело не пойдёт».

— А ты совсем не изменился, Макс...

Он встрепенулся и искоса посмотрел на Кристину. Она теперь пристально наблюдала за ним, обеими руками держа кружку с горячим кофе.

— Совсем не изменился... Все твои чувства по-прежнему можно прочесть на твоей мальчишеской физиономии.

Макс улыбнулся чуть смущённо и взъерошил волосы действительно мальчишеским жестом. Кристина рассмеялась.

— Итак, Макс...

— Итак, Кристина, — Макс подошёл поближе и уселся в кресло напротив. Ян, всё это время куривший на террасе, поспешно зашёл внутрь и присел на подлокотник кресла жены. — Итак, общий прогноз неплох. При успешной операции и последующей химио- и радиотерапии мы можем говорить о 7–10 годах, возможно, больше. Но есть одно «но»... Из-за особенностей расположения опухоли и её диффузных границ существует большой риск повредить во время операции участки мозга, отвечающие за...

— Макс, извини... — Кристина прервала его, резко подняв правую руку раскрытой ладонью вперед. — Я знаю, что вы с Яном способны часами обсуждать локализации, диффузные границы, особенности и прогнозы, разговаривая на своём

дурацком медицинском языке. Ненавижу этот ваш тайный жаргон для посвящённых! Ты можешь сказать мне просто: что меня ждёт? — Кристина попыталась сгладить резкость неловким смешком, но Максу почему-то показалось, что это скорее похоже на с трудом сдерживаемое рыдание. Он кивнул и чуть помолчал, собираясь с мыслями.

— Есть вероятность, что ты забудешь, кто ты, Кристина. Опухоль расположена в той части мозга, которая содержит твою личность, твою память. Ты перестанешь узнавать Яна, других близких людей. Что-то будешь помнить, а что-то — нет. Трудно сейчас сказать наверняка...

— То есть ты хочешь сказать, что я стану... как это у вас называется... овощем? — казалось, в расширившихся от ужаса зрачках Кристины можно утонуть. Ян закусил губу и обнял жену за плечи. Макс отрицательно покачал головой.

— Нет. Скорее это будет напоминать симптомы ранней болезни Альцгеймера. Некоторое снижение когнитивных способностей, нарушения памяти и пространственной ориентации... Моторные навыки, способности двигаться, принимать решения, понимать и осознавать — всё это останется. Но той Кристины, которую мы знаем, скорее всего, больше не будет. Существует очень большая вероятность, что той Кристины больше не будет...

— Есть ли другие варианты? — голос Яна прозвучал глухо и безжизненно, словно скомкали и бросили в корзину ненужную бумажку. Макс вздохнул.

— Узкофокусное облучение. Оно менее инвазивно, более щадящее... В комбинации с химиотерапией... Два, возможно, три года...

— Два года... — Кристина поднялась и подошла к огромному, во всю западную стену, окну. За окном зеленело за полосой дюн неспокойное море. — Славное место для клиники, Макс. Тут так тихо...

— Кристина...

— Два года, Макс. Два года или ничего — вот что ты мне предлагаешь. Кажется, выбор не очень сложен...

— Кристина...

Она подошла и бережно, очень нежно закрыла рот мужу своей узкой ладошкой.

— Два года, Ян. Это на самом деле очень много — два года...

— Это непростое решение, Крис. Вам нужно подумать, поговорить... Я оставлю вас, ребята. Увидимся завтра.

— Спасибо, Макс, — Кристина взяла его за руку и, привстав на цыпочки, заглянула в глаза. — Мне действительно нужно подумать... Увидимся завтра. Передавай привет Джинджер...

***

— Ну и где же он? — она дурашливо потянула его за рукав. Макс непонимающе нахмурился.

— Ну, привет от Кристины. Где он? Ты же сам сказал: Кристина передаёт привет.

Макс улыбнулся и дёрнул её за выбившуюся из причёски прядку.

— Вредина.

Она сморщила нос и забавно, по-детски надула губы.

— Вот так всегда, сначала пообещает привет, а потом... Слушай, а пойдём сегодня на море? На пляже возле старого маяка будет конкурс песчаных скульптур, и Лео обещал сделать для меня ангела...

— Лео?

— Лео. Мальчик с крыши напротив.

— Аааа, Лео... Мальчишка с воздушным змеем и разбитыми коленками... Послушай, малыш, я так устал. Сходишь одна? Вечером собирался зайти Ян, он хочет поговорить...

Она кивнула и заправила непослушную прядку за ухо.

— Принести тебе ракушек? Там как раз отлив...

Макс притянул её к себе и бережно поцеловал в лоб.

— Не задерживайся допоздна, хорошо? Я буду ждать тебя с последним лучиком солнца. Говорят, над морем первый и последний луч солнца — зелёный...

***

Они сидели на последней ступеньке крыльца, выходившего в сад. Постепенно сгущались сумерки, и сад наполнялся незаметной глазу ночной жизнью. Щебетали о чём-то вечерние птахи, бесшумно проносились в темнеющем небе нетопыри, умиротворяюще шумело где-то в отдалении море.

— Скажи мне, Макс... Неужели ты никогда не жалеешь о том, что стал...

— Светилом? — Макс скептически хмыкнул и отхлебнул из бутылки холодной минералки. Бледная тень прежней добродушной улыбки на миг осветила Яново лицо, и он по-дружески пихнул Макса локтем.

— Да нет... ещё раньше, тогда... ты не жалеешь, что стал врачом? Ведь мы вместе могли продолжать заниматься наукой... Тихий кабинет, пробирки, эпендорфы, компьютерные симуляции... и никакой боли, никаких мучительных выборов изо дня в день... Неужели со временем можно привыкнуть к постоянному соседству со смертью? Неужели ты знаешь способ, как научиться не замечать её, смиряться с ней?

— Не знаю, Ян. Конечно, не знаю. Думаю, что такого способа — не замечать смерть — вовсе не существует. А если бы и был такой способ, я предпочёл бы не знать о нем...

— Почему?

— Скажи мне, Ян, ты веришь в Бога?

Ян помолчал, задумчиво следя взглядом за ползущим по ветке жимолости светлячком.

— Не знаю, Макс. Правда, не знаю... Хотя, кажется, именно сейчас вера нужна мне, как никогда. Но я всё равно не знаю... А почему ты спросил?

— Потому что и сам когда-то не знал ответа, — по голосу чувствовалось, что Макс улыбается. — Так же терзался сомнениями, так же пытался мучительно сделать выбор, пытался найти смысл для себя... А потом как-то понял... Даже не понял, скорее, почувствовал... Все ошибаются порою, Ян. Все. Даже Бог. Но мы должны исправлять свои ошибки сами. А Бог — Он же не может спуститься сюда, к нам... Но зато Он может наделить некоторых людей способностью исправить Его ошибки... И тогда возможность ощущать чужую боль, чувствовать чужой страх, видеть чужую смерть — это не мучительная обязанность, это дар... Так легче любить Бога, Ян — зная, что иногда ты можешь исправить Его ошибку...

Над садом повисла долгая, задумчивая тишина. Совсем стемнело, в небе проступил бледным призраком стареющий месяц. Поднялся ветер, и с моря потянуло прохладой.

— Скоро осень... Днём ещё не заметно, но в ночном воздухе уже чувствуется грусть... Скоро зарядят дожди...

— А где Джинджер, Макс?

— Джинджер нет. Так что вы решили, Ян?

Запрокинув голову, Ян пристально посмотрел в глаза бесстрастной августовской ночи.

— Что мы решили?... Кажется, у тебя будет шанс сделать... работу над ошибками...

***

Без пышной копны рыжих волос личико Кристины казалось совсем маленьким, почти кукольным. Отсвечивающие фарфоровой белизной руки поверх голубой простыни, болезненная бледность щёк, полная неподвижность — и правда, словно старинную куклу уложили в кроватку для дневного сна. Ян, неуместно большой в этой белоснежной комнатке спящей принцессы, похожий на взъерошенного белого медведя, просительно посмотрел на Макса.

— Всё в порядке, Ян, — Макс успокаивающе похлопал друга по плечу. — Всё настолько в порядке, насколько вообще может быть. Отправляйся домой, дружище, тебе нужно поспать. А завтра будет видно...

— Макс... я останусь, ладно?

Макс вздохнул.

— Почему-то я знал, что ты это скажешь... Оставайся. Но она всё равно будет спать до утра... — наткнувшись на просящий взгляд, Макс запнулся на полуслове и усмехнулся. — Ладно, я попрошу, чтобы тебе принесли кресло...

«Удивительно, какими длинными бывают ночи в больнице...» Удобно развалившись в кресле, Ян потягивал противную кофейную бурду из пластикового стаканчика и смотрел, как размеренно дышит во сне Кристина. Восковая бледность ушла с её щёк, иногда она чуть заметно улыбалась — и Ян надеялся, что ей снятся славные сны.

— Хорошая моя... даже если ты не вспомнишь... не вспомнишь ни одного дня нашего совместного счастья — у нас будет семь лет... семь лет, чтобы прожить его заново... — Ян взял холодную руку жены в свою ладонь и, закрыв глаза, прижался к ней щекой. — День за днём, час за часом... я расскажу тебе о наших детях, о тихих вечерах в старом доме, о долгих прогулках в парке и твоем любимом ресторанчике в гавани... Если ты не вспомнишь...

Чуть дрогнув, Кристинина рука осторожно вытерла с Яновой щеки горячие слёзы.

— Но я помню, Ян... Я помню.

***

— Люблю истории со счастливым концом. Ведь теперь всё у них будет хорошо, правда?

Они устроились в кресле-качалке у камина. На улице уютно шуршал промозглый, уже по-осеннему холодный дождь, и от балконной двери тянуло сыростью. Макс вытянул ноги поближе к дружелюбно потрескивающему огню, а она вновь устроилась уютным клубочком у него на коленях.

— Не знаю, малыш. Разве можно быть в чем-то уверенным наверняка в этом непостояннейшем из миров?.. Но теперь, по крайней мере, у них есть больше времени — и это кажется правильным...

— Да, это правильно. Люди заслуживают больше времени, чтобы проводить его вместе. А ты никуда не пойдёшь сегодня?

— Неа. Ты же знаешь, этот день я всегда провожу с тобой... Котёнок...

Она муркнула, ткнувшись носом ему в ключицу, и довольно улыбнулась.

— Славно. Можно будет испечь имбирных печенюшек и заварить липового чаю. А вечером, говорят, на набережной будет

Художник Инга Бурина

фейерверк в честь окончания лета. Пойдём? Лео обещал подарить мне воздушный шарик...

— Обязательно пойдём. Чувствую, пора мне поближе познакомиться с этим Лео...

Подняв голову, она с каким-то непонятным выражением посмотрела ему в глаза.

— Ты чего, малыш?

— Ничего. Просто... я тебя люблю...

***

Стоя в дверях, Кристина с наслаждением подставила лицо прохладному ветру с моря. Прокравшись тайком в распахнутую дверь, по холлу клиники гулял легкомысленный, солнечный сквозняк. У стойки регистратора Ян подписывал последние бумаги.

— Куда вы теперь?

— Домой! — Ян с улыбкой посмотрел на жену. — Домой, к детям и внукам — а потом ещё куда-нибудь. Господи, кажется, что у нас в запасе вечность...

— Жаль, что доктор Штейн не смог проводить вас. Но вы не хотели задержаться подольше, а 31 августа его никогда не бывает в клинике...

— Интересно, чем же занимается 31 августа дружище Макс?

— А вы разве не знаете?.. 31 августа, ровно четыре года назад, жена доктора Штейна погибла. Она утонула. Кажется, её звали Джинджер...

Морская сказка

сказка для детей среднего возраста

Над головой девочки, купаясь в порывах северного ветра, порхал крохотный золотой дракон.

— Аэрли! Аэрли, негодник, немедленно спускайся!

Гарчи сидела на краю скалы и, задрав голову, с тревогой следила за юрким золотистым зверьком. Резкий, порывистый ветер норовил снести дракончика в сторону моря, макнуть разок-другой в зеленоватые, увенчанные ажурными пенистыми шапками волны, но дракон пронзительной спиралью ввинчивался в высокое, густой лазурной голубизны небо и пронзительно верещал свой победный клич:

—Айэээрлиииииии! Рррррррииииллллли-тин! Тин!

Гарчи недовольно покачала головой и, вскочив на ноги, пробормотала под нос:

— Хвастунишка...

Дракончик, стремительно нырнув к земле, уцепился когтями за её плечо, аккуратно свернул крылья и ласково потёрся о щёку девушки клиновидной головкой, напрашиваясь на ласку. Курлыкнул что-то мелодичное.

— Не подлизывайся, обормот! — нарочито сердито буркнула Гарчи. Потом указательным пальцем провела вдоль спинного гребня — дракончик довольно выгнулся, словно ластящаяся кошка — намотала кончик драконьего хвоста на палец. — Сколько раз тебе говорила — не улетай высоко, когда северный ветер... Вот украдёт тебя Норинас — будешь знать!

Дракончик, виновато сопя, перебирал тонкими коготками медно-рыжую прядку волос Гарчи. Потом вдруг встрепенулся,

заметив высоко в вышине дикого собрата. Привстал, вытянув тонкую шею, и пронзительно закричал:

— Рррррриллли-тин! Тин!

— Кайяяяяя! — донёсся до них разносимый ветром клич. — Каайййаааааа!

Гарчи поежилась, глядя на размашистые, тревожные волны.

— Пойдём домой, Эрли. Кажется, скоро начнётся буря... Юрате снова сердится.

Маленький золотистый дракончик, стремительно сорвавшись в полёт, юрким вьюнком заструился в прохладном вечернем воздухе, маня Гарчи за собой. И долго ещё разносился над скалами его победный клич:

—Айэээрлиииииии! Рррррррииииилллли-тин! Тин!

Сколько Гарчи помнила себя, её всегда сопровождали крики чаек. Домик её, крайний в посёлке, ютился у самого обрыва, и будни Гарчи всегда наполнял шум волн и протяжные крики морских бродяжек. Гарчи не представляла себе, как можно жить вдалеке от моря. Бабушка Зёма, сухонькая старушка с добрыми лучистыми глазами, ласково звала девушку «Вейене» — то есть принесённая ветром с моря. Гарчи любила бывать у бабушки — та жила в другом конце посёлка, у старого леса. На бабушкиной кухне всегда было занимательно и хлопотно, пахло вкусно и сытно. Гарчи, с ногами забравшись на стул и подперев щёки кулачками, с удовольствием наблюдала, как вертится ловкой юлой по кухне бабушка Зёма — там помешает что-то в задорно бурлящем котле, там насыплет горстку чего-то в пузатую миску, там пошепчется тихонько со старым медным чайником. Бабушку в посёлке любили, кликали ведьмой. И Гарчи охочие до сплетен кумушки пророчили ту же судьбу. Но Гарчи, хотя и любила бабушку нежно, знала, что не сможет пойти по её стопам. Бабушкин дух был накрепко связан с корешками и травами, с тёплым и влажным земляным нутром, с подполом и глубокими мшистыми бочажками болотной воды. Оттого-то и была бабушка невысокой, почти приземистой, юркой, со смуглой кожей, лучистыми карими глазами и тёплыми морщинистыми руками — одним словом, Зёма. Гарчи же совсем другая. Высокая и тонконогая, с гибким и лёгким станом, она вся была Вейене — принесённая морским ветром прядь тумана, чуть позолоченная неярким закатным солнцем. Говорят, мама Гарчи была такой же — редкая перелётная птица, влюбившаяся на свою беду в сына морской богини Юрате. И ведь знала же — не быть дочери ветра венчанной

с сыном моря. Ну да разве сердцу прикажешь? Так и появилась на свет Гарчи — ветер в голове, море в глазах, туман на сердце...

Взбираясь по тропинке к дому, Гарчи запыхалась. Аэрли, опередив девушку на пару минут, непоседливой стрекочущей искрой ворвался в дом. Гарчи, скинув у порога сандалии, неторопливо прошла за ним. Распахнула широко окно, впустив в дом настойчивый вечерний сквозняк. Буря не разыгралась, сойдя на нет, словно Юрате передумала сердиться на нерадивую внучку. Над безмятежной рябью зеленоватых волн плыл теперь, не потревоженный ветром, гулкий колокольный звон. Первые робкие звёзды, с трудом проклюнувшись на бархатном покрывале ночного неба, неумело отражались в морской воде.

— Как думаешь, Эрли, Он придёт сегодня?

Гарчи, взобравшись на подоконник, свесила ноги наружу, в старый, заросший плющом и жимолостью сад. Золотистый дракончик домашним зверьком свернулся у неё на коленях.

— Я думаю, Он всё-таки придёт, Эрли, и мы с тобой узнаем продолжение истории про горного великана, человека и муравья... Или, может, он расскажет нам новую историю... Или споёт песню — как тогда, зимой, помнишь?

Гарчи, прикрыв глаза, принялась чуть слышно напевать под нос что-то про «лукошки», «окошки» и «мудрую кошку». Золотистый дракон размером чуть больше этой самой кошки вполне мелодично курлыкал в такт, периодически вплетая в песню своё излюбленное «ррриииилллиии-тин».

Постепенно дом погрузился в спокойную тьму, полную умиротворяющих ночных шорохов, тихих вздохов и мерного шелеста волн. Гарчи по-прежнему сидела на подоконнике, раскачивая ногами и бормоча вслух всякую чепуху. Аэрли струящейся тенью носился по саду, охотясь на крупных ночных бабочек.

— А ещё знаешь, Эрли... Говорят, у каждого человека в этом мире есть Предназначение. Юрате, когда сердится, говорит, что моё — стать чайкой и кружить над морем. Скучно, наверное... Бабушка Зёма говорит, что моё предназначение — помогать людям и нести свет по ветру... Про это я почти ничего не знаю пока. А Он сказал, что Предназначение — моё и всех остальных — просто жить и быть, так хорошо, как только умеешь. А всё остальное Он сам даст, ему же не жалко... Эрли, негодник, ты куда?!

Крохотный золотой дракон, стремительно сорвавшись с обрыва, на краю которого притулился дом Гарчи, парил теперь над самой водой, самодовольно курлыча и пронзительно вереща.

Художник Александра Иванова

В когтистых лапах его трепыхалась серебристая рыбёшка. Дочери Юрате грозили ему из-под воды кулачками, плескали сердито русалочьими хвостами.

Гарчи, смеясь и сердясь одновременно, спрыгнула в сад и подбежала к шаткой ограде на самом краю обрыва.

— Аэрли, обормот, отпусти рыбку! Не серди Юрате, рыбакам же завтра в море... эх ты, ящерица! А ну, сюда!

Выпустив рыбу, дракончик, виноватый, но довольный, привычно устроился у Гарчи на плече и спрятал головку в её волосах. Гарчи повернулась к дому — окно теперь гостеприимно рыжело в полуночной тьме, и на свет его слетались со всего сада мотыльки.

Гарчи неторопливо, словно нехотя, вернулась к окну. Оперлась о подоконник, замерла на миг, глядя внутрь. Там, уютно устроившись в старом низеньком кресле, раскуривал трубку незнакомец в поношенной, запылённой одежде. У потолка кружились, водя хороводы, мотыльки и ночные бабочки, на столе оплывала, плача стеариновыми слезами, толстая витая свеча, ветер лениво теребил лапой край занавески.

— Ты кто? — спокойно, без страха спросила Гарчи. Ей привычны были неожиданные ночные гости.

— Я — пилигрим, следующий зову ветра... — у гостя были необычные, густого фиалкового цвета глаза и очень добрая улыбка. Гарчи улыбнулась в ответ.

— Хочешь чаю?

Она вскарабкалась на подоконник. Незнакомец, поднявшись, протянул ей руку, и она нерешительно оперлась ладошкой о его широкую ладонь. Спрыгнула внутрь. Отмахнулась от возмущённо курлычущего Аэрли — тот юркой ревнивой молнией носился под потолком, косясь на незнакомца и злобно шипя на него с потолочных балок. Прошлёпала босыми ногами в сторону кухни.

— Так что, чаю? Или, может, родниковой воды?...

Незнакомец тихонько рассмеялся, и Гарчи с недоумением покосилась на него.

— Позволь мне угостить тебя этой ночью, Пергяле... Я принёс в своей котомке горсть волшебных зёрен. Из них выходит славный напиток, особенно если молоть зёрна при убывающей луне...

Гарчи кивнула, мельком глянув в окно на дольку луны, неторопливо дрейфующую в толще маслянисто-чёрной морской воды. Луна действительно была убывающей...

— Почему ты назвал меня Пергяле? — спросила девушка, устроившись в углу кухни на полу и глядя, как ловко колдует у кухонного стола незваный гость. — Моё имя Гарчи.

— Я думаю, что у тебя много имён... — незнакомец покосился на неё, ловко спрятав насмешливую улыбку среди морщинок в уголках глаз. — Пергяле означает «морская жемчужинка», нежданный дар моря... Для меня ты Пергяле.

Гарчи кивнула, соглашаясь. Её часто называли странными именами. Некоторые из них прилипали к ней намертво, другие она складывала до поры в старый окованный медью сундучок, иные носила при себе, нанизав на нитку, как камешки куриного бога...

Незнакомец, растерев свои зёрна в каменной ступке, высыпал их в джезву и долил родниковой воды из большой глиняной крынки. Всыпал туда же щепоть каких-то пряностей из полотняного мешочка. Гарчи втянула носом воздух — на кухне теперь пахло терпко и пряно. Странный волнующий аромат прядями расползался по кухне, и Гарчи вдруг на миг привиделось огромное море песка и странный двугорбый зверь, торжественно бредущий вдаль. Незнакомец кивнул.

— Эти зёрна повидали много странных земель на своем пути...

— Как они называются? И как ты зовёшь свой напиток? — спросила Гарчи, осторожно принимая из рук гостя пузатую глиняную кружку, полную до краёв.

— И напиток, и зёрна зовутся одним именем. Это кофе, Пергяле. Мне говорили, что в ваших землях не знают такого зелья, но было так трудно в это поверить...

Гарчи, отхлебнув немного, скривилась и поставила кружку на пол. Напиток был горьким. Странник рассмеялся тихонько и устроился на полу, рядом с Гарчи.

— Если добавить мёда и долить немного молока, вкус станет нежнее...

Гарчи подумала, что от мёда и молока что угодно станет нежнее — но стоит ли переводить хорошие продукты? Вслух же она сказала совсем другое:

— Завтра, когда над морем взойдёт солнце, в бухту приплывут дельфины. Юрате накормит их свежей рыбой, а потом впряжёт их в свою повозку — и они повезут её на другой конец моря, к высокой скале, где живёт Норинас, отец ветров...

— Юрате в третий раз испросит у него позволения забрать к себе свою единственную внучку, поселить её в хрустальном дворце на дне самого синего моря — но Владыка Ветров снова скажет «Нет!». И тогда Юрате крикнет в сердцах: «Так пусть же тогда не достанется никому, ни морю, ни ветру!» и хлопнет в ладоши дважды и ещё дважды. И ты превратишься в чайку — тоскующую о море, жаждущую ветра...

— Откуда ты знаешь??!! — Гарчи вскинулась, уставившись на незнакомца с удивлением и возмущением. Потом сникла. Аэрли, тревожно курлыкнув, слетел с балки, где он дремал последние полчаса в обществе дряхлой летучей мыши. Пристроился у Гарчи на плече, обняв её за шею хвостом. Попытался заглянуть девушке в глаза, смешно выгнув шею, но не удержался и плюхнулся ей на колени, жалобно пискнув. Гарчи улыбнулась сквозь слёзы. Потом вздрогнула — незваный гость положил ей на плечо тяжёлую, горячую ладонь, и, наклонившись, прошептал в самое ухо:

— Мне про тебя бабушка надвое сказала. Пойдёшь со мной?

Гарчи недоверчиво посмотрела на незнакомца — хотя какой же он теперь незнакомец — и неуверенно покачала головой.

— Юрате не отпустит. Да и я не смогу без моря...

— Почему же без моря? Мы же не убегать будем... — и гость показал ей свою открытую ладонь. Там, раскинувшись огромными крыльями поперёк линии жизни, парил над волнами альбатрос, повелитель моря и ветра...

— Нельзя сделать выбор между двумя частями своей души, Пергяле. Юрате и Норинас никак не поймут этого, ослеплённые своей любовью к тебе и сломленные утратой... Но все остальные знают — девочке с морем в глазах и ветром в голове положены вовсе не чаячьи крылья... Верно, дракон?

Аэрли, привстав на задние лапки, самодовольно раздулся и испустил свой любимый боевой клич:

— Рррррриллли-тин! Тин!

Гарчи рассмеялась. Почувствовала, как странно — легко и пусто — становится у неё в голове. Вскочила на ноги, позабыв об Аэрли — тот с сердитым шипением плюхнулся на пол и тут же взвился в воздух.

— Раз так, я пойду с тобой, странник! — закричала Гарчи, сама удивляясь своему задору. Заглянула гостю в глаза — и утонула в их фиалковой глубине.

— Какой же я тебе странник, Пергяле. Я брат твой, морской пилигрим-буревестник... Мое имя Талас.

И он протянул ей руку. На раскрытой ладони его парил поперёк линии жизни огромный альбатрос, нежась в лучах заходящего солнца. Под ним, почти касаясь волны кончиком крыла, кружил альбатрос поменьше. А в самой вышине, под носом у недовольных звёзд, метался золотистой молнией маленький дракон размером с кошку...

Андрей Пермяков

Балуп

сказка для детей царского возраста

А может, и нет никаких шуршиков. Ни лазоревых, ни жёлтых, ни полосатых. Повывелись напрочь. Или не было никогда.

Наглые они, балуты. В городе, или во дворце там: Ваша милость-Ваша милость, а в лесу — сразу хозяйничать. Дать бы по башке, да подыматься лень.

— А кто, — говорю, — тогда у Амрика в покоях жил?

— Кошка крашеная, — отвечает.

Тут уж я не стерпел, посох схватил... Ага... Будет меня проводничок ждать. Хлоп! И в лес укатился. Теперь до утра не объявится.

И то подумать: кто я ему такой? Библиотекарь, даром что королевский. А что до того при дворе столько лет состоял, это наплевать... Зачем на королеву-то смотрел? Им нравится, когда так на них глядят, а королям вот не очень. Получил титул «Рыцарь светлого взгляда» и пошёл на почётное место книжной пылью дышать. Ладно, нашёл эту дверку неприметную, а за ней — свитки. При Безумном императоре, видать, спрятали. Тот приказал на 200 лет назад все летописи уничтожить, чтоб думали, будто до него ничего путного не было. А теперь зато его имя называть запрещено. Я, конечно, знаю, но вам не скажу.

Вот в тех папирусах, что спрятаны были, я про шуршиков всё и нашёл. Так-то одни слухи по дворцу ходили: жил, мол, у короля зверёк, ласковый, понятливый. Чуть заболеешь, он придёт, мурлакотамит, трётся. И шёрстка! Какая шёрстка была! Переливчатая, гладишь — точно в канаковое масло руки окунаешь. Боялись, как помрёт шуршик, государь печаль объявит, годика на два — ни балов тогда тебе, ни приёмов путных. Амрик, он

такой был, плаксивый. Но нет, сам вперёд в Алую рощу отправился.

А наследник попроще оказался, без сантиментов. Он пока в трауре ходил, пока короновался, шуршик за хозяином ушёл. Шкурку выделали, на стену повесили и за новыми зверюшками поход снарядили. Амрик-то не позволял: один, говорил, у меня шуршик, и другого не надо. Только далеко экспедиция не пошла, к мятежу примкнула. Потом смута семилетняя, а там и Безумный к власти пришёл — какие тут шуршики...

Балут мой, Ыкер, всё понимает. Хочет дворянчик выслужиться, шуршика Государю привезти или хоть шкурку небесного цвета. Глядишь, обратно во дворец призовут. Догадливый...

Он, как до Тихого леса дошли, сразу ставить себя начал, подсмеиваться. Только когда на Мерка набрели, струхнул. Сначала, конечно, храбрился, а как стрелы одна за другой насквозь через того полетели да меч будто через студень прошёл — побледнел, заоглядывался... А бежать-то некуда было. Ладно, барин бестолковый не зря над книжками столько лет глаза портил — прихватил с собой кое-что. А не то потягивала б медуза Ыкерову кровь по сию пору. Он после того дня три смирно себя вёл, пока на гнездо Кагров не набрели. Здесь уж балут отличился, спорить не буду, пятерых из лука положил.

Теперь вот третий месяц с ним то в избушке по два дня сидим, когда бури сильные, то вот, неделями в горах лазоревого караулим. Когда листья опадали, сколько раз помню: шур-шур-шур такое — не слышал, не поймёшь; слышал — не спутаешь. И видели одного даже, только не лазоревого, а серенького. Летом-то их ловить бесполезно, юркие больно. Осень прошла. Сейчас вот по снегу бегаем. Как первый раз меха клочок увидел, обрадовался — линяет зверушка, так легче выслеживать. А Ыкер опять: «Не, это, — говорит, — стебли эш-травы. Они у неё тоненькие, а к зиме синеют».

Ага. Завидно ему, что не первый нашёл.

Спать пора. Сгрёб костёр до последнего уголька, расстелил кагрову шкуру, другой укрылся, и словно в омут. Знаю, однако, ветка хрустнет — учую. Проснулся по́ свету. Холодина — аж вылазить не хочется. Ничего, пересилил лень-матушку, мяска сушёного из рюкзака достал, подкрепился. Сижу, думаю: куда балут-то подевался? Вернётся так без меня к избушке, соберёт всё что есть и в родное стойбище двинет — ищи его там. Только возвёл на человека напраслину — он тут как тут, ну, не сам, конечно, опасливый. Так, голос подаёт:

— Слышь, барин, нашёл я тебе шуршика.

— Врёшь ведь!

— Да чтоб мне Мерку достаться! В той пещере сидит, где мы с тобой третьего дня ночевали. Там иного выхода нет. Он точно в неё шмыгнул. Я вход камнем завалил и бегом к тебе. Знаешь ведь, сам-то волшбы не люблю.

Ну, я не стал спорить, волшба не волшба, хотя... Как таким небесным-то в лесу выжить?

Пошли к яме. Пока камень от входа отваливали, я сетку наготове держал — вдруг юркнет. Балут у входа остался, а я внутрь. Сколько пробыл там, не знаю. Ыкер продрог весь, но молчал, не звал — охотимся всё ж таки.

Вышел. «Пойдём, — говорю, — прав ты. Нет никаких шуршиков. Заяц то был. Языком молоть отучишься — сделаю управляющим. Одно-то поместьице у меня осталось».

Они, балуты, по правде сказать, понятливые. Лишнего спрашивать не будут. Ну, на обшлагах синее пристало — так это эш-трава, она липучая. А перчатки я снимал.

Правда, ведь, как в канаковое масло руками! Только в масло-то вот не пробовал...

* * *

— Ты, малой, по лесу сторожко ходи, а то как зверь-кораг топаешь. Да, не боись, со мной быстро научишься. Балут ты всё ж, али нет? Пускай хоть и по материной линии. Помнишь хоть мамку-то?... Небось родня-то уж перепугала: придёт дед-Ыкер, в лес утащит. Хе, они нас колдунами ославить любят. А по правде сказать, какие-такие колдуны? Кабы в волшбе чего разумели, кто б гонять-то нас посмел? Я о прошлом годе на север ходил, так до самой реки ни одной нашей деревни не осталось. По лесам да по горам от светлого войска ховаются. Те ведь как? Чуть в магии заподозрили — и в синюю башню волокут. А оттуда если и выйдешь, себя забудешь, не то что колдовство какое.

Балуты, они поврать горазды, это да. Свинья от него в лес сбежит, он к бабке сходит или у дерева в шкурах попляшет, найдёт пропажу. А потом всей деревне наврёт, что десяток кабанов приманил. Вот и вся недолга.

Только про меня-то правду тебе сказывали. Да не боись ты, чего шарахаешься? Надо будет, всё одно словлю. Не боись, говорю. Хочу просто, чтоб правду маленько знал. Ну, не всю враз, конечно, так, сколько осилишь пока. Я ведь тебе кто буду? Двоюродный пра-пра-прадед. Кабы всё своим чередом шло, давно б

Художник Анастасия Новикова

висел на болоте в деревянной колоде. А так ничего, хожу вот, видишь, потихоньку. По правде сказать, напрямки через лес так и тебя ещё перегоню.

Только наша ворожба деревенская тут ни при чём. Служил я у барина одного. Он ране к королевскому книгохранилищу приставлен был. Вот великого ума человек! Пропал в битве при Жёлтых дворах. Для тебя это древность несообразная, а я о те года уж немолодым был. В обозе меня по этому случаю оставили. Конечно, когда последний натиск пошёл, там все двинули, кто на ногах стоял. Довелось саблей помахать, да...

Сынок у меня там погиб единственный. А баринова тела так и не нашли. Как в поместье бумагу вскрыли, там прочли, что пока не похоронят, никакого имущества делить нельзя. Разве что пять тыщ лун пройдёт, тогда только. Ну, родня, ясно, возмутилась, казначей королевский тоже. Все хотели именье себе прибрать. Хотя, сказать по правде, места там глухие, цена ему — три гро́ша в базарный день. Хозяйствую там я справно, налоги в казну плачу — не придерёшься. Всё чин чином. Завтра придёт барин — а ему и постель пуховая готова, и отчёт по хозяйству за все годы.

Только вот сомневаюсь, что вернётся он. Да и мне жить тяжко делается. Зелье-то евонное у меня осталось, а время не обманешь. Видеть вот худовато стал. Глядишь, тебя в разум введу, а там и забуду как-нибудь снадобье принять. Хотя чего тут загадывать? Может, ты и удумаешь чего — грамотный ведь. Барин-то собирался для вечной молодости напиток найти. Только смотри, лишнего не болтай. А то у меня иное питьё найдётся, враз память отшибёт. Брал я перед тобой одного, вроде бойкий парнишка, весёлой такой. Как не весёлой... ночью ограбить меня задумал. В каморку секретную залез. А я тут его и ждал.

Чего опять глазами-то заиграл? Не, зачем мне грех на душу брать? И без того немало содеяно. Зелья беспамятного, конечно, пришлось ему отведать да к селу ближнему с завязанными глазами прокатиться. Сейчас-то ничего, столярничает там помаленьку.

Больно уж мне напитка волшебного жалко. Мы ведь когда с барином его сбирали, еле живы остались. Вот плоды древа Амерального — простая вроде штука, навроде яблок белесоватых... Хе, как сказать, простая или нет. Вот тебе — яблоки, что репа, а балутятам про них рассказывать — как норе кротовой пить подавать: в жизни не видывали.

Так вот, по те плоды мы далеко на закат ходили: три месяца, считай, только до гор, да там ещё сколько. Пришли к хозяину ихнему, Гаредом звали. Осанистый такой мужик, борода до

пояса. Хозяин ему меч поднёс, сели, говорят, важно так. А пить не пьют, закон у них, как чужеземец в дом — хозяину трезвому быть. Ну и наш не стал.

Меня, понятно, к разговору не допустили, да и не разумею я по-тамошнему. Барин после сказал, что Гаред яблок Амеральных дать согласен, только должны мы ему вернуть жёрнов, что сосед евошний украл. Нам ведь не яблоки нужны были, а сок. Только давить его не чем попало можно, а специальным камнем. Эльт называется. Гаред про силу плодов знал, конечно, да не всё. Он из них иное снадобье делал, силу дающее. Вот у него соседушка камень-то и стянул. А ежели сок чем иным давить, то водичка сладенькая будет. Ни силы в ней, ничего. Гаред к самому главному князю ходил правды искать. Так, мол, и так: видели мои люди соседских холопов, они камень и украли. Да разве правды-то найдёшь? Сосед, видать, богаче оказался, а князь — дурак дураком. Тут ведь ежу понятно: подождёт сосед, когда у Гареда запас сока волшебного кончится, там войско соберёт, и сад с Амеральными древами евонный станет. Понаделает зелья сколько надо, и, глядишь, вскорости за горами иного правителя не будет.

Барин, понятно, за камнем пойти согласился. Куда деваться-то? Попросил только соку волшебного. Гареду жалко было, когда фиал из кладовой выносил, руки ходуном ходили, что крылышки у воробья. Ну, поехали мы. Напрямки из Гаредовой земли туда не попадёшь, князь заставы понаделать велел, навроде как мира ради. Как же, мира... Но чего там, нам не привыкать, семьсот вёрст не крюк. И пажа своего Гаред нам дал. Вроде как помощи ради, а на деле — чтоб фиал не своровали.

Добрались мы, в торговцев переодетые, до соседского поместья. А где камень-то искать? Ладно, барин умный был, сообразил, что жёрнов проще всего среди иных жерновов укрыть. Как мы на мельницу пробирались — врагу не пожелаю. Чисто раки, по дну; камни тяжеленные в руках, дышим через камышинку, барин меня полдня этой премудрости учил. И боязно. Вроде не молотильный сезон, а вдруг откроют за какой надобностью плотину, разметает нас, будто щепочки. Насмотрелись всего. Помирать стану, вспомню: вроде как колокол воздушный, а в ём лягуха огроменная сидит, палицу в лапах держит. А чего там делает, не ведомо. Хотел у хозяина спросить опосля, да запамятовал.

Выбрались на мельницу, ночь уже тёмная стоит. В чулан зашли, а там жерновов сотни три, один другого здоровше. И какой из них волшебный? Барин фиал из-за пазухи вынул, печать

снял и давай по капле на каждый плескать. Я стою, моё дело тут сторона. Вдруг слышу — голоса. К скважине замочной приник, ан шиш, ни черта не видно. Тогда ухом к стене припал, ну, болтовню ихнюю, ясно, не разумею, только слышу: «Оге! Оге!». Это слово знакомо, мельницу означает. Мы пока по тем землям ходили, частенько спрашивали. Видать, проворонили ловушку какую.

И бежит-то народу много, никак не меньше трёх десятков. А тут и вода зашумела, стало быть, плотину открыли. Всё, думаю, пропали. Нет обратной дороги. А барин знай себе камни поливает. Вот и ворота зашатались. Хозяин рукой в ту сторону махнул, заклятье, видать, сотворил. Глядишь, на пару минут хватит. Вдруг капнул он на жёрнов, а оттуда огонь пыхнул, вроде молнии. Тут он разом остатки зелья, капель пятьдесят, может, проглотил, и ровнёхонько в тот миг ворота рухнули. Ух! Я, пожалуй, впервой тут в магию поверил. Жернова огроменные, а из бариновых рук в стражников будто подушки полетели, те уворачиваться не успевают. Он тут ещё раз фигуру какую-то сотворил, у тех факела погасли, чуть только ворота виднеются. Ну, говорит, держись. Жёрнов волшебный схватил и ровно щитом им укрывается, а в другой руке — меч заговорённый. Мы за ним: вроде со спины прикрываем. Ага, сдалось ему прикрытие наше. Прорвались. Почти что и не поранили даже. А там только до лесу добежать. Чаща, она и за горами чаща. Тут уж я куда хочешь выведу.

Принесли мы Гареду жёрнов, он поблагодарил, вежливо так, пир в нашу честь устроил. Я первый раз не слугой на благородном пианстве был, а вроде как гостем. Только что хорошего-то? Хозяева тверёзые, и нам напиваться никакой радости нет. Так, посидели для виду, да на боковую.

Утром встаём, а Гаред к себе зовёт. Вот, говорит, какая незадача. Жёрнов вы мне принесли, однако сок хранить следует не в простых стекляшках, а в благородных фиалах, из горных самоцветов сделанных. У него таких два. Один маленький, для себя, с ним-то мы соседушку и навещали, а второй побольше, для свиты — войска отборного. И никоторый из тех сосудов чужим навеки даден быть не может. Мол, должны гости дорогие княжьему волхву поклониться. Может, продаст ещё бутылочку волшебную.

Хозяин, вижу, недоброе сказать хотел, одначе сдержался. Сели мы на коняшек и по новой в путь. Добрались хорошо, только чародей ни в какую продавать фиал не захотел. Говорит,

обыграешь меня в игру одну — даром сосуд отдам, а коли нет — десять лет на полях горбатиться будете. Ну, чего тут поделаешь? Сели они играть. Там доска такая, полосатая, с переливами вроде, речки есть, перелески какие-то. И человечки каменные. Вот сидят игроки один насупротив другого и взглядом солдатиков двигают. А те воюют. И ведь двое суток битва продолжалась. Не пивши, не евши. Меня хозяин заранее предупредил, чтоб молчал да караулил. Как второй день пошёл, в комнате тяжко стало, ровно на море перед бурей. Я раз видал, ух, страшная штука...

Вдруг птичка в окно влетела. Навроде синицы, только зеленью отливает. Она, потом сказывали, у волхва на нижнем этаже в клетке жила. Говорливая была такая. Как просочилась? Да разве поймёшь. Оказалась птаха между игроками, да замертво и свалилась. Так у них меж взглядов страшно оказалось. Чародей расстроился тут и партию проиграл.

Отдал фиал нам, отыграться уж не просил. Конечно, как от замка отъезжали, кой-чего он нам подстроил. Ну, это у волшебников закон такой. Я и не в обиде даже. Хотя, вишь — куска уха с тех пор так и нету.

Привезли Гареду сосуд волшебный. Он рад не рад. Отправились с барином сок волшебный давить. Меня с пажом взяли: ну там подать-принести чего. Да и не положено, чтоб меньше трёх за ведовством смотрели, сила не та будет. Ох, страсть! Выжмут чуток, опосля с полчаса заклинания читают, порошки разные сыплют. Вроде как два чародея сильней одного, сок получиться должон — ни один ворог не осилит. Из фиалов вспышки, дым, а в дыму том хари разные мерещатся. Чую, пажа рядом со мной колотить стало. Боится, думаю, зелен ещё.

Ага. зелен... Из молодых, видать, да ранний. Как хозяин с Гаредом первый фиал нацедили, этот рыбкой меж них мырнул, да весь сок в себя и опрокинул. Того и ждал, стало быть. Ладно, те махом сообразили — в разные стороны кинулись. А паж бывший разом поперёк себя раздался, да как пойдёт чем попало туда-сюда швырять — прям конец света настал. Дырок в стенах наделал — решето, а не дом чудесный. Я чего? Под скамью, где с ним сидели, укрылся, и дышать забыл, карась да и только. Окромя того, без надобности, видать, персона моя ему была. Он первым делом нашего барина порешить удумал. Тот вёрткий, конечно, но куда супротив такой силищи...

Прижал идол этот его в угол и будто жука майского раздавить собрался. Тут Гаред, хоть и ранетый был, а себя соблюл: кинулся твари под ноги. Тому, конечно, как саням щепка — на

Художник Анастасия Новикова

миг может, остановился. Вот та самая минутка-то барину жисть и спасла. Разорвало пажа, ровно жабу. Не вынес силы чудесной.

Барин с Гаредом тоже неделю с кроватей встать не могли, слуги к обеду их в колясках возили, аки детей малых. А потом поблагодарили мы хозяина за гостеприимство, взяли яблок, сколько положено, и в землю свою отправились. Да...

Слышь, малой? Ты чего, спишь никак? Ну ладно, отдыхай. Тебе по лесам-то, видать, нелегко ходить пока. Ладно, обвыкнешь. Осень-зиму в именье жить будешь, а то в город учиться поедешь, а летом, не обессудь, с дедом в лес. Не могу я без него. Так и помру, глядишь, в чаще, ежели без зелья уйду. Оно, может, и к лучшему... Токмо допрежь того много чего рассказать тебе надо. А пока отдыхай, спи тихонько. Завтра ещё денёк так походишь, а там, глядишь, караулить доверю часок-другой. Балут ты али нет? Хоть и по мамкиной линии...

Наталья Похиленко

Муза по имени Каляка

детская сказка

— Это ещё что за мазня? — строгий Иван Филиппович сдвинул густые брови.

Мы с Калякой-Малякой потупились.

— Ну, Потапова, чего парту ковыряешь? Я спрашиваю: что на дом было задано?

— Фрукты нарисовать...

— А ты что за мазню притащила? — и учитель рисования сердито бросил на стол мой альбом.

— И вовсе это не мазня, — хмуро возражаю я. — Не мазня, а...

— Абстрактная живопись, — подсказывает Каляка.

Но учитель её не слышит. Я уже привыкла к тому, что кроме меня с Калякой никто не общается. её вижу только я — и то, как мне кажется, только тогда, когда она сама этого хочет.

И хотя я дружу с нею уже больше года, нарисовать её я бы не смогла. Она почти всегда разная: то худенькая, как травинка, то кругленькая, как булочка. И только острый любопытный носик не меняется.

Она приходит ко мне, когда мне особенно сильно хочется рисовать. И тогда всё получается легко и просто. Кисточка словно сама танцует на бумаге, рисунки получаются яркие, сочные, красивые. Когда я вместе с Калякой рисую, то ничего вокруг не замечаю. Папа это моё состояние называет: «О, опять у Томки вдохновэние попёрло!» А я — просто: «Каляка-Маляка пришла».

Ну и что с того, что Каляка помогает мне рисовать не так, как учит Иван Филиппович! Для него это мазня, а для нас с Калякой — спелые фрукты... У меня такими рисунками вся стена в комнате заклеена. Пусть папа кривится, но я же вижу: вот — речка, а это — лесная лужайка, а это слонёнок в цирке... А на

урок я в первый раз так нарисовала. Но уж очень хорошая тема для домашнего задания была: нарисовать натюрморт с фруктами. Говорила я Каляке-Маляке, что учитель этого не оценит. Точнее, оценит — но низко. Очень низко. И Каляка пообещала со мной на урок прийти — чтобы поддержать в случае чего. Сидит теперь на пенале, ножкой болтает, пальцами барабанит, шепчет что-то...

— Ну, вот что, Потапова, — Иван Филиппович захлопывает мой альбом. — Двойку я тебе, учитывая былые заслуги, ставить пока не буду. Но ты учти: у тебя — должок, а конец четверти уже скоро. Так что ты следующего урока не жди. Нарисуешь нормальный натюрморт — приноси. Ясно?

— Куда уж яснее...

Я сидела на скамейке перед домом. Рядом со мной устроилась Каляка-Маляка. Злополучный альбом лежал на моих коленках.

— Ты прости, — вздохнула Каляка, — я тебя подвела...

— Я сама виновата, — вздохнула и я.

— Чего приуныли, глазастенькие? — услышали мы весёлый голос.

Я подняла голову — и увидела высокого бородатого парня.

— Ой, а я вас знаю! — обрадовалась я. — Вас Костя зовут, вы в наш дом недавно переехали!

— Всё верно, — подтвердил Костя. — А подружка твоя почему молчит?

— Вы меня видите? — изумилась Каляка-Маляка.

— Да что ж, у меня глаз нету?

Каляка шмыгнула носом:

— Просто вы — второй человек после Томы, кто меня увидел.

Резкий порыв ветра перелистнул странички альбома и открыл мой абстрактный натюрморт.

— Какая прелесть! — пришёл в восторг Костя. — Том, ты рисовала?

Я кивнула:

— Это мне Каляка помогает. Когда она приходит — всё всегда получается.

— А ко мне в гости заходить будешь, остроносенькая?

— А как же! — обрадовалась Каляка.

...А через два месяца художник Костя пригласил меня на открытие своей персональной выставки.

— Там и подружка твоя будет, — сказал он.

— Каляка?! — подпрыгнула я.

— Ну, кому Каляка-Маляка, а кому и — Муза абстрактной живописи...

Художник Юлия Кепюх

Юлия Рабиновича

Инопланетянин Вася

детская сказка

Летающая тарелка приземлилась прямо на балконе. Серёга открыл стеклянную дверь:

— Заходи, гостем будешь.

— Привет, меня Вася зовут.

— А меня Серёга! Ваааася... Клёво! Ты, небось, инопланетянин?

— Ага! Точно! А как ты догадался?

— Тоже мне бином Ньютона!

— Чо-чо ?

— Так папаня мой говорит, когда и дураку всё понятно.

— И почему же вдруг тебе понятно, что я инопланетянин?

— Да по ушам!

— Ишь ты! А чем тебе мои уши так не нравятся?

— Нравятся! Просто такие, трубочками, я на картинках про инопланетян только и встречал.

— Да на свои-то посмотри! Запятые, прямо, а не уши. Они хоть у тебя слышат чего? Ладно, Серёга, не обижайся, я такие видел уже.

— Слушай, Вась, а ты чо, с этой, как её, Альфы-Омеги?

— Откуда-откуда? Я с Земли!

— Да ладно врать-то. Сам же говоришь — инопланетянин.

— Ну?

— Баранки гну. Это ж — Земля!

— Не! Земля — это у нас там. А у вас тут Сигма-Блямба... не — Лямбда! Или нет. Я не помню. У меня пара по астрономии. Только помню, что как из нашей галактики вылетаешь, пролетаешь две прямо, потом налево сворачиваешь. Или направо? Забыл уже.

— Ой, а как же ты дорогу домой-то найдёшь?

— Да не парься! Обратно — просто: я ж по GPS полечу. Я тебе завтра карту принесу, покажу, где наша Земля. Слушай, Серёг, а может, заскочишь ко мне как-нибудь? У вас тут когда на водительские права разрешают учиться?

— В семнадцать.

— Ни фига себе! Так это ты до меня восемнадцатилетним стариком долетишь?

— Да у нас и тарелок-то нету.

— Да? А чо так? Кем у тебя предки-то работают?

— Не, ты не понял. На нашей Земле нет тарелок.

— А что ж у вас есть?

— Ракеты есть.

— Это длинные такие?

— Ага.

— Помню! Мы по истории проходили. Может, пока ты на права будешь сдавать, изобретут ещё.

— Да вряд ли... Слушай, Вась! Давай я тебя нарисую.

Серёга здорово рисовал, кстати. Все восхищались. Он уже пять раз нарисовал «Вид с балкона на хоккейную коробку», а натюрморты у него вообще классно получались. Один даже на выставку взяли — «Чайник и чашка на фоне маминых красных штанов». То есть на выставке она называлась «Чайник и чашка на красном фоне», но, вообще-то, это были мамины штаны. И на выставку папа её отнёс, потому что мама эту картину терпеть не могла. Штаны были совсем новые, а чайник полный заварки... Ну, короче, вы поняли: крик стоял... Небось, на этой Альфе-Омеге было слышно. А вот люди у Серёги не получались, как он ни старался. Но тут как почувствовал: должно получиться! Взял уголь и нарисовал прямо на стене первую линию.

— Ой! Чем это ты рисуешь?

— Углём.

— Каким-таким углём? Головешкой, что ли?

— Не, это специальный уголь. Им только рисуют.

— Клёво! Приеду, расскажу пацанам, что на вашей Дельте-Блямбе нет тарелок и рисуют головешками!

— Не головешками! Темнота! Ладно, стой, не вертись. Ага, вот так. А руку эту согни. О!

— Слушай, а похоже получается! Ну ты даёшь!

— Всё. Закончил. Можешь уже руку свою опустить.

— Здорово! Прям художник! Эх, жаль, с собой взять нельзя. Слышь, Серёг, мне надо на тарелку обратно и за город сгонять: там связь лучше, а то я с предками по компу договорился поболтать. Да и тарелку надо перед дорогой проверить. Я завтра вечером загляну ещё. Лады?

— А ты когда домой-то?

— Да вот завтра как раз. Вечерком — к тебе, а ночью — прощай, Дельта-Блямба! А то у меня каникулы заканчиваются, а у нас на Земле с прогулами строго.

— И у нас на Земле с ними не сахар... Ну, давай. Пока. Завтра жду.

— Замётано. Бай!

***

Балконную дверь Серёга специально оставил открытой. Только б Вася не передумал! Или не заблудился. Наконец-то замелькали огоньки, тарелка опустилась на балкон.

— Привет, Серёга, как жизнь?

— Привет! Я уж боялся, что не прилетишь: времени-то — первый час. Да так себе жизнь...

— Прости, друг, у меня что-то на вашей Блямбе часы барахлят. А что стряслось-то?

— Да понимаешь, я предкам твой портрет показал, рассказал про тарелку, а они...

— Ну, ты, блин, даёшь! Кто ж такое взрослым говорит! Я, если своим расскажу, что на вашей Блямбе жизнь есть, они... Ну, в психушку, может, и не упекут, а тарелку точно больше не дадут. Как же это тебя так прорвало-то?

— Да я ж не знал... И потом, у меня твой портрет на всю стену, что я им должен был сказать?

— Ты чо, соврать не мог?

— Слышь, Вась, а давай я их позову? Они увидят и...

— И уши надерут, тарелку отберут, ага. Оно мне надо? ещё в школу опоздаю — тогда вообще кранты. Ну? Расскажи, чо было-то? Орали?

— Не, спокойно так слушали. Я даже подумал, что поверили. А потом Дядьколе позвонили.

— А Дядьколя психолог, чтоль?

— Хуже: психиатр.

— У-у-у... Ну, ты и влип! Ничего, завтра утром придёшь, скажешь: «Дорогие мама-папа, никакого Васи не было, я пошутил».

Художник Мария Зайцева

— А ты?

— А чо я? Я ж понимаю всё. Но ты фигу в кармане держи, с фигой врать честно.

— А с портретом твоим как быть?

— Да ну, фигня! Мы ему ща уши перерисуем. Твоя эта головешка смывается?

— Смываться-то смывается, только я уши рисовать не умею.

— А давай я попробую. Встань-ка сюда, только ушами не маши. И кончай ржать, а то уши трясутся. Во! Ну? Скажешь, плохо?

— Отлично, хотя дудки твои жалко. Ты прилетай ещё, а?

— Да я бы рад, Серёг, да я в астрономии этой дуб дубом. Я, кстати, тебе карту принёс показать, да толку-то в ней? Во, глянь: красненький кружок — это наша Земля, а где ваша Блямба, чёрт его знает. Ладно, будем прощаться. Давай шесть!

— У меня ж пять!

— Ух ты, верно! А на портрете?

— Не знаю, ща посчитаю. Ой, и правда, шесть!

— Вот она, правда искусства! Ладно, ща сотрём лишние.

— Стало на меня похоже, скажи?

— Точно! Вот и скажешь, что автопортрет. Слышь, ты прости, мне пора, а то у нас за прогулы знаешь...

— Да знаю, у нас тоже.

— А я зато теперь ваши блямбские уши умею рисовать. Могу в компе своим фоткам уши постирать и твои запятые подрисовать, а? Будет твой портрет. Ну, не грусти! Может, увидимся ещё. Полетел я.

— Пока. И астрономию учи! — крикнул Серёга уже через балконную дверь.

— Бай! И фигу! Слышишь? Фигу в кармане держи! Пока у нас в кармане фиги, им нас не победить!

Замелькали зелёные огоньки, и летающая тарелка, подпрыгнув пару раз на месте, рывком поднялась с балкона. «Двоечник — он во всём двоечник, даже в вождении тарелок», — грустно подумал Серёга, глядя на свой «автопортрет», и сжал в кармане фигу.

Под небом голубым

сказка для детей старшего возраста

Машина, кряхтя, вскарабкалась в гору, и Город открылся во всей своей неземной красоте, ослепительно золотой в утренних солнечных лучах. Дома — и маленькие, и большие, и новые, и старые, казалось, вырезаны из единого светлого, чуть желтоватого камня.

— Что это? — спросил пассажир, показывая на совершенно космического вида округлое сооружение, словно парящее над всем этим великолепием.

— Это — трамвайный мост, — ответил таксист.

— А разве в городе есть трамвай?

— Нет. Но если вдруг случайно забредёт, у нас уже готов мост.

— Но трамваи не забредают сами по себе, — не унимался пассажир.

— Золотые ворота тоже стоят и ждут прихода Мессии, — парировал таксист.

— Золотые ворота заложены, — уверенно заявил пассажир, проявив удивительную для иностранца осведомлённость, — к тому же Мессия не «забредает случайно», его посылает Бог.

— Вероятно, когда-нибудь Бог пошлёт нам и трамвай. К тому же ещё неизвестно, кого из них он пошлёт раньше.

— Глупости какие, — фыркнул пассажир, отвернулся и принялся разглядывать из окна такси узкие улочки и спешащих по ним сонных прохожих.

Таксист включил радио. «Я верю в приход Мессии!» — запело оно на какой-то дупераздирающий игривый танцевальный мотивчик. Первым молчание нарушил иностранец.

— Зачем эти люди носят летом меховые шапки? — спросил он.

— Так им велит их Бог, — с радостью поддержал новую тему таксист.

— Бог у нас один.

Всё-таки иностранцы могут быть потрясающими занудами.

— А велит всем разное, — невозмутимо пояснил таксист, — для разнообразия. Вон эти в чёрном, те в белом, эти в кипе, те в шляпе... Веселее же? А то ходили бы как в униформе.

Аргумент показался странным, но убедительным. Пассажир промолчал.

— Всё, господин турист, приехали. Старый город. Пришла пора проститься со ста пятьюдесятью шекелями.

— Я должен открыть тебе тайну, — вдруг, понизив голос, заговорил иностранец, — я и есть посланный Богом Мессия. Скоро мне предстоит пройти через Золотые ворота, и тогда Храм снизойдёт на Храмовую гору, умершие восстанут из мёртвых...

— Верю, — не моргнув глазом, согласился таксист, — каждому твоему слову верю. Но в этом городе каждый третий — Мессия, а каждый пятый — сам Бог. Если таксистам будут платить только смертные, нам придётся прикрыть гешефт.

— У меня просто нет денег. Пойми, я действительно послан самим Всевышним и спустился на землю только пятьдесят минут назад.

Почему-то таксист ожидал именно этой фразы.

— Понимаю, но если Всевышний, провожая тебя на самолёт, всё же случайно дал тебе в дорогу тридцать евро, он, безусловно, имел в виду, что ты отдашь их тому белому ослу, который привезёт тебя в Святой город.

— Ты не понял, — виновато улыбаясь, сказал иностранец, — я не прилетел самолётом. Я спустился с неба. У меня ДЕЙСТВИТЕЛЬНО совсем нет НИКАКИХ денег.

— И что же мне вечно на вас так везёт! — безнадежно вздохнул таксист. — В ближайший же выходной доберусь до Стены Плача и попрошу у Б-га, чтобы не забывал давать своим посланникам денег на проезд. Ну, а еду-то ты на что будешь покупать?

— С Божьей помощью, как нибудь, — неопределённо протянул Мессия.

— Слушай, мне тут жена сандвич сделала с тунцом... Сто раз ей говорил, не люблю я этого тунца, а она вон видишь, напихала — семерых Иисусов накормить можно одной этой рыбой. Возьми. На Бога надейся, а голод не тётка. Ну, удачи, Мессия. Да поможет тебе твой Бог.

Художник Инга Бурина

***

— ...и тогда с неба опустится купол, божественный свет озарит Иерушалаим, — мягким певучим голосом вещал мужчина в нелепом белом балахоне.

— Видишь, Шеличка, это Мессия. Помнишь, я тебе рассказывала, что он когда-нибудь придёт?

— И это он пришёл?

— Нет, этот понарошку. Вот когда придёт по-настоящему, все мёртвые оживут.

— И дедушка Ицик тоже?

— И дедушка Ицик тоже.

— А где же он тогда будет спать? На его кровати ведь уже спит Малка?

— Ему не нужно будет спать, он будет летать над нами.

— Мама, ты же говорила, что он и так летает над нами и видит, как я скармливаю Бейгале свои котлеты?

— Когда придёт Мессия, ты сможешь дедушку видеть и даже с ним говорить.

— И ты?

— И я.

— А этот дядя — он точно понарошковый Мессия?

— Точно. Настоящих Мессий не бывает.

— Фух! Нет, мам, ну просто вдруг дедушка Ицик всё неправильно там сверху увидел про котлеты?

— Пойдем, болтушка. На, положи ему шекель и пойдём.

***

Тусклый месяц освещал стену Старого Города. Почти сливаясь с ней, по тропинке медленно и безнадёжно брёл усталый путник. Вдруг непонятно откуда на стене появилась ещё одна тень, поравнялась с путником и поплыла рядом.

— Добрый вечер, — сказал хозяин тени, — ты, верно, к Золотым Воротам? Не стоит спешить: там тебя опять никто не ждёт. Ты ведь Мессия?

— Ты узнал меня! — воскликнул путник. — Ты веришь, что я настоящий Мессия?

— Разумеется, это же видно с первого взгляда!

— В этом городе никто не узнаёт меня, никто не верит в мой приход! Я превращал воду в вино, а камень в хлеб, я взмывал над толпой, я вызывал дождь среди ясного неба... Они только аплодировали и кидали мне монеты. Эти люди ни во что не верят!

— Ты ведь не торопишься? — попутчик положил руку на плечо Мессии. — Я давно хотел поговорить с тобой. Присядем? — он кивнул на скамейку. — Ты пробыл в этом Городе меньше недели и уже разуверился в его жителях. Всевышний живёт здесь больше пяти тысяч лет и всё ещё не потерял надежды, всё ещё посылает Мессий на эту землю. Ты ведь, верно, догадался, что ты здесь не первый, кто высекает воду из камня и превращает её в вино? Это милые фокусы, но этим тут никого

не удивишь. Я и сам ими баловался, когда был ниспослан... Да-да, и я тоже. А кто нет? Посуди сам: в этом Городе зима холоднее, а лето жарче, чем во всех других. Жильё и еда стоят дороже, а зарплаты меньше. Беда посещает его чаще, а весёлые праздники реже, чем любой другой город. Что же держит здесь людей, если не Бог? Здесь каждый, даже самый простой смертный, в каком-то смысле посланник Бога. А ты говоришь: они ни во что верят!

— Послушай, но ведь то, что ты говоришь — это же ужасно! Это значит, что приход Мессии всегда останется незамеченным, что Золотые Ворота никогда не разверзнутся, а Храм никогда не опустится на Храмовую гору!

— Без малого две тысячи лет в этом Городе нет Храма, но это не мешает Богу находить дорогу к каждому сердцу.

— Но если это так, что же я теперь должен делать?

— Что делать? А ничего, просто жить. Хочешь, я устрою тебя гидом в приличное турагентство? Между прочим, самые лучшие гиды получаются именно из Пророков и Мессий. Там, кстати, неплохо платят. Согласен? Ну, вот и славно. Завтра утром я тебя сам найду. Как? Что за глупый вопрос! Здесь даже обычные люди, если хотят кого-то случайно встретить, просто выходят из дому и случайно встречают, а уж тем более такие, как ты и я. Так до завтра? Спокойной ночи.

***

— «Вдруг явилась колесница огненная и кони огненные, и понёсся Илия в вихре на Небо». Вот с этого места вознёсся пророк Илья, а спустится на землю он перед приходом Мессии. Впрочем, очень вероятно, что он уже бродит где-то среди нас. Тут же рядом вы видите мечеть с серым куполом. Это мечеть Аль-акса, что в переводе означает — на краю. Отсюда, оттолкнувшись от крайнего камня Храмовой Горы, вознёсся Пророк Магомет.

— Да-да! Мы помним анекдот про Байконур. Вон там вознёсся Иисус, а там пресвятая дева Мария...

— Не вижу повода для смешков, молодой человек. Ну-ка, встаньте-ка вот сюда, выдохните весь воздух. Ещё. До последней капли. А теперь вдохните. Глубоко. Глубже. Ещё! Ещё!

— Ой! Я отрываюсь от земли! Ой, пацаны! Гляньте! Я ж вишу!

— Давайте руку, молодой человек, спускайтесь. Вот так. А вы говорите — Байконур. Просто воздух здесь такой. Иерусалимский. Ну что ж, продолжим наше путешествие. Не отставайте, пожалуйста, здесь легко потеряться.

Художник Инга Бурина

Патрик Рейнеке

Влюблённый волшебник

сказка для детей старшего возраста

Мир вокруг был прекрасен и разноцветен, и он молчал. Молчал и молча вглядывался в окружающие его дали выходец с того света — худой и высокий, с опалённой нездешним солнцем кожей, более похожий на высушенную почерневшую от старости деревяшку, нежели на человека, могущего дышать и ходить. Однако, пролежав во тьме могилы более полутора тысяч лет, он тем не менее дышал и ходил. В силе и крепости его мышц этой ночью имел возможность убедиться местный учёный — астроном, философ и историограф — слывший ярым материалистом и борцом с церковным мракобесием герр Шлюмбум. Причём убедиться на собственной, так сказать, шкуре. Вернее, на собственном горле, которое целую минуту, показавшуюся герру Шлюмбуму вечностью, сжимала когтистая рука ожившей мумии, им же самим бережно извлечённой из недавно откопанного в Африке саркофага. Теперь незнакомец стоял на склоне холма в свете восходящего солнца и озирал окрестности — разбросанные то тут, то там пашни и пастбища, поросшие лесом холмы, оставленный внизу город, откуда он вышел, и видневшийся вдали княжеский замок, куда он направлялся. В руке странника был зажат листок бумаги с оттиснутым на нём гравированным портретом Анны Марии Эдвиты Анштатт-Ниргендсской. Предмет этот, внезапно обративший на себя внимание восставшего мертвеца, был похищен им из золочёной рамки в комнате герра Шлюмбума, что, собственно, и стало причиной спасения последнего.

Принцесса Анштатт-Ниргендсская, которую с лёгкого голоса её покойной матушки все глубоко почитавшие и бесконечно

любившие её подданные называли не иначе как «наша Анита», была достаточно осведомлена об обстоятельствах переписки герра Шлюмбума с французскими и итальянскими археологами. Покровительствуя наукам, она не раз тратила на покупку редкостей немалые для скромного дохода своей страны суммы. Также в полной мере была посвящена принцесса в детали споров и пересудов, которые велись между представителями Церкви и сторонниками материалистического мировоззрения относительно недавно доставленного в Анштатт саркофага с высеченными на его крышке загадочными буквами «С. М. В.», собственно эти споры и вызвавшими. Однако для державной девицы явилось бы полной неожиданностью узнать, что вопреки достигнутому соглашению учёный решился, не дожидаясь консилиума, в одиночку произвести вскрытие каменного гроба, где, как предполагалось, могли находиться подлинные останки трёх волхвов, посетивших новорождённого Спасителя, неистинные мощи которых, как известно, выставлены для всеобщего поклонения в Кёльне. Тем более не могла принцесса Анита представить себе последствий этого вскрытия.

В ту ночь, когда герр Шлюмбум получил возможность проверить на самом себе значение слов «смертельная хватка» в их материалистическом выражении, принцесса мирно спала сном юной праведности и беззаботной мудрости в своей княжеской опочивальне. Аниту разбудили солнечные зайчики, которые бегали по стенам и полу, а затем перебрались на кровать и, заскакав по одеялу, вскарабкались на подушку. Выглянув с детской непосредственностью в окно, венценосная особа увидела, что всё небо испещрено небывалым количеством радуг, что было особенно удивительно ввиду того, что дождя не было уже с неделю и явно в ближайшее время не предвиделось.

Это было первое волшебство, совершенное магом Балтазаром по его освобождении из каменного плена. Дождавшись, когда дневное светило поднялось над линией холмов, он, сощурившись, простёр к нему руку и, закрыв светящийся диск мизинцем, принялся орудовать длинным крючковатым ногтем того же пальца, раз за разом отсекая концы солнечной короны. Очевидцев произведённого таковым образом чудесного явления было множество, но только герр Шлюмбум сохранил его детальное описание в своих записях. Он же был единственным, кто сумел установить логическую связь между бежавшим из его комнаты восставшим мертвецом и появлением в замке Ниргендс нового библиотекаря, оказавшегося знатоком не только латыни

и греческого, но и древнееврейского, и персидского, и коптского, и сирийского, и санскрита, и целого ряда других мёртвых и живых наречий. По записям герра Шлюмбума, окончившего свои дни в больнице для умалишённых (несмотря на все его отчаянные попытки уйти в монастырь, практически всеми — как его бывшими врагами, так и друзьями — оставленные без внимания), мы восстанавливаем хронику этих канувших в воды Леты событий.

Маг Балтазар был для своего времени видным теургом. Откуда он черпал свою необычайную силу и где сумел приобрести необходимые мастерство и познания, по-видимому, так и останется для нас тайной. Неизвестно также и то, при каких обстоятельствах удалось ему завладеть эликсиром бессмертия, если, конечно, его необычайную живучесть вообще можно было объяснить действием какого-либо эликсира. Не удалось нам выяснить и того, были ли у Балтазара последователи или же в те далёкие времена смешения культур и религиозного синкретизма он действовал в одиночку. Бесспорным остаётся одно: непревзойденные умения и вздорный характер сделали его для всех равным образом невыносимым. Гностики исчерпали сокровищницу своего тайного знания, стремясь не допустить к ней пытливого мага; христианам перестало хватать благодати для того, чтобы всенародно превосходить совершаемые им чудеса; перипатетики не удовлетворялись более средствами формальной логики, пытаясь его опровергнуть; осмеянные им платоники не находили более утешения в своей философии. Так, смертельно надоев и изрядно насолив всем, в течение нескольких столетий он оставался неуловимым, пока, наконец, жрецам бога Тота не удалось застать его врасплох.

Балтазара связали его же собственным волшебством, вынудив его дать клятву, делавшую для него занятие магией практически невозможным. Текст клятвы был написан на двух языках — демотическим письмом и по-гречески, причём не на привычном папирусе, а на специальным образом обработанной телячьей коже. Новый материал требовал особых чернил, которые нельзя было смыть, и даже при соскабливании надписи спустя столетия она должна была снова проступить на поверхности. Все эти предосторожности были по достоинству оценены пленённым волшебником. Отвергнув предложенные ему перо и калам, он опустил в чернильницу мизинец правой руки и справа налево вывел ногтем две греческие буквы В и М

(Balthasar Magus), в конце пририсовав ущербный месяц. После чего пергамент был свёрнут в трубку и погребён вместе с волшебником в каменном саркофаге, где и был обнаружен герром Шлюмбумом — единственным из нарушителей покоя гробницы, кто волею случая остался в живых. Все прочие — наслышавшиеся о проклятии фараонов археологи, их суеверные провожатые и носильщики, а также портовые грузчики, матросы и офицеры доставившего находку в Европу военного корабля — все они скончались в течение нескольких месяцев от разного рода естественных причин. Не умер один лишь убеждённый материалист, причём по причине самой что ни на есть противоестественной — вследствие неожиданной догадки, внезапно пришедшей на ум тому, кто по всем законам природы давным-давно должен был утратить не только способность мыслить, но и действовать.

За перечислением философских диспутов, выигранных путём колдовства (то есть бесчестно), следовал список оскорблённых богов, чьи служители были уличены ретивым магом в фальсификациях чудес и богоявлений (что пусть было и честно, но неблагочестиво). Всё остальное пространство свитка, брошенного восставшим мертвецом внутри саркофага, вплоть до самого края этой огромной телячьей шкуры представляло изложение тех целей, ради достижения которых Балтазар отныне не мог использовать магию. Ради спасения своей жизни, ради богатства, ради власти, ради достижения мирового господства, ради своих удовольствий, ради чужих мучений, ради пищи, воды, вина, хлеба, пряностей, плантаций финиковых пальм, ради роскошных одеяний, ради увеличения стада верблюдов, ради обладания женщинами, ради свержения царей, ради помощи родственникам, ради получения новых и возвращения старых рабов, из жажды мщения, из любви к искусству, ради достижения славы, ради выигрыша, ради обретения знания, и т. д. и т. п. Чего только там не было перечислено! Казалось бы, всё учли хитроумные жрецы, не забыв ни одного человеческого мотива или побудительной причины. Были среди них и такие, о существовании которых герр Шлюмбум никогда бы не догадался, например, лицезрение лика Метатрона и открытие имени Второго Архонта. И, однако же, чудеса начались почти сразу по выходе Балтазара из гроба! Более полутора тысячелетий перебирал в уме пленённый волшебник текст произнесённой им и записанной на пергаменте клятвы. И лишь покинув заточение, он вдруг понял, о чём позабыли

жрецы. Теперь эту загадку предстояло разрешить наблюдавшему за ним герру Шлюмбуму.

Похищение портрета принцессы Анштатт-Ниргендсской навело ученого на мысль и позволило систематизировать имеющиеся в его распоряжении факты. Для того чтобы понравиться Аните и доставить ей удовольствие, маг до неузнаваемости изменил свои манеры и поведение. Сколько ему потребовалось совершить для этого разных чудес, Шлюмбум не знал, но тот факт, что через три года после своего появления в замке в качестве библиотекаря откопанный в Африке маг Балтазар был назначен канцлером, иначе как колдовством объяснить было невозможно. Сам герр Шлюмбум с трудом узнал его во властном человеке, облаченном в мантию и парик по моде прошедшего века и цитировавшем на память Гёте. Высокий и сухощавый, неопределённого возраста, казавшийся то стариком, то энергичным человеком средних лет, он держался настолько уверенно и смотрелся настолько естественно в княжеском замке, что никому и в голову не приходило задаваться вопросом о его происхождении или обращать внимание на его тёмную кожу и непривычный разрез глаз. Никто не знал о нём ничего, но каждый был уверен, что лучше кого бы то ни было сумел понять его душу. Епископ был уверен в том, что нет более преданного Церкви католика, представители оппозиции боготворили его как истинного либерала, и все чтили в нём патриота и великого государственного деятеля.

Как ни был патриотично настроен сам герр Шлюмбум, он понимал, что ни власть, ни богатство, ни слава не могли соблазнить столь могущественного волшебника, каким был Балтазар, на достижение высшей государственной должности в этом маленьком княжестве. Дело было в принцессе Аните. Колдовство ради служения предмету своей любви — вот о чём позабыли египетские жрецы. Причём любовь должна была оставаться безответной, не смеющей открыть самое себя, иначе служение грозило перейти в жажду обладания, запрещённую клятвой.

Анита была идеальным предметом для такого рода чувства. Рано оставшаяся сиротой, белокурая и голубоглазая, по-детски непосредственная в свои семнадцать, фанатично преданная заботам о благополучии подданных, она и понятия не имела о том, что может вызывать какие-нибудь иные человеческие чувства, кроме желания совместно служить отечеству. Покуда Балтазару было достаточно того, что Анита прибегала к его советам в деле управления своим крошечным государством и делилась

с ним своими чаяниями, княжество процветало. Заведёт ли она разговор о тяжких последствиях неурожаев, как рожь и пшеница начнут давать вдвое больше колосьев с одного зерна, чем обычно. Посетует ли о бедности её земли полезными ископаемыми, как тут же обнаружатся новые неизвестные прежде залежи соли, угля, железной или серебряной руды. Однако даже безответная любовь не может долгое время оставаться невысказанной, и с течением времени возросшая сердечная привязанность потребовала от мага иного волшебства: ему захотелось дарить Аните подарки.

И если чудеса наподобие фейерверка радуг, произведённого им при своём появлении, вызывали у Аниты бурный и неподдельный восторг (восторг перед великими и таинственными силами природы, а вовсе не перед могуществом, добротой или щедростью влюблённого в нее колдуна), то в отношении других подношений Балтазар потерпел полный крах. Деревья, подговоренные магом к самочинному переселению — шаг за шагом, корневище за корневищем — из окружающих лесов во двор замка, были восприняты Анитой как предлог к созданию ботанического сада, подобного тому, который был разбит в Шведском королевстве знаменитым Линнеем. Отысканное с помощью заговорённой змеи золотое кольцо из могилы гуннской царевны натолкнуло Аниту на идею создания Музеума редкостей. Таинственный клад был немедленно выкопан целиком; со всей округи от населения принимались в замок за плату разного рода уродцы вроде двухголовых ягнят и странной формы корнеплодов; а герр Шлюмбум вынужден был пожертвовать в кунсткамеру свою научную коллекцию древностей, в результате чего центральное место в экспозиции занял пресловутый саркофаг, и канцлер, проходя через это хранилище муз, каждый раз плевал в его каменные внутренности и с чувством произносил что-то на никому не известном наречии.

Наивная бесчувственность Аниты в конце концов привела к тому, что канцлер стал ревновать Её Светлость к её же княжескому достоинству. Фантазия его рисовала ему ужаснейшие катастрофы, стирающие с лица земли мелкое государственное образование и водворяющее всеобщее равенство среди немногих оставшихся в живых лиц, среди которых, разумеется, будут самоотверженный спаситель и преисполненная благодарности спасённая. Он склонился в вопрошании к земле, но она была холодна и не могла произвести должного сотрясения. Он обратил свой взор к морю, но море было далеко и не могло поглотить

Художник
Игорь Савин

лесистых холмов. Тогда он вспомнил о другой стихии, более податливой на волнение и, как показалось ему, более управляемой.

Одним были в нужное время в нужном месте подкинуты томики Вольтера и Руссо, другим предложены брошюры аббата Сийеса. Аните внушена была мысль о необходимости конституции и расширения народного самоуправления. Ей же было объяснено значение талантливой молодёжи в делах управления государством, ради чего прямо в Ниргендсе был создан специальный Княжеский лицей, где младшие ровесники принцессы обсуждали вместе с коронованной особой проект будущей ограниченной законом монархии. Местным масонам было открыто значение пяти выбранных наугад иероглифов, вследствие чего им была сообщена дополнительная уверенность в том, что их традиция является самой древней и самой истинной. Недавно открытые рудники вдруг иссякли, колосья перестали расти, реки обмелели. Собрание сословных представителей, созванное для поисков решения возникших перед монархией трудностей, неожиданно постановило, что главной причиной этих трудностей является сама монархия.

Далее всё пошло по накатанной колее, сценарий в таких сюжетах всегда один. Опубликование конституции только разогрело всеобщий азарт. Когда голодная толпа двинулась к Ниргендсу, надеясь завладеть спрятанными, по слухам, в княжеских закромах запасами хлеба, Анита всё сделала правильно. Она не стала дожидаться душевных бесед с горячо любившими её подданными. Она остригла свои золотистые кудри, скинула расшитое платье, завернулась в дерюжку и босиком бросилась через подземный ход в лес. Ни медальона с портретом матери, ни любимого колечка не было с ней — ничего, по чему её можно было бы узнать в случае поимки. Страшные рассказы Балтазара из французской и английской истории не прошли даром. Одного не учёл древний маг: в маленьком княжестве при той деятельной жизни, которую вела принцесса, каждый из подданных знал свою госпожу в лицо. Чтобы задержать беглянку, не понадобилось ни монеты, ни портрета.

Той же ночью Комитет всенародного спасения и борьбы за общественное благополучие, созданный не без подсказки Балтазара, объявил монархию преступлением против человечества, а носительницу монаршей власти обвинил в предательстве национальных интересов. Попытка к бегству только усугубила вину девушки, которую в ожидании суда заточили в подземелье её же родового замка. Тою же ночью по тайному

обвинению в колдовстве был арестован член всех революционных комитетов и идейный глава всех тайных обществ, теперь уже бывший государственный канцлер. Во время задержания ему будто ненароком отрубили мизинец правой руки, длинным ногтем которого он имел обыкновение подписывать государственные бумаги. Герр Шлюмбум, не желавший поверить, что вся волшебная сила древнего мага была заключена в единственном пальце, несколько недель безуспешно ждал чудесного спасения принцессы.

Тем временем состоялся суд, и преступницу приговорили к смертной казни, отменённой ею самой за несколько лет до этого, но теперь восстановленной ради общего блага. Как символ всеобщего равенства перед законом бывшими княжескими лицеистами из Парижа была выписана «вдова» медика Гильотена. Канцлера, зная силу его влияния на людей, судили заочно. Впервые со дня его заключения он был выведен из тесного карцера городской тюрьмы Анштатта для препровождения на эшафот. Многодневное пребывание в могильной сырости никак не сказалось на его здоровье, чего нельзя было сказать о принцессе. Анита беспрестанно рыдала и то валилась на колени, точно в бреду повторяя: «Господи, прости им, ибо не ведают, что творят!», то принималась с воплями вырываться из рук сопровождавших её солдат, крича: «Не хочу! Пустите! Мамочка, помоги!» Глядя на эту обезумевшую от страха девушку, трудно было представить, что когда-то она могла управлять государством, имея репутацию мудрой и просвещённой правительницы, поэты могли воспевать её красоту, а учёных мужей могла пленять утончённость её манер. Лучшего доказательства порочности и бессмысленности самой идеи монархии выдумать было сложно.

Когда вырывающуюся Аниту наконец привязали к доске и закрепили в нужном положении её голову, выяснилось, что нож заклинило. Рыдающую девушку сняли с ложа, палач, не могущий понять в чем дело, с досады рубанул верёвку, и нож благополучно упал. Машину привели в прежнее положение, верёвку снова закрепили, сопротивляющееся тело водворили на место — повторилась та же история. Палач закинул поверх ножа крюк, повис на нём всем телом, но «вдова», уже хорошо показавшая себя во время казни мародёров, не желала приходить в действие. В толпе разрастался гул, кто-то вслух помянул божественное вмешательство, кто-то прокричал про старый обычай щадить висельника, если оборвётся верёвка. Опасаясь бунта, новая власть

была вынуждена объявить о сохранении Аните жизни, которую, впрочем, ей суждено было провести в тюрьме.

Маг Балтазар, ни разу со времени своего выхода из темницы не изменившийся в лице, взошёл на приготовленное ему ложе так, будто не было в его жизни ничего более обыденного. Наблюдавший за ним из первых рядов герр Шлюмбум забеспокоился было, сумеет ли он вовремя скрыться, если волшебнику вздумается поразить толпу молнией, но к своему счастью вспомнил, что колдовать ради спасения своей жизни маг не может. Тем не менее, он ждал от Балтазара какого-то сюрприза, и даже вздрогнул от неожиданности и удивления, когда с обычным стуком упал нож, а отрубленная голова беспрепятственно слетела в корзину. О чём успел передумать во время своего заключения привыкший повелевать стихиями древний колдун? Что было явлено ему в бездне охватившего его безответного чувства? Открылось ли ему, наконец, кем был тот великий маг, почтить рождение которого он ездил в юности со своими учителями, двигаясь по путеводной звезде? Понял ли он, какова была природа этого волшебства, творимого нищим человеком, в осмеяние магических практик коверкавшего заклинания и пародировавшего ритуальные жесты? Осознал ли он, что чудеса, совершаемые бескорыстно, не имеют никакого отношения к магии, и что любая любовь, не требующая ответа, в своей основе есть жертва, и в конечном пределе ведёт именно к жертве? Ничего этого мы не знаем. Напомним лишь, что великая жертва мага Балтазара, поступившегося своим бессмертием ради доведённого им до края любимого человека, оказалась роковой для впервые задумавшегося над этими вопросами герра Шлюмбума.

Однако внезапно уверовавший в Бога материалист не мог знать всего, что было совершено волшебником ради Аниты. Если отмести единичное свидетельство Прокла о замедлившей восход солнца фессалийской ведьме как сомнительное, можно смело утверждать, что до сих пор ни одному теургу не удавалось повернуть время вспять. Не под силу это было и никому из древних богов. Лишь одному Господу подвластно бывшее сделать небывшим. Слушайте же, какое чудо сотворил Вседержитель по молитве воззвавшего к нему бывшего мага!

Если бы не записки объявленного сумасшедшим герра Шлюмбума, история никогда бы не сохранила имени иноземного магистра Балтазара де Луны, который недолгое время исполнял должность канцлера в маленьком, затерянном

среди поросших лесом холмов княжестве Аншпатт-Ниргендс. Когда палач достал из корзины за ухо безволосую голову мага и поднял, чтобы показать её толпившемуся вокруг эшафота народу, опущенные веки Балтазара чуть дрогнули, а уста его в подражание возлюбившему мир кудеснику плюнули в толпу и произнесли бессмысленное теперь «Еффафа!» Глаза и рты присутствовавших при казни широко открылись, и... военный корабль, принявший на борт археологические находки, потерпел крушение у берегов Португалии. Чудом спасшуюся команду через день подобрало проходившее мимо торговое судно, ценный же груз, оплаченный стараниями принцессы, пошёл ко дну и так никогда и не был доставлен по адресу герру Шлюмбуму.

Спавшую сном неведения Аниту разбудили солнечные зайчики, которые бегали по стенам и полу, а затем перебрались на кровать и, заскакав по одеялу, вскарабкались на подушку...

Глава первая,
в которой читателю будет предложено стихотворение

Взошла звезда. Дул ветер с юга,
Гнал облака.
В такие ночи, милая подруга,
Жизнь кажется легка, смерть — далека.
Нет ужаса, лишь странное томленье
Теснится где-то в области груди,
И замирает сердце в восхищенье
И будто бы зовёт «Приди! Приди!»,
Когда взирает путник утомлённый,
Застигнут средь неведомых дорог,
На дамский силуэт, что — из огня в зелёный —
Змеиным телом вьётся вместо ног.

То было ночью. Когда я отчасти оправился от охватившего было меня чувства досады и почти смирился с мыслью, что в библиотеку мне отныне путь заказан.

Глава вторая,
в которой читатель знакомится с героем и получает представление о демонологической доктрине отца Людовико-Мария Синистрари

Наступивший день застал автора сих недостойных виршей окружённым компанией бездельников, каких всегда можно встретить при любом действующем монастыре. Нищие, калеки, доживающие свой век старики, постояльцы монастырского госпиталя — все эти представители рода человеческого, ненужные даже самим себе, грелись после убогой трапезы на солнышке

и были рады возможности почесать языки. В такие моменты, как этот, репутация моего ордена служила мне добрую службу. Францисканец, беседующий с простонародьем — что может быть отраднее для взора тех, кто взыскует благочестия? Справедливости ради всё же следует сказать, что разговоры мне обычно приходится вести не о том, о чём подобало бы монаху говорить с убогими да недужными, да и приходится не столько говорить, сколько слушать да записывать:

— ...И вот заходит однажды эта старуха в чулан и видит: там два маленьких человечка. Мужчина и женщина. Вот такие вот. Не больше веника. На женщине — сафьяновые сапожки и маленькая красная шапочка...

— Красная? Пусть лучше будет пурпурная. — зачеркиваю слово, пишу заново. — Так величественнее.

— Да! Так величественнее... и волосы у неё...

— Золотые?

— Да, золотые. И висят распущенные — до пояса.

— Пусть будет до колена.

— До колена! До колена! — кричат остальные.

— Да, пускай будет до колена, — соглашается тот.

Когда мои собеседники поняли, что меня не интересуют ни имена, ни давность событий, и что я никого не намереваюсь привлекать за связь с демонами, они быстро разговорились и принялись соревноваться, кто кого переврёт.

— А вот у моего деда, — начинает другой, — на чердаке обитал некий дух.

— Дух, говорите? Великолепно! И что же это был за дух?

— А непонятно! Но вёл он себя очень странно. Всё время стучал чем-то, завывал, гудел, вещи местами переставлял. А поднимешься посмотреть — и нет никого! Бывало, развесит тётка бельё сушиться, если там дождь на улице, а он всё поскидает, по полу разбросает, приходится ей опять стирать.

— А не питал ли этот дух к кому-нибудь из обитателей дома какой-то особой привязанности? Или наоборот, неприязни?...

По дальнейшему рассказу, впрочем, нетрудно сделать вывод о том, что никакой это был не дух, а соседский парень, наладившийся ходить к одной из девок и изводивщий таким образом её мать, дабы у той не было времени следить за дочкиными проказами. Но это уже не важно: рассказ задокументирован, моя же интерпретация остаётся лишь частным мнением.

За время пребывания в Авиньоне и в многочисленных разъездах я уже изрядно поднаторел во всяких заальпийских

наречиях, не особо, впрочем, их различая: что «ок», что «ойль» — всё равно приходится коверкать язык. В этой местности говорили на языке, называемом «романт». Для меня — тарабарщина не хуже и не лучше других, но поскольку я не был французом (мой главный козырь в общении с местными), отношение ко мне было относительно благожелательным и неверное произношение мне милостиво прощали.

Чтобы не показаться невежливым и для того, чтобы как-то объяснить свой интерес к такого рода сюжетам, решаюсь рассказать моим вынужденным собеседникам ответную историю:

— Был в Павии в одном монастыре некий дьякон. И один дух воспылал к нему страстью. Стал делать ему подарки, являться начал в разных приятных глазу обликах. А дьякон — ни в какую. Тогда дух начал страдать, и, как это случается со многими влюблёнными, впал в безумство. Стал этого дьякона щипать и толкать так, что тот падал прямо на улице, ругал его нещадно, причём так, что только тот один и мог его слышать, или принимался щекотать его во время службы, так что тот стоять на месте не мог, не то что святые дары к алтарю подносить. Один раз дух даже явился под видом того дьякона к аббату его же монастыря и потребовал выпивки. И никак не могли этого духа ничем отвадить. Тогда мой учитель, к которому монахи обратились за помощью, вычислил, что дух тот был водной природы. Вывел он это из того, что сам дьякон был человек сангвинического темперамента, а страсть, она обычно возникает к людям с противоположными душевными качествами. И вот наставник мой задался целью сделать пребывание духа подле дьякона невыносимым и стал действовать посредством другой стихии, а именно воздуха. Посоветовал дьякону чаще проветривать помещение, совершать длительные прогулки, принимать воздушные ванны... И дух оставил его!

Все дивятся мудрости отца Луиджи, но тут кто-то спрашивает, припомнив мои объяснения относительно суккубов и инкубов:

— Скажите, брат Леопольдо, а тот дух, что смущал дьякона, был мужской или женский?

Оглядываю свою аудиторию, как будто прикидываю, обо всём ли можно говорить в таком просвещённом обществе:

— Мужской.

— А, так я и знал! — довольно крякает один. Кто-то, наоборот, недоволен таким поворотом событий, и таких как будто бы большинство, и я спешно пытаюсь загладить неприятное впечатление:

— Понимаете, для демонов ведь нет особой разницы, в кого влюбляться. Пылать страстью к человеческому мужчине, равно как и к человеческой женщине, будет одинаково противно их природе. Это всё равно, что рассуждать, что более безнравственно для человека — совокупляться с козой или с козлом. Нехорошо и то, и другое, причём в равной степени. И потом, положа руку на сердце, я думаю, что если бы это был женский дух, то дьякон не стал бы так уж ему противиться.

С последним тезисом соглашаются все. Я же, порядком устав от общения с народом, решаю пройтись. До ближайшей оказии, с которой можно будет отправиться в город, ещё ждать и ждать, а о том, чтобы просто взять себе провожатого, нельзя даже и помыслить. Дороги после недавней войны небезопасны: в лесах бесчинствуют разбойники с партизанами, единственная разница между которыми состоит в том, что последним местное население сочувствует. Библиотека для меня отныне закрыта; фламандский алтарь, подаренный аббатству общиной города Гента и вызывающий всеобщее восхищение, у меня восхищения не вызывает; обещанная мне по моём прибытии экскурсия в недавно открытые гроты тоже уже, похоже, не состоится. Так что свободного времени у меня, к сожалению, навалом, и надо хоть как-то с пользой его потратить.

В качестве цели я выбрал себе одну из вершин, как позже оказалось — самую высокую. Снизу на ней ещё были видны какие-то постройки — не то хутор, не то остатки прежнего maison-forte. В скальной стене чуть левее виднелась каверна — одна из тех дыр, от которых, точнее от их местного обозначения, если верить библиотекарю, происходило и само название местности — той ещё, на мой взгляд, «дыры». Лично я не был в этом уверен, ибо balma по-латыни означает всё-таки скалистый гребень, каковые тут были неотъемлемой частью пейзажа, куда бы ты ни смотрел, и плевать я хотел на местные диалекты.

Глава третья, из которой читатель узнаёт о методах работы отца Людовико-Мария Синистрари O. F. M. Ref. и брата Леопольдо Грандецци O. F. M. Obs.

Если не считать записанных баек, поездка выдалась неудачной. От Авиньона, где мой учитель занимал должность генерального викария при персоне архиепископа, до этой дыры в предгорьях Северных Альп путь мне пришлось проделать

неблизкий. И хотя по дороге я пользовался любой возможностью собирать материал для нашей с отцом Луиджи совместной работы, конечной целью моего путешествия был этот клюнийский монастырь, зажатый в долине между поросшими лесом грядами скалистых утёсов, которые здешние жители именуют «горы».

Почему Святому Коломбану было угодно основать монастырь в такой дыре, для меня осталось загадкой. После вхождения в дружное семейство Клюни обитель прославилась тем, что сохранила за собой статус аббатства, что, впрочем, далось не без боя, в котором привлекались все средства — вплоть до сожжения архивов. Аббатом, почти никогда не бывавшим в монастыре, но исправно получающим с него свой доход, было слишком известное лицо, чтобы здесь упоминать его имя. Всем в обители заправлял приор. Это он мне поведал с гордостью, что ещё полвека назад здесь обитало почти сорок монахов. Однако недавние войны с последовавшим присоединением этих мест к французской короне порядком обезлюдили новую провинцию и не одно доходное хозяйство превратили в убыточное. И сейчас ради погашения долгов клюнийцы решили, наконец, закрыть мятежное аббатство. Монастырские земли должны были в скором времени перейти в казну или же пойти с молотка, оставшихся монахов ожидал перевод в другие обители. Поскольку библиотеку также ожидало скорое перемещение, монахи, всё это время строго уберегавшие её сокровища от постороннего взора, решились приоткрыть осевшие в ней богатства для благонамеренных ревнителей старины.

Нужные слухи распространяются быстро, и бенедиктинцы из конгрегации Св. Мавра уже нашли тут чем поживиться. Как раз через их посредство моему наставнику и стало известно о том, что в здешней библиотеке хранится среди прочего книга «Речений Мерлина». Островное же происхождение основателя аббатства позволило отцу Луиджи надеяться, что речь может идти о древнейшей и наиболее полной версии произведений знаменитого английского колдуна, которого сам он привык считать одним из величайших учёных древности. В этой книге он рассчитывал найти подробное описание эльфов, фей, пикси и других демонов, издавна населявших Британские острова, а также сведения об их обычаях и способах сообщения с людьми.

Мой визит в эти Богом забытые земли показал, что отец Луиджи ошибся. Рукопись с таким названием в библиотеке действительно была, однако же она не имела никакого отношения

к британскому магу и содержала обычные иоахимитские бредни о близящемся конце света, который вот уже четыреста лет как запаздывал. Написана она была архаизированным письмом, которое, надо думать, уже многих ввело в заблуждение, но опыт подсказывал, что составили её не раньше конца XII столетия. Выяснив всё вышеперечисленное и осознав бессмысленность дальнейших поисков, я не сумел сдержать досаду. Более того, я зачем-то высказал вслух то, что я думаю о такого рода литературе и о тех, кто чрезмерно почтительно к ней относится. На мою беду, хранитель библиотеки, которому я эти свои соображения, собственно, и излагал, оказался тайным поклонником Скалигера, и для него авторитет названной рукописи был непререкаем. О моих нелицеприятных высказываниях доложили приору, и было официально запрещено выдавать мне книги. Так моя поездка закончилась по сути дела ничем, более того — я был лишён возможности утешиться чтением других, пусть и мало полезных в моём деле, трудов.

Расспросы местного населения — строго говоря, на тот же предмет — по склонности моей души на утешение, равносильное чтению книг, как-то не тянули. Хотя и они были весьма существенной частью моей работы, возложенной на меня моим наставником. Тут следует, наконец, немного остановиться: мне — чтобы перевести дух, больно крутой начался подъём в гору, читателю — чтобы услышать объяснение относительно замысла отца Луиджи, сколь грандиозного, столь же и безрассудного.

Итак, во время своего пребывания в должности консультанта при инквизиционном трибунале в матери церквей, славном городе Риме, отец Луиджи столкнулся с довольно прискорбным обстоятельством. Добрая половина дел, находящихся в ведении Святой Инквизиции, касалась связей людей с дьяволом, устанавливаемой посредством совокупления с разного рода демонами — как инкубами, так и суккубами. В основном, конечно, это были женщины определённого душевного склада, нередко монахини, которые с достойным лучшего применения рвением настаивали на том, что они являлись любовницами самого сатаны. И не то чтобы отцу Луиджи было как-то особенно жаль этих достойных сожаления бедняжек. Скорее, его раздражало в сложившейся ситуации другое — возросшее обилие так называемых демонологов, специалистов по суккубату и инкубату, которые не хотели знать ничего другого. «Можно быть плохим богословом, никудышным юристом, можно вообще не иметь

никакого отношения к университету, но если ты составил классификацию демонов, можешь ловко цитировать «Malleus», труды Триттемия, Ремигия, Бодена, Дельрио и Гуаццо, — считай, ты уже сделал карьеру!» — не раз слышал я это и другие подобные высказывания от моего учителя, самого блестящего правоведа, признанного теолога и весьма популярного в студенческой среде лектора.

Задумка его была довольно проста — написать демонологический трактат, который бы при том, что его можно было бы использовать в инквизиционной практике, был бы ещё и трактатом полемическим, а кроме того, содержал бы для понимающего читателя определённую долю иронии, призванную разоблачить этих расплодившихся выскочек и верхоглядов. Помимо всего прочего, как я подозреваю, профессиональное самолюбие моего учителя требовало от него что-то противопоставить этим напыщенным немцам из Ордена Св. Доминика, надутым французам, преисполненным важности испанцам и зазнавшимся выше всякой меры миланцам, на которых всегда принято было ссылаться по вопросам демониалитета. Применяя те же методы и опираясь на те же авторитеты, которыми пользовались его предшественники, отец Луиджи предполагал доказать нечто совершенно противоположное их мнению — а именно, что связь с демонами далеко не во всех случаях обозначает связь с дьяволом и потому сама по себе не может считаться преступлением против религии.

Недостатка в авторитетах, как я уже пояснил, не было. Необходимые моему наставнику сочинения легко было достать даже среди книг, изданных с помощью печатного станка. Однако учитель мой решил не только не уступить в знании вопроса своим многочисленным противникам, но многократно превзойти их учёностью. Для этого требовалось собрать и привлечь ещё не использованный материал — чтобы книгой принуждены были пользоваться даже и те, кто, вероятнее всего, не разделил бы позицию отца Луиджи. Именно в этом и заключалась по большей части моя работа — разъезжать, вооружившись рекомендательными письмами, по монастырям и искать необходимые нам сведения среди тех книг, которые ещё не попали в руки к печатникам. Кроме того, в подражание братьям Якову и Генриху из Ордена Проповедников, произведение моего учителя предстояло обогатить устными свидетельствами «достойных доверия очевидцев». Таким образом, я, хоть сам и любитель книжной пыли и тишины библиотек, рабочий материал вынужден был собирать

в том числе и по дорогам, и по кабакам, и на монастырских подворьях, и на городских площадях — то есть в шуме и гаме, глотая пыль совсем другого рода.

Пометка на полях женской рукой:

Эти мужчины такие смешные. Даже если они и делают вид, что они не мужчины вовсе, а монахи. Нет, не так — в этом случае они ещё смешнее...

Глава четвёртая, в которой брат Леопольдо сталкивается с непредвиденными обстоятельствами

Отдышавшись и мысленно подведя итог неудачной поездке, я двинулся дальше. Дойдя примерно до середины высоты, дорога сделала резкий поворот вправо — очевидно, иначе было не преодолеть крутого подъёма. Мне же стало лень двигаться почти в обратную сторону и, заметив между деревьев тропинку, я рискнул пойти наверх напрямую, совершенно забыв о скалах, в каменную стену которых я через некоторое время и упёрся. Ругая себя, я уже готов был повернуть назад, но тут заприметил между утесов расщелину, внутри которой обвалившиеся камни образовали нечто вроде узкой каменной лесенки, по которой можно было попробовать подняться наверх. Тропой явно пользовались — кто-то из местных жителей, не желавших делать круг по дороге, но уж оччень... оччень худые. Уф!... Хвала Всевышнему и приору, не баловавшему нас за завтраком разносолами!

Когда я достиг, наконец, хутора, пот катил с меня градом, а дыхание совсем сбилось. Ни единым взглядом не удостоив тот самый вид, ради которого, собственно, и предпринято было это восхождение, я стоял, уцепившись за возведённую на месте разрушенной стены изгородь, и тупо, думая лишь о том, как умерить сердцебиение, смотрел на дворовые постройки.

Белый кот с причудливыми чёрными пятнами (или наоборот, чёрный с белыми?) прокрался вдоль стены дома и сиганул в проход, идущий вдоль фундамента — туда, где обычно делают дверь в чулан. Через какое-то мгновение я увидел такого же точно кота, с таким же точно белым пятнышком на чёрной морде, спускающимся с другой стороны дома по приставной деревянной лестнице — уже само по себе зрелище достойное внимания. В некотором роде я даже залюбовался. Вскоре за ловким животным из-за распахнутой чердачной дверцы показался и сам хозяин — коренастый мужчина средних лет.

Поздоровались. Призвали друг на друга благорасположение Небес. Обменялись обычными в моем положении фразами. «Святой отец не из французов?» — «Нет, не отец, пока только брат, не из французов, будьте покойны, итальянец». — «Ваше счастье, а то к французам после того, что они здесь учинили, ох как плохо теперь относятся, а «лесные волки», так те и смотреть не будут, что монах...» Ну, и так далее, и тому подобное... Разговорились, я узнал от него, что разорённое имение досталось ему по наследству от жениной родни, а та — не успели въехать, как померла, и что никого больше нет из родственников, и как трудно поднимать хозяйство в одиночку, вот всё никак не может привести в порядок каменный дом, не говоря уж о дворовых пристройках... и тут я возьми, да и спроси его, как так вышло, что у него в доме два одинаковых кота.

Казалось, он даже не сразу понял меня:

— Да что вы, ваша милость! Какие два кота? Один он у меня, живоглот...

Я объяснил ему, как наблюдал за кошачьими перемещениями до того, как сам он спустился с чердака. И только я произнёс это слово, он, вдруг внезапно все поняв, хлопнул себя по лбу:

— Ах, вот в чём дело! Да нет же, кот он и есть кот, один он тут, другого бы и близко не потерпел. Это у меня тут просто дверь такая. Ну, такая, особенная, — в ответ на моё недоумение повторил он. — Войдёшь — чулан, выходишь — чердак. Войдёшь — чердак, выходишь — чулан. Всё просто.

Всё просто! «Если, конечно, привыкнуть», — добавил он.

Глава пятая, в которой брат Леопольдо ставит эксперимент и пытается постичь непостижимое

Спускающийся с горы рискует гораздо больше, чем поднимающийся на неё. Об этом я в тот момент даже не задумывался, и только рука Провидения уберегла меня от перелома каких-нибудь жизненно важных частей моего скелета, когда, пробравшись между скалистых стенок, я чуть ли не кубарем скатился по лесной тропке на дорогу и бросился по ней к аббатству.

Влетев на монастырский двор, я кинулся к своим бездельникам. Опробовав чудесные свойства двери на самом себе, я, однако же, был полон решимости поэкспериментировать с ней ещё раз. А может статься, и не единожды — ровно столько, сколько потребуется для объяснения этого загадочного феномена. Тут

досточтимому читателю надо иметь в виду, что основой всякого опытного знания является его достоверность, и поэтому правильная постановка любого эксперимента всегда предполагает наличие достаточного количества облечённых доверием наблюдателей. Я рассудил, что раз монастырские приживалы уже были мною использованы в качестве «достойных доверия очевидцев», почему бы мне не воспользоваться ими в этом качестве ещё раз. Уж больно мне не хотелось обращаться за помощью к приору и прочим, включая деревенского мэра — к тем, кого обычно и принято считать облечёнными общественным доверием лицами.

Договориться с калеками и стариками удалось далеко не сразу. Путь был не близкий, а для многих из них он казался и вовсе непреодолим, к тому же никому не хотелось пропускать трапезу, и без того крайне скудную. Пришлось пообещать накормить их обедом.

— А вино?

— Будет вам и вино, но только уж после, — в ответ на недовольное бурчание мне пришлось ещё раз объяснить сущность эксперимента, подчеркнув, что во время наблюдения свидетели должны оставаться трезвыми. — А после выпьете в двойном размере вместе с остальными, кто не сможет дойти. Плачу за всех.

Услышав, что их и накормят и напоят, недужные подобрели. Сразу же пошли восхваления меня и моего ордена, заверения в вечной дружбе и похлопывания по плечу. Я же остался недоумевать, не повлияет ли моё обещание и ожидание скорой награды на результат их наблюдения и не может ли моя инициатива быть расценена как подкуп свидетелей. Но другого выбора у меня не было! Раз уж я сам оказался в положении маргинала, полагаться мог только на ещё больших маргиналов. Договорились встретиться на хуторе после обеда: угощение — угощением, а положенная в аббатстве еда — это святое, к тому же им предстояло идти в обход по дороге. Я пошёл договариваться с хозяином, а они все продолжали в голос заверять меня в бесконечной преданности. Боже, как трудно иметь дело с людьми!

Пометка на полях женской рукой:

Что же всё-таки в нём было такого, в этом забавном маленьком итальянце, слишком кареглазом и порой слишком живом для того равнодушия к жизни, которое он упорно продолжал исповедовать? Нет, он иногда даже смотрел на собеседника и иногда даже смотрел ему в глаза, но всё равно создавалось ощущение, что он делает вам одолжение, разговаривая с вами — с этим своим чудовищным

акцентом и такими странными интонациями, что не всегда можно было понять, спрашивает он или отвечает. Что же всё-таки в нём такого было? Или это, быть может, всего лишь моя скука? Или как раз это-то его равнодушие и виновато?... Иначе как бы мы с ним заговорили. Другой бы на его месте, конечно же, сделал то, что они все делают...

Хозяин, понятное дело, был не в восторге от идеи, что по его двору какое-то время будет болтаться всякий сброд, пусть даже и из благочестивых побуждений. Но я выдал ему луидор — золото есть золото, какой бы профиль на нём ни был выбит. Он согласился потерпеть временное неудобство и принялся с моей помощью убирать ценный инвентарь в жилые помещения и запирать сараи. Нам как раз хватило времени до прибытия приглашённых мною свидетелей.

По пути к бездельникам монастырским присоединились бездельники деревенские. Хутор, в котором была обнаружена загадочная дверь, прилегал к другой зависимой от обители деревеньке — бывшей монастырской грангии, и там тоже нашлись люди, которым было нечем заняться. У меня плохая память на лица, но даже я к собственному разочарованию отметил, что из приглашенных мною отбросов общества пришло гораздо меньше, чем я звал, и гораздо больше явилось тех, кого я не приглашал — то есть обычных зевак.

Естественно, никто из них не умел ни читать, ни писать. Мне пришлось несколько раз повторить им, в чём заключается сущность эксперимента и что от них требуется. В результате мне с трудом удалось уговорить десять человек выступить в качестве «лиц, достойных доверия» и ещё пятерых — в качестве моих «лаборантов». Они продиктовали мне свои — как мне удалось установить позже, в некоторых случаях выдуманные — имена, затем по завершении наблюдения им предстояло напротив своих имен в составленной от моего собственного имени цедуле поставить крестики.

Другая сложность состояла в том, что почти все из них, как выяснилось, знали о волшебной двери чуть ли не с самого детства. Она была для них примерно такой же местной достопримечательностью, как водопады, гроты, фламандский алтарь или дом с башней в нижней деревне, переделанный из недостроенного бурга, причём последние при сравнении явно выигрывали. Поэтому мне опять-таки стоило большого труда объяснить им, что именно мы будем наблюдать и исследовать.

Я продемонстрировал последовательность действий: человек должен был подняться по приставной лестнице на чердак, войти внутрь, развернуться и выйти обратно. Опыт — вопреки доводам разума — свидетельствовал о том, что выходящий оказывался на выходе из чулана. Поскольку дверь в чулан находилась с одной стороны дома в узком проходе, прорытом вдоль стены в склоне холма, а приставная лестница, ведшая на чердак, располагалась за углом, у другой стены, всё время приходилось бегать, чтобы смотреть, тот ли человек вышел снизу, который только что поднялся по приставной лестнице. Разумеется, мои со-экспериментаторы оказались на редкость расторопны: то они входили с другого конца — то есть через дверь в чулан, а затем показывались улыбающимися во весь рот из чердачного отверстия; то они собирались толпой на лестнице под негодующие вопли хозяина «Лестницу сломаете, стадо баранов!»; то они вдруг неожиданно для меня меняли очерёдность; то вдруг вместо них выходили «независимые наблюдатели», которым надоело стоять без дела, и они захотели принять участие во всеобщем веселье, причём всё это сопровождалось криками, воплями, скабрёзными — несмотря на присутствие человека в рясе, то есть моё — комментариями, нечеловеческим ржанием и детскими визгами. Действительно, какое развлечение без этой людской мелочи? Конечно, они были тут: носились по двору, путались под ногами, получали затрещины и громко орали.

Когда солнце уже клонилось к закату, единственным результатом этого научного мероприятия стало то, что я кое-как, наконец-то, запомнил имена (или клички?) половины его участников и смог сделать для себя кое-какие промежуточные выводы, которые нисколько не продвинули меня к объяснению феномена. Каковой заключался в следующем: войдя в дверь, ведущую в чулан, человек оказывался в помещении, откуда был только один выход — чердачная дверь с приставной лестницей. Если же человек поднимался по приставной лестнице и входил на чердак, то он оказывался опять-таки в том же помещении, что и в первый раз, но теперь выход у него был только через дверь чулана в фундаменте здания.

— А что? Я уже привык, — сказал мне на это подведение итогов хозяин. — Иду с чем-то в руках — вхожу снизу, затем спускаюсь. Иду порожняком за чем-нибудь — лезу вверх по лестнице.

— А если надо что-то положить, а что-то другое, наоборот, забрать? — спросил я машинально, как будто это имело какое-то значение.

— Ну, тогда вхожу снизу, потом выхожу с пустыми руками на верхнюю ступеньку лестницы, потом вхожу внутрь и выхожу уже обратно внизу.

Я попробовал — уже сам, без привлечения «лаборантов», войти не полностью, засунув внутрь только голову. Но в таком виде дверь не работала. Для того чтобы незаметно для себя «прыгнуть» с земляного этажа на второй (или обратно) и оказаться с другой стороны здания, требовалось переступить порог.

Я попробовал запустить двоих человек, показавшихся мне наиболее разумными, одновременно — на счёт «раз, два, три» — с каждого «входа». Они входили, потом выходили каждый со своей стороны — уже по очереди, потому что изнутри дверь была всё равно одна, и каждый из них говорил, что, войдя, застал другого уже внутри. Судя по тому, что между ними едва не завязалась потасовка по поводу того, кто вошёл первым, сговора между ними не было.

Так, собственно, и прошёл весь день, а к отгадке я так и не приблизился. Когда уже было ничего не видно из-за спустившихся сумерек и все порядком вымотались, даже дети, мне напомнили про обещанную кормежку с выпивкой. Понадеявшись на то, что хотя бы местные бездельники не пойдут за нами, я решил провести остаток вечера в нижней деревне. Да и хотя бы к повечерию надо было успеть, раз уж я и так весь день сегодня манкировал соблюдением орденского устава. Чаяниям моим, однако, не суждено было сбыться: кабатчика мсье Пэти[1] знали и любили все. Когда мы, проделав весь путь по дороге, спустились к его заведению, расположенному на месте слияния двух речушек, толпа почитателей научного метода только возросла. Я же был настолько занят мыслями о загадочном феномене, что не особенно смотрел за тем, сколько человек ест и пьёт за мой счёт, и службу в этот раз тоже пропустил.

Глава шестая,
в которой брат Леопольдо следует чужим советам

Весь следующий день я провёл за измерениями. Второй раз наблюдать у себя во дворе столпотворение хозяин дома был не готов, да и я вынужден был признать, что экспериментатор из меня получился плохой и работается мне лучше в одиночку.

[1] Petit — *франц.* маленький, малыш, малютка, коротышка, мелкий.

Как можно было догадаться, оба дверных проёма, как и обе двери — в чулан и на чердак — были совершенно одинаковы и по высоте, и по ширине, а равно и по толщине, и по качеству и количеству досок, из которых были сделаны сами двери и дверные рамы. Обе открывались внутрь, обе были прикреплены с левой стороны. Сами проёмы были маленькие, так что проникать внутрь приходилось согнувшись, всё внимание тратя на то, чтобы не стукнуться головой, если входить в чулан, или не слететь с лестницы, если влезать со стороны чердака. Оглянуться, посмотреть, что в этот момент происходит с пейзажем, как я ни старался, мне никак не удавалось. Помещение, в которое они вели — этот вывод тоже давно напрашивался — было практически квадратной формы, по крайней мере, если судить по количеству шагов, ибо другого измерительного инструмента, кроме собственного тела, у меня не было, а пользоваться чем-то другим, держа в одной руке фонарь, не получалось. По-видимому, момент «прыжка» с одного этажа на другой и с одной стороны дома на другую происходил как раз в момент входа. В одной из стен было крошечное окошко, и окошко это было чердачным, а не чуланным: вид из него не менялся, и оно всегда выходило на одну и ту же сторону. Его даже было видно снаружи. Вообще снаружи дом выглядел как самый обычный дом. Если бы не эта чёртова дверь!... Понаблюдать за тенью от притолоки — двери всё же находились по разным сторонам света, и изнутри солнце должно было заглядывать в них по-разному — мне так и не удалось, поскольку в отличие от вчерашнего, когда все просто умирали от жары, сегодняшний день выдался пасмурным, и временами даже накрапывал дождик.

Расстроенный, я спустился по тропинке вниз, надеясь, что обед и пешая прогулка окажут благотворное воздействие на состояние моего ума. Кабатчик мсье Пэти, в противоположность своему имени пузатый краснолицый гигант, приветствовал меня как старого знакомого. Ещё бы! Благодаря моей вчерашней задумчивости довольно большая сумма перекочевала из моего кошелька в его.

— И зачем вы, брат Леопольдо, только полезли на этот хутор? — участливо спросил он.

Со вздохом я объяснил ему двигавшие мной вчера мотивы. Нетрудно было предположить, что мои соображения его развеселили.

— За красивым видом, знаете, куда вам надо было пойти? — всё с тою же доверительностью сказал он. — В другую сторону, к каменоломне. Там даже и тропа есть приличная. А то по

каменным щелям лазать здоровья ведь не хватит. А тут ещё эта головоломка на вашу и без того учёную голову! Совсем на вас лица уже нет, словно и не духовное вы лицо.

Я мрачно покивал в ответ. Загадка, действительно, не давала мне покоя.

— А знаете что? Прогулялись бы вы и правда вот в том направлении. Водопады посмотрите, успокоитесь немного, может, какая мысль в голову придёт.

Поев, я решился последовать совету доброго человека и отправился вверх по течению одной из речушек. Миновав мельницу, я углубился в тихие заросли и был зачарован царившим в этом месте умиротворением. Присев у самой воды на берегу небольшого озерца, образовавшегося перед трогательным водопадиком, я достал карандаш и бумагу и принялся чертить схему дома по снятым замерам.

Не знаю, сколько времени я так сидел, только прервавший мои раздумья голос прозвучал для меня совершенно неожиданно. Никакой другой звук, кроме журчания льющейся воды, ему не предшествовал:

— А если попробовать использовать тут верёвку?

Голос был женский. Спокойный, заинтересованный, как будто его обладательница уже какое-то время стояла напротив меня и наблюдала за движениями моего карандаша, хорошо при этом в них вникнув.

Медленно я поднял глаза.

И увидел пред собой голые женские лодыжки. Ступни были видны сквозь прозрачную воду, а то, что располагалось выше... То, что располагалось выше, я тоже успел рассмотреть, хотя и взглянул на их обладательницу всего лишь мельком, уже вскочив на ноги и на бегу бросив: «Спасибо!» Едва не наступив на брошенную подле меня одежду этой странной купальщицы — помню, при этом что-то ярко блеснуло красным, но до того ли мне было, — я бросился к заветному дому.

Глава, расположенная между шестой и восьмой, в которой читатель становится свидетелем разговора брата Леопольдо с кабатчиком

— Ну и видок у вас, брат Леопольдо! Что-то вы, похоже, совсем умаялись с разгадыванием этой тайны. Стаканчик винца вам сейчас не повредит.

— Да, пожалуй... И вправду, плесните мне что-нибудь получше из тех вот ваших, что пригодны для потребления.

Простота души этого итальянца — на грани бестактности — за несколько дней уже успела войти в поговорку, поэтому мсье Пэти пропускает колкость, отпущенную монахом, мимо ушей.

— Говорят, вы уже вживую общаетесь с героями тех историй, которые недавно с таким интересом слушали да записывали.

— То есть?

— Мальчик, который вам вчера помогал управляться с верёвкой. Не помните его? Люди из верхней деревни теперь это место за версту обходить будут, а хозяин из-за вашего знакомца дома не ночевал.

— А что такое с мальчиком? Обычный ребёнок, чумазый разве что и лохматый, как будто в лесу живёт.

— Это хорошо, если в лесу. А на ноги вы его не смотрели?

— Господь с вами, мсье Пэти, какие ноги! Я и лица-то его не запомнил.

— Ну, лицо-то его, боюсь, никто бы не запомнил, а вот ножки его на многих произвели впечатление. Если вам всё ещё не понятно, о чём я толкую, так этот малый из тех, кто и сапог не носит, и не сказать, что босым ходит.

— Это вы к чему клоните?

— Можете мне, брат Леопольдо, не верить, но сходите да посмотрите сами. Там после вас, я думаю, ни одна христианская душа не ступала.

Но монах как будто не особенно внимательно слушает мсье Пэти. Мысли его заняты другим. Наконец, он решается:

— Скажите, а есть ведь поблизости какой-нибудь бург или замок, где бы обитало какое-нибудь странное аристократическое семейство?

— Нет, кроме аббатства, с его странной братией и не менее странными постояльцами тут ничего поблизости нет.

— Видите, в чём дело, — произносит брат Леопольдо в задумчивости. — Вчера я отправился на прогулку, как вы мне и сказали, к водопадам. И встретил там купающуюся женщину. Явно из благородных. Но что было странно, она заговорила со мной первой, причём так, как будто мы уже были хорошо знакомы и только что имели продолжительную беседу. То есть она не поздоровалась и держалась очень раскованно, несмотря на то, что была абсолютно голой.

— Как, простите? Абсолютно голой?

— Да, вот именно. Ни рубашки, ни даже нательного креста. Рыжие волосы были собраны в узел, и в них тоже — никакой ленты или повязки.

Лицо кабатчика с каждой фразой маленького итальянца становится всё серьёзнее и серьёзнее.

— Скажите, брат Леопольдо, а одежды на берегу вы её не заметили?

— Заметил, едва не споткнулся о неё. Понимаете, это она предложила мне идею с верёвкой. Я, как только услышал, тут же вскочил и побежал сюда, а затем к хутору.

— И всё же успели заметить, что на ней ничего не было?

— Ну... это было сложно не заметить, — брат Леопольдо, оказывается, умеет заливаться краской.

— А диадему вы её не разглядели? С огромным карбункулом? — нет, этот везучий на неприятности итальяшка явно занимает мсье Пэти, опытного знатока человеческих душ.

— Диадему? Какую диадему? Я же говорю, на ней ничего не было... Хотя, постойте! Да, что-то там блеснуло, сверху на её сложенном платье. Кажется, красным. Может быть, это как раз и было то, о чём вы говорите?

— Именно это оно и было, — тихо кивает кабатчик. — Она всегда так и делает, если рядом есть мужчина. Снимает с себя платье, кидает сверху свою диадему, чтобы издали видно было, и идёт купаться. Мало кто может устоять перед сиянием такой силы и перед камнем такой величины. Человек берёт драгоценность в руки — украсть или полюбопытствовать — этого никто уже из них не скажет. Потому что как только камень оказывается в чьих-то руках, как тучи ядовитых змей набрасываются на него, и жертва собственного любопытства умирает в страшных мучениях.

— Подождите! Вы хотите сказать, что это был вуивр?

— Вуивра! Она женщина!

— Да какая разница!

— Для вас, человека учёного и из духовного сословия, разницы тут, может, и нет. Но для неё самой она есть. Уж поверьте мне!

Глава восьмая, в которой жизнь учёного демонолога становится всё интереснее и интереснее

Мне надо было вернуться к дому, чтобы проверить ещё одну мысль, и я побрёл в сторону хутора. Так значит, если верить словам кабатчика, это была вуивра, местный демон, истории

ХудожникКирилл Dark[or]
Asinus!
terra

о котором вдохновили меня недавно на написание этого стихотворения, обращённого к несуществующей «милой подруге». А что? И монаху иногда хочется сочинять куртуазную лирику. Но эти лодыжки! И эти огненно-рыжие волосы! Внизу они тоже были рыжими. Нет, конечно, она стояла прикрывшись. По крайней мере, можно сказать и так. Вытянувшись, она как бы пожимала плечами — выпрямленные руки не давали увидеть грудь, а сплетённые кисти закрывали тайные врата. Но и намёка на стыдливость не было в этой позе! А как шевелились при этом её тонкие пальцы! Можно ли было, спрашиваете вы, увидеть всё это с такими подробностями за одно мгновение? Можно! Только за одно мгновение и можно было это увидеть, потому что дольше одного мгновения смотреть на такую бесстыдную красоту было просто невыносимо. Даже сейчас, по дороге в гору, холодный пот прошибал меня при одном воспоминании о том, как всё нутро у меня вспыхнуло, обожжённое, от одного только взгляда этих призывных чайно-зелёных глаз... И где тут, спрашивается, змеиное тело? Где ужасные перепонки крыльев?

Соблазнительно было бы свалить всё на дьявола, подобно бывшим подопечным отца Луиджи, но это точно был не он. Если кого и винить тут, то одну лишь греховную человеческую природу. А что ещё может так всколыхнуться под монашеской рясой?

За всё время, сколько я знал своего наставника — и в университете в Павии, и потом, когда он приблизил меня к себе, добившись у моего орденского начальства перевода меня к нему в Авиньон — я ни разу не слышал от него, что для того, чтобы заниматься демонами, необходимо верить в их существование. Сам он говорил о них только в связи с текстами или устными свидетельствами, которые их упоминали. И интересовали его лишь сами тексты и свидетельства, так сказать, их собственная текстуальная природа, а не то, что можно было почерпнуть из них о природе демонов. Иначе как бы он решился приступить к написанию этого трактата, напрочь переворачивающего все устоявшиеся о них представления? Что же оставалось в сложившейся ситуации делать мне, его смиренному ученику и последователю?

На этот раз я решил проверить перемещение предметов. Поставил фонарь за приоткрытой чердачной дверцей, так чтобы можно было его видеть с улицы. Забежал за угол дома, толкнул дверцу чулана, и... услышал звон битого стекла. Фонарь, стоявший на том же расстоянии от порога, где я его оставил, разбился от удара дверью. Так я лишился своего рабочего инструмента

и нанёс ущерб чужой собственности. Чем я буду за него расплачиваться с хозяином? Хорошо хоть, пожара не учинил.

Вчерашний эксперимент с верёвкой тоже нельзя было назвать удачным. Нужный мне моток я позаимствовал на монастырском дворе, и когда я добрался до скал, начал моросить мелкий дождик. С большой осторожностью, гася воспоминания о волнующей встрече, я преодолел подъём внутри расщелины и нисколько не удивился отсутствию любопытных. Только несколько детей, как всегда, сидело верхом на низенькой стенке, сложенной Бог ведает в каком столетии. Мне понадобился помощник, и я крикнул с лестницы, чтобы кто-нибудь подержал верёвку. Я кинул вниз один конец и, зажав в руке другой, полез на чердак. Повернувшись назад и выглянув наружу через дверь чулана, я столкнулся нос к носу с чумазым мальчонкой, который протягивал мне другой конец веревки.

— Я же просил тебя стоять под лестницей!

В ответ он только развёл руками — то ли глухой, то ли немой, — но других, я выглянул во двор, уже и след простыл.

— Хорошо, давай ты будешь мне помогать, раз никого больше нет, — сказал я примирительно. — Стой здесь, — я жестом показал ему, где нужно находиться, и он кивнул. — Держи верёвку вот так, чтобы её конец был просунут в дверь.

Он вроде как снова дал понять, что понимает меня. Я повернулся вокруг своей оси в узком проходе и, наклонившись, вошёл внутрь, в чулан. Повернувшись, я увидел, что на пороге — на пороге уже чердачной лестницы — лежит конец верёвки. Только я приготовился взять его в руку, при этом зажав свой конец в кулаке, как он соскользнул вниз, и я даже успел увидеть, как он шмякнулся в лужу под лестницей, когда выглянул из чердачной дверцы. В руках у меня снова была целая верёвка. Я кликнул паренька, надеясь, что он мне хотя бы жестами покажет, что произошло с верёвкой, пока я был внутри, но его уже нигде не было. Солнце к этому времени тоже исчезло, и я ещё подивился, что нет хозяина.

Теперь, вспомнив сказанное кабатчиком, я осмотрел двор. На влажной после дождя, а теперь подсохшей земле отпечатки моих сандалий были видны довольно чётко. А вот следов других человеческих ног я не увидел. Зато обнаружил отпечатки козьих копыт, причём напротив входа в чулан, между фундаментом и склоном холма — там, где коза, если бы она стояла на всех четырёх ногах, и не поместилась бы.

— Чертовщина какая-то!

Рядом беззастенчиво вылизывал себя под хвостом кот Марсилий, по крайней мере, так его имя звучало бы на латыни.

— Ну, ты мне, конечно, тоже не скажешь, в чём тут дело?

Кот никак не прореагировал.

— А почему две двери ведут в одно помещение, тоже не знаешь?

— Знаю, но тебе не скажу.

Санта-Мария! Этого мне ещё не хватало! Я развернулся и пошёл вниз с горы. Может, правда, надо самому найти её и обо всём расспросить?

Глава следующая, в которой брат Леопольдо разговаривает с загадочной незнакомкой

— Как вас зовут?

— Вам же уже всё рассказали.

— В некотором роде, да... Ну, что ж, а меня зовут брат Леопольдо.

— Ваша церковная принадлежность меня не интересует. Слишком мало времени прошло с учреждения этой вашей религии, не говоря уж об этом вашем ордене, основанном любителем птиц и червей. Если мне что и важно, так это то, как называла вас мать. Так что я вас тоже буду звать Дино.

— Вы очень хорошо осведомлены, госпожа Вуивра.

— Вот поживёте с моё, тоже будете очень хорошо обо всём осведомлены!

— Да я бы и не прочь...

— Нет, что я! Вы — не будете. Вы и сейчас-то живёте, вокруг себя ничего не видите. А подари вам вечность, так тут же найдёте себе какую-нибудь не стоящую внимания загадку и полностью погрузитесь в её всестороннее изучение... Например, как отличить букву «t» в беневентанском письме от буквы «a» в каролингском, или как вычислить точное количество булавок, которые можно воткнуть в одного ангела.

Они подходят ближе к краю утёса, останавливаются среди деревьев, глядя на то, как туман клубами пробирается по долине, постепенно скрывая и деревню, и речки со множеством мостиков, и дом с башенкой, и даже аббатство. В последних лучах закатного солнца карбункул в её диадеме вспыхивает ярким пламенем, белое полотняное платье как будто тоже окрашивается розовым.

— Вам нравится мой камень?

— Я служу при отце Луиджи, а он занимает место генерального викария при архиепископе Авиньона. Так что на драгоценности я там насмотрелся. Но вы правы, такого большого камня я нигде ещё не видел. Разрешите полюбопытствовать?

Она снимает диадему с головы, встряхивает рыжими волосами и передает её в руки мужчине.

— Странно, я привык вас считать демоном огненной природы. Главным образом из-за рубина, да и рыжина ваша на это тоже вроде как указывает. А вы, оказывается, любите купаться в ручьях.

— Вы забавный, Дино! Огня во мне, конечно, побольше, чем в вас, но это только если выражаться метафорически. Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду.

— Я монах, для меня важно только мистическое горение. По крайней мере, должно быть важно... Но я хочу высказать своё восхищение мастером. Воистину, оправа достойна как драгоценности, так и обладательницы. Говорю это вам со всей ответственностью, ибо моему взору, воспитанному на итальянских и античных произведениях, ещё ни разу не удалось встретить к северу от Альп что-то достойное. А тут — подлинный шедевр, и непонятно даже, в каком стиле и когда сделано.

— Малый народец такие вещи плохо не делает.

— Малый народец? Кто это? Эльфы, гномы?

— Ах, бросьте, Дино! Какая вам, право, разница? Они всё равно называют себя иначе.

— А мальчик с копытцами? Он кто?

— Сирота. Его родители погибли в Тевтобургском лесу.

— Где погибли?

— Неправильный вопрос, Дино! Правильнее было бы спросить, когда. С тех пор он не говорит. Долго скитался. Остался здесь, потому что тут безопаснее, да и можно укрыться в гротах

— А... на чьей стороне они были?

— В любой войне всегда гибнут те, кто её не начинал и кто не воюет. Уж чтобы это понять, не нужно жить долго, человеческого века вполне хватит.

— У вас тоже кто-то погиб?

— Дядюшку Тараска убили, но это было давно.

— Никогда не любил французов!

— Кузину Биссу победил какой-то Висконти.

— Эти проклятые миланцы! От них всегда жди коварства!

— Они были последние из тех, кто ещё оставался.

Он вертит в руках диадему.

Художник Ксения Сивакова

— Но каков же смысл этого вашего камня? Это же не простое украшение...

Он смотрит камень на просвет, не замечая, как внезапно меняется её выражение лица.

— Постойте! Что это там внутри? Как будто с крылышками...

— Отдайте! — ни надменности, ни томной улыбки — одна лишь ярость во взоре.

— Нет, уж погодите... кажется я начинаю понимать.

— Сейчас же отдайте, я вам сказала!

— Ну, что вы раскричались? Набросились, прямо как гарпия! Змей ещё своих позовите. Как вы их подзываете, свистом? Жестом? Шипением?

— Дино! Не смейте шутить такими вещами! Вы ещё слишком молоды, чтобы умереть. Отдайте мне камень!

— Молодость — это такой недостаток, который у людей быстро проходит. Чего никак нельзя сказать о таких, как вы. Это надо быть настолько беспечной! Разбрасываться такими вещами! Да ещё ловить на них всяких нечестивцев. Как будто ваше тело не подойдёт для этого! Хочется погубить человека, так раздевались бы и гуляли по лесу, как передо мной давеча. Держите своё яйцо, и видеть вас больше не могу! Прекрасные создания, иной тонкой природы, такие древние, такие многомудрые, а ума — как у деревенской девки!

— Дино, постойте! Подождите! Вы слишком понятливы для инквизитора, но вы не всё поняли.

Он останавливается, поворачивается к ней лицом.

— Из него никто не вылупится. Понимаете... я очень давно одна. Совсем одна. Это как куры: они несутся, даже когда нет петуха...

Он слегка касается её руки:

— Не надо, не продолжайте... Я вам сочувствую. Но согласитесь, одиночество — это не повод сходить с ума.

Какое-то время они идут молча вдоль по скалистому гребню. Внизу долина медленно погружается во тьму. На колокольне

в аббатстве начинает бить колокол к вечерне, ему отвечает колокол приходской церкви в верхней деревне. Когда он смолкает, Вуивра спрашивает:

— А почему вы так сказали? Про «прекрасных созданий», про «иную тонкую природу»?

— Потому что такова трактовка природы демонов, которую предложил мой учитель, отец Людовико-Мария Синистрари. Он считает, что раз они влюбляются, страдают, как люди, умеют чувствовать, значит, у них есть не только тело, особой тонкой материи, позволяющей им изменять свой облик, проходить сквозь стены и носиться по воздуху, но и душа. А раз есть душа, значит, они не прокляты, как падшие ангелы, а находятся на пути к спасению или же к падению — то есть пребывают ровно в том же положении, в каком находится каждый человек. И всё зависит исключительно от их нравственного выбора и от божественной благодати. На благодать мы можем только уповать и молиться о ней, а не грешить — вполне в нашей силе. На мой взгляд, погубить нерождённое дитя — гораздо больший грех, чем соблазнить мужчину.

Он поворачивается к ней лицом, но она не смотрит на него.

— А я-то думала... — она горько усмехается. — Я думала, что вы только скабрёзные истории про инкубов и суккубов рассказываете. А вы с отцом Луиджи, оказывается, решили отстаивать наши права перед лицом Церкви.

— Выходит, что так. Но я сам не знал об этом. Пока не заговорил с вами. Я-то всегда считал, что мы занимаемся именно сбором скабрёзных историй.

Они оба смеются — тихонько, чтобы не спугнуть надвигающиеся сумерки.

— Подозреваю, что и отец Луиджи может не знать, чем он в действительности занимается!

— Хорошо с вами, Дино. Скажите, вы ведь не разрешили ещё свою загадку?

— Куда там!

— Это хорошо. Значит, мы с вами ещё не раз увидимся.

На этом они расходятся в разные стороны.

Ещё одна глава, составленная из фрагментов, следующая за предыдущей

Я думаю над тем, как можно использовать верёвку. Её предложила мне Вуивра, а раз она сама таинственное создание, то её совет может кое-что значить. Мне приходит в голову мысль

проделать дыру в перекрытиях. Через отверстие в полу чердака, а затем через дыру в полу жилого этажа опустить в чулан один конец. И посмотреть, в каком месте на чердачном потолке он покажется. Хотя, что тут пробовать — и так ясно, что нужен второй наблюдатель на этаже. И потом, всё равно без хозяина я не могу этим заниматься. Меж тем он так и не появлялся. Или приходил, но в моё отсутствие? Да, скотину, похоже, забрал с собой. Будем надеяться, что это всё же он её забрал, а не воры-соседи. Ну, что ж, зато можно будет выспаться на сеновале. А то после этой шутки с тевтобургским сиротинушкой (это если кабатчик никому не рассказал о Вуивре), мне в аббатстве не больно хочется появляться.

Но как быть со службой? Можно, конечно, сходить в ту церковь, что в верхней деревне, как раз успею на повечерие, но что-то неохота видеться с народом. Всё-таки, как подумаешь: лопаты, вилы, топоры, колья опять же осиновые... Останусь-ка я пока здесь. Чай, не ради себя торчу в этой дыре, а во имя истины! Хотя святой отец, основатель нашего Ордена, сказал бы наверняка, что не истина это, а моя гордыня, но что поделать, его и при жизни не больно-то слушали. А если бы слушали, никогда бы Орден не стал тем, чем он стал. Такова жизнь!

По-прежнему пытаюсь приладить верёвку так, чтобы изнутри видеть оба её конца. Бумага кончилась, поэтому черчу прямо на земле прутиком. Но ничего не выходит. Разгадки нет. Как ни крути, дверей всё равно получается две, а помещение одно. Тогда как должно быть два. По-хорошему, надо бы разобрать пол в жилом этаже и посмотреть, что находится под ним. Но тут мне приходит на память бормотание одного из стариков, пришедших на мой первый публичный эксперимент. Он говорил, что помнит, как меняли полы, он был ещё мальчишкой — бегал за вином или подавал гвозди плотникам. Под полом всё было, как и положено — каменные стены, земляной пол. И туда можно было войти через чуланную дверку. Но потом, когда полы поменяли, дверь снова стала вести прямо на чердак.

Какое сегодня число? И когда я последний раз ел? Не брился точно давно. Не мылся тоже. Это определить легко. А вот как быть с пищей? Ещё я не помню, когда я в последний раз платил мсье Пэти. Такое впечатление, что последний раз он кормил меня бесплатно, просто из милости.

Немой мальчишка-сатир приносит мне что-то, недавно зажаренное на прутике, разумеется, без соли. Подозреваю, что это суслик, но предпочитаю не спрашивать.

— Бароний сообщает о том, что ваш народ горевал, когда распяли Спасителя.

В ответ он грустно улыбается и разводит руками. Ну, как это прикажете трактовать?

Диалог, который происходит между ними постоянно. Стоит только им замолчать, глядя друг другу в глаза. Или ему закрыть глаза, оставшись наедине, как он думает, с самим собой.

«Дино, я люблю вас».

«Я знаю».

«Нет, правда, люблю».

«Знаю. Но я дал обет».

«Почему меня это должно волновать?»

«Если вас сколько-нибудь интересует моё мнение, то должно».

Вечером мы снова встречаемся с Вуиврой.

— Как ваше расследование, Дино?

— Вы знаете, дорогая Вуивра, меня это начинает пугать. Меня мучает страшное подозрение.

— То есть до этого вам было не страшно?

— Нет, до этого у меня была какая-то надежда, что можно всё объяснить разумно.

— А теперь?

— А теперь я думаю, что это Бог.

— Бог? Там, в чулане, куда вы всё никак не можете проникнуть? А как же тот, что висит у вас в церкви, прибитый к римской дыбе?

— Алан Лилльский говорит, что Бог — это такая интеллигибильная окружность, центр которой всюду, а края — нигде. Меня не пространство интересует, дорогая Вуивра. Я думаю о том, что Он воспользовался этой двойной дверью для того, чтобы тайком проникнуть в мою душу, когда я всю жизнь только и делал, что запирал перед Ним двери своего рассудка.

— Иными словами, вы хотите сказать, что иначе Он бы никак сумел обратить на Себя ваше внимание? Дино, теперь вы меня удивляете! Неужели для того, чтобы вам поверить в Бога, нужно чтобы у Него непременно была такая убогая фантазия?

— Дело ведь не в Его фантазии, а в моей.

— По-моему, говоря об интеллигибильной окружности, под центром вы имели в виду себя. Уверяю вас, милый мой Дино, этот дом стоял тут задолго до вашего появления на свет. И причины

не допускать кого-либо из людей в нижнюю его часть — самые прозаические.

— Причины не допускать?! Вы хотите сказать, что здесь действует чья-то сознательная воля? Это не природное явление?!

— Дино, Дино, успокойтесь, пожалуйста! Вы же теперь умный мальчик, вы же знаете благодаря отцу Луиджи и благодаря мне, что есть в мире существа иной природы, у которых могут быть свои мотивы, не всегда понятные для человеческого разума. Подумайте сами, для чего кому-то надо не пускать людей в нижний этаж дома.

— Там что-то скрывается. Но кем?

— Правильно. Подумайте, где расположен этот дом?

— Он стоит на холме, на его склоне. Вход в чулан находится ниже поверхности земли.

— Правильно, а теперь подумайте, кто обитает внутри холмов.

— Те, кто изготовили вашу диадему?

— Ну, допустим. А теперь скажите мне, Дино, что бы там скрывали вы, будь вы на их месте? Или, вернее, так: что бы лично вы хотели там найти, если бы вам предоставили шанс проникнуть в этот чулан? Ну, или в то пространство, которое там расположено вместо него?

— Не знаю. Вход в мир, в котором можно любить вас, не ведая никаких преград.

— Нет, Дино. Меня можно любить и здесь, но.... Те преграды, которые для вас существенны, если они существенны для вас здесь... впрочем, о чём говорить... Назовите что-нибудь другое.

— Ммм... Даже не знаю. Камера обскура, выложенная изнутри шоколадными плитками!

— Дино, да вы сладкоежка!

— Нет, конечно, нет... Наверно, там у них сокровищница. Или подземный сад с редкими растениями, которые растут без солнца, но помогают от всех болезней. Или арсенал с самым страшным оружием, какое только можно придумать. Хотя что может быть страшнее пороха, а порох уже придумали. Или библиотека... Такая библиотека, где стоят все книги и все рукописи, которые когда-либо были потеряны или уничтожены. Где вторая часть «Поэтики» Аристотеля стоит рядом с сожжённым трудом Абеляра...

— А в корзинах на полу стоят свитки из Александрийской библиотеки?

— Да-да! Прекрасная моя Вуивра! Как вы меня понимаете!

— Нет, Дино, не понимаю. Но мне очень хочется сделать вам подарок. Выберите что-нибудь одно из того, что вы уже назвали.

— Конечно, библиотека!

— Библиотека? — глаза её становятся грустными, такими грустными, что....

— Ой!... А что, самое первое тоже можно было назвать?

— Нет, Дино, довольно. Вы выбрали. Я спрошу у них, не нужен ли им библиотекарь. А дальше вы уже решите сами. Вернётесь к вашей демонологии с отцом Луиджи или войдёте наконец в этот чулан.

На следующий день он принёс ей исписанные листки.

— «Глава первая, в которой читателю будет предложено стихотворение». И правда, стихи. Что это? Это мне? Вы написали мне стихи, Дино?

— Ну, не совсем... Я тогда ещё не был с вами знаком. Но да... получилось, что вам.

— Дино, вы, как всегда, очаровательно бестактны!

— Я итальянец. Мне можно.

— Я могу оставить это себе?

— Конечно. Мне это уже не пригодится.

— Мы больше не увидимся с вами, Дино.

Он кивнул.

— Я так решила.

Он снова кивнул.

— И мне всё равно, как вы поступите дальше.

Он поднял бровь и чуть пожал плечами, и она поняла, что уже всё решено.

— Можно, я напоследок вас поцелую? Вы разрешите мне?

— Если мы больше никогда не увидимся, то... Наверно, лучше этого не делать. А то потом будет очень больно.

— Не будет. У вас будут ваши книги, ваши рукописи.

— А вы?

— Это уже моё дело.

Глава последняя

Внезапное исчезновение оказалось самой отвратительной выходкой этого францисканца, чьё непредсказуемое поведение уже успело набить оскомину не только приору и хозяину злополучного дома, но и обоим деревенским мэрам, и приходскому священнику верхней церкви, не говоря уже об оскорблённом

библиотекаре. Письма, содержащие краткий анализ слухов, подозрений, а также прямых свидетельств об общении этого человека с демонами — слишком подробных и многочисленных за столь короткое время для столь незначительной фигуры — уже были составлены, запечатаны и только ждали удобного случая, чтобы быть отправленными вместе с другой корреспонденцией архиепископу в Безансон. И тут вдруг выяснилось, что писать надо уже о другом.

По делу об исчезновении доверенного лица генерального викария архиепископа Авиньонского было назначено следствие. Из центра церковной провинции прислали инквизитора, и жители долины вынуждены были признать, что францисканцы бывают разными, и те из них, что интересуются книгами и демонами, гораздо лучше тех, что интересуются людьми.

Прибывший следователь — отец Бернар, тоже обсервант, но француз по происхождению, — между тем, оказался в сложной ситуации. Будучи истинным любителем своего дела, для начала, ещё до проведения официального дознания, он предпочитал поработать с человеческим материалом в приватной обстановке — чтобы затем можно было сравнить результаты этих частных свидетельств с данными допроса. Свидетельств же, и притом совершенно добровольных, было так много, и они настолько не противоречили друг другу, несмотря на явную фантастичность предмета, что с определенного момента их уже нельзя было игнорировать.

И вот на основе этих расспросов населения складывалась следующая картина. Вернее, складывалось сразу две картины — в зависимости от того, как их складывать. Первая состояла в том, что пропавший брат Леопольдо Грандецци настолько усиленно интересовался демонами, что в конце концов демоны заинтересовались им самим. Он же воспользовался этой возможностью, чтобы продать свою душу дьяволу ради решения некой неразрешимой загадки. В чём состоял её смысл, никто не мог толком объяснить, но все сходились на том, что загадка была, и неразрешима она была в принципе. И хотя отец Бернар знал, что в его отечестве нашлось бы немало желающих повредить карьере смелого итальянского богослова, чей ученик так неожиданно проявил себя, здесь определённо могла пострадать репутация Ордена.

Вторая картина заключалась в том, что все свидетели врали, а раз они это делали непротиворечиво, то значит, все состояли

в сговоре. Исходя из этой посылки, логично вытекало и ужасное следствие: всё население долины — начиная с приора уважаемой обители и кончая малыми детьми — состояло в колдовской секте. Ученик же известного богослова, явно за несколько дней вставший здесь всем поперёк горла, сумел раскрыть эту страшную тайну, за что и поплатился жизнью. То, что тело его всё ещё не было найдено, ничего не доказывало — в глубоких гротах можно было скрыть следы гораздо большего преступления, например, колдовского шабаша и справления чёрной мессы. Сам окружающий пейзаж — глухая долина с нависающими над домами скалами, изрытыми кавернами, бесконечное журчание воды под ногами, туманы, наползающие из окружающего леса — указывал на то, что здесь творилось что-то мрачное и противное христианской вере. И хотя отцу Бернару перед его поездкой дали инструкции избегать радикальных методов — главным образом ради его же собственной безопасности и дабы не вызвать ещё большего осложнения в и без того непростой политической ситуации, в которой оказалась эта местность после недавнего присоединения её к французской короне, — ему определённо казалось, что вторая картина гораздо больше соответствует истине.

И вот, когда он уже пришёл к этому выводу, ему в руки попало новое, на этот раз письменное свидетельство. И принадлежало оно не кому-нибудь, а самому брату Леопольдо Грандецци O. F. M .Obs.

Пачку потрёпанных листков с неким литературообразным отчётом о пребывании демонолога в долине передал отцу Бернару мсье Пэти, кабатчик, со словами, что эти бумаги просили передать следователю лично в руки. «Я очень жалею, что вы не видели того, кто принёс мне эти листки, своими глазами», — многозначительно сказал он при этом. Содержимое записей оказалось весьма и весьма любопытным, и вот теперь отцу Бернару предстояло решить, какой же всё-таки картины событий ему придерживаться в своём дальнейшем расследовании и до какой степени предавать содержание этого литературного опуса огласке. Ведь его принадлежность перу собрата по Ордену предстояло ещё доказать.

И вот, когда он в задумчивости проходил по берегу одного из ручьёв, он услышал, как его окликнули. Это был тот самый кабатчик, накануне принёсший ему эти злополучные листки. Стоя в дверях своего заведения, он махал рукой инквизитору и делал всякие знаки, предлагая ему приблизиться, но сделать

это как можно тише. Отец Бернар последовал за ним, и вскоре они оказались перед дверью, выходившей из кухни на внутренний двор с огородом. Какой-то мальчишка копошился около кучи мусора.

— Это тот, кто передал мне вчера для вас бумаги, святой отец. Посмотрите на него внимательно. Очень внимательно посмотрите.

— Кто это?

— Он не из деревни, как вы могли догадаться. Только что он принёс мне для вас письмо.

Отец Бернар взглянул на адрес, потом посмотрел на посыльного. Потом он выпрямился, посмотрел в глаза кабатчику.

— Мсье Пэти. Запомните, пожалуйста, то, что я вам скажу. Я ничего не видел. И вы мне ничего не показывали. Эти бумаги, как и это письмо, вам подбросили, и вы не знаете, кто.

— Да, святой отец, я запомнил. Но не уверен, что смогу повторить это под пыткой.

— Кто говорит вам о пытках? Дознания не будет. Я и так уже собрал достаточно добровольных свидетельств, как устных, так и письменных. И вот ещё одно, — с этими словами он вскрыл письмо.

Там была всего одна строчка. Но она заставила отца Бернара прямо-таки покраснеть от гнева. «Чёртовы итальяшки! Я ещё покажу вам, как насмехаться надо мной!» — процедил следователь и выскочил из таверны.

Мсье Пэти умел читать. Большой текст на латыни, он конечно бы, не осилил, но одну-единственную фразу он запомнил, а потом на досуге, расспросив кое-кого из монахов, сумел составить и перевод. Письмо было адресовано «Почтеннейшему отцу Бернару O. F. M. Obs., inquisitori haereticae pravitatis». В самом письме стояло: «Убирайтесь в задницу!» и подпись: «Ваш брат во Христе, Леопольдо Грандецци O. F. M. Obs.» Стояла также и дата, указывающая на недавнее составление послания, место же написания значилось как «под землёй».

Деревня была спасена от обвинений в поголовной связи с нечистым, а брат Леопольдо был заочно обвинён в преступлении против веры и опять же заочно приговорён к сожжению на костре. Мсье Пэти, единственный, кто знал о его роли в спасении жителей долины, не уставал молиться о его душе. Однако одно обстоятельство его всё же тревожило.

Дело в том, что Вуивра ведь не просто так скидывает с себя свою диадему, оставляя её на видном месте при приближении

одинокого путника. Она ждёт жениха, и брошенное в траве платье с лежащим поверх него карбункулом служит знаком того, что она готова к свадьбе. Людям же свойственно вести себя по-человечески, и оттого, собственно, представители разных рас и не смешиваются, что у них разные представления о том, что считать достаточным для этого смешения знаком. Верны ли слухи о том, что самка откусывает самцу голову в момент соития — этого уже не проверить. В любом случае, горе тому, кто окажется поблизости от места, где вуивры празднуют свою свадьбу. Ибо в момент наивысшего блаженства самка издаёт крик, от которого у всякого, кто его слышит, останавливается сердце.

Обо всём об этом, конечно же, следовало ещё тогда рассказать брату Леопольдо. Но кто же мог предположить, что всё так обернётся? Мсье Пэти мысленно пытался представить высокую рыжеволосую уверенную в себе красивую женщину рядом с этим маленьким итальянцем, избегающим глядеть на собеседника, и у него ничего не получалось. Тем не менее, на камень францисканец не покусился, я вместе их видели и не раз. Обитатели узкой долины с одним-единственным выходом, зажатой между стен скалистых утёсов, оказывались, таким образом, заложниками искушённости минорита в искусстве любви.

Но того, чего опасался мсье Пэти, так и не произошло. Не случилось этого и потом, когда в аббатстве стало известно о судебном решении в отношении брата Леопольдо. Видимо — нарушив все остальные обеты — этот единственный, касающийся женщин, монах всё же решил соблюсти. Странная избирательность, но что поделать, никогда не знаешь, что для человека в решительный момент окажется наиболее важным.

Во избежание скандала дело демонолога Леопольдо Грандеци не было предано широкой огласке. Отец Луиджи допроса, разумеется, не избежал, но его репутация оказалась вне подозрений. И тем не менее, во избежание ненужных слухов Авиньон ему пришлось покинуть. Через некоторое время мы уже встречаем его в Милане, в статусе теолога при особе архиепископа. О том, что досадная история с его бывшим учеником не смогла повредить его положению в Ордене, говорит тот факт, что в 1688 г. на генеральном капитуле именно ему как признанному юристу было поручено составление компиляции из орденских статутов, вышедшей затем под названием «Practica criminalis Minorum illustrata».

После исчезновения своего помощника исследование о демонах в соответствии с первоначальным своим замыслом отец Луиджи так и не завершил. Уже готовые наброски, касающиеся в основном анализа печатных текстов и отражающие полемику с некоторыми предшественниками, он свёл воедино и добавил к ним только две подлинные истории, коим сам был свидетелем. Однако даже в таком тезисном виде он не решился этот текст опубликовать. Увидело свет это произведение только в 1875 г. (с параллельным переводом на французский, а затем, в 1879 г. — и на английский), благодаря парижскому издателю Изидору Лизьё. Манускрипт был обнаружен им, по его собственному признанию, в Лондоне в 1872 г. во время обхода антикварных лавок — ибо что ещё делать в Лондоне, кроме как охотиться за старыми книгами? — и приобретён за шесть пенсов.

«Рукопись на прочной бумаге 17 века в переплёте из итальянского пергамена, великолепной сохранности, имеет 86 страниц текста. Титул и первая страница написаны рукой автора и выдают пожилого человека; прочее явно принадлежит перу другого лица, но выполнено под руководством автора, о чём свидетельствуют его собственноручные пометы и исправления на протяжении всего произведения». Имя автора удалось установить на основании аукционного каталога Сотби, на котором лондонским антикваром и был приобретён этот манускрипт.

Обстоятельства покупки вместе с детективной историей идентификации обозначенного в аукционном каталоге имени с неким малоизвестным правоведом из Ордена Св. Франциска занимает в предисловии Лизьё одиннадцать страниц и изобилует такими подробностями и художественно описанными деталями, что поневоле задумываешься над тем, а не является ли эта история с рукописью тоже своего рода литературой. Впечатление это усугубляется ещё и тем обстоятельством, что оригинала никто не видел, а после смерти самого Лизьё в его домашней библиотеке найден он также не был. Впрочем, издатель и сам признаётся, что начало и конец публикуемого им трактата (как раз те самые параграфы с 1 по 27 и с 112 по 115, отличающиеся от основной части как по своему предмету, так и по манере изложения) совпадают с главой из другого произведения отца Синистрари — «De delictis et poenis» («О преступлениях и наказаниях»), изданного в 1700 г. в Венеции.

Таким образом, у нас есть все основания заключить, что необычайно популярный ныне трактат о суккубах и инкубах после

исчезновения брата Леопольдо не только не был опубликован отцом Луиджи, но и написан и задуман им также не был. Но что же в итоге произошло с его учеником и помощником, которому мсье Лизьё поленился даже придумать имя?

Говорят, в последний раз брата Леопольдо Грандецци видели жители бывшей монастырской грангии. Монах, чья фигура уже стала привычной частью пейзажа, неспешной, но уверенной походкой прошествовал к дому на склоне холма и спустился вниз, к двери, ведущей в чулан. Некоторое время он постоял пред ней, держась за ручку. Потом толкнул её и вошёл внутрь. Из чердака он уже не появился.

Первым, кто понял, что произошло, был кот Марсилий. Он не спеша поднялся и направился к чуланной дверце исследовать новое пространство. Просторный подпол был девственно чист, но в любой момент тут снова могли появиться мыши.

Марсилия на инквизиционный процесс не приглашали. Меж тем как его свидетельство могло бы пролить свет на то, что означало это самое «sub terra» в последнем письме неугомонного францисканца.

Судя по оговоркам, встречающимся в рукописи, речь идёт об аббатстве Бом-де-Месье, расположенном во Франшконте.

Дмитрий Рафко

Час Х

сказка для детей старшего возраста

Восемнадцать лет три месяца и девять дней назад у моего соседа Виталика дочка родилась. В этом никакой странности не наблюдается. Дети — они такие, рождаются себе, и ничего с этим поделать нельзя. Но тут особая история...

Восемнадцать лет три месяца и один день назад счастливый отец доставил пополнение домой. В новой, только купленной коляске, в новом одеяльце, перевязанном красной лентой, и вообще во всём новом. Счастливый отец был немного не в себе. Честно говоря, он уже неделю был как бы не в себе. Интеллигентно выражаясь, квасил папаша без передыху всю неделю, а тут дитёнка из роддома домой забирать надо. Ну и что ж, забрал, конечно. Только вот коляску новую, только купленную, по глубочайшей рассеянности на улице оставил. Коляске, естественно, в дополнение к колёсам приделали ноги. Исчезла коляска с концами, в общем. Ну, Нюрка, жена Виталькина, мамаша новоиспечённая, слегка и расстроилась. Шутка ли, новую коляску найти? Дефицит, граждане. Это теперь всё наоборот: колясок хоть пруд пруди, а детей не хватает. А восемнадцать лет назад как раз наоборот было, детей сколько хочешь рожали, а транспортными средствами обеспечить как надо не получалось.

Ну, история, в общем, такая, расстроилась Нюрка, в слёзы кинулась, а тут вдруг шум перед подъездом, крики разные неразборчивые. Мы на улицу глядь, а там — мама дорогая! — вся дорога перед подъездом нашим колясками запружена. Тут тебе и зелёные, и красные, и какие хочешь жёлтые, а в некоторых даже младенцы лежат и верещат. Уже и милиция конная подтягивается. Это, я вам скажу, была настоящая конфузия! Никто

Художник Анастасия Силъва

ничего понять не может, дети орут, мамки суетятся, своих-то от чужих в пелёнках одинаковых попробуй отличи. С грехом пополам разобрались. Тут, кстати, и пропавшая коляска обнаружилась, а в ней авоська (сетка такая продуктовая, если кто не помнит), а в авоське — три бутылки водки, две портвейна и бутылка пива. Видать знающий человек покупал, не только тактику, но и стратегию знает. А нам-то теперь что: коляска — наша, значит, что в коляске — тоже наше. Это Виталька так сказал: «Вот сейчас мы это дело и отметим!» — Нюрка в крик: «Куда тебе? Наотмечался уже, на ногах не стоишь!» Ну, вы и сами знаете, чего только бабы дурные не выдумают и в голос не проорут. Витька отбился кое-как, и отступили мы на заранее разведанные рубежи. Ко мне домой, значит. Я тогда ещё не женатый был, мешать некому.

Виталька пробку с бутылки зубами сковырнул, по стаканам разлил и— хлобысь свой стакан одним махом. И стоит. Глаза выпучил, рот разззявил, молчит, только мигает. Потом отошёл чуть и горлом сипит: «Вода!» Я свой стакан понюхал — водка, на язык попробовал, точно водка. Ну, думаю тут, Витюха допился. Он на меня посмотрел, мой стакан схватил, хлебнул — «И тут вода», — говорит. «Какая вода? — говорю. — Только что водка была». Забрал у него стакан, попробовал, точно вода. Так мы с ним на эксперимент почти все бутылки и спустили. Главное, я бутылку открою, в стакан налью, ну самый натуральный продукт: водка, вино или пиво. А стоит Витальке стакан в руки взять — сразу вода в стакане. Чисто феномен! Витальке от переживаний даже пить перехотелось, оставил он мне непочатую поллитру и домой пошёл. А такого за ним раньше не замечалось. Такие вот дела. Мы тогда малость прибибленные были, чтоб догадаться, что два феномена за один день, с какой стороны ни погляди — перебор.

С утра будни пошли, праздники кончились. Дом — работа, работа — дом. Витька пить совсем бросил, какой смысл, говорит, воду в бутылках покупать, если её в кране полно, да и мне чего-то это дело не в охотку стало. Выпьешь, бывало, а потом совесть мучает. И чего б ей мучить, когда выходной там или праздник, так нет, сидит внутри червяк и грызёт, и грызёт: нехорошо это, мол, неправильно. Так и перестал.

Жизнь катилась по-наезженному. Бывали разные странности, только феноменов больше не было. Виталька жену Нюркой звать перестал — Анютой только. А раз я подслушал (балконы-то

рядом), как он её «анютиными глазками» кличет. Только ж это не феномен. Дочку они Катериной назвали. Катерина Витальевна, стало быть, росла, вес приобретала, сначала пошла, потом заговорила.

А, вот ещё странность была. У нас на пятом этаже профессор живёт один. Старый уже. Он профессором ещё до революции был. Шучу, но после войны сразу — точно. У него дома картин старых и книг на две ленинских библиотеки хватит. И тут раз к нему воры залезли. Он сам как раз по своей профессорской надобности отлучился, лекции читать поехал, что ли. Так эти два гаврика замок сломали, картины упаковали, фарфоровые безделушки разные тоже, а потом сами в милицию позвонили и на себя заявили. Так их в квартире и взяли. Следователь потом только головой качал в недоумении. Первый раз в его практике такой казус, говорил.

И ещё странность. Виталька учиться пошёл. Сначала вечернюю школу закончил, а потом в институт поступил, на юридический. Вот же ж как бывает.

В общем, жили мы все, не тужили, только вдруг не у нас, а в стране разные странности начались. Ну, тут я вам перечислять не буду, чай, не маленькие, всё сами знаете. Но, вот какое дело, все эти беды и катаклизмы наш дом стороной обходили. За других не скажу, про всех не знаю, а у меня вот как было. Когда завод закрыли, потыкался-помыкался туда-сюда. Результата ноль. Зато времени свободного вагон и маленькая тележка в придачу. Стал я соседям помогать машины их чинить. Талант, можно сказать, открылся. Я теперь, когда машину послушаю, сразу знаю, где у неё болит, вот прямо как на себе чувствую. Сначала соседи, потом другие люди потянулись. Так потихоньку и закрутилось. Теперь вот автосервис собственный открыл, мастеров нанял. Только люди по старой памяти всё равно машины ко мне гонят. Погляди уж там, просят. Я и гляжу. Я теперь как тот доктор, в белом халате, диагнозы ставлю, а другие чинят. Ни разу не ошибся ещё.

Пашка-балбес с первого этажа вдруг, ни с того ни с сего, рисовать начал. Да как! За его картинами теперь очередь. И у всех так, у всего дома. А ещё я одну странность заметил, за восемнадцать лет, три месяца и девять дней в нашем доме ни один человек не умер. Да что там человек, у Петровых, на четвёртом, собаке скоро двадцать пять стукнет, а всё скачет, как щенок. Не странность, нет? Вот я и не удивляюсь, что никто из нашего дома не съезжает. Я вон квартиру новую купил, а живу всё равно здесь.

Художник Анастасия Сипьва

Виталька теперь на трёх фирмах юрисконсультом пашет, дом за городом построил, а уезжать отсюда не собирается. Место тут, говорит, особенное, зачарованное. Только дурак он, Виталька. Ничего не понимает. Всё это началось ровно восемнадцать лет, три месяца и девять дней назад, когда Катерина родилась. Вот кто все эти чудеса делает. Да и посмотреть на неё только — всё сразу ясным становится. Вы ангела видели? Нет? Приезжайте, я вам покажу.

С чего я вам всё это рассказываю? Горе у нас. Самое настоящее горе. Завтра Катерина замуж выходит и к мужу уезжает. Совсем. В другой город.

И как же мы теперь?!

Наталья Савушкина

Сказка об отваге, скромности, судьбе и пропавшей Папильотке

детская сказка

ила-была в семье Басевосиных очень скромная и воспитанная такса, которая любила вязать. Звали её Папильотка, сокращённо — Паппи. Она и правда была похожа на папильотку — смешную трубочку из бумаги с торчащими верёвочными хвостиками. Такими штуками раньше часто пользовались. Не знаешь, зачем? Спроси у мамы, а лучше — у бабушки.

Сядет, бывало, Папильотка на диван, возьмёт корзину с клубками шерсти, спицы, и щёлк-щёлк — готов к вечеру шарф хозяину. Или шапка хозяйке. Или свитер Васе с Босей, хозяйским сыновьям. Они близнецы, им можно один свитер на двоих вязать: всегда одеждой меняются.

Жила Папильотка припеваючи. Было у неё место на клетчатом пледе в тёплой кухне. Любила она хозяев, манную кашу и гулять с клубком в зубах.

И вот как-то поздней осенью, когда ветра дуют, а тучи плачут, случилась большая неприятность. Близнецы упали с качелей и сломали ноги: Вася — правую, а Бося — левую. Родители тут же повезли их к врачу, а Папильотке велели на прогулку отправляться одной. Огорчилась такса: очень она не любила сама выгуливаться. И это был не каприз, а болезнь: из-за шерстяных ниток у Папильотки закладывало нос, и она теряла обоняние. Видели вы когда-нибудь собаку без нюха? А Паппи была именно такой. Но любимое дело важнее носа, а хозяев нужно содержать в тепле, — считала Папильотка и продолжала вязать свитера, носки и шапки. Вот какая отважная была такса.

Итак, отправилась Папильотка на прогулку одна-одинёшенька. А чтобы не заблудиться, привязала к двери дома

шерстяную нитку, а клубок взяла с собой. Нагулялась, набегалась и пошла по нитке обратно к дому. Но вдруг на улице показалась взволнованная лошадь, сбежавшая из цирка. Она металась и скакала, не разбирая дороги. Папильоткина нитка намоталась лошади на копыто и оборвалась. Лошадь умчалась, и вместе с ней исчез конец нитки. Паппи села на задние лапы и заплакала. Теперь, без подсказки, ни за что не найти ей дом и хозяев. Куда годится собака без нюха, пусть даже очень воспитанная?

Шла мимо женщина с большой хозяйственной сумкой. Увидела дрожащую от холода Паппи, подобрала, принесла домой. И стала думать, что же делать дальше. Пожалеть собаку на улице — одно, а жить с ней под одной крышей — другое.

Она поглядела на Папильотку с клубком в зубах и решила:

— Тебя, наверное, зовут Клубочек. Найду твоих хозяев и получу за тебя награду.

Женщина взяла ручку и написала на листке: «Найден пёс Клубочек. Обращаться к Капитолине Картошкиной в дом номер три». Потом она переписала объявление пятнадцать раз. Но кое-где пропустила слово «пёс», и получилось так:

«Найден клубочек». Объявления женщина расклеила на столбах и детских площадках и принялась ждать. Но за таксой никто не приходил. Зато приходили всякие рассеянные дамы, потерявшие клубки шерсти.

Тогда женщина ещё немного подумала и решила накормить собаку. Она достала из своей большой сумки картошку и положила в миску. Папильотка была очень воспитанная такса, но даже из вежливости картошку есть не могла.

— Прошу меня извинить, но я люблю манную кашу, — тихо сказала она. — А ещё — своих хозяев и вязать из шерсти.

Капитолина Картошкина очень удивилась, что такса разговаривает, и очень обрадовалась, что собака умеет вязать.

— Будешь вязать для меня свитера и носки, — решила она.

Капитолина хотела поступить с Паппи по-доброму. Но иметь вязаные вещи она хотела ещё больше. Поэтому она пошла и сорвала свои объявления.

— Ни за что тебя не отпущу, — сказала она Папильотке и вручила таксе спицы и шерсть. — Сиди и вяжи, Клубочек.

Да, представьте, женщина так и не спросила Папильотку, как её зовут на самом деле. А ведь это очень глупо — не задавать вопросов тому, кто умеет разговаривать.

Папильотка вязала шарф из оранжевой шерсти и тихо вздыхала. За окном шёл длинный осенний дождь и смывал буквы

с последнего объявления, которое забыла сорвать Капитолина Картошкина.

***

А между тем Басевосины вернулись домой и поняли, что Папильотка потерялась. Тогда они отправились на поиски. Даже Вася и Бося со своими сломанными и загипсованными ногами хромали по улицам и звали Паппи. Первый день ничего не дал. Назавтра Басевосины обошли ещё больше площадей, скверов, дворов и закоулков, но снова не нашли таксу. Но всё равно, и на третий день семья выдвинулась на поиски. Шёл дождь, все устали, промокли и ужасно хотели есть. Тогда папа сказал:

— Давайте сядем под грибок на детской площадке и подумаем.

Все сели и стали думать. Папа думал:

— Что же делать?

А мама думала:

— ЧТО же делать?!

А Вася и Бося думали хором:

— ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?!?

И вдруг папа увидел на столбе объявление с почти расплывшимися буквами: «Найден клубочек. Обращаться к Капитолине Картошкиной».

— Смотрите! — закричал папа. — Вдруг это — клубочек нашей Папильотки? Вдруг Капитолина Картошкина знает, где её искать?

Папа хотел прочесть адрес, но дождь уже смыл с объявления последнюю букву. Тогда папа сказал:

— Мы всё равно не сдадимся. Давайте спрашивать всех прохожих. Обязательно найдётся кто-нибудь, кто знает, где живёт Капитолина Картошкина.

И мама, и папа, и загипсованные Вася с Босей тут же вышли из-под грибка и пошли спрашивать. Но прохожих не было, потому что дождь лил слишком осенний, холодный, и никто не хотел пропитаться им, как шашлык маринадом. Только какая-то встревоженная лошадь металась по улице. Папе показалось, что она ржёт:

— Что делать? ЧТО же делать?!

Папа решил, что очень глупо не задавать вопросов тому, кто умеет разговаривать, и крикнул:

— Уважаемая лошадь, скажите, пожалуйста, вы случайно не знаете, где живёт Капитолина Картошкина?

Папа не очень рассчитывал на успех, но лошадь вдруг остановилась и гневно заржала:

— Не спрашивайте меня об этой жадине! Она была моей наездницей и вместо яблок подсовывала мне на завтрак картошку! Б-р-р-р! Из-за неё я сбежала из цирка и хочу убраться подальше отсюда, потому что именно на этой улице она и живёт!

— О, это судьба! — закричал папа. — Неужели вы знаете мадам Картошкину? Скорее помогите нам разыскать эту даму! Возможно, она знает, где наша дорогая Папильотка!

— Я не знаю, для чего вы держите дорогие папильотки, когда их можно сделать самим совершенно бесплатно, — фыркнула лошадь. — Раз вы так просите, охотно скажу, что Капитолина живёт в доме номер три. Но скажите, как вы узнали моё имя?

— Ваше имя? Но я не знаком с вами...

— Ну, как же! Вы сказали: это — Судьба.

— Да, я обрадовался, что внезапно вышел на верный след...

— Ах, как вы непонятливы! При чём тут след? То вы поминаете дорогие папильотки, то — следы... Как вы узнали моё имя?

— Да какое же? Я его не знаю!

— Но как же? Меня зовут Судьба! — гордо сказала лошадь и подняла голову, словно выслушивая аплодисменты на арене.

Но папа лишь вежливо поклонился, пробормотав: «Очень приятно, Басевосин», и тут же помчался к дому номер три.

Лошадь фыркнула и зашагала прочь, помахивая серым хвостом. Вообще-то ей тоже было холодно и мокро и хотелось есть. И, кажется, она всё-таки решила, что делать, потому что свернула на улицу, ведущую к цирку.

А папа Басевосин стучал и звонил в дверь Капитолины Картошкиной, но ему никто не открывал. Мама и близнецы молча стояли за его спиной. Было ясно, что в доме пусто.

— Вот как переменчива судьба, — вздохнул папа.

— Даже встреча с Судьбой не помогла, — согласилась мама.

Они посмотрели на небо. Небо было серым, как хвост лошади. А холодный дождь превратился в холодный снег, и всем стало ясно, что наступила зима.

Долго-долго искали Басевосины Папильотку. Много дворов и улиц они обошли, но так и не встретили ни свою воспитанную собаку, которая умела вязать, ни кого-либо знающего, куда она пропала. И никто не видел Капитолину Картошкину. Она уволилась из цирка и переехала жить неизвестно куда. Приближался Новый год, но семья не радовалась, а грустила. Без Паппи праздник будет совсем другим.

Художник Александра Ивойлова

Вам, наверное, любопытно узнать, что случилось с Капитолиной Картошкиной? В тот самый день, когда она встретила таксу, Капитолина примерила вещи, связанные Папильоткой и поняла, что это — необыкновенная красота. Она стала продавать шапки и шарфы, свитера и носки. Покупателям вещи нравились, и они платили за них большие деньги. А Капитолина складывала их в наволочку и вскоре набила её доверху. Паппи вежливо попросила:

— Отпустите меня, пожалуйста, домой. Ведь я уже принесла вам много денег!

Но Капитолина достала вторую наволочку, а Папильотку заставила вязать целый день и перестала выпускать на прогулку. Паппи молчала и вздыхала, вздыхала и вязала. Она совсем не знала, как следует поступать воспитанным собакам с такими невоспитанными людьми.

Однажды Капитолина пришла с улицы, куда давно уже не было доступа Паппи, с большой ёлкой.

— Новый год! — объявила она и приказала: — Свяжешь мне новую шапочку и двенадцать пар варежек.

— Зачем же двенадцать пар? — тихо изумилась Паппи.

— На продажу! — фыркнула Капитолина. — Под праздник все покупают подарки.

— А можно, я свяжу что-нибудь для своей семьи? — спросила Паппи. — А вы отправите им. По почте. Или можно передать при встрече. А я просто постою вдалеке.

— И не надейся! — разозлилась Капитолина. — Ты их не увидишь. Если очень хочется сделать подарок, вяжи для Деда Мороза, может быть, он тебя навестит, — и бывшая наездница рассмеялась большим красным ртом.

Паппи понурилась и отправилась на деревянную скамеечку в уголке, где стояла корзинка с пряжей. Нет, определённо, быть воспитанной собакой иногда бывает очень трудно.

Вечером Капитолина нарядилась, надушилась, подхватила связанные Папильоткой варежки и умчалась куда-то в серебристом вихре снежинок. А Паппи, подув на натруженные лапки, уселась у окна, прижалась носом к стеклу и стала думать, навестит её Дед Мороз или нет. Она связала ему тёплые варежки со снежинками и положила под ёлку, но, похоже, в праздничную ночь все-все позабыли про маленькую таксу.

Вдруг у неё за спиной послышался звон. С ёлки упал стеклянный шар.

— Ой, — подумала Паппи. — Вот теперь мне попадёт.

Она двинулась на кухню, за веником, но из шара вдруг показался красный колпачок, затем — белая борода, и вот уже перед Паппи стоял крошечный Дед Морозик с лицом, удивительно походившим на морду благородного фокстерьера.

— Ой! — воскликнула Паппи и осела на задние лапки.

Потом она вспомнила, как поступают воспитанные собаки при встрече с незнакомыми Дедами Морозами, сделала реверанс и представилась:

— Папильотка Басевосина.

Старичок, похожий на фокстерьера, прогудел низким голосом:

— Знаю-знаю, Паппи. Ты добрая и воспитанная собака, и я принёс тебе подарок.

— Спасибо, — вежливо отозвалась Паппи. — Но, знаете, я даже не уверена, что смогу обрадоваться. Мне так хочется вернуться домой, что больше ни о чём я думать не могу. Извините.

И она хлюпнула носом, хотя так делать не полагается ни при каких обстоятельствах.

Дед Мороз серьёзно посмотрел на неё и ответил:

— Но у меня — очень хороший подарок. Я надеюсь, он всё-таки тебя обрадует. Можешь загадать любое желание, и оно исполнится.

— Ах! — Паппи закрыла глаза, не веря своему счастью. — Благодарю вас! Я могу загадать прямо сейчас?

— Конечно, — ответил Дед Мороз и дунул на Паппи морозным воздухом.

Папильотка зажмурилась... и оказалась в тёплой кухне Басевосиных, на своём клетчатом пледике.

— Паппи! — закричали мама, папа и Вася с Босей.

— Ах! — только и могла выдохнуть Паппи.

Когда все напились чаю, который обожал папа, наелись плюшек, от которых берегла фигуру мама, и мандаринов, которые больше всех любила Паппи, такса рассказала историю своих злоключений.

— Мне очень жаль, что всё так произошло, — сказала мама. — Бедная малышка Паппи!

— Если бы Паппи не была такой скромной... — воскликнул папа.

— И забыла о своей дурацкой воспитанности! — перебил Вася.

— И цапнула бы эту мерзкую Картошкину за пятку! — зарычал Бося. — Вот это было бы правильно!

— Может быть, — согласилась Папильотка. — А может быть, что кусачим собакам Дед Мороз подарки не дарит. Но я очень рада, что опять с вами. Только одно меня очень беспокоит.

— Что?! — воскликнули Басевосины в один голос, и я знаю, что, если бы вы были там, на тёплой кухне, вы бы к ним присоединились.

— Я так и не отдала Деду Морозу его подарок. Как вы думаете, он нашёл его?

А вы как думаете, нашёл?

***

Ну, вот почти и конец нашей истории.

А что же сталось с Капитолиной Картошкиной, спрашиваете вы?

Утром после происшествия у ёлки она написала и развесила тысячу сто объявлений о пропаже пса Клубочка. Кое-где она забывала писать слово «пёс», а, может, ветер и снег были за что-то сердиты на неё и стёрли это слово из объявлений.

К Капитолине стали приходить люди, нашедшие разные клубки. Люди всё шли и шли. Они оставляли пряжу у двери, и её накопилось так много, что однажды бывшая наездница не смогла выбраться из дома. Тогда она взяла Папильоткины спицы и стала вязать. Она связала много-много красивых вещей и, кажется, подобрела. Во всяком случае, всё связанное она раздарила знакомым и незнакомым, а сама вернулась на работу в цирк.

Теперь она каждое утро приносит на репетицию пакет яблок, и они с Судьбой тренируются на славу. Басевосины побывали на их представлении. Близнецы кричали «браво», а папа махал лошади платком.

Паппи очень подружилась с Судьбой, которая, сама того не зная, сначала лишила её дороги домой, а потом почти помогла вернуться. И на Капитолину Папильотка зла не держит, вяжет ей к праздникам новые шапки.

Часто после того, как публика разойдётся и лошадь с наездницей выходят из затихшего цирка, к ним подбегает маленькая такса в вязаном жилете. Весело болтая, они отправляются есть пирожные в ближайшее кафе. В то самое, где на вывеске — старичок в красном колпаке и варежках со снежинками.

Ирина Станковская

Без снега

сказка для детей среднего возраста

Старик закашлялся и бросил на землю окурок. Он стоял в берёзовой роще, и голые ветви деревьев с прилепившимися там и сям остатками пожухлой листвы уныло поскрипывали над его головой под порывами зимнего ветра.

— Хм, — раздалось из-за чахлого куста.

Дед вскинул видавшую виды винтовку и прищурился.

— А ну, покажись! — крикнул он осипшим голосом.

Из-за куста вразвалочку вышел крупный Серый Волк.

— А, это ты, — разочарованно протянул старик.

— О, да, мой добрый друг. Это я, — ответил Серый Волк слегка насмешливым тоном. — И опусти, пожалуйста, это ужасное творение незабвенного Хайрема Бердана. Полковник отправил бы тебя на гауптвахту за столь небрежное обращение с оружием: затвор-то совсем износился.

— Надсмехаешься, серый, — беззлобно сказал старик, — смотри-тко, весна-красна приближается, а снега-то и нет...

— Да, дела, — кивнул матёрый хищник, — половодья не дождёмся. А как славно разливались вешние воды в давние времена.

— Талая вода, талая вода, — затянул было старик, но снова закашлялся и замолчал, грустно созерцая сиротливые стволы русских красавиц.

— Да, любезный друг... — продолжал ностальгировать Волк, тонкая романтическая натура. — Как мы жили, как мы жили... По весне деревья в талой воде стояли, такой простор, такая мощь!

— Выйдешь на природу, лодчонку наладишь — и вперёд, по низкой волне! — подхватил старик.

Художник Юлия Архипова

Он опустил берданку и другой рукой потрепал Волка по тёплому загривку.

— Ты спасал, а потом я до следующей весны сыт был, — вздохнул хищник. — Ну ладно, друг, пойду я. Волчица заждалась.

Друзья серьёзно, по-мужски, распрощались. Волк затрусил рысцой и вскоре затерялся среди деревьев.

С подветренной стороны за сценой наблюдала небольшая группа зайцев.

— Старый лицемер! — фыркнул старший по возрасту заяц, раздражённо постукивая лапой. — Ну что, пора, пока ветер не переменился.

— А долго нам ещё? — спросила изящная молодая зайчиха, грациозно шевельнув ушком.

— Да, далековато, — проворчал заяц. Он оглядел сородичей и остановился взглядом на самом маленьком. Подумав, вожак подхватил зайчонка на закорки. В воздухе мелькнули трогательные розовые пяточки детёныша.

— А куда мы идём? — пискнул малыш.

— В заповедник идём, детка, — ответил заяц, — Лукоморье называется.

— Там хорошо, волк бурый всего один и тот царевной занят, прикормлен, — подхватила старая зайчиха, — и охрана солидная, ни один браконьер не сунется! Тридцать один сотрудник.

— О, а мы пешком пойдём? — закапризничала молодая зайчиха. Её ушки задвигались ещё кокетливей.

— Где пешком, а где поедем, — буркнул вожак и с решительным видом поскакал в известном ему направлении.

— А как поедем? — не унималась капризница, устремляясь за ним.

— Как всегда, зайцем, — бросила старая зайчиха.

На ходу пререкаясь, многочисленная заячья компания прыгала всё дальше и дальше.

Дед Мазай, притоптывая озябшими ногами, двинулся к дому. Преклонный возраст давал о себе знать, и старик потеплее закутался в заячий тулупчик.

Словно в насмешку, ветер бросил ему в лицо несколько редких снежинок.

Стражи Марса

сказка для детей среднего возраста

Антон Головешкин вышел из лифта. В холле единственного на Марсе пятизвёздочного отеля «Хилтон-Марс» царила обычная для вечернего времени суета. Коридор, ведущий в ресторан, пестрел роскошными нарядами. Декольтированные дамы с живыми цветами в волосах двигались на ужин в сопровождении элегантных кавалеров. Из ресторана доносились звуки музыки. Антон на минуту замер, прикидывая в уме сюжет будущего романа. Он не любил путешествовать и считал светские развлечения блажью. Но в его книгах частенько присутствовало и то, и другое.

«Московский отшельник», так называли его в узком кругу, был прижимист и предпочитал вкладывать свои астрономические гонорары в акции надёжных компаний. Антон и на Марс-то отправился не за свой счёт — его поездку тайно финансировала крупная изыскательская компания «Новые орбиты».

С этим Марсом вообще было что-то не так. Земляне основали там несколько колоний, создали необходимую инфраструктуру, позволяющую в случае чрезвычайных обстоятельств автономно продержаться несколько лет. Однако геологоразведочные работы, главным инвестором которых выступали «Новые орбиты», вовсю кипевшие на других планетах, на Марсе выдавали столь ничтожные результаты, что компания всерьёз забеспокоилась. Посылали лучших специалистов, тратились колоссальные суммы. А итог? Вернувшись с Марса, ответственные лица лишь пожимали плечами и в отчётах писали всякую беспомощную чушь о «неэффективности ввиду отсутствия условий», хотя на других планетах вели себя совершенно иначе, успешно реализуя вменённые им планы.

Однако Марс продолжал манить, и руководство компании, перепробовав все возможные варианты, пошло на беспрецедентный шаг — оно пригласило известного писателя слетать на Марс и непредвзятым творческим взором оценить создавшуюся ситуацию. Антон долго отнекивался (он страшно боялся перегрузок и невесомости), но «Новые орбиты» предложили такой гонорар, что писатель изменил своим привычкам. Проживание и питание оплачивалось за счёт фирмы — это тоже радовало. Ещё по дороге на Марс, путешествуя на комфортабельном космолёте, писатель заприметил очаровательную брюнетку с лукавыми фиолетовыми глазами. Она оказалась всего лишь мелкой служащей отеля «Хилтон-Марс», но Антона это не смущало.

Знаменитый писатель вырос в семье со скромным достатком и всю жизнь стремился к богатству и славе. В юности он строчил любовные романы. Быстро понял, что для этого не требуется особого таланта. Ну, написал, что «его рука легла на её трепещущий (трепещущую, трепещущее, трепещущие)» — дальше можно было подставлять названия многих подходящих частей тела — и у впечатлительной домохозяйки замирало сердце. Однажды он узнал, что его книги являются любимым чтивом выдающегося физика-теоретика, во всех смыслах давно вышедшего за грани обычного разума. Ученый любил пролистать на ночь очередную книженцию о вечной любви и страсти.

А потом Антон оценил возможности космонета. Там без дела лежали колоссальные залежи первоклассной литературы, о которой большинство знало лишь понаслышке. И Антон стал потихоньку совать туда нос, подворовывая и переделывая классические сюжеты. Поменяй пару имён, место действия и время — и готов новый шедевр, приносящий славу и деньги. В конце концов он сам уверовал в своё авторство, тем более что над некоторыми книгами приходилось серьёзно поработать. Денежки рекой текли ко всемирно известному писателю, но, памятуя о тяжёлом детстве, Антон проявлял бережливость.

***

— Чем могу быть вам полезен, господин Головешкин? — администратор у стойки олицетворял саму учтивость.

Антон нахмурился:

— У меня из номера пропал элибр, — сказал он сварливо, — мне, конечно, не его жалко, хотя элибр не самой дешёвой мо-

Художник Инга Бурина

дели. Но там записаны все мои труды и последние заметки, сделанные на Марсе!

— Конечно, мы поищем ваш элибр. Может быть, вы оставили его в ресторане или в зоне отдыха. В любом случае, если он потерян на территории отеля, мы его найдём! — пообещал администратор.

Антон сухо кивнул:

— Да уж, больше я нигде не был. Так что он точно в отеле!

После ужина писатель решил отправиться к себе. Космическое путешествие Антона утомило, а о брюнетке он забыл, расстроенный пропажей дорогого прибора. Он вошёл в номер и для очистки совести пошарил по углам: элибра не было. Хотя он хорошо помнил, что оставил его на прикроватной тумбочке. Отходя ко сну, Антон долго ворочался. Удобная на первый взгляд кровать при ближайшем знакомстве оказалась жёсткой и ребристой. «Патентованные ортопедические матрацы!» — вспомнил Антон сведения из рекламного буклета отеля.

***

Пробуждение было ужасным. Антон вздрогнул и привстал на своем некомфортном ложе. Перед кроватью стояло странное существо. Напоминало оно крупного серебристого осьминога, хотя ног у него имелось всего пять. У существа были большие пронзительные глаза индийского мудреца, хищный коричневый клюв и алая ротовая полость, а с продолговатой головы свешивалась лёгкая оранжевая бахрома. Кровь застыла в жилах у писателя, и он оцепенело смотрел на пятинога, который улыбался ему во весь свой страшный рот. Антон не помнил, как он встал с кровати и прямо в пижаме и тапочках на босу ногу последовал за ночным гостем.

Они шли по каким-то закоулкам, потом спускались вниз, снова поднимались и заворачивали в тёмные коридоры. Подойдя к люку с красноречивым изображением черепа, Антон было попятился назад, но пятиног открыл крышку и мягко увлёк писателя за собой. Они спустились в шахту и потом ещё долго блуждали в глубинах планеты, пока, наконец, не вышли на хорошо освещённое место.

Антон увидел подземный город, в котором кипела жизнь. Марсианская жизнь. Пятиногов там шныряло несметное количество. К облегчению писателя, никто его не трогал. Туземцы лишь бросали на чужака любопытные взгляды. Вскоре пятиног остановился и жестами пригласил Антона войти в одно из

жилищ. Они очутились в квадратном помещении, очевидно, гостиной, меблировку которой составляли невысокие диванчики и столик с вазочкой из хрусталя (Антон видел такие вазочки в ресторане). В комнате находился ещё один большой пятиног и пара маленьких пятиножек, одну из которых ласково прижимала к груди вторая взрослая особь. Писатель догадался, что это семья.

— Ну вот, мы и пришли. Присаживайтесь! — пятиног говорил без акцента.

— З-з-з-ачем вы меня похитили? — дрожащим голосом спросил Антон.

— Что вы, что вы, — хозяин протестующе замахал щупальцем, — вас пригласили для дружеской беседы!

Распознав в человеке жажду, он извлёк откуда-то гранёный стакан с бесцветной жидкостью, и Антон жадно выпил поданное питьё. Жидкость оказалась минералкой с газом. На душе сразу полегчало.

— Видите ли, господин Головешкин, — продолжил пятиног, не сводя с человека магнетического взгляда, — я являюсь Стражем. Нас тут много, и мы обладаем способностями, которые помогают нам исполнять нашу великую миссию. Когда-то наш народ жил на поверхности, но катаклизмы загнали нас в недра планеты. Для вашего удобства будем называть её Марсом. Появление землян нас обескуражило, и с тех пор мы делаем всё для того, чтобы нас оставили в покое. Мы очертили границы, в которых вы можете заниматься своей деятельностью, но, сами понимаете, больше мы вам ничего позволить не можем. Мы — цивилизованные и гуманные существа. Мы понимаем, что у землян тоже имеются кое-какие права, но не на всё же! Так что люди, которые могут повлиять на дальнейшее развитие Марса в невыгодном для нас ключе, приглашаются на беседу.

— Вы меня убьёте? — спросил писатель в ужасе.

— Что вы, — обиделся пятиног, — мы просто внушим вам несколько другие идеи, а о нашем существовании вы забудете! Равно как и всё, что вы успели написать про Марс...

Он достал хорошо знакомый Антону элибр и ловко застучал по экрану гибким щупальцем:

— Так, посмотрим. Вот. Тут надо поправить. Почему-то вы написали здесь «спутники Марса Содом и Гоморра».

Антон поёжился. По привычке старого плагиатора он машинально переименовал названия лун Марса.

— Милый, — вступил в разговор другой пятиног, — не забудь перед отъездом вернуть нашему гостю элибр. Я думаю, к этому времени мы успеем прочесть все его книги.

— Разумеется, дорогая, — ответил первый пятиног и взял писателя за руку суховатой, но приятной на ощупь конечностью. Затем Страж Марса посмотрел Антону в глаза.

— Не пиши о Марсе! — прозвучал в мозгу писателя властный голос.

— Не пиши! — это внушала уже супруга хозяина.

— Не пиши! — сказал подросток-пятиног.

— Не пиши! — пискнул маленький пятиножек.

Очнулся Антон в коридоре отеля прямо перед своим номером. Писатель взялся за ручку двери, но вдруг услышал смех и бодрую музыку. Он как заворожённый направился в сторону источника звука и, дойдя до служебного помещения, приоткрыл дверь.

— О, писатель явился! Классная у тебя пижамка! — произнёс знакомый голос.

Хорошенькая брюнетка с фиолетовыми глазами сидела на уютном плюшевом диване, скрестив изумительной красоты ноги. Антон глупо ухмыльнулся и шагнул в комнату, где обнаружил на редкость весёлое и приятное общество. Через пять минут он уже кричал: «Плачу за всех!» и чокался с новыми знакомыми.

***

А в это время глубоко внизу, в подземном городе, семья Стражей Марса готовилась ко сну.

— Знаешь, дорогая, — пятиног издал тяжёлый вздох, — иногда я жалею, что принадлежу к клану Стражей. Помнишь того талантливого инженера, с которым мы так душевно пообщались? Я слышал, что теперь он роет свои хитроумные туннели на Венере. Жаль, жаль, что приходится ограничивать пытливый человеческий ум. Но что поделать, мы должны защищать нашу цивилизацию.

Маленький пятиножек потянул маму за щупальце:

— Мама, а ты будешь мне читать ту интересную сказку про няню Энни Ноггинс? Ту, которая прилетает к детишкам на зонтике?

— Буду, милый, — ответила пятиножиха нежно, — прекрасно пишет этот землянин. Детям не будет никакого вреда,

если мы прочтём им и другие его сказки. Мне особенно нравятся «Крохотулька из цветка» и «Хозяин браслетов».

Папа-пятиног помог уложить малышей, и супруги вышли из детской. Они сели в гостиной и, склонившись над элибром, принялись приобщаться к великим творениям земного гостя.

— Всё смешалось в доме Смитов, — читал вслух папа-пятиног.

— Быть или не быть? — декламировала мама пронзительный монолог юного альфианского принца.

Они засиделись до глубокой ночи, зачитывая друг другу наиболее полюбившиеся отрывки. Не раз их выразительные глаза орошали горькие слёзы сопереживания.

Если бы Антон Головешкин мог их видеть, то сгорел бы со стыда.

Художник Ксения Сивакова

Оксана Фесенко

Переход

сказка для детей старшего возраста

может, не надо?» — Геннадий Андреевич остановился у обшарпанной двери.

Его поднятая рука в нерешительности зависла над кнопкой звонка. Зачем ему это? Ведь всё есть: имя, заслуженное долгой и трудной жизнью в науке; известность в мировых научных кругах; кафедра в университете, ученики — студенты, аспиранты; его учебники рекомендованы для преподавания истории древнего мира во всех вузах страны. Есть устоявшийся круг заклятых оппонентов и убеждённых врагов, а это значит, что ему не только удалось сказать своё слово в исторической науке, но, что самое важное, оно услышано. Имеются и вульгарные завистники, а это лучший индикатор успешности. Есть полный набор материальных атрибутов, соответствующих высокому социальному статусу: дача в Полунине (не Рублёвка, конечно, но зато соседи порядочные люди, творческая интеллигенция старой закалки); машина — лёгкая, быстрая и комфортная иномарка, даст фору многим навороченным автомонстрам. Хотя сам он весьма неприхотлив в быту — ему бы вполне хватило любимого рабочего кабинета, до потолка заставленного книгами — только бы никто не грузил нудными домашними проблемами. Он хорошо зарабатывает для того, чтобы семья ни в чём не испытывала недостатка, и вполне заслужил, чтобы его не дёргали по мелочам. Есть практически всё, чего можно добиться собственным умом и честным трудом. Чего ему ещё не хватает в жизни?

То-то и оно, что чего-то не хватает. Нет ко всему этому искры — живой, яркой, чтобы разжечь затухающий интерес и к жизни, и к науке, чего-то, потерянного в гонке за известностью и успехом.

Геннадий Андреевич решительно нажал на звонок.

Лязгнули, звякнули, громыхнули замки. Дверь, удерживаемая массивной цепочкой, приоткрылась, и в узкой щёлке возник вопросительный глаз.

— Профессор Бибиков, — почему-то виноватым голосом сообщил глазу Геннадий Андреевич и, будто бы оправдываясь, добавил: — Мне назначено.

Дверь захлопнулась. Профессор растерянно посмотрел на звонок — прикоснуться к нему ещё раз у него не хватит смелости. Вот и славно! Вот всё и решилось! Геннадий Андреевич уже было приготовился припустить вниз по лестнице, как нашкодивший мальчишка, но за дверью вновь что-то задребезжало, щёлкнуло, и на пороге возник небольшого роста мужчина в давно не новом спортивном костюме.

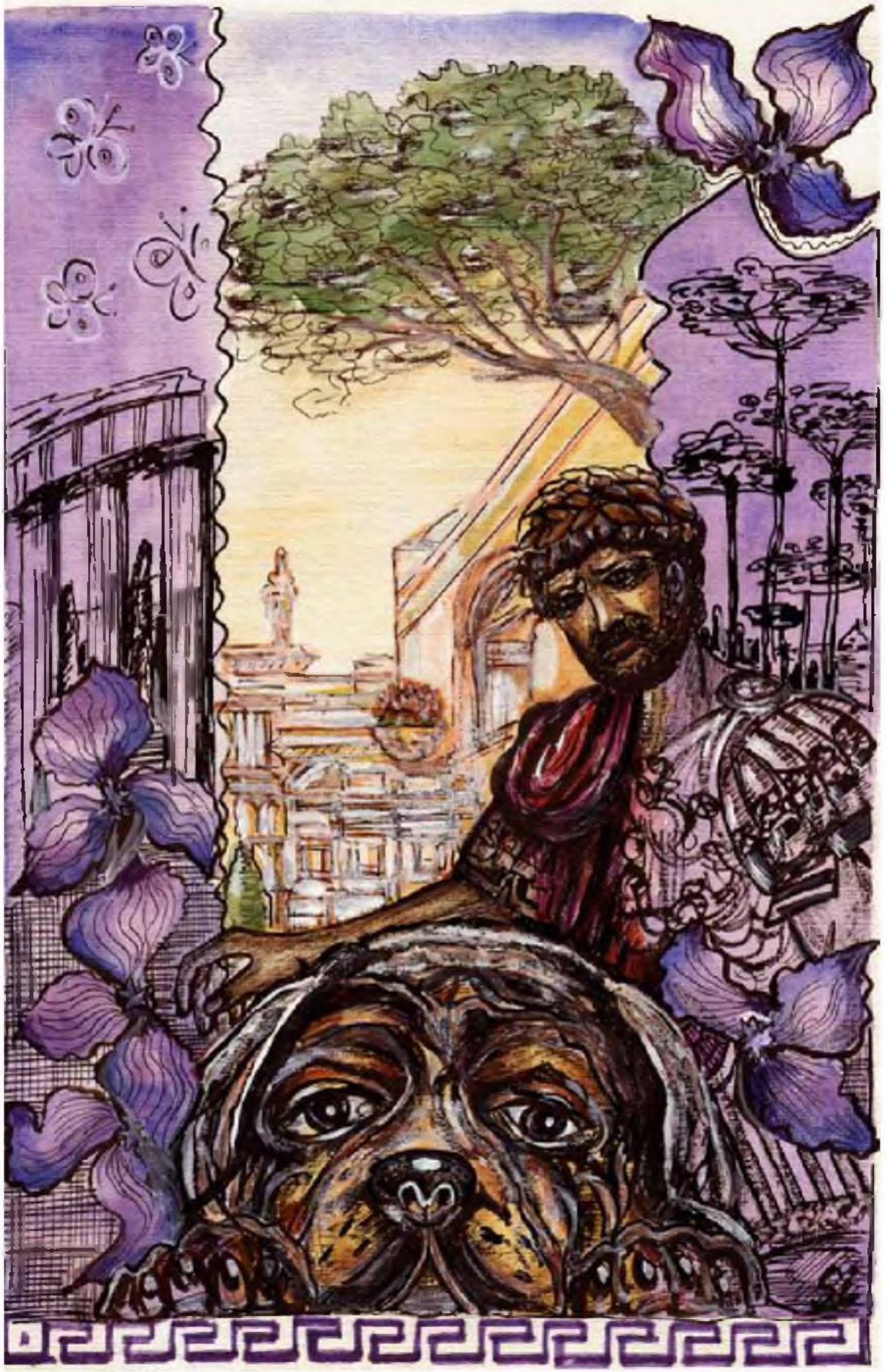
— Проходите, профессор! — пригласил он. — Я Олег Митрофанович, — на всякий случай представился хозяин, увидев замешательство гостя.

Геннадий Андреевич, действительно, был несколько смущён: он совсем не так представлял себе человека, которому решился довериться в весьма рискованном предприятии. В хозяине не было ни отрешённой загадочности мастера оккультных наук, ни солидности учёного, ни сосредоточенности инженера. Больше всего он походил на деловитого снабженца или жуликоватого завскладом — кругленький, плотненький, с широкой сладкой улыбкой, какой-то весь блестящий и сдобный, как булочка с марципаном из университетского буфета.

— Вы в курсе, как всё будет происходить? — спросил Олег Митрофанович, которого профессор тут же мысленно окрестил Олегом Марципановичем.

— Алексей рассказывал. Приблизительно...

Покой и сон Геннадий Андреевич потерял сразу после защиты кандидатской диссертации его аспирантом Лёшей. Парень он был старательный и не лишённый способностей, но абсолютно без воображения и особой интуиции, необходимой настоящему учёному. Поэтому его работа долгое время продвигалась медленно и скучно. До одного момента. Геннадий Андреевич этот момент почувствовал несколько месяцев назад, но даже предположить не мог, какова причина такой разительной перемены в его ученике. Диссертацию по эпохе правления династии Птолемеев Лёша написал весьма и весьма интересную. Доклад на защите звучал так живо и увлекательно, будто диссертант сам побывал в Древнем Египте и лично знаком с каждой из семи



Художник Анастасия Сильва

цариц Клеопатр. Члены Учёного совета слушали доклад с открытыми ртами и едва не растеряли вставные челюсти. Оппоненты, традиционно развлекающие почтенную публику на подобных мероприятиях, на этот раз выглядели бледно и неубедительно. Геннадий Андреевич чувствовал, что такой успех ученика должен иметь какое-то рациональное объяснение.

Загадочные попытки Лёши уйти от разговора на эту тему укрепляли подозрения в том, что не всё тут просто. И только на банкете по случаю защиты, когда непривычный к алкоголю Алексей слегка потерял над собой контроль, профессору удалось вытянуть из него правду. Она оказалась простая и абсолютно иррациональная: Лёша действительно побывал в Древнем Египте и действительно видел живых цариц. Правда, не всех, а только пять.

Как нормальный здравомыслящий человек и серьёзный учёный, профессор поначалу принял рассказ ученика за разогретую волнением и крепкими напитками нездоровую фантазию. Но Лёша пообещал поговорить со своим родственником, который испытывал на племяннике своё изобретение, и организовать учителю путешествие во времени. И слово сдержал.

Конечно, это была авантюра, опасная и с непредсказуемыми последствиями. Конечно, Геннадию Андреевичу не просто было решиться на такое. Но он чувствовал, что упустить столь фантастический шанс не имеет права. Чувствовал, что в последнее время стал терять с таким трудом завоёванные позиции, топчется по собственным ранним трудам, дробя и перемалывая их в жалкие статейки. Ему нужно было срочно получить доступ к новым идеям. Обрести утраченное вдохновение. Если всё это правда, то он сможет увидеть живым Древний Рим, который его заумные учёные коллеги додумывают и реконструируют по мере своей фантазии, выковыривая из земли жалкие фрагменты, обломки, осколки, песчинки, пылинки былого величия Вечного Города...

— Представляю в самых общих чертах, — сказал профессор, — но хотелось бы знать поподробней... — а про себя добавил, — «...во что я впутываюсь».

Марципаныч принял торжественную позу, глубоко вдохнул и объявил:

— Надеюсь, вы понимаете, что перемещение материальных тел во времени — это абсолютная безответственность и полный нонсенс, выдуманный авторами так называемой научной фантастики для развлечения публики. Даже если бы можно было найти техническое решение для таких переходов, это было бы смертельно опасно для самого существования человеческой цивилизации!

— Как «Бабочка» у Брэдбери? — вспомнил Геннадий Андреевич. На какой-то момент он почувствовал себя студентом-первокурсником на лекции.

— Вот! В том-то и дело, что на несчастное насекомое совершенно напрасно повесили обвинение в искажении исторического хода событий. А вот сам факт проведения такого сафари в историю неизбежно нарушил бы равновесие между прошлым и будущим и имел бы весьма серьёзные последствия. При переходе белкового тела во времени нарушаются законы сохранения энергии и вещества. А это, в свою очередь, может привести к искривлению времени. Результат для человечества может быть от ужасного до фатального, — Марципаныч вдруг соскочил с пафосного тона и критически посмотрел на профессора. — И вообще, как по вашему мнению, отнесутся... Куда вы мечтаете попасть?

— В Рим «счастливой эпохи». Время правления императора Адриана.

— ...Как отнесутся счастливые римляне, увидев на улице своего древнего города вот такого господина в академическом костюме с галстуком, да ещё и говорящего по-русски?

— Я в совершенстве владею латынью и древнегреческим, — обиделся Геннадий Андреевич.

Про то, что в портфеле у него лежит взятая напрокат в театральной костюмерной римская тога и сандалии на верёвочках, он решил умолчать.

— А очки! Как вы намерены объяснять древним происхождение сего предмета?

Профессора и самого измучил этот вопрос — если оставить очки здесь, то что он увидит там?

— Так мы плавно подходим к сути моей методики, — Марципаныч расправил узкие плечи и, как смог, подтянул животик. — Суть перехода заключается в обмене тонкими энергетическими телами между биологическими объектами заданного прошлого и настоящего через портал в шестом измерении! — он застыл в театральной позе, будто, ожидая оваций.

Но их не последовало. Единственный слушатель сидел в тихой прострации и, совершенно очевидно, мало что понимал. Марципаныч вздохнул и продолжил:

— Проще говоря, ваше тело остаётся здесь, в этой комнате, на этой кушетке. А так называемая душа отправляется в «Счастливый период» и бережно помещается в тело древнего римлянина, душа которого встречным курсом, соблюдая все физические законы равновесия, аккуратно заселяется в это, — он ткнул

пальцем в сторону профессора как в уже неодушевлённый предмет, — тело. Изящное решение, как вы находите?

«Я нахожу, что я болван и самонадеянный осёл», — подумал профессор.

Сейчас было самое время встать, вежливо распрощаться, передать привет племяннику Алёше, уйти и забыть обо всём этом сумасшедшем бреде. Но он продолжал сидеть, как пришитый к стулу, а тем временем Марципаныч уже переместился к жестяному ящику в углу комнаты.

— Это аккумулятор эпсилон-энергии, — продолжил рассказывать он. — Его заряда хватает на то, чтобы держать портал открытым в течение суток плюс-минус один час. А это — компьютер, управляющий генератором перехода. В какой год, говорите, вы хотите попасть?

— В 118 год нашей эры, — механически ответил профессор.

— Место? Ах, да Рим. Сейчас сверимся с Google Earth... В этом деле очень важно с максимальной точностью задать координаты места. Вот историческая часть города, где-то здесь должен был размещаться дворец императора. Правильно? Вы же хотите увидеть императора?

— А попасть в белковое тело императора я могу? — неожиданно для себя спросил Геннадий Андреевич.

— Теоретически — конечно, хотя вероятность такого события ничтожно мала. Разве что нам удастся угадать координаты той точки, в которой он окажется в момент перехода. Но только зачем? Это уже будет не император, а вы, только с другим отражением в зеркале. Да и ответственность, знаете ли... Не забывайте об ответственности! От вас потребуется предельная осторожность! Любое неловкое вмешательство в исторический ход событий может навредить человечеству. Помните: вы можете быть только наблюдателем. Перебирайтесь на кушетку, я сделаю вам укольчик.

— Какой ещё укольчик? — профессор опешил.

— Исключительно из соображений гуманности по отношению к тому древнему римлянину, который предоставит вам своё тело. Подумайте, каково ему будет внезапно оказаться в нашем времени?

Геннадию Андреевичу пришлось согласиться — даже после инструктажа его психика с трудом справлялась с услышанным. А неподготовленный человек может просто сойти с ума. Да ещё и попутно повредить профессорские мозги. Он послушно подставил руку...

Веер тонюсеньких солнечных лучей, пробивавшихся сквозь щели в двери, скудно освещал убогую комнату. Геннадий

Андреевич осмотрелся: он лежал, свернувшись калачиком, на куче соломы в тёмном закрытом помещении.

«А если это тюрьма, а я в ней заключённый?» — с ужасом подумал профессор.

Более обидного и нелепого путешествия в историю придумать было невозможно. Если, конечно, Марципаныч не сжульничал, и это настоящее прошлое.

Вдруг он почувствовал рядом с собой тихую возню и шебуршение. Что-то запищало. Крысы! Геннадий Андреевич рванулся отскочить, но у него ничего не получалось. Не удалось даже сесть. Тело не хотело слушаться. Только этого не хватало! Может, ещё не привык? Он потянулся к пятну света, чтобы рассмотреть руки своего временного тела — а рук-то у него и не было! И ног тоже не было. На их месте профессор увидел покрытые короткой и жёсткой светло-палевой шерстью собачьи лапы. Геннадию Андреевичу стало плохо. Очень плохо. Так, что захотелось завыть.

— Бегу, уже бегу, — услышал профессор скрипучий старческий голос. — Ну что же ты так расшумелась, принцесса. Кушать хочешь, знаю. Я принес твоё любимое лакомство, — произнёс голос на плохой латыни.

Только благодаря врождённой интеллигентности Геннадию Андреевичу удалось удержаться, чтобы не укусить подошедшего к нему старика.

— Ну, что же ты отворачиваешься, дорогая? Это же твоя любимая печень ягнёнка.

Профессор застонал.

— Ну, не надо скулить, надо хорошо кушать. Тебе же кормить щенков.

Так вот что это возилось и беспрестанно пищало в соломе! Крошечные слепые щенята. Ко всему ещё и это... Гора нелепостей громоздилась всё выше и круче. Геннадий Андреевич понял, что у него больше нет сил на все эти потрясения. Он положил голову на длинные крепкие лапы и закрыл глаза с твёрдым намерением не открывать их ближайшие сутки плюс-минус один час.

Старик ушёл, кряхтя и охая. Некоторое время было относительно тихо, только голодные щенки, повизгивая, беспрестанно тыкались влажными мордашками в бока профессора.

А потом с улицы долетел обрывок фразы, сказанной громким, привыкшим повелевать, голосом:

— ...хоть паштетом из мозгов белых павлинов, но чтобы она была сыта и бодра!

Художник Наталья Рымарь

Знакомый уже старческий голос что-то виновато пробормотал в ответ. Дверь распахнулась. В помещение стремительно вошёл высокий человек в изящно драпированном плаще-паллии, заколотом на плече драгоценной фибулой. Профессор испуганно дёрнулся и попытался забиться в угол. Но вошедший опустился рядом с ним на колени и ласково погладил по голове:

— Что с тобой, девочка? — жарко зашептал он в собачье ухо. — Ты не можешь так со мной поступить! Весь Рим замер в ожидании, кто из моих приближённых удостоится чести получить твоих щенков. Обещаю тебе: это будут лучшие люди Империи! Ты должна вырастить мне настоящих молосских собак — сильных и здоровых. Девочка, ну, пожалуйста...

Профессор не мог слушать эту чушь. Он тоскливо смотрел в открытую дверь, где сиял белым мрамором угол дворца античного вельможи. Античное солнце играло бликами на розовом гравии парковых дорожек. Над клумбой с античными цветами, совсем такими же, как разводила на даче в Полунине его жена, порхали яркие субтропические бабочки. Из-за пышных кустов донёсся весьма неблагозвучный крик античного павлина. Профессору вдруг стало страшно: а вдруг этот античный самодур, который сейчас лезет к нему со своими нелепыми ласками, незапланированно изведёт на паштет крошечные мозги целого стада редчайших павлинов-альбиносов для ублажения его любимой собаки, и после этого дальнейшая история пойдёт вкривь и вкось? Если его современность получит других президентов, это ещё ничего, возможно, даже к лучшему. А вот если он сам, профессор Бибиков, в изменённой действительности окажется каким-нибудь реализатором с вещевого рынка? Или Марципаныч за несанкционированные опыты над людьми уже отдыхает за решёткой, а не дежурит у открытого портала?

Профессор нервно вздрогнул и потянулся к миске собачьей едой.

— Вот и умница, Каллиста! Разве же можно было так пугать папочку?

Геннадий Андреевич едва не подавился печёнкой. Так вот что это за собака! Любимая молосска императора Адриана! А это означает... что сам великий император сейчас стоит перед ним на коленях, гладит по голове и шепчет на ушко всякие глупые нежности!

Увидев, что его Каллиста поела и теперь жадно припала в плошке с водой, император на цыпочках, дабы не потревожить выздоравливающую, выскользнул из комнаты. Геннадий Андреевич перевёл дыхание. В соломе продолжали пищать голодные щенки.

Щенки... Выходит так, что это не просто маленькие собачки, а большая политика. И сейчас от воли Геннадия Андреевича зависит, смогут ли они пережить эти сутки и дождаться своей матери живыми и здоровыми. А потом указать Великому Риму, кто из приближённых императора нынче в фаворе. И сейчас их здоровье было личной ответственностью профессора перед историей. Как надо спасать щенков, он совершенно не представлял. Профессор перевалился на бок, открыв малышам переполненные молоком соски, и зажмурился: будь что будет.

Слепышей не пришлось долго уговаривать — они быстро нашли дорогу к еде. И как только первый щенок деловито ухватился нежными губами за сосок, прижал его шершавым язычком, упёрся лапками в материнский живот и радостно зачмокал, профессора вдруг охватило такое чувство... Ничего подобного, с чем можно было бы сравнить это ощущение, в его жизненном опыте ещё никогда не было. Он лежал, боясь пошелохнуться, чтобы не спугнуть то светлое, бескорыстное, животное счастье, которым заполнилось без остатка всё могучее тело молосски Каллисты и тонкое энергетическое тело Геннадия Андреевича. И только когда последний щенок, насытившись, выпустил сосок, профессор понял, что сейчас он или лопнет от избытка чувств, или... Неожиданно для себя он лизнул ближнего малыша. Опасливо оглянулся, не подсматривает ли кто-нибудь, а потом вылизал одного за другим всех шестерых щенков — от тёплых, пахнущих молоком, мордашек, до мохнатых тугих животиков. И только после этого усталый, но удовлетворённый, позволил себе задремать чутким сном. В любую секунду он был готов стать на защиту своих воспитанников и порвать любого, кто осмелится хотя бы неправильно на них взглянуть.

Несколько раз за этот трудный и счастливый день старый раб выводил его на прогулку в императорский парк. Через пряный аромат цветов и хвои чутким носом молосски профессор улавливал запахи большого города — запах дыма, навоза, пыли. Профессор вполне освоился с ходьбой по-собачьи и уже почти не путался в очерёдности переставления лап. Он чувствовал, что ему ничего не стоит перемахнуть через изгородь и оказаться посреди живого и настоящего Древнего Рима. Но Геннадию Андреевичу почему-то совсем этого не хотелось. Что особенного в том городе? Он сколько уже существует и проживёт ещё столько же и больше. А древние римляне — чем они замечательны? Так же как все, уверены, что находятся на вершине времени и на пределе возможностей цивилизации. Бьются в плену вечных проблем.

Вперёд способны видеть не больше, чем на жизнь своих детей, максимум — внуков. Да профессор знает о них почти на две тысячи лет больше! А вот щенки... Эти шесть крошечных загадок необъяснимо и непреодолимо манили его в полутёмный флигель императорского дворца. Ему было жаль каждой минуты этих суток, проведённой вдали от них. А сутки неслись к завершению так быстро, как быстро может заканчиваться только самое лучшее в жизни.

Профессор открыл глаза. Над ним склонилось заметно осунувшееся и посеревшее лицо Марципаныча. Оно совершенно утратило гладкость и сдобный блеск и сейчас больше всего напоминало заплесневелый сухарь.

— Профессор, это вы? — спросил Марципаныч сдавленным шёпотом.

— Олег Митрофанович, а это вы? — от удивления Геннадий Андреевич тоже заговорил шёпотом.

— Слава всем богам! Вы вернулись! — Марципаныч бросился развязывать бинты, жгуты, верёвки, которыми профессор был прикручен к кушетке. Руки его тряслись, голос захлёбывался и сбивался. — Вы просыпались... Ваше тело... Не хотело спать... Вырывалось... И таким голосом... Эти звуки... — он вдруг спохватился, — Как вы себя чувствуете?

— Отлично. Видел императора Адриана.

— А почему... Ну, в общем... — Олег Серафимович замялся, боясь спросить.

— У неё там остались дети. Совсем маленькие дети.

— У НЕЁ? — Марципаныч выглядел сильно озадаченным.

Геннадий Андреевич оделся и, слегка покачиваясь, двинулся в прихожую. Марципаныч догнал его у дверей:

— Я вас очень прошу! Видимо, технология требует усовершенствования. Мне надо многое переосмыслить. Вы никому не говорите о том, что я... что вы... Ну, в общем, никому и ничего не рассказывайте. Обещаете? — он заискивающе посмотрел в глаза профессору.

— Можете не сомневаться — никогда и никому!

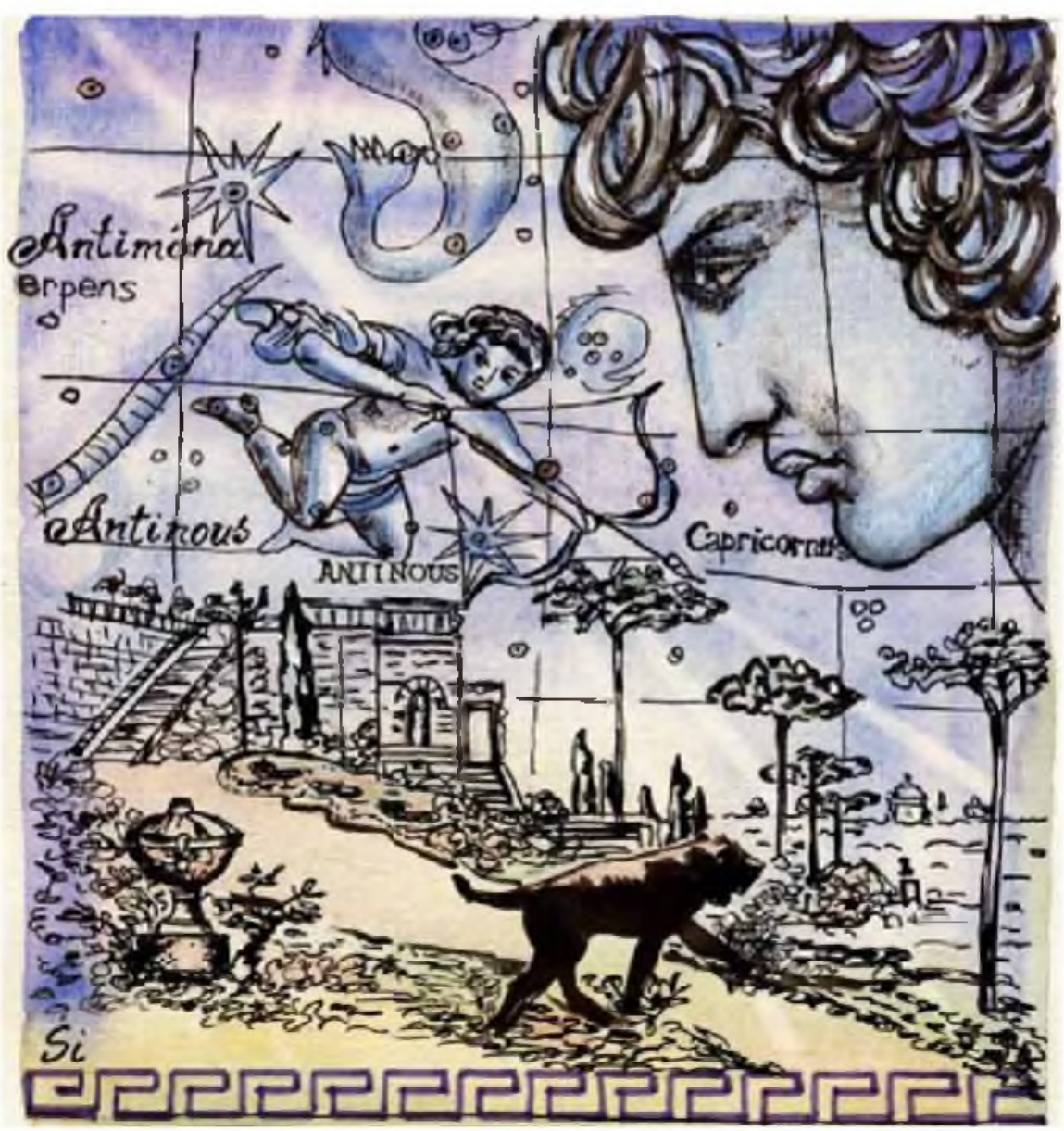
Город полыхал осенними красками. По тротуарам текли людские потоки, до предела насыщенные проблемами и заботами. Нервно дёргались в пробке, отчаянно гудели, чадили и опаздывали по важным делам разноцветные автомобили.

Геннадий Андреевич шёл по улице, широко размахивая портфелем. Брать такси, а тем более спускаться в метро совершенно не хотелось. Давненько ему не приходилось так гулять,

неторопливо, осматриваясь по сторонам, подбивая ногами опавшие листья, до которых ещё не успели добраться проворные дворники.

Жаль, он так и не успел понянчить дочку. Её уже и не приласкаешь, не усадишь себе на колени, не сделаешь козу. Выросла девочка. У неё своя семья, своя жизнь, свои интересы, неведомые родному отцу. Но уж когда появятся внуки, Геннадий Андреевич своего, дедовского, не упустит... А с дочерью как-то поговорить бы по душам. Раньше он никогда и не пробовал этого делать, получится ли?

Да, и ещё надо будет непременно спросить у жены, как называются те её красивые цветы на даче...



Художник Анастасия Сильва

Дар Амона

сказка для детей старшего возраста

«Сенсация в мире археологии!
Во время раскопок в районе Гизы экспедицией сэра Милдтона была открыта неразграбленная гробница юноши из знатного рода. Кроме прекрасно сохранившейся мумии, археологам удалось обнаружить множество уникальных артефактов. Это предметы быта, употреблявшиеся покойным при жизни, маленькие статуэтки «ушебти», которых, в соответствии с верованиями древних египтян, покойный должен оживить силой магических заклинаний, и они будут работать на него в загробном мире, а также неотъемлемая часть погребального инвентаря, 125-я глава «Книги мёртвых», посвященная суду богов, с помощью молитв и заклинаний из которой душа умершего сможет избежать опасностей во время путешествия по загробному миру. После тщательного изучения и реставрации находки будут выставлены в экспозиции Булакского музея в Каире».
(Из газеты «Дейли-Ньюс», Англия)

Они считают, что прошло четыре тысячи лет. Что же, пусть думают. Вполне возможно, что события, произошедшие на земле с тех пор, как умер мой принц, умещаются в этот немалый срок. Но там, где я охранял покой ка — тела моего дорогого мальчика, время не нашло себе места. Не было смены дня и ночи, не разливалась Великая Река, возвещающая о приходе нового года, не было поводов для страха или праздников. Там нечему болеть и некому радоваться. Даже вой песчаного шакала не мог нарушить тишины забытой гробницы, в которой время беспомощно скрутилось в тугой клубок и тихо истлело, неспособное опереться на хоть какое-нибудь, пусть самое незначительное, событие.

Четыре тысячи лет... Значит, ровно столько ба — душа принца Неферхеру — путешествует по четырнадцати пределам царства Аменти. Моей обязанностью было сопровождать его на этом полном неожиданностей пути. Но никто из собиравших принца на запад, туда, где умирает солнце, не знал, что я не способен исполнить эту миссию. Великий Амон оказал мне небывалую честь, поселив живую душу в бессмертное тело, но тем самым обрёк своё творение коротать вечность во тьме погребальной камеры — у пересечения непересекающихся миров: за гранью мира живых и навсегда у порога мира мертвых. Неподъёмно велика оказалась цена бессмертия.

Но, видимо, на то была воля богов... Наверное... Думаю, так... Обычных гробокопателей уже давно настигло бы самое страшное наказание — их бы скормили священным крокодилам. Жуткая казнь! Без сохранённого в целости тела душа преступника никак не смогла бы возродиться в следующей жизни. Значит, это боги помогли жрецам, которые называют себя археологами, отыскать засыпанную песками тайную гробницу. Этого невозможно было предположить — мне снова позволено увидеть движение времени, свет, жизнь! И людей.

Но до чего же странны люди, которые заселили этот мир! Поистине удивительны их верования. У них принято поклоняться смерти. Странный культ. В посвящённом ему храме перемешаны совершенно несовместимые вещи — дорогие украшения и статуэтки, похоронные принадлежности, место которым в гробницах знати, и сломанные, истлевшие, непригодные инструменты крестьян и мастеров, которых полно на любой свалке. Как священная реликвия почитается изрубленное в битвах, утратившее блеск и грозную силу оружие — и совершенно бесполезная горсть пшеничных зерен, превратившихся в камень. Здесь рядом лежат примитивные вещи, которые даже в мою эпоху считались безнадежно древними, и чудеса технического совершенства. В этом кощунственном культе смерть выставлена напоказ — живые могут свободно рассматривать мумии мёртвых. Стены украшены живописью и барельефами с изображениями всем известных богов, но храм, Музей, всё-таки посвящён не им. Здесь правит верховное божество с незнакомым, удивительным именем — Древниегипет.

Страшный бог, но он весьма почитаем в этом мире. Служения ему начинаются с каждым рождением солнца. С раннего утра до позднего вечера жрецы возносят молитвы Древниегипту на разных языках и называют их Экскурсиями. Адепты под чтение

Экскурсий впадают в странное трансоподобное состояние — их глаза делаются бессмысленно-стеклянными, взгляд беспорядочно скользит по пыльным обломкам, именуемым Экспонатами, и лишь натыкаясь на блеск изделий из золота, вспыхивает глубоким жёлтым огнем. Так же они смотрят и на меня. Примитивные люди! Они не понимают, что моя ценность вовсе не в золотом напылении, так милом их взорам. Даже верховные жрецы Музея не смогли разобраться в моей высокой божественной сущности. Они рассматривали, измеряли, скребли, просвечивали меня, помещали в разные машины и в результате решили, что я игрушка. Обычная безделушка, какой играл царственный отпрыск! Их удивил только диковинный материал, скрытый под позолотой. Ещё бы! Это чудесный металл, который упал с неба. Невероятно лёгкий материал. Даже мудрейшие из мудрейших жрецов в тайных подземных лабораториях храма Амона не смогли разгадать его тайну. Но им удалось невозможное — воплотить во мне давнюю мечту человечества: создать устройство, способное подняться в небо. Да, я умею летать. Маленькая металлическая птичка с живой душой — мне доступно то, чего никогда не смогут люди со всеми их невероятными возможностями и неподъёмным грузом желаний.

Но слова заклинаний, поднимающих меня в воздух, знали только двое из смертных — жрец Мането и сам фараон. Даже младший брат фараона, которому и пришла счастливая мысль — уговорить жрецов преподнести чудесное изобретение царю — не был посвящён в эту тайну, хотя сама идея и обошлась ему едва ли не в половину состояния, пожертвованного храму Амона. Но она того стоила. Учёные жрецы всё равно не смогли придумать, как распорядиться созданным по божественному откровению изобретением гениального Мането. А фараон был страстным коллекционером всевозможных механических устройств и технических новинок со всего света. Царица ненавидела в муже эту слабость — едва завидев новую дивную машину, он утрачивал необходимое ему по статусу величие. Всё свободное от государственных дел время фараон посвящал своей коллекции, а когда управление страной мешало его увлечению, то он готов был поделиться властью с любым, кто захочет её взять — так говорила царица. Юный принц, обожавший отца, унаследовал от него поразительные для своего возраста способности к наукам и технике. Фараон с сыном радовались каждому моему запуску, как дети! Они не оставляли надежды однажды тоже подняться в воздух. Сколько драгоценного папируса было изведено на чертежи с расчётами птицы, подобной мне, но большей, чтобы она могла

Художник Ксения Фёдорова

вознести человека в небеса. Сколько невозможных проектов, нарисованных на песке, усмехнувшись, слизнула пустыня.

А вот царица — та невзлюбила меня с первого взгляда. Женщина! Ей больше нравились обычные живые птицы, коими были заполнены огромные просторные вольеры в царских садах. Несчастные создания! Они сидели на диковинных деревьях, опутанных сетями, и с завистью смотрели на меня, вольно и широко парящего в синем небе над дворцом фараона, над горячим ветром пустыни, над страной Та-Кемет... Я-то знаю, это царица тогда сломала пусковой механизм. Фараона безмерно опечалило, что гордость его коллекции, дар Амона, не сможет больше летать. Мането к тому времени уже ушёл в царство теней и не мог починить механизм. Но принц, это был поистине гениальный мальчик! Он справился со сложнейшей задачей. Именно

Художник Галина Головко

тогда у нас с принцем Неферхеру установилась тонкая духовная связь, которую отчётливо ощутили мы оба. Людям вообще свойственно питать нежные чувства к тем, кому они однажды помогли. А я искренне полюбил принца, потому что... Просто полюбил. Исполнившись радости и гордости за сына, фараон передал ему тайну заклинания. Жаль, после этого принц прожил так недолго. После его внезапной смерти фараон оказал мне честь сопровождать нашего дорогого мальчика в царстве Аменти.

И вот спустя четыре тысячи лет Амон во второй раз подарил меня людям. Но лучше бы мне оставаться навсегда в гробнице Неферхеру, охранять покой его нетленного ка. Зачем боги решили освободить меня из тьмы, если в этом мире нет никого, кто произнёс бы нужные слова? Мне больше никогда не суждено воспарить в небесной лазури. Вышло так, что это новое испытание моему бессмертию — провести остаток вечности под пыльным стеклянным колпаком в храме Древниегипта. Его верховные жрецы упрятали меня сюда, решив оправдать свою беспомощность и недостаток знаний нелепой выдумкой про следы яда на моём остром клюве. Пусть думают, что хотят. Только бы позволили мне всегда быть рядом с принцем...

«Стали известны подробности авиакатастрофы, случившейся на прошедшей неделе в аэропорту Орли, о которой сообщили все ведущие мировые информагентства. При заходе на посадку потерпел крушение и загорелся самолёт из Каира. Он выполнял спецрейс, доставлявший редчайшие артефакты Древнего Египта на выставку «Золото фараонов» в Лувре.

Как сообщил источник из государственной Службы Древностей Египта, большинство экспонатов пострадали незначительно. Лишь один предмет — статуэтка птицы, сделанная из легкоплавкого материала, восстановлению не подлежит. Остальные экспонаты после небольшой реставрации, которую выполнят ведущие специалисты Франции, Англии и США, займут достойное место в экспозиции Лувра. Руководство музея утверждает, что выставка начнётся в запланированные ранее сроки».

(Из газеты «Фигаро», Франция)

— Па-а-апа! Купи-и-и! — мальчик указывал пальчиком на большого механического зайца с литаврами, косо сидящего на витрине мягких игрушек.

Мужчина растерянно пробежал глазами по разноцветным плюшевым зверям.

— Костик, но мы же шли покупать машинку?

— Пап, не надо машинку, купи мне его, — ребенок, минуту посомневавшись, решился, — тогда больше никогда не надо покупать мне машинок.

На лице мужчины отразилось страдание:

— Сынок! Зайчик, наверное, больной. Смотри, он посинел совсем!

— Папочка, а мы с мамой его вылечим!

— Костик, нас с этим зайчиком мама на порог не пустит.

Мальчик снова задумался. Вдруг его личико вспыхнуло радостью:

— Пап! Вы с мамой на день рождения обещали подарить мне конструктор. Не надо конструктор, подарите мне синего зайчика! Обещаешь?

Мужчина обречённо вздохнул:

— Обещаю, — и, опустив глаза, тихо добавил, — поговорить с мамой.

...Так вот для чего всё это было: жрецы-археологи, храм Древнего Египта, гигантская белая птица, сраженная небесным огнём, во чреве которой погиб драгоценный дар Амона, и этот неведомый зверь с ослиными ушами в лавке детских игрушек! Принц узнал меня даже в странном плюшевом теле цвета небесной лазури, с механическим нутром и заводным ключом чуть повыше дурацких клетчатых штанов. Скорее, не узнал — почувствовал. Дети вообще обладают особой, порой пугающей интуицией. Просто они ещё не способны понять, что это память прежних жизней. Потом родители, наставники, учителя наполнят их души новыми, искусственными знаниями. Собственный опыт создаст их новую личность. И они забудут, с чем пришли в этот мир. От прежних жизней останутся только странные, необъяснимые, путаные сюжеты снов. Дети станут взрослыми, рациональными и будут удивляться поразительной прозорливости своих юных наследников.

Но принц, который здесь стал худеньким и бледным мальчиком Костиком, сейчас в том счастливом возрасте, когда порог чувствительности ещё не пройден. Только бы не опоздать, только бы дождаться, спрятаться, раствориться среди этого пёстрого тряпочного мира, стать незаметным для чужих, тех, кому я не предназначен. И тогда мы снова будем вместе...

Мужчина подвёл жену к витрине. Он отодвинул огромного палевого медведя с туповатой добродушной мордой, из-за спины которого свисало длинное синее ухо.

— Вот он. Леночка, только ты не волнуйся...

Женщина открыла рот и несколько раз судорожно глотнула воздух.

— Гена! Вы с Костей с ума сошли! Никогда я не позволю занести в дом это чудище! Оно же испортит ребёнку эстетическое чувство!

— Леночка, но что же делать — он так просил подарить ему этого зайца.

— А знаешь, Гена, у меня есть идея получше. В последние дни, когда я забираю Костика из детского сада, он мне всю дорогу рассказывает про золотых птичек. Всё время про золотых птичек! Оно бы ничего, но ещё он бормочет всякие абракадабры. Звучит жутковато, прямо как заклинания какие-то. Я уже начинаю бояться разгула его фантазий...

— Для ребёнка его возраста это нормально. Я тоже в детстве много сочинял. Кстати, я не рассказывал тебе, кем я хотел стать, когда вырасту? Царём! Мама даже в какой-то момент отказалась читать мне сказки на ночь — она решила, что это слишком сильно возбуждает моё воображение. Но со временем всё прошло. Видишь — вырос нормальным мужиком.

— Ох, не обольщайся, дорогой! И сейчас разговор не о твоём трудном детстве. Давай лучше мы вместо этого ужасного зайца подарим Костику на день рождения попугайчика, чтобы...

— Кого? — неприлично громко вскричал поражённый мужчина.

— Тише ты, успокойся. Живого волнистого попугайчика. Можно жёлтенького...

— И этот попугайчик будет летать по всей квартире и гадить на мою коллекцию машинок?

— Дурак ты, Гена! — женщина посмотрела на мужа с искренним состраданием. — Как он залетит в закрытый на сто замков шкаф с твоими сокровищами? Всё, решено — купим попугайчика и научим его говорить: «Геша дурррак!»

— А может, тогда уж лучше канарейку? — с робкой надеждой спросил мужчина.

— И канарейку тоже купим. Это хорошо, когда в доме много птиц. Только пойдём отсюда скорее...

Екатерина Фурикова-Кемпел

Жизнь без Маргариты

сказка для детей старшего возраста

Хочу на пляж, — ноет маленькая Мартинька, ковыряя булыжники старинной набережной новой, блестящей красной лакированной туфелькой, — хочу купаться!

Мама Мартини, донна Памела, невысокая черноволосая женщина с удивительно правильными и какими-то решительными чертами лица, осторожно пытается успокоить бушующее чадо:

— Мартиня, будет дождь. Ты же не любишь грозы. Давай лучше зайдём в кафе к Паулинье...

— Хочу на пляж, — пятилетняя Мартиня настроена более чем решительно.

Донна Памела выдвигает свой последний аргумент:

— Видишь, старая Маргарита уже стоит на балконе?

— Вижу, — кивает Мартиня, всматриваясь в безмятежно голубое небо.

— Какой на ней халат? — триумфально вопрошает донна Памела.

— Красный. Красный с жёлтыми цветами, — разочарованно бормочет Мартиня.

— И, значит?..

— Ливень начнётся через полчаса, — печально соглашается Мартиня, — но ты купи мне то персиковое мороженое и маленькую трубочку с кремом...

Мама с дочкой неторопливо шагают в сторону оранжевых зонтиков кафе.

На небе ни облачка. Через полчаса начнётся шторм. Старая Маргарита неторопливо поливает душистую герань из огром-

ной поблёкшей алюминиевой лейки, и тёплый ветер треплет воротник её халата.

— Красный халат — шторм, ветер и град, синее платье — всё будет прекрасно, — мурлычет под нос малышка Мартиня популярную городскую песенку.

Эту песенку в городке Бье-Де-Ли знают все, кроме старой Маргариты, живущей в доме номер три на набережной Льнов, прямо около пирса. Впрочем, может быть, эту песенку не знает муж Маргариты, Пепе Упрямец, а также бабушка Мартининой подружки Виолы, которую никто не видел и которая никогда не выходит из своей комнаты, но весь город знает, что она есть.

* * *

Неясно, что послужило тому причиной: одни говорили, что над городком не вовремя пролетела пёстрая бабочка, другие, что на рассвете на пляже танцевали морские кони, малышка Мартиня твердила, что с западным ветром к колокольне собора святого Николаса прибило яркий воздушный шар, доктор Корнелиус уверял, что всему виною весенние сны, а Паулинья и вовсе божилась, что виноват ромашковый чай, который исчез из местной лавки, но однажды всё в городке пошло не так.

В один невоскресный день Пепе Упрямец, кряхтя, завёл свой дряхлый «Фиат» и для острастки сердито прогудел в клаксон, распугав стайку мальчишек, шаливших на набережной. Затем машина медленно тронулась и вскоре скрылась в облаках пыли.

— Поехал за чаем, — шепнула хозяйка кафе Паулинья своей поварихе, могучей мулатке Мафалде. Всем известно, что Упрямец неравнодушен к ромашковому настою.

Впрочем, тем же вечером Пепе вернулся, и юный Тим, внук бургомистра, своими глазами видел, как Упрямец вытаскивал из машины свёрток.

* * *

— Тебе, — Пепе поманил к себе жену, — с годовщиной, дорогая.

Маргарита развернула свёрток. В её руках зашелестел шелковистый изумрудно-зелёный сарафан с золотыми пряжками.

Маргарита не помнила, когда в последний раз она мерила что-то такое яркое. К лицу ли пожилой даме такие излишества? Вылезать из привычной, пусть старой, но разношенной до

удобства незамечания, до иллюзии естественности скорлупы. Однако вот он, Пепино, тот самый, что и тридцать лет тому... Или не тот?.. Да, постаревший, поседевший вместе с нею, но в глазах бесенята, как в семнадцать лет.

Она молча влезла в сарафан, приосанилась, смахнула со лба волосы. Да ведь она ещё не совсем старуха, всего-то сорок восемь. Какая ерунда, даже пятидесяти ещё нет... И волосы, они не блёкло-серые! Они, оказывается, сверкают каштановым.

Пепе улыбнулся жене. «А фигура у него всё ещё как у молодого», — с нежностью подумала Маргарита.

— Поехали?

— Куда? А впрочем, неважно, куда, — мелькнула мысль. Не старая, вовсе ещё не старая Маргарита взяла за руку разом взбодрившегося супруга.

— А это кто такие? — с любопытством глянула владелица кафе Паулинья на средних лет элегантную пару, выходящую из дома номер три на набережной Львов.

Но долго думать ей было некогда, посетителей много, время не ждёт.

Пепе Упрямец сидел за рулем машины, расправив плечи, и свежий бриз с моря полоскал волосы Маргариты.

* * *

Первым пропажу Маргариты обнаружил дядюшка Антонио, собравшийся, по обыкновению, с утра на море. По привычке глянув на балкон, седой рыбак, к своему удивлению, не заметил ни синего платья, ни красного халата. Более того, не заметил он и самой Маргариты. Да и потрепанного авто Упрямца Пепе у подъезда не наблюдалось.

Антонио поглядел на море. Вроде тихо, но погода меняется так часто... Антонио на всякий случай сморгнул — мало ли что привидится в утреннем мареве — и снова глянул на дом номер 3. Нет, не привидилось. Маргариты не было. Впервые за последние бог весть столько лет ни красный халат, ни синее платье не мелькало на балконе и не просматривалось в проеме окна...

Рыбак нерешительно подошёл к Маргаритиной двери и постучал. Никто не отозвался. Похоже, дом опустел.

— Надо бы выпить бутылочку «Мессельского», — рассудил дядюшка Антонио и направился к винному погребу, — а пока пью, авось, появится.

Он ошибался. После одной, двух и даже трёх бутылочек Маргарита не появилась.

* * *

Тревогу подняла матушка Магдалена, плотная боевитая старушка 87 лет, как она сама себя характеризовала, «вдова и сирота», а также обладательница жемчужного двухэтажного особняка с красной черепичной крышей.

В среду крыша начала течь, и на мраморном полу ванной комнаты второго этажа образовалась небольшая блестящая лужица. Сначала вдова и сирота грешила на большого рыжего персидского кота по кличке Лулу, который подозрительно вылизывал лапы, сидя на лестнице. Однако кот оказался невинен, как младенец, а вот на потолке и обоях обнаружились выразительные ржавые разводы. Крыша, несомненно, прохудилась.

— Надо бы починить крышу, — сердито заявила старушка управляющему, очкастому Беппо.

Беппо неуверенно поглядел на небо:

— Ну, уж и не знаю, хозяйка... Кажется, будет дождь... Какая в дождь починка? — на небе не наблюдалось ни облачка.

— Что значит «кажется»? Красное или синее? — нетерпеливо топнула ногой матушка Магдалена.

И тут обнаружилось, что старой Маргариты нету.

— Я буду жаловаться бургомистру, — в сердцах бросила хозяйка.

Беппо вздохнул. Характером матушка Магдалена обладала... искрометным. Похоже, бургомистру сегодня не поздоровится.

* * *

На следующее утро у дверей ратуши собралась сердитая толпа горожан. Матушка Магдалена в сердцах молотила в стенку своей тяжелой клюкой, желая знать, почему обижают ее, вдовицу и сироту, и когда уже можно будет чинить крышу, донна Памела волновалась о том, следует ли вывесить сушиться во двор белье, рыбаки Карел, юный Клаус и дядюшка Антонио боялись выйти в море и интересовались, не будет ли шторма, учительница воскресной школы Клара сомневалась, подходящий ли сегодня день для экскурсии в парк, и даже падре Беньямин мягко, но настойчиво вопрошал, можно ли будет открыть окна в соборе во время крещения младенца Себастьяна.

У бургомистра, сравнившегося по бледности цветом со знаменитой юбкой донны Памелы, ответов не было. Маргарита и Пепе Упрямец пропали, растворились в воздухе, словно не было их никогда, и никто во всём городе не знал, когда они вернутся и вернутся ли.

Художник Апёна Кудряшова

То ли от встречи с клюкой рассвирепевшей старушки, то ли от расстройства по поводу беспорядков в городке по розовой, оштукатуренной стене ратуши поползла трещина, похожая на цепочку.

* * *

В полдень на башне ратуши зазвонил старинный бронзовый надтреснутый колокол. Если учесть, что последний раз в городке Бье-Де-Ли сигнальный колокол звонил лет пятнадцать тому назад, когда коза Селина сожрала новую штору тогда ещё сеньориты, а сейчас донны Памелы, событие это было из ряда вон выходящее.

— Пожар, — с энтузиазмом подумали горожане, дружными рядами подтягиваясь к ратуше. Пожара пропустить никому не хотелось.

Даже бабушка Виолы, которую никто никогда не видел, с любопытством приоткрыла ставни. К счастью, окна её комнаты выходили прямо на главную площадь.

— Так жить нельзя. Нам нужна новая Маргарита, — рубанула воздух со ступенек ратуши матушка Магдалена.

От громогласных слов революционно настроенной пожилой дамы горожане вздрогнули, а впечатлительный зеленщик Лука вжал голову в плечи и уронил на землю пучок петрушки. Новых Маргарит в городке не наблюдалось.

А добровольно становиться Маргаритой и вечно торчать в окнах дома номер 3 по набережной Львов не хотел никто.

— Может быть, жребий, — тихо подсказал боевитой прихожанке падре Беньямин.

* * *

Через два часа все дамы и девицы города нервно вглядывались в высокий цилиндр городского гробовщика, временно заменивший собой избирательную урну. На одну из записок, по особому настоянию падре, даже вписали бабушку Виолы, которую никто не видел, но все знали, что она существует.

С подачи падре Беньямина тянуть жребий назначили чистое дитя — малышку Мартиню, которая ещё не освоила искусство чтения.

Перепуганная Мартиня долго шарила в импровизированной урне, наконец, выудила бумажку с именем, протянула её падре Беньямину и спряталась за широкую накрахмаленную юбку донны Памелы.

— «Маргарита», — внятно, по слогам прочёл падре и в сердцах широко перекрестил шляпу. Откуда, как попала бумажка с именем пропавшей Маргариты в список дам городка Бье-Де-Ли? Никто не знал.

Странности продолжались.

* * *

Расположившись в кафе Паулиньи на набережной под огромным ярким зонтом, отбрасывавшим ржавые тени на лицо и белый воротничок, заинтригованный падре обсуждал происшедшее с вконец расстроенным и бледно выглядящим бургомистром. На столике стыли плотно взбитый капучино и черничный маффин падре Беньямина, а также миниатюрная чашечка с успокоительным чаем бургомистра.

— Козни лукавого, — авторитетно постучал костяшками пальцев о стол падре Беньямин, косясь на пустой дом номер три.

— Народу нужна Маргарита. Какая-нибудь, для спокойствия в умах, — тихо прошелестел бургомистр, зябко передернув плечами. Он и рад был бы стать Маргаритой, но не подобает мужчине носить дамское синее платье или красный шлафрок.

— Господи помилуй! Назначить, нанять... да, нанять, из городской казны. Свято место не должно пустовать.

— Но бюджет...

— Тогда установить дежурства. Каждый день по очереди кто-то замещает Маргариту. Дело правильное, для блага всего городка, богоугодное. А я буду молиться о её благополучном возвращении, — на всякий случай падре осенил злосчастный дом номер 3 широким крестом.

* * *

Бабушка Виолы, которую никто не видел, но все знали, что она есть, прижавшись к щёлке между ставнями, зорко наблюдала за Ратушей.

Не кто иной, как сам бургомистр с утра, облачившись в униформу штукатура, нещадно замазывал трещину на стене ратуши.

Не каждый раз такое усмотришь!

Бургомистр, будто почуяв взгляд, настороженно огляделся. Никого.

Бабушка Виолы звонко расхохоталась и улыбнулась зеркалу, привычно отразившись пустотой. Хорошо быть невидимкой, когда ты точно знаешь, кто ты такая.

* * *

Каждую третью пятницу в восемь утра матушка Магдалена, постукивая палкой, входит в двери дома номер 3 на набережной Львов.

Зажмурив глаза, она на ощупь тыкает в тряпьё, брошенное на спинку потёртого плюшевого кресла предыдущей дежурной.

Облачившись в красный халат или же синее старомодное платье, заштопанное на рукаве, старушка кажется себе, как ни странно, моложе лет на 15. Пожилая дама наполняет водой огромную алюминиевую лейку и выходит на балкон полить герань.

Иногда матушке Магдалене кажется, что в зеркале отражается незнакомка в зелёном сарафане, но мало ли что сослепу может привидеться в заброшенном доме.

— А вот и Маргарита, — облегчённо вздыхает хозяйка кафе Паулинья, раскидывая зонты в ожидании нового дня.

* * *

Мартиня напористо тащит на пляж донну Памелу, размахивая совком и лопаткой.

— Мартинька, ну куда же ты? Может быть, будет дождь, — ворчит на неумолимую дочурку взмыленная донна Памела, — вот и Маргарита...

— Зато рыжий кот Лулу, тот, который вечно загорает на лестнице у входа в Магдаленин дом, сегодня начал умываться с левой задней лапы, — торжествующе заявляет Мартинька, — а это значит, всю неделю будет отличная погода!

Сентиментальные похождения Чацкого

сказка для детей нарядного возраста

... В Москву я больше не ездок!
Некто Чацкий

Все дороги ведут в Рим.
Пословица

Посмотрите, что за шутки:
Еду я вторые сутки,
А приехал я назад,
А приехал в Ленинград!
Человек рассеянный

е ездок! — крикнул Чацкий и схватился за голову.

Голова гудела так, как будто в ней методичный звонарь выводил неведомый благовест, да так громко выводил, трудолюбиво.

Чацкий хмуро выглянул на улицу. Москва золотилась куполами церквей, скрипела под полозьями нарядных саней, пахла жареными пирожками, кричала тысячами тысяч голосов горластых мальчишек и басовитых извозчиков.

— Софья, Софья... Нет, не ездок, — нервно повторил Чацкий. Паспорта готовы, дорога ждёт. Никогда больше не увидит он эту вековую, замшелую Москву! Париж, Лондон, Рим, весь мир открывался перед ним.

Москва думала иначе.

В трактире пана Тадеуша было шумно и пахло снежим бигусом.

Чацкий кинул на стол монету:

Художник Александр Васильев

— Шибко, панове! Бигус, мёд...

— Дзенькуе, пане, — засуетился плотный, краснощёкий, усатый половой, — Наилепший мёд на всём Повисльe.

Чацкий закрыл глаза. Ещё пара минут и — горячий бигус с грибами, на червоном вине, и та самая, знаменитая Тадеушева палендвица...

В горшке перед Чацким плескались щи. Щи, обычные, московские щи, со сметаной. Бигусом и не пахло.

Роскошные длинные усищи полового таяли на глазах. За окном заливисто прозвенела русская тройка.

Москва брала своё.

— Сдача! — бросил половой, и по дубовой столешнице рассыпались копейки.

Чацкий стиснул зубы:

— Так, значит? Нет, не ездок, мы ещё поглядим, кто кого, Москва...

За морозным стеклом дворник Иван, ещё секунду назад бывший Янеком, по-стариковски закряхтел и начал отгребать снег с дорожки.

Совсем рядом, за стенкой, тоненько расхохоталась Софья.

— Даю сотенную, и гоните, гоните во весь опор!

Чацкий уже видел перед собой огни Парижа. Великий город, могучий, не менее сильный, чем преследующая его Москва.

Он почувствовал приближение Москвы, когда легкомысленная Сена медленно начала покрываться тонкой коркой наледи, а дамы на набережной закутались в оренбургские пуховые платки.

— Дяденька, подайте копеечку, — заканючил встречный цыганёнок, — а я зазнобе вашей весточку снесу.

— Далеко моя зазноба, — чеканя каждое слово, выговорил Чацкий, с ненавистью глядя на дом Фамусова, вырастающий на улице Божевиль. Оттуда деловой походкой выбежал Молчалин.

— Бежать, бежать, бежать, — под ребрами отчаянно заколoло.

Он оторвался от Москвы в Булони, но она настигла Чацкого в Лондоне. Москва цеплялась за рукава, подсовывала ему пироги вместо горячих маффинов, скалилась из подворотен вечными шальными гимназистами, золотила и вытягивала луковками купола собора святого Павла.

Чацкий ушёл от неё ночью, тихо-тихо, как воришка.

Москва, казалось, была готова следовать за ним вечно.

Но, как ни странно, в Италии Москва начала хиреть. В Венеции сквозь привычное лицо соседа Якова начали проступать

черты типичного Джузеппе, а сквозь плавное оканье то и дело пробивалась итальянская мелодичная скороговорка.

В Риме Москва сдалась. Волосы Дуньки отчаянно зачернели, взвились буйными кудрями, а могучие колокольни поблёкли, попрятались среди пестроты площадей вечного города. Москва отступала, как побитая голодная собачонка, пятилась, робко озиралась и уходила, уходила, теряя силы.

Когда за тонкими стеклами зазмеился по черепичным крышам золотой закат, Чацкий уже не слышал ни единого русского слова.

Он победил.

— Кофе, сеньоре, — почтительно протянул то ли Беппо, то ли Тоньо, — уже третий день Чацкий пытался запомнить имя своего нового лакея.

— Кофе, кофе... а дал бы ты мне, Ванька, чаю, — но вёрткий итальянец и носом не повёл на требование господина.

— Не знает, подлец, чаю, — Чацкий приподнял тоненькую, с напёрсток, чашку, и горький напиток ожёг ему горло.

Под балконом сновала чужеродная толпа. Ни тебе дворников, ни гимназистов.

Как будто и не было Москвы вовсе.

Чацкий хмуро крутил пуговицу на своём новеньком ломбардском жилете. Пуговица, обтянутая неведомой расписной тканью, держалась изо всех сил.

— Вот что, готовь паспорта, плут. Домой еду.

Пуговица с треском оторвалась.

Москва встретила Чацкого хмурым дождиком.

— Соскучилась, рыдает, — сентиментально подумал Чацкий, — ну, хватит уже, я ж это так, сгоряча бросил.

Москва недоверчиво оглянулась и улыбнулась солнечными брызгами в вечных лужах.

Пахло бубликами и весной. В окне дома Фамусовых Софья с томным и загадочным видом лузгала семечки. Всё было мило и привычно.

— Хорошо, — подумал Чацкий.

На дне чемодана в чёрном горьковатом кофе прятался Рим, мятыми кружевами стелился Париж, под скомканным шейным платком притаился Лондон, круглой чужеземной монетой на дне кошелька позванивала Варшава.

Города дышали, жили, ждали.

— Не уйдёт, — пылко протянула Булонь, а Венеция кокетливо прищурилась в прорезях маски.

Анубис Хентиаменти

Рождественская сказка

сказка для детей старшего возраста

Эта история произошла в 15** году в одном маленьком германском королевстве, которым правил хоть и молодой, но весьма благоразумный, и что гораздо важнее — благородной души монарх Конрад. Но если благородство монарха проявлялось во всём, то благоразумие его избегало одного предмета — предмета монарших воздыханий принцессы Магдалены. Ради Магдалены король Конрад был готов на любые безрассудства, и, безусловно, все эти безрассудства его величество совершил бы, будь на то воля или хотя бы согласие её высочества. Однако Магдалена, к несказанному облегчению всех подданных молодого короля, была благоразумна не менее самого Конрада:

— Мой дорогой Конрад! — говорила она. — Вы гораздо милее мне целым и невредимым, чем увечным либо по частям, а ваш народ — довольным и процветающим, нежели возмущённым и разорённым вашими предприятиями, единственная цель которых произвести на меня впечатление!

И бедный Конрад (а надо сказать, что король действительно был небогат) продолжал терзаться от невозможности выразить свою любовь к Магдалене как-либо иначе, нежели просто словами. Тем более что приближалось Рождество. А поскольку сразу после Рождества король намеревался сделать принцессе предложение руки, сердца и короны, предоставление Магдалене доказательств королевской любви становилось вопросом политическим.

— Мой верный коннетабль! — воскликнул король Конрад, отнимая ладони от лица. — Скажи мне, как, как я могу доказать Магдалене свою любовь?! Ведь она не принимает ни подвигов,

поскольку они связаны с риском, ни подарков, поскольку они связаны с расходами!

Коннетабль чуть склонился, заскрежетав доспехами и мозгами, и застыл в этой неудобной позе так надолго, что король начал опасаться: не потерял ли он только что опытнейшего из своих воинов?

— Мой государь! — отозвался, наконец, коннетабль. — Я старый солдат и всё привык добывать в бою! Славу, деньги и... кхм... прошу прощения... это самое... Женщин. Вряд ли мой опыт в амурных делах будет вам полезен. Однако не мрачнейте ликом, мой король — быть может, вам сможет помочь советом человек пусть и неопытный, но также обуреваемый чувствами? Ведь у вас одна беда... кхм... счастье, то бишь.

— Что ты хочешь сказать, мой верный барон?

— При вашем дворе нынче отбывает воинскую повинность некий Клаус фон... впрочем, ваше величество даровали ему рыцарское звание за доблесть в сражении не далее, как год тому назад, и фамилия его из него одного и состоит. Так вот, этот Клаус почти так же благороден сердцем, столь же сильно влюблён и немногим более беден, чем... то есть...

— Не стесняйся, барон! Я не стыжусь своей бедности и не кичусь своим благородством. Я помню Клауса — в той битве он на своём коне перемахнул через копья швейцарцев, теснивших нас с фронта, пробил брешь в их фаланге и один держался там, пока ты не подоспел на помощь, решив победу!

Седой коннетабль покраснел и забормотал, что, мол, как же... оно... любой бы... парень молодец, а он всего лишь...

— Зови!

Да, рыцарь был явно беднее своего короля: куцая латаная кольчуга, простенький шлем — лишь весьма достойный меч отличал сего воина от простых кнехтов. Но и меч этот был подарен ему лично королем год тому назад, при возведении в рыцарское достоинство.

— Скажи мне, Клаус, готов ли служить ты мне верой и правдой, и всеми способами, что я потребую, помимо ущербных для чести твоей?!

— Всегда готов, ваше величество! — склонился воин.

— Сказано было мне, что влюблён ты?

Клаус залился краской.

— Не отрицай — то известно мне доподлинно! Кто же она, что прельстила сердце твоё?

Ещё более покраснев, Клаус отвечал:

— Одна из фрейлин вашего двора, ваше величество, благородная девица Догмара...

Молодой король честно попытался вспомнить, кто такая эта Догмара и как она выглядит, но всё место в голове короля занимала одна лишь Магдалена:

— Достойный выбор, — дипломатично кивнул король, так и не сообразив, о ком идёт речь. — Я призвал тебя, Клаус, чтоб ты помог мне! (Лязгнув железом, Клаус рухнул на одно колено). Помог советом, Клаус! Я, видишь ли, сразу после Рождества намерен свататься, а на Рождество собираюсь угодить своей невесте, но как я могу ей угодить, если она не желает сказать, чего ей хочется?! Увы, увы, все мои предложения были отвергнуты — а уж я и подарки предлагал, и подвиги — дракона для меня соседский король бережёт... — пригорюнился Конрад.

— Так вот! — очнулся король, погоревав с минуту. — Скажи мне, Клаус, беднейший, а потому вернейший из моих рыцарей! Чего хотят от нас женщины?

Из угла тронного зала, где таился в тени коннетабль, донёсся долгий вздох, содержание которого могло бы потянуть на объёмистый трактат под заголовком «О неисповедимости промысла Божьего, тем более в его ребровом проявлении».

— Мой король! — отозвался рыцарь. — Я всего лишь бедный рыцарь, и не в моих силах ответить на ваш вопрос. Могу лишь сказать, чего попросила от меня на Рождество благородная Догмара.

— Что же? Говори!

— Она сказала: «Клаус! Каждая девушка мечтает об одном — о Сказке!..».

Из угла тронного зала, где таился в тени коннетабль, донёсся долгий вздох, содержание которого могло бы потянуть на объёмистый трактат под заголовком «О проклятии Божием, на человечество павшем (особливо в ребровом его проявлении)».

— Хм... — нахмурился король. — Сказка... А что она имела в виду?

— Я не знаю, ваше величество. На последнем построении наш коннетабль сказал, что самая волшебная сказка для любой женщины — это его...

— Кхм! — раздалось из угла, и из сумрака выступил коннетабль. — Осмелюсь доложить... что... кхм... как бы...

— Не волнуйся, барон! — повел рукою король. — Тебя, а тем более твои части я Магдалене дарить не собираюсь! Что же подаришь своей избраннице ты, мой рыцарь?

— Ну... — смутился Клаус. — Я небогат... Она хочет сказку... Я не сказитель, и нанять бродячих актёров для постановки у меня денег тоже не хватит — я подарю ей рождественский вертеп! Это такой ящичек...

— Я знаю, что такое вертеп, мой рыцарь. И у меня хватит денег даже на бродячих актёров. Но... будет ли это сказкой? То есть, для фрейлины — без обид, Клаус — это, может, сказкой и будет, но для принцессы!..

— Ваше величество! — ответил рыцарь. — Я доподлинно знаю, что раз в год в большой город Антверпен, что в Брабанте, прибывает один-единственный корабль из пределов далёкой Поднебесной Империи. И корабль этот привозит среди прочих чудес Настоящую Сказку, что плетётся прямо в небесах огненными нитями. Стоит та Сказка тысячу талеров золотом, но зато те, кто её видел, остаются очарованы ею навсегда!

— Тысячу талеров... — пробормотал король.

— Мой господин! На эти деньги можно нанять на три месяца тысячу швейцарских пикинеров и разгромить всех наших соседей! — вскричал коннетабль.

— Тихо, барон! Что мне соседи, если Магдалена отвергнет меня?! Решение принято! Клаус! Ты отправишься в Антверпен и привезёшь для моей принцессы Сказку!

И Клаус отправился. Двадцать конных кнехтов сопровождали его — ведь он вёз трёхгодичный доход всего королевства.

Труден был их путь: в Арденнах воины местного барона столь настойчиво навязывали им гостеприимство своего сюзерена, что пришлось обнажить мечи — и их осталось пятнадцать; в Лимбурге бунтовавшие крестьяне захотели пощупать, что у них в кошелях — крестьяне отправились на небеса, но кнехтов осталось десять; ещё трое погибли в глупой портовой драке уже в Антверпене — но наконец-то Клаус взошёл на борт крутобокого, нездешним запахом пахнувшего когга!

— Сказку? — усмехнулся в бороду купец. Этот жрец звонкой монеты не носил доспеха, а на поясе его болтался как бы и ненужный широкий кинжал — однако истинный завсегдатай портовых кабаков поставил бы на купца, а не на ловкого подтянутого Клауса, чей пояс оттягивали ножны с тяжёлым бастардом. — Что ж... Волоки, ребята! — и дюжие докеры на лебёдке подняли из трюма замысловато раскрашенный фургон.

— Вот она! — похлопал по боку фургона купец. — Сказка! Обошлась мне... да, впрочем, что тебя расстраивать... Ты за неё заплатишь тысячу талеров золотом, и ни талером меньше!

Художник Эпина Эллис

— Я заплачу тебе, — с достоинством согласился Клаус. — Но как мне проверить, что ты не обманул меня?

— Смотри! — купец снял задвижку и потянул на себя рычаг — крыша и одна стенка фургона отъехали вниз, открыв страшное хитросплетение трубок, трубочек, трубищ и промасленных шнуров. — Потом опускаешь остальные три стенки, и поджигаешь вот этот шнур. За полминуты он прогорит — тогда-то всё и начнётся!

— А как я проверю, что всё это работает? — хмуро упорствовал Клаус.

— Плати деньги и поджигай хоть сейчас! Только учти, что вещица одноразовая.

И Клаус впряг в странный фургон маленького выносливого мула и отправился восвояси. Только раньше он зашёл на ярмарку и купил на все свои два серебряника замечательной французской работы рождественский вертеп! Ящик был весьма искусно раскрашен, а картинки внутри, показывающие младенца Иисуса в яслях, и волхвов, и звезду были такими, что не оторваться! «Если я покажу это народу, наш пастор лишится всей паствы!» — подумал Клаус. И вправду — ведь гораздо интереснее самому смотреть, как всё происходило, чем слушать, как об этом скучно рассказывает какой-то замшелый священник.

Епископ Меца потребовал плату за проезд через его мост, но поскольку все деньги короля ушли на Сказку, а все деньги Клауса на вертеп, пришлось драться, и после с Клаусом осталось лишь трое кнехтов. Которые — славные ребята! они вышли живыми из предыдущих переделок за счёт своей ловкости и храбрости, но тут шансов не было — все погибли всего в двух лигах от королевского дворца, в засаде, устроенной местными разбойниками. Клаусу повезло срубить главаря, и остальные разбежались. К сожалению, они убили и мула, что тянул фургон, поэтому последние две лиги Клаусу пришлось тащить фургон на себе.

— Клаус, милый! — бросилась ему на грудь Догмара. — А ты привёз мне Сказку?!

— Постой, любимая! Где король Конрад? Я должен передать ему... то, что должен передать.

— Король уехал встречать свою принцессу и будет лишь завтра! Ну же, порадуй меня!

— Да, Догмара! Я привёз тебе настоящую Рождественскую сказку! — и Клаус достал из фургончика вертеп.

— Это... сказка? — недоверчиво переспросила Догмара.

— Да, милая! Смотри вот сюда и крути вот эту ручку, и ты увидишь Настоящую Рождественскую Сказку!

Что же, Догмара последовала совету Клауса. Спустя четверть часа она оторвалась от вертепа и сказала:

— Клаус. Это не Сказка. Это ряд дурно нарисованных картинок, крутящихся в дурацком деревянном ящике! А я-то думала, ты меня любишь!! — и Догмара, разрыдавшись, убежала в свои покои.

Клаус вздрогнул. С минуту он стоял недвижно, потом подошёл к ящику и начал вертеть ручку:

— Ух ты! Ох-хо! Вот это да!.. — шёпотом восклицал он, хотя видел эти картинки уже не в первый раз. Докрутив вертеп до конца, Клаус выпрямился и оглянулся вокруг...

— Мой коннетабль! — звякнув шпорами, вошёл Клаус в караулку.

— А?! Что?! — встрепенулся мирно дремлющий барон. — А, Клаус!.. Привёз?

— Привёз, ваше высокопревосходительство! Дозвольте узнать, — тянулся в нитку Клаус, — прибудет ли его величество сегодня, дабы я мог представить ему Сказку?

— Нет, Клаус, отдыхай и не беспокойся — Его величество прибудет лишь завтра к вечеру... А то и послезавтра... — зевнул барон.

— ...Догмара! Догмара! Прости меня! — страшным громким шёпотом звал из-под балкона Клаус. — Догмара!!!

— Ну что тебе, Клаус?! — зевнув, вышла на балкон Догмара.

— Прости меня, Догмара! Я обязательно подарю тебе Сказку! Завтра.

— Знаешь, Клаус, — оперлась на перила Догмара. — Меня не устраивает это «завтра». Ты что, хочешь сказать, что вот так вот, ради своих сиюминутных дел можешь запросто взять и отодвинуть подарок мне на завтра? А почему тогда не на послезавтра? Не на следующий год? Я понимаю, почему ты сказал про завтра — завтра приедет король, и ты торжественно выпустишь из темницы привезённую тобою Сказку — привезённую для его возлюбленной Магдалены, не для меня! Ах, как это ловко, Клаус — и королю угодишь, и мне! Ты клянёшься мне в вечной любви, Клаус, но любишь лишь свою вассальную присягу — только королю ты готов служить немедленно и каждый день! А мне — лишь когда не служишь ему! Ты благородное ничтожество, Клаус, ты гордая тень монарха — насколько тень может иметь гордость! — и балконная дверь захлопнулась, жалобно звякнув плохо закрепленными витражами.

Клаус потоптался с минуту под балконом, а потом исчез в тёмноте сада. Однако спустя полчаса он снова был здесь:

— Догмара! — позвал он. — Догмара!

Балконная дверь хлопнула:

— Ну что тебе ещё?!

— Смотри, Догмара... — Клаус поджёг фитиль...

И через полминуты началось! В тёмном небе на фоне тусклых северных звёзд вспыхивали роскошные восточные дворцы, тут же сжигаемые буйными джиннами; джиннов усмиряли могучие герои, немедленно женившиеся на огненных красавицах; пышущие пламенем драконы похищали красавиц, и их спасали новые герои; воздвигались и рушились огненные стены; начертывались и стирались огненные письмена — в тёмных германских небесах творилась чудесная восточная Сказка!..

— Встань, Клаус, — король был суров и тёмен ликом.

Клаус, звякнув кандалами, поднялся с колена.

— Ты нарушил вассальную присягу, Клаус, бывший вернейший из моих рыцарей, и ждёт тебя от того позорная казнь через повешение!

— Да будет так, — смиренно ответил Клаус.

— Подожди, Клаус, — смягчившись, произнёс король. — Я же знаю: не ты виной этому происшествию! И я, Клаус — да! — понимаю твои чувства и готов тебя простить! Скажи лишь — ты любишь эту женщину?! Как её там...

— Догмара.

— Да.

— Нет.

— То есть... как — нет?!

— Мой король. Я понимаю, что ваше благородство подсказывает вам простить меня, списав мой проступок на безумие любви и благословив наш с Догмарой брак.... И это было бы благородно и справедливо... ранее. Но теперь я... Я не люблю уже Догмару.

— ...! — вскричал король. — Кого же, рыцарь, ты любишь теперь?!

— Теперь я никого не люблю, мой король.

— Прекрасно, — нахмурился король. — Значит, и умирать тебе будет не больно.

— Подождите, дорогой мой, — положила на руку королю свою узкую ладонь принцесса Магдалена. — Разве не видите вы, что юноша был ослеплён любовью — так же, как ослеплены были вы, истратив (о мот!) трёхгодичный доход королевства на

пустой фейерверк? Не омрачайте нашей помолвки столь жестокими мерами.

— Что же вы предлагаете, принцесса? — негромко буркнул король.

— Ну... ну, пусть он будет лесничим в самом-самом отдалённом уголке ваших владений!

— Магдалена, — ещё тише ответил король. — Вы же знаете, что до самого-самого отдалённого уголка своих владений я легко могу доплюнуть со стены своего замка.

— Ну, тогда отпустите его на все четыре стороны!

— Отпустить?! Ну, разве наказанием ему послужит отлучение от моей королевской особы, что так благоволила ему! Ты слышал, Клаус?! Милостию принцессы Магдалены ты отпущен на все четыре стороны! Ступай! Но если ты окажешься в пределах моего королевства позже завтрашнего утра, тебя повесят на первом же суку как предателя! — монарх взмахнул скипетром и Клаус вышел.

— А что с этой... как её?.. — спросил король Магдалену.

— В деревню, — ответила принцесса. — К тётке.

— В глушь! — подхватил король.

— В Висбаден! — и будущая чета весело расхохоталась.

— Прощай, Клаус, — тяжёлая рука старого барона лежала на плече бывшего рыцаря. — Вот, возьми, — барон сунул рыцарю золотой кругляшок. — Чем могу, так сказать... Куда подашься?

— Не знаю, мой коннетабль, — пожал плечами Клаус. — Моя жизнь принадлежала королю, но он мне её подарил. Постараюсь потратить этот подарок, чтобы как-то искупить свой проступок... Завтра Рождество. Каждый желает получить на Рождество свою Сказку.

— Но ты же говорил, что Сказку привозят из Поднебесной Империи только раз в год, да и стоит она тысячу талеров золотом?!

— Я ошибался. Сказку нельзя откуда-то привезти — даже из Поднебесной Империи. Нельзя её и купить — даже за тысячу полновесных золотых талеров. Сказка у нас внутри — нужно лишь подобрать ключик и выпустить её.

— И как же ты собрался... выпускать Сказку?!

— Для начала на ваш золотой я пошью красный полушубок, нацеплю накладную бороду и куплю мешок подарков для крестьянских детишек. С детьми проще... — с этими словами Клаус развернулся и пошёл прочь.

«Бедный Клаус! — думал старый барон, возвращаясь в караулку. — Судя по всему, он слегка повредился головой ото всей

этой истории...» А в караулке на грубом скоблёном столе стоял весьма искусно раскрашенный ящик. В передней стенке ящика была щель, чтобы смотреть, а справа приделана ручка. Конне-табль усмехнулся, подошёл к бочонку у стены, наполнил пивом глиняную кружку и сел перед ящиком, неторопливо отхлёбывая из кружки.

— Разве взглянуть, прежде чем выбросить... — пробормотал барон, отставил пустую кружку и прильнул к ящику.

Если бы кто-нибудь в это время заглянул в окно караулки, он увидел бы, как старый воин, тихонько посмеиваясь, заворожённо крутит ручку деревянного ящика, по временам шёпотом восклицая:

— Ух ты! Ох-хо! Вот это да!..

Художник Максим Акульшин

Тайна о военной сказке

сказка для детей старшего возраста

Всё не так, как кажется.

В звенящей птицами тишине Центрального городского парка (бывший парк Восстания, бывший Императорский сад) ему всегда хорошо думалось.

Деревья полностью скрывали городской ландшафт. Приятно волнуясь от прикосновений прозрачного неба, они перебирали над головой старика листьями и иногда роняли один чуть жухлый зелёный на скамейку рядом с ним. У его тощих ног прыгали кофейные воробьи и жирно переваливались глупые голуби. Старик никогда не кормил их, но каждый раз, когда он приходил в парк, птицы слетались к его скамейке и что-то выискивали у его пыльных туфель. Наверное, птицы любили его, хотя старик был к ним равнодушен. С ним такое бывало сплошь и рядом. Да почти всегда. Все двадцать лет его бесконечно длинной жизни. У старика были седые волосы, обожжённое лицо в шрамах, один глаз и семь пальцев на обе руки.

Нельзя сказать и что старик любил лес. Но лес его успокаивал, и мысли в изуродованной ожогом и шрамами голове наконец-то начинали течь более-менее по очереди, а не все разом и вперемешку, как последние пять лет.

Сейчас трудно найти нормальный лес. Собственно, лесов в округе нет уж лет пятьсот: все перевели на дрова. Но вот просвеченные солнцем ясные буковые рощи, грибные перелесочки — их было много, да... Сейчас же — миль на двадцать вокруг города всё посечено осколками и выдрано с корнем... Парку повезло — в центре города боёв не было.

Тот лес был страшен. В нём не осталось ни одного живого дерева — все были изувечены и искорёжены. Расщеплённые стволы валялись тут и там, подлесок превратился в сплошной бурелом. Словно пьяный великан-дровосек накинулся на рощу и в ярости разметал её всю. И всё это было перемешано с растерзанными трупами.

Три эскадрона лейб-гусар, разом сверкнув розовой в рассвете сталью сабель, застигли его ополченцев в поле, на марше. И загнали в этот лесок. А потом тяжёлые гаубицы элитного Второго гвардии Его Императорского Величества артиллерийского полка сутки дружно работали над лесом, показательно превращая его в труху. Раскрошенная древесина перемешивалось с мясом и землёй; подброшенные взрывом трупы повисали на деревьях.

Бойцы откопали его под вечер — его швырнуло в воронку, потом поперёк воронки рухнул огромный ствол, следующие разрывы бросали туда же мертвецов, срезанные осколками ветви, обрушивали потоки земли. Он очнулся уже похороненный в кислой от пороха и сладкой от крови и древесного сока могиле: его завалило. Он мог лишь чуть пошевелить левой рукой, в щёку впивался сучок, ноги придавило бревном, а поперёк его груди лежал мертвец — подбородок упирался мертвецу в плечо. Сверху не прекращалась канонада. Он лежал до вечера, а снаружи стоял грохот, земля тряслась, и никто бы его, стонущего, не услышал — вряд ли там вообще остался кто-то живой, и каждый близко ложившийся снаряд досыпал в его воронку земли и древесного крошева.

Его спас Паук — тот видел, как накрыло командира. Пинками и наганом он выковыривал из ямок, из-под корневищ мужичьё, собрал дюжины полторы, и они под обстрелом ползали с полудня и до сумерек, ища командира.

Тех, что его искали, осталось четверо, включая Паука, когда наконец откопали.

— Мальчиш! — проорал на ухо Паук.

А какой он теперь был Мальчиш?! Отделался он сравнительно легко: контузило его, на левое ухо оглох совсем, а ещё он совершенно поседел. И именно с того дня стали случаться у него странные провалы в памяти: целиком выпадали дни, события и люди. Старик, пятнадцатилетний старик...

Миниатюрный мальчик-кадет, всегда пламенеющий свежими щёчками, сияющий голубыми в серый тон глазищами. Сирота древней дворянской фамилии со щедрым отступным за не мозолить глаза от подагрического седьмой воды дяди.

В пятнадцать он выглядел на двенадцать. На ежегодном балу пепиньерки хихикали, а светские жёны офицерства, поголовно вистующего в бильярдной, едва сдерживались, чтоб не усадить его к себе на коленки. Но его интересовала лишь дама с лучистыми глазами.

За год до того дама с лучистыми глазами протанцевала с ним почти весь вечер, доведя до абсолюта обоснованную ненависть к себе прочих львиц и котят. А затем дозволила сесть к ней в карету, чтобы помочь скоротать время по пути домой — отнюдь не подмочив этим своей репутации, поскольку репутация дамы была испорчена давно и бесповоротно. Они проболтали о пустяках всю дорогу, дама серебристо смеялась, лишь однажды взгрустнув, когда разговор вдруг коснулся денег: даме недоставало изрядной суммы на какую-то неясную мальчику, но важную цель. Когда карета остановилась, мальчик зарделся, закрыл глаза и потянулся губами — у него чуть не остановилось от позора сердце, когда в ответ он услышал смешок; но тут прохладные ладони накрыли его горячие щёки, и он получил поцелуй... в лоб. Тонкие пальцы, царапая голову длинными лакированными ногтями, забрались ему в шевелюру... а потом пальцы исчезли, с улицы пахнуло морозом, хлопнула дверца, и карета повезла его обратно в кампус.

Мальчик, к которому намертво приклеилось «Мальчиш!» (подслушанное кем-то у дамы с лучистыми глазами) — он был кумиром всего кадетского корпуса. Он был прост, весел, щедр, дружелюбен ко всем, отлично успевал по всем предметам. Завидовали тоже, конечно... Может, поэтому-то...

...Мальчик год откладывал своё содержание, но скопилось до обидного мало. Через год опять был бал, и опять была она, они вышли в заснеженный парк, и Мальчиш неловко ткнул ей в руки набитый ассигнациями пакет. Она округлила свои лучистые глазищи.

— Не вздумайте отказываться, — жёстко сказал Мальчиш. — Это слишком дорого мне обошлось.

— Мальчиш... — его лицо утонуло в серебристом песце, а острые коготки царапнули затылок. — Мальчиш-Мальчиш...

За следующую неделю произошло сразу несколько событий: дама с лучистыми глазами, бросив мужа, сбежала за границу с каким-то мужчиной, про которого говорили, что он «не джентльмен»; кадетский корпус обнаружил хищение собственной казны, и кто-то показал на Мальчиша; сыскивать доказательств поленились и вышибли его с треском, сорвав перед

строем погоны и обойдясь без суда, благо дядя обязался покрыть все убытки; забастовка в крупнейшем промышленном и ближайшем к столице Лейне переросла в вооружённое восстание, причём восставшие сумели рассеять брошенных на подавление Синих улан и взбунтовать окрестные сёла; столица бурлила, и кадетский корпус закрыли, когда курсанты отказались вставать при звуках императорского гимна...

Старик сухим пальцем потёр ввалившееся внутрь пустой глазницы зашитое веко, задумчиво постучал перед собой палкой — воробьи тут же вспорхнули на дерево, голуби торопливо заковыляли подальше.

...Это было первое из доставшихся ему в подарок от прошлой жизни томительных воспоминаний. Одно из тех его воспоминаний, в котором мысли вязли, как в болоте, в котором приходилось пробираться, как в тёмном подвале, заваленном всяким хламом — наощупь, постоянно рискуя свалиться в незакрытый погреб. Он никак не мог в нём разобраться... Естественно, обвинение в хищении казны было наветом, но вспомнить, откуда у него взялась такая чудовищная сумма денег, он тоже не мог, как ни старался — тут был полный провал. Мелькал на краю зрения странно-бледный молодой офицер, но это явно было игрой его искалеченного разума: офицер этот впервые появился в его жизни лишь вечность спустя — ровно через год...

Мучительных, неразрешимых несоответствий в памяти было три, и их обязательно нужно было разрешить — хотя бы последнее... Но парк тускнел, день клонился к закату, и спокойствие было, но мысли всё равно шли хоть и гуськом, но не в ногу, и не те, что нужно, а те, которым самим вздумается. Старик, опершись на палку, тяжело поднялся и, шаркая туфлями, побрёл к выходу.

Второе воспоминание было связано с расстрелом.

Уже полгода вовсю шла разоряющая страну война, уже был Мальчиш сед и глух на левое ухо, и под рукой у него ходила уже ни много ни мало, но дивизия — летящая пустыми полями Четвёртая конная. Седовласый пятнадцатилетний мальчишка — Комдив-Четыре гремел на весь Северный фронт, был умён, смел, быстр, справедлив и жесток. В седле он был рождён, в рубке — страшен, и интересы Республики овеществлялись на его клинке алыми ручьями, которые, шипя, сбегали по кровостоку и жадно

впитывались чёрной землей. Именно Четвёртая конная, сутки пройдя на рысях, замкнула столицу с запада и взяла форштадты в пешем строю — потому что люди ещё могли передвигаться, а лошади уже нет. Именно Четвёртая конная, шатаясь, раз за разом поднималась в атаку, и всё же отбросила до самой реки рубаку и ловеласа принца Конте графа ле'Ир, единоутробного брата Его Величества, оборонявшего западную окраину со своей личной гвардией. Именно Комдив-Четыре повинен в том, что принц, потерявший пять шестых своих людей и лично закрывший глаза собственному сыну, убитому пулей наповал — принц отшагал немногие остающиеся до дворца кварталы пешком, в разодранном камзоле и размахивая в такт шагам саблей, пинком распахнул высокие двери в королевские покои, так, что посыпалась позолота, и, увидев судорожно пакующую картонки королевскую фамилию, расхохотался, потом разрыдался, потом мрачно сообщил:

— Поздно, — и застрелился в висок на глазах у императрицы и несовершеннолетнего наследника.

Что ж, принц был прав — когда, нервно подрагивая свежим шрамом на левой щеке, Мальчиш горячил чужую кобылу, заставляя её танцевать и крушить подковами вощёный паркет Хрустального зала, всё венценосное семейство успело добежать только до подвала. Из которого уже не вышло.

Из центра города наступал полностью укомплектованный Пятнадцатый пехотный полк, сохранивший верность короне и развёрнутый теперь комендантом столицы против обескровленной Четвёртой конной. С запада докладывали, что застава на железнодорожном переезде разбита, в город спешит имперский бронепоезд, а за ним катится состав с офицерским полком графа ле'Манна — их вот-вот должны были взять в клещи. Надо было что-то решать с пленниками.

И — да кто же это был?.. Даже лица не вспомнить... бледный такой, как смерть... Потерев стволом браунинга висок, он сказал, что гадов надо списать в расход, потому что с такой обузой они не прорвутся. Мальчиш поморщился, но офицер был прав...

— Вот ты и сделаешь, — отрезал Мальчиш, и отправился расставлять бойцов на соседней улице.

Караул устало козырнул, и пятеро вошли в подвал. С треском встал на взвод поднятый к плечу браунинг.

— Именем Республики... — четыре выстрела грохнули почти разом.

Художник Игорь Савин

Императору пули пробили голову и грудь, императрице попали в грудь и в живот, невредимый наследник корчился в углу.

— А кто пащенка кончать будет?! — офицер бешено зыркнул на четверых с винтовками, подошёл к наследнику и, ухватив того за льняные волосы, вставил ствол браунинга ему в ухо.

Понятно, что старик всего этого видеть не мог. Но почему чей-то рассказ раскалённым тавром причастности лёг на его совесть, а вот как он командовал арьергардом, сдерживая имперскую «махру» — он не помнит совершенно? Конечно, после того, как он наглотался в подземельях Северного Форта горчичного газа и чудом не сдох, выплёвывая по кусочку собственные лёгкие, его мозг и не такие чудачества вытворял — случалось и по привидениям в саду из револьвера палить...

Добредя до выхода из парка, старик махнул рукой извозчику и неуклюже полез в коляску. Мужик взялся было помочь, но старик прикрикнул и махнул на того своей клюкой. Устроившись, наконец, в коляске, он палкой ткнул мужика в спину, приказывая трогаться. Извозчик звучно причмокнул, чуть встряхнул вожжами, и коляска затряслась по мостовой. Старик поморщился. Несмотря на хорошие рессоры, езда причиняла ему неудобство: обожжённое, изрубленное и изломанное тело стонало при каждом неловком движении.

Двое маляров квачом мазали кирпичную стену, закрашивая намалёванный ночью девиз: «МАЛЬЧИШ ЖИВ!» Старик усмехнулся: мёртв Мальчиш... почти... Вот только вспомнить бы лицо... На месте того лица постоянно какая-то муть... Вот вспомнить и отойти уже — так устал...

На соседней улице с треском лопнула бомба, и посыпались оконные стёкла. «Ого!» — подумал старик. Мужик на козлах вздрогнул, стегнул лошадку и свернул на первом же перекрёстке — подальше от взрыва. Позади слышались вопли. «Ах да! — спохватился старик, — Сегодня же как раз годовщина...» Навстречу, подвывая, промчался неуклюжий серый броневик полиции.

Кто-то ещё сражался в подполье. Кто-то ещё верил. И надо вспомнить, обязательно надо вспомнить лицо! Вот ради них вот... — старик посмотрел на двух пареньков лет четырнадцати в гимназической форме, спешащих поглазеть, что это там жахнуло. Такие в Северном Форте тоже были...

К Северному Форту относилось третье, самое важное и самое мучительное воспоминание.

После того, как Мальчиша с окровавленными ошмётками Четвёртой конной вышибли из города, столица продержалась всего неделю — подошли свежие силы, город взяли в плотное кольцо, и комендант сложил знамёна. Северный Форт мог бы оказаться крепким орешком: он стоял на крутых холмах сразу за северной окраиной, и его артиллерия господствовала над городом. Но его гарнизон также почёл за лучшее сдаться. Четвёртая конная снова вошла в столицу, но теперь парадным шагом своих коней, с плещущими знамёнами, под ликующую медь труб. Север страны, наконец, был чист, но на юге дела шли из рук вон плохо, и армию, погрузив в вагоны, перекинули туда. А Мальчиша назначили комендантом города, оставив ему лишь батальон. Ещё два Мальчиш должен был набрать из горожан. Что он и сделал. Но сначала он снова открыл кадетский корпус: армии нужны были знающие, молодые, не отравленные монархизмом, влюблённые в Республику офицеры.

Из бывших кадетов набралась едва ли десятая часть: кто погиб, на той ли, на другой стороне, или случайно, кто бежал, кто не поддерживал нынешнюю власть. Но в целом число воспитанников удвоилось, несмотря на жёсткий отбор: столица голодала, а кадетов хорошо кормили, и родители охотно отдавали детей в корпус — и о детях заботясь, и избавляясь от лишнего рта.

Если раньше Мальчиш был кумиром корпуса, то нынешние кадеты, тощие и большеглазые щенки, смотрели на него, седого, изрубленного, легендарного и — пятнадцатилетнего! — как молодые викинги на спустившегося их предводительствовать Одина. Их кристальной чистоты юные души навечно переходили в его владение. И когда он влетел во двор кадетского корпуса, волоча по брусчатке грязный темляк сломанной сабли, и свалился на булыжник мостовой с шарахнувшегося обессилевшего коня, весь в поту и чужой крови; когда по его приказу построили перед ним пятьсот мальчишек, и он хотел сказать, что надо помочь Республике, надо, ребятки, надо отстоять... но лишь захрипел, потому что глотка спеклась коркой... Он выхлебал ковшик воды, утёрся серым от пыли рукавом, помолчал и глухо выдохнул:

— Мальчики... Надо умереть.

После секунды гробовой тишины двор рявкнул таким неистовым троекратным «ура!», что оглушённые вороны попадали с конька крыши арсенала — эти дети могли убить любого одними лишь ненавистью и любовью...

Обнаглев от знания, что на севере у Республики войск нет и получить за неправильную политику кровавую резню в приграничных сёлах не грозит, соседи разрешили проход через свою территорию корпусу герцога ле'Бурже, сформированному на Островах из беглых офицеров и иных пропахших тухлятиной людишек. При монархии налог в северных землях был щадящим, и разжиревшие крестьяне не особо привечали обирающую их новую власть, зато с радостью согласились снабжать офицерьё, а также дали герцогу пять тысяч лапотников в подкрепление.

Полк Мальчиша, на две трети состоявший из рыхлых столичных ополченцев, потеющих от одного вида наступающей цепи, всё же пять суток зубами держался за переправу у местечка Броды, трепеща воронёного Мальчишова браунинга больше, чем жерл дворянской артиллерии. В тылу разбегались кто куда семьи республиканцев, поскольку герцог вешал их на каждом удобном суку. Ночью Мальчиш посадил по коням уцелевшую сотню старых бойцов, распустил остатки ополченцев и к утру был в столице.

Пускать герцога в город было нельзя — через столицу серебристые рельсы тянулись в Келлан, и по ним герцог выходил бы в тыл Командарму Юг, и без того изнемогавшему. Защищать огромный город, прикрывая направление, не было никакой возможности — но оставался Северный Форт. Своими пушками Форт держал город целиком, создавая патовую ситуацию. В его каменных казематах можно было сидеть до скончания веков, толстые наклонные стены бастионов трудно поддавались даже тяжёлой осадной артиллерии, которой у герцога не было. Боеприпасов и продовольствия в Форте было на целую армию. Только вот защищать его было некому.

Штатный гарнизон Форта насчитывал чуть более тысячи человек. И Мальчиш их набрал. Сотня бойцов, что пришла с ним, ещё семьсот он насильно рекрутировал из горожан и триста отобрал со старших курсов кадетского корпуса. Конечно, можно было бы вместо мальчишек набрать дополнительно триста ополченцев, но эти готовые умереть за него молокососы с горящими глазами были противовесом стаду дрожащего пушечного мяса в семьсот рыл, которое иначе сдало бы и Форт, и его самого в первую же ночь. Да и — ему самому было всего-то пятнадцать! Другое дело, что чувствовал он и выглядел на сорок... Не жалевший себя, он получал право не жалеть других.

Угнали на юг пыхтящие паром чёрные локомотивы, взорвали сказочно красивый, словно пряничный, вокзал, разворотили динамитом ниточки путей и сели в оборону.

Самое страшное — первый штурм — неясно, с божьей или дьявольской помощью, но отбили. Дальше должно было пойти легче: гарнизон попривык, поверил в свои силы, разобрались, что к чему... И держались! Неделю. Десять дней. Осаждающие обстреливали Форт из пушек, не причиняя укреплениям особого вреда. Но для отражения атак приходилось выбираться из казематов — каждый день по два десятка сносили в мертвецкую. Потом трупы начали сжигать в печи, чтоб не разлагались. Форт отвечал своей артиллерией, но вражеские орудия были замаскированы, часто меняли позиции, да и опытных канониров не было — командовали кадеты, их хоть чему-то успели научить, ополченцы подтаскивали снаряды. Две из тяжёлых гаубиц Форта по заранешной пристрелке без перерыва долбили по вокзалу, мешая чинить пути.

На двенадцатый день прилетели два желтокрылых аэроплана и сбросили баллоны с горчичным газом. Пока сообразили, что к чему, газ заполз в казематы — почти триста отравленных бредили и харкали кровью, большинство вскоре в муках скончались. Бледно-зелёный с отравы Мальчиш поставил десяток пулемётов на деревянные козлы, позадирав их стволы в небо.

— Ребята, — предупредил он несовершеннолетние расчёты, — чтоб ни одна ворона...

В ночь на день четырнадцатый пробрался еле живой гонец от Командарма Юг. Пока добудились Мальчиша, посланец скончался на руках у того бледного... лицо которого он никак не может вспомнить. В письме Командарм Юг заклинал держаться. Мертвенно-бледный офицер держал папиросу большим и указательным пальцами, играл желваком под тонкой синей кожей, затягивался и брезгливо морщился:

— Он сказал, наши сдали Торн...

Он всё про него помнил! По крупицам восстановил, до жеста! Помнил руку с папиросой, синеву кожи, жилку на лбу и желвак. Но лица вспомнить не мог...

Мальчиш молчал. Это была плохая новость. Это была очень плохая новость. После Торна оставался лишь совершенно не приспособленный к обороне Келлан. А потом врагу открывалась вся Келланская равнина — иди куда хочешь... И тогда — сдадут они Форт, не сдадут...

— Кому-нибудь говорил?

— Нет.

— Смотри... — Мальчиш похлопал по кобуре.

Бледный равнодушно пожал плечом.

— Келлан больше недели не продержится. И тогда мы станем не интересны. Никому...

На следующую ночь, во время обхода постов, какая-то тень перегнулась со стены... Потом выпрямилась, и хлопнул выстрел — удивлённо-обиженное лицо Паука, освещённое вспышкой выстрела в упор, до сих пор стоит у него перед глазами, хотя до Паука было пятьдесят футов, и видеть его лицо в таких подробностях он просто не мог... Тень скользнула со стены вниз — он выстрелил в воздух, полоша часовых, со стен открыли беспорядочную пальбу наугад, бросили несколько гранат. Из нижних бойниц Форта вдруг разлилась чёрная маслянистая река и тут же вспыхнула вся — кто-то завизжал...

Было у Северного Форта одно уязвимое место — сквозь подземелья Форта по каменному туннелю тёк ручей, обеспечивая Форт свежей водой, хотя был и полугодичный запас в цистернах. Ручей осаждавшие отвели уже на третий день, и тоннель был сух. Под обстрелом закладывать мину под самой стеной Форта, чтобы взорвать толстые стальные решётки, не было никакого смысла — открывался лишь вход в туннель, но из туннеля в Форт попасть было нельзя. Однако в пятидесяти футах от западной решетки за левой стеной туннеля размещался огромный склад боеприпасов Форта. И если заложить мину туда...

Утром следующего дня внутри Форта началась ружейная пальба. Осаждавшие, обалдев от такой неожиданности, сообразили и пошли на штурм лишь минут через пятнадцать, когда перестрелка уже прекратилась. Штурм сумели отбить. А потом со стен полетели вниз трупы в гражданской одежде и с повязками ополченцев на рукавах. Так рассказывали. Сам он этого не помнил. Как и того, что случилось через день.

А через день Форт тряхнуло и подбросило — целиком, всю его каменную громаду. Боеприпасы рвались трое суток не переставая. Такой канонады не слышал ещё никто и никогда. Тех, кто выжил — завалило, контузило, либо люди просто перестали воспринимать, где кончается этот свет и начинается тот.

На этом воспоминания смазывались в один непрерывный надсадный крик. Какой кусок его жизни выпал из памяти, сколько часов, дней или лет, было неясно. Собственно, выпала с этого момента вся его последующая жизнь. Странно, но старик очень отчётливо видел, что его убили там: трёхгранный сияющий

в рассветном солнце зайчиками штык с хрустом прокалывал его грудину... И это было очень... правильно. Зато постоянно не к месту влезала совершенно нелепейшая сцена, словно из довоенного мюзикла, но с ним в ролях:

— Ну, здравствуй, здравствуй, ле'Кибалл, граф мой любезный! — искренне радовался ему вошедший в камеру барон ле'Кец. — Или лучше Комдив-Четыре, легенда Северного фронта?!

Подошёл, ухмыляясь в тридцать два жемчужных зуба.

— Лично, как говорят, повесивший на воротах моего отца, — барон без замаха резко ударил под дых.

— Ценный ты клиент, однако! Только объявился, а тебе уже и девочку привели! — как ни в чём не бывало весело продолжил ле'Кец, разворачиваясь всем корпусом к входящей даме и потирая костяшки пальцев...

Коляска, всхлипнув на колдобине рессорами, выкатила за город и попылила на юг. Спустя четверть часа она свернула к небольшому аккуратному особнячку в глубине фруктового сада. Старик долго выкарабкивался из повозки, потом отсчитал извозчику несколько монет и побрёл к дому.

В прихожей его встретила женщина — морщинки в опустившихся уголках губ и потускневшие лучики в глазах:

— Ланч на столе.

Старик брезгливо отмахнулся сухой рукой, и прошёл в столовую. Облегчённо опустился в удобное кресло перед столом. Напротив него было окно, в котором пылал белыми цветами яблонь сад. Тогда тоже цвели сады... Ах — ну да! — сегодня же как раз годовщина...

Перед ним на серебряном подносе, рядом с пузатым фарфоровым чайником, стояла хрустальная вазочка-бочонок с вишнёвым вареньем и плетёная корзиночка с песочным печеньем, которое он так любил.

Любовь Чаплыгина

Здравствуй, милый мой Кай

сказка для детей старшего возраста

дравствуй, мой милый Кай!

Ты, верно, удивишься моему письму. Но дело в том, что я лишилась и зимнего дома на Полюсе, и дачи на границе с Финнмарком — теперь там добывают пресную воду для орошения садов Сахары. Ну а я живу у лапландки, у которой в доме не слишком жарко. Правда, она вечно занята, и мне здесь невыразимо скучно — лето, своих дел практически нет. Достойный повод написать человеку, с которым меня связывает достаточно многое, не находишь?

Прежде всего, как твои дела? Как твоя подруга (прости, не помню её имени)? Ты ей передай, я не сержусь на то, что всё так вышло. Понимаешь, всегда найдётся какая-нибудь дура, которая, теряя красные башмаки, помчится спасать своего Единственного, и исход будет соответственный — все останутся при своём. Вы — при розах, я — при холоде и ежедневной варёной треске. Если честно, видеть её уже не могу. А есть ещё могу — поэтому не всё так уж и страшно. В крайнем случае, напрошусь на месяц к молодой разбойнице: она предлагала у неё погостить. Правда, её вечный зверинец меня не радует, тем более что даже не могу запомнить имена животных — настолько быстро Анна их лечит. Ах, да! Она же теперь ветеринарный врач, а разбойницей я её называю по старой памяти.

А память у меня, пусть и плохая на имена, но всё же не даёт забыть то, что было. Сколько я подбирала подобных тебе мальчиков, Кай, ты и не представляешь! Все — вежливые, умные, серьёзные, не упускающие случай прокатиться на салазках, привязанных к саням роскошной ледяной дамы, к моим саням. Внешне холодные мальчики. С очень горячими

Художник Дарья Знаменская

сердцами. Зачем я утаскиваю их за собой, спрашиваешь? А вот же...

Сердце Снежной королевы действительно ледяное. Но это не значит, что ему в принципе не дано любить. Да только вот адресата нет. И если это происходит долгое время, любое сердце начинает замерзать. Сперва помогают спасаться от холода друзья, но приходит отчётливое понимание, что большинству это в тягость, да и не могут они заполнить глубинную пустоту души. И постепенно сердце сковывает лёд. Отогреваешься любимыми книгами, музыкой и людьми, которые всё ещё рядом. Но делать это всё тяжелее, всё реже чувствуешь тепло, и мир уже еле пробивается к тебе через стену холода. Бог? Да, Его великая любовь ко всем, даже ко мне, помогает сохранять ясный ум и самообладание. А также надежду на то, что однажды один из мальчиков, что цепляются к моим саням, окажется тем самым, что сможет растопить моё ледяное сердце, в то время как я помогу ему...

Однако, похоже, чуда не предвидится. К тому же нужно что-то делать с домом: не могу же я вечно скитаться по гостям. Но надежда у меня есть — с той самой секунды, в которую я увидела, как ты целуешь другую, с того мига, как начало мёрзнуть моё бедное сердце. Этот момент был особенным, потому что я увидела, что и к Снежной королеве может прийти счастье, и на этом свете возможно любое чудо.

Попроси у Него такое же чудо для меня, ладно?

Твоя Герда.

P.S. Кай, передай, пожалуйста, Гансу: пусть ни в коем случае не меняет концовку. Так в любом случае правдиво. Я вспомнила, она взяла моё имя.

Денис Шалаев

Как Вьюн, Громоед и Снук диво нашли

детская сказка

Это случилось много лет назад, когда мир был покрыт снегом. Великий Мо вздумал навестить брата, который серебряной иглой прокалывал в небе дырочки, делая звёзды. Мо призвал своего сына и сказал:

— Цак, я отправляюсь к твоему дядюшке.

— Понял, папа.

— Присмотри пока за Нижним миром.

— Присмотрю, папа.

— Не забывай посыпать его снегом трижды в день.

— Конечно, папа.

— Но сверх этого — ничего не делай.

После этого Мо достал из уха шёлковую лестницу, закинул её на край неба и стал туда быстро взбираться. Цак распахнул огромный ларь, зачерпнул пригоршню снега, отодвинул крышку с Нижнего мира и хорошенько его посыпал. Посмотрел он вниз, и показался ему мир белым и скучным. Тогда Цак оторвал от своего кафтана пуговицу да и бросил вниз.

Упала пуговица в самый центр Нижнего мира. Старейшины трёх племён увидели диковинное диво и отправили лучших охотников узнать — что же случилось? От племени великанов отправился в центр мира верхом на ледяной глыбе сильный Громоед. От племени людей поехал на лыжах справедливый Снук. А от племени муравьёв полетел на паутинке хитрый Вьюн. Встретились они возле глубокого колодца, который протопила в снегу пуговица Цака. Заглянули вниз, а там, на дне что-то разными цветами переливается.

— Давайте достанем это диво наверх и поделим между тремя племенами, — решил Снук.

Художник Дмитрий Резчиков

— Ты, Громоед, такой большой! Тебе ничего не стоит опустить в колодец руку и достать это диво, — сказал Вьюн.

Сунул Громоед руку в колодец, но не достал до дна.

— Ты Вьюн — маленький, ловкий. Полезай в колодец, достань диво, — сказал Громоед.

— Ловкий-то я ловкий, — ответил Вьюн, — да только слабый. Пусть лучше Снук лезет.

Положил Снук лыжи на снег и стал спускаться вниз. Вот добрался он до самого дна, взвалил пуговицу на спину, да никак вылезти не может.

— Эй, Вьюн, — кричит, — опусти сюда свою паутинку!

Опустил Вьюн паутинку в колодец, Снук пуговицу к ней привязал, а Громоед её наружу вытащил. Очень Вьюну понравилась пуговица, и решил он забрать её себе. И говорит он Громоеду:

— Ах, какое красивое диво! Надо совет всех племён собрать, чтобы решить, чьё оно будет. Ступай, Громоед, за великанами, а я пока Снуку вылезти помогу.

Взобрался Громоед на свою ледяную глыбу и поехал домой.

— Вьюн, помоги мне выбраться! — крикнул со дна колодца Снук.

— Ай-яй-яй, какое горе, братец! — ответил ему Вьюн. — Громоед забрал диво дивное и уехал. Сейчас я позову своё племя на помощь, мы тебя вытащим.

И действительно, пошептал на снег, и всё племя муравьев перед ним явилось. Только не стали они Снуку помогать, а забрали пуговицу себе и спрятали её в самой дальней кладовой муравейника. Между тем Громоед повёл к колодцу племя великанов. Вдруг видят они — лежит на дороге Вьюн. Подобрал его Громоед, отогрел дыханием.

— Что случилось с тобой, братец? — спрашивает.

— Ах, Громоед, такое горе случилось! Избил меня Снук! Украл он у нас диво дивное, унёс в своё племя!

Рассердилось племя великанов и решило идти войной на племя людей.

Между тем Снук совсем в колодце продрог. Стал он звать на помощь:

— Вьюн! Братец ты мой! Помоги наружу выбраться!

Услыхал его Вьюн, но на помощь не пошёл. Так Снук в колодце и замёрз.

Прошёл в Нижнем мире год, а в Верхнем мире неделя. Великий Мо вернулся от своего брата. Снял он крышку с Нижнего мира, а там! Великаны с людьми воюют, а муравьёв вообще на

земле не видно — в норе сидят. Осерчал Великий Мо, ногами затопал, сына позвал.

— Что за нестроение там внизу происходит?

— Это великаны с людьми какое-то диво дивное не поделили.

— Все тамошние дива я между ними давно поделил, — отвечает Великий Мо, — разве что ты им новое дал?

— Показалось мне, папа, что скучно они живут. Решил я им радости толику подарить — пуговку с кафтана вниз бросил.

— Пуговку! — кричит Великий Мо. — Да там же война идёт!

— При чём тут она? — отвечает Цак.

Протянул Великий Мо руку в Нижний мир. Порылся и поднял наверх племя людей, племя великанов и племя муравьёв.

— А ну, отвечайте — что у вас за раздор?

Поклонился ему Громоед и говорит:

— Людское племя в ответе за вора Снука. Нашли мы с ним и с Вьюном диво дивное, которое с неба упало. Вьюн хотел его честно поделить, но Снук хитростью его провёл, избил, а диво себе забрал.

— Вьюн, отвечай — так было? — спрашивает Великий Мо.

— Истинно так! — поклонился хитрый Вьюн.

— А почему я Снука тут не вижу? — спросил Великий Мо.

— Никто его с тех пор не видал, — ответил вождь людского племени, — если и украл он диво дивное, то по своей натуре, а людское племя за него не в ответе!

Обернулся Великий Мо птицей, облетел всё небо — не нашёл Снука. Обернулся он тогда рыбой, проплыл всё море — нет Снука. Перекинулся он лисицей и в центре Нижнего мира нашёл колодец, а в нём — мёртвый Снук. Взял его Великий Мо на небо, дунул ему в рот синим огнём. Забилось у Снука сердце. Дунул ему в нос красным огнём. Потекла у Снука по жилам кровь. Дунул он ему в глаза зелёным огнём. Прозрел Снук. И рассказал ему Снук, что у них промеж трёх племён приключилось. Расплакался Вьюн, упал на колени и во всём сознался. Поднял Великий Мо снег и землю, как перину, разорил муравейник и взял из дальней кладовой пуговицу Цака. Потом уселся на трон и повелел:

— За свой обман не видеть больше племени Вьюна света. Будете жить в земле, там копить свои припасы. Нет вам иной радости, кроме стяжательства. За свою глупость превращу я племя великанов в горы. Вечно вам теперь стоять и с места не сойти. За свою справедливость даю я землю племени Снука, живите и не воюйте.

— А как же ты поступишь со мной? — в слезах спросил Цак.

— За своё непослушание будешь ты теперь каждое утро пришивать пуговицу на крышку Нижнего мира, а на ночь будешь прятать её в карман.

Так с тех пор и повелось. Пуговица Цака сияет днём над Нижним миром и дарит тепло и свет всем его обитателям. Ночью же бледно просвечивает она сквозь его карман. Муравьи живут под землёй, не любуются красотой и тратят лето на подготовку к зиме. Горы тянутся к небу, но никогда не достанут до любимого ими солнца.

На дне колодца, на вершине горы

сказка для детей среднего возраста

«Тому, кто думает, что он познал дно человеческой подлости, стоит поискать колодец, ведущий ещё глубже».
Шао Ё

Аркадию снился дурной сон. В этом сне они с Нюшкой отправились гулять в зоопарк. Остановились у загона арктианского трубоклыка. Аркадий удивился — кому вообще пришло в голову завозить на Землю эту тварь? И вдруг он увидел — Нюшка каким-то образом оказалась в вольере пятитонного чудовища. Она, родная тонконогая девчушка, доверчиво протягивала миндальное печенье к осклизлой пасти, сплошь состоящей из зубов. Аркадий задохнулся от ужаса, навалился всем телом на кокон защитного поля — продавить, разжать, вытащить! И взвыла сирена во сне, и он упал с койки на тёплый пол каюты в реальности. Господи! Приснилось! Сирена продолжала орать, но это всё ерунда, главное, с Нюшкой всё хорошо, где-то там, в восьмидесяти парсеках отсюда.

Что это за тревоги у нас? А вдруг слетела настройка реактора? Или повреждён контур, и гостеприимная природа Снега-II уже захватила весь нижний ярус? Гараж зарастает сиреневой травой, гигантские улитки окружили забытую в «гардеробе» кофейную чашку и пялят на неё свои васильковые глазки. Он чуть не расшиб голову о причудливый извив кабельтрассы на низком потолке в коридоре. Тут сон с него и слетел окончательно. При чём тут реактор? Реактор уже месяц на трёхпроцентной мощности. Реактор, граждане, совершенно тут ни при чём. Да и контур не повреждён — тревога не аварийная.

В центральном посту тускло горит дежурный свет. Аркадий уселся в своё кресло и дал щелбана пластмассовому клоуну, которого поставил на своем столе Борис. В воздухе перед лицом Аркадия соткалось рабочее поле бортового компьютера. Цвета отливали в зелёное — надо бы откалибровать проектор, да всё руки не доходят. В центре поля пульсировал сигнал экстренного вызова. Соединение. Появилось лицо напарника и командира экспедиции Бориса Кима.

— Господи, наконец-то, — прошептал Борис.

— Ты где?

— На Террасе Ветров.

— Какого чёрта?!

— У нас тут зонд отказал.

— Он давно отказал! Мы же завтра идти собирались...

— Долго объяснять! Смотри.

Изображение крутнулось. Сначала Аркадий ничего не разобрал — ноздреватый камень, какая-то чёрная заиндевевшая лужа и оранжевая ткань скафандра. Потом он понял.

— Твою мать. Что у тебя с ногой?

— Зонд сорвало с подвески, сдуло вниз. Проехал по ноге.

— Защита повреждена?

— Я ногу не чувствую.

— Защита повреждена?!

— Нет. Регенерация повреждена, кажется.

— Сколько у меня времени?

— Двадцать минут. Максимум — двадцать пять.

— Конец связи!

Аркадий влетел в «гардероб», распахнул шкаф и стал торопливо натягивать лёгкий скафандр. В центре комнаты из пола выпростался мерцающий силуэт «гардеробщика».

— Лёгкие скафандры рекомендуются только для работы внутри контура.

— Знаю, заткнись.

— Температура за бортом минус шестьдесят градусов Цельсия. Скорость ветра двадцать метров в секунду. Если вы собираетесь покидать контур, настойчиво рекомендую скафандр с экзоскелетом!

Аркадий опустил на голову шлем и прошёл сквозь «гардеробщика» в гараж. Экзоскелет — это прекрасно. Только для инициации потребуется десять минут. Десять бесценных минут. Включилось освещение гаража. Так, что тут у нас? Борис

отправился к террасе на двухместном скутере. В углу стоит «ЖБ-88» — армейский вездеход по прозвищу Жаба. Вчера Аркадий своими руками снял с него координационный блок, так что Жаба мёртв. У противоположной стены на зарядке два лёгких «прыгуна». Один мигает красной лампочкой, а второй заряжен на четверть — и до террасы не хватит!

Чёртов идиот! А ведь любишь к месту и ни к месту вклеить присказку про уставы, написанные кровью! Поставить Жабе блок на место? Сорок минут, если спешить, если без диагностики. Трижды чёртов идиот! Аркадий стукнул кулаком по бронированной морде Жабы. Вспыхнули фары, вездеход привстал на восьми ногах.

— Ходють и ходють, — сказал Жаба голосом Аркадия. — Запрягаться, что ли?

Аркадий заглянул в кабину — координационный блок стоит на месте в полной готовности. Что за чертовщина? Он уселся в кресло, входной люк стянулся тремя лепестками. Как же это его Борис починил? Зачем учёному заниматься работой техняря? Что за чудеса такие у нас происходят? Всё, думать будем потом. Проморгавшись, засветилась приборная панель.

— Быстрый старт! Конечная точка — Терраса Ветров! На максималке!

— Понимаем-с. Потрафим, — сурово сказал Жаба.

За ночь холм, на котором угнездилась Станция, зарос сиреневой травой. Ветер свистел, ерошил макушку холма, раздвигал и схлопывал в траве коридоры. Жаба мигом пересёк километровую тишь контура и припустил в сторону ближайшего леса. Почуяв его, деревья расступались в стороны. Он нёсся вперёд, оставляя за собой след выгоревшей травы. Люди со своей техникой слишком горячи для местной флоры. Вскоре лес остался позади. Жаба перемахнул через неглубокий ручей, на ходу трансформировал колёса, поднял брюхо, пропуская крупный камень, и пошёл в гору. Аркадий опрозрачнил крышу и нашёл Террасу Ветров. Экая нехорошая туча там собирается! «Снег-II обладает непредсказуемой погодой», — говаривал на инструктаже их куратор Анастас Сабирски. Чёрта лысого! Метеорологический спутник им запускать дорого, вот и вся непредсказуемость.

На своём пути к пропасти зонд пропахал глубокую борозду. Вдоль неё валялись керамические обломки опоры. Скутер лежал на боку — потом надо будет забрать. Метрах в трехстах от него, на самом краю пропасти посреди выгоревшей травы лежал

Художник Игорь Савин

Борис. Аркадий выпрыгнул из Жабы, пристегнул карабин страховочного троса и побрёл к нему против ветра.

— Борис, приём! — сказал Аркадий в шлемофон.

Молчание. Он покосился на индикаторы. Вроде жив.

— Так, я на месте. Вижу тебя.

— Приём... — прошептал призрачный голос.

— Держись, командир. Сейчас тебя подберу. Дует тут у нас!

— Это точно. Поддувает...

Борису повезло. Прокатись зонд левее — отхватил бы ему голову. Он лежал навзничь, поджав под себя правую ногу. С левой ногой было плохо, а точнее — левой ноги не было ниже колена.

— Привет, старичок, — сказал Аркадий, прижавись своим шлемом к шлему Бориса. Светофильтр не давал разглядеть его лицо — блин какой-то с двумя дырами.

— Привет, — невнятно ответил Борис. — Что там с моей шагалкой?

— До свадьбы заживёт. Ресурса у тебя ещё на пять минут, так что тащить буду быстро. Это больно.

— Давай уже!

Под левой ногой натекла небольшая лужица крови, пока скафандр затягивал повреждение. При минус шестидесяти кровь мигом замёрзла и намертво приклеила ногу к камню террасы. Аркадий прижал к лужице вибронож — поверхность тут же покрылась паутинкой трещин. Потянул ногу раз, другой — освободил. Он ухватил Бориса за ворот и потащил к Жабе. В шлемофоне раздался стон.

— Терпи.

— Выдержу, — просипел Борис сквозь зубы.

Ветер крепчал, вздувал каменный горох, швырял его в забрало шлема. Над головой с какой-то неимоверной скоростью вздувался и начинал клокотать фиолетовый небесный кипяток. Наконец Аркадий прижался спиной к Жабе.

— Как дела, старичок?

— Вроде жив, — провыл Борис.

— Чёрт, я не сообразил — надо было пару кадавров активизировать. Они бы тебя донесли. Ну, давай, последний рывок!

Он уложил Бориса во второе кресло.

— Воздух пригоден, — сказал Жаба.

— Трогай домой.

— Эт мы завсегда, — ответил вездеход, разворачиваясь на месте.

— Шлем... — прошептал Борис.

Аркадий откинул защитную скобу и стянул с него шлем. Борис был белее сметаны. Аркадий снял свой шлем и забросил его назад. Достал аптечку, вытащил контактную ампулу с обезболивающим, прижал Борису к шее. Ампула зашипела, мутноватое лекарство пошло в кровь. Аркадий извлёк ампулу со снотворным. Борис судорожно выдохнул, схватил его за руку.

— Не надо.

— Почему?

— Много информации. Едем.

— Да едем уже. Всё, старичок, уже всё хорошо!

— Да, — прошептал Борис, прикрывая глаза. — Да...

Медицинский модуль, похожий на металлического ежа, повисел над обезображенной ногой, радостно захрюкал, зажужжал, принялся аккуратно, по нитке срезать штанину. Аркадий оторвался от панорамной картинки операционного поля и посмотрел на Бориса, вяло поедающего протеиновый йогурт.

— Я не доктор, конечно, но вроде регенерации даже не потребуется.

— Хорошо бы.

Борис, всегда бодрый, всегда с юмором смотрящий на жизнь, был просто сам на себя не похож. Он пристально, виновато как-то, смотрел на Аркадия. Понятное дело, что виновато!

— Может, расскажешь мне: зачем ты попёрся на Террасу? Вернее — зачем ты один туда попёрся?

— Сейчас всё расскажу. Только... Дай мне зеркало. Вон — на столе стоит.

Борис повернулся к столу и посмотрел в зеркало — стародавнее, меняющее право и лево. В зеркале отражался Борис с чернющими глазами на белом лице. Там отражался медицинский модуль, порхающий над ним, сшивающий тончайшие капиллярчики плоти. Там отражался даже утилизатор, перерабатывающий штанину скафандра. Зато там не было Аркадия. Вместо него какой-то шутник поместил в зеркало кадавра — андроида с чёрной надписью на лбу «КА-52». Кукольное и пустое лицо евнуха. Многофункционального, туповатого, предназначенного для работ на агрессивных планетах, средний срок активности пятьдесят два часа.

— Что это за хрень?! — крикнул Аркадий-кадавр в зеркало.

Это было страшно! Страшно! Страшнее недавнего сна. Страшнее всего на свете.

— Мы пошли вдвоём, как и положено по уставу. Добрались до места, осмотрели зонд. Я начал прозванивать контуры, а ты пошёл смотреть, что там с подвесками. Подвески там тебя волновали.

— Дальше.

— Я нашёл, в чём проблема и пошёл к скутеру. Блоки запасные взять, то-сё. И тут вдарил ветер. Ты ведь знаешь, как это бывает на Снеге? Я только увидел, что у зонда лопнули подвески, он завалился, встал на ребро и покатился. Как монетка по столу. Ну ясно. Ты был пристёгнут страховкой к зонду. Кто же знал, что он упадёт? А меня сбила с ног сигнальная мачта. Ну, ты видел. Трепало до самого обрыва, каким-то чудом не утащило. А тебя утащило.

Борис аккуратно сбросил баночку из-под йогурта в пасть утилизатора. Отёр лоб.

— До скутера было слишком далеко, да и не смог бы я на нём ехать с одной-то ногой. Со мной связался бортовой компьютер Станции. Он предложил решение. Он сохраняет метемпсикопии. Копии нашей личности, словом...

— Я знаю.

— Да. Он активировал кадавра, стёр весь его функционал, а поверх записал твою копию личности, только без сегодняшних воспоминаний.

— Не знал, что так можно.

— Оказалось, что да — можно. В случае гибели носителя он может пользоваться сознанием для решения жизненно-важных задач. Ну а просто отправлять кадавра было нельзя. Он же тупой совсем, пока добрался бы...

— Понимаю.

— Прости.

Аркадий поднялся, провёл рукой по совершенно лысой голове. Как же это можно было не заметить, что тело-то абсолютно чужое? Просто не было ни секунды, чтобы задуматься, а ведь чувствовал-чувствовал он какую-то странность. Вот и объяснилось всё, вот и нашёлся потерянный день, во время которого он поставил Жабе координационный блок.

— Сколько мне осталось?

— Часов сорок.

— Ладно. Ты спи. Я пойду. Тяжело как-то с этим всем...

Он сел в своё кресло — или в кресло Аркадия? Рабочее поле компьютера привычно замерцало перед лицом. Он перешёл на вкладку «Управление станцией», соскользнул в меню «Сервоустройства — Андроиды». Три кадавра устанавливали рефлектор на берегу Пиявочного озера. Один — собирал пробы грунта на границе контура. Четверо зачем-то ходили по кругу на полпути к Террасе Ветров. Кадавр номер 00435 находился на центральном посту в статусе «Носитель». Он прижал менюшку пальцем, запросил подробности:

>Номер: 00435

>Модель: КА-52

>Статус: Носитель

>Задание: ????????

>Время до окончания активности: 36 ч 43 м

>Смена задания: Запрещено

>Состояние задания: Вып.

>Прервать активность андроида?

Аркадий задумался над последним пунктом, ткнул в него пальцем.

>Внимание! Андроид 00435 задание ???????? будет отключен. Продолжить?

Нет. Рано ещё. Вон мужики рефлектор на Пиявочном озере ставят, а я что — особенный? Пойду, помогу.

Конечно, он не пошёл ни на какое озеро. Он сел на «прыгуна», вывел его из гаража. За контуром Аркадий остановился, отстегнул шлем скафандра и положил его на покатый валун. Кадаврам доспехи без надобности. Он вызвал карту местности и проложил недалёкий маршрут до безымянной точки. Они с Борисом старались каждому пеньку давать имя. Рекомендация психологов. Но именно до этой точки руки пока не дошли. «Пропасть Аркадия»? Почему бы и нет.

«Прыгун» нёсся по бездорожью, перемахивая через вертлявые речушки и подозрительные ямы, заросшие какими-то шевелящимися пузырями. Как же мало мы знаем про эту планету. Хапаем-хапаем, столбим всё, до чего только можем добраться, даже не разбираясь толком, что же мы заполучили. Аркадий миновал широкий пляж, на котором грелись исполинские улитки, обогнул скалу и увидел обломки зонда, лежащие под отвесной скальной стеной пятидесятиметровой высоты. Он остановил прыгуна и пошёл пешком, широко, как человеку не суметь, перепрыгивая глубокие лужи. Зонд не подлежал никакому восстановлению. Он переломился в трёх местах, окрестные холмики были засыпаны крошевом электронной начинки. Впрочем, зонд интересовал Аркадия не сильно. Он обошёл обломки, приподнял мачту в два центнера весом — силища-то! — но предмета своих поисков так и не смог отыскать. Аркадий забрался на самый большой камень и осмотрелся по сторонам — унылое местечко. Сплошь камни, дыры, да каким-то лиловым мочалом всё заросло. Около самой стены он увидел оранжевое пятно, спрыгнул с камня, побежал.

Труп в оранжевом скафандре лежал на камнях лицом вниз. Аркадий отогнал вездесущих любопытных улиток. Вот и встретились. И даже могилу не выроешь — разве что саркофаг из камней сложить? Будут тут собираться старпёры-однокашники, оставлять цветочки и пить водку не чокаясь, быстро, приоткрыв забрала шлемов. Спирт тут вроде не замерзает, во всяком случае днём. Аркадий нагнулся над телом, перевернул его на спину,

стянул с головы разбитый шлем и понял, что с мыслями о захоронении он поспешил. Страшно было смотреть в собственное заиндевевшее мёртвое лицо. Но куда страшнее была аккуратная круглая дыра во лбу, пробитая рудосборником. Серым длинноносым рудосборником, который Борис всегда носил на поясе. Вдруг в какой-нибудь пробе отыщется золото?

Аркадий усадил свой труп на пассажирское сиденье, пристегнул ремнями. Левая рука нелепо торчала в сторону, он аккуратно прижал её. Мёртвые пальцы разжалась, из них выпал плоский чёрный камушек. Аркадий завёл «прыгуна» и поехал обратной дорогой, домой к другу и напарнику. К Борису, который катал Нюшку на коленях и вместе с Ленкой перебирал крыжовник на даче. К Борису, который убедил Анастаса Сабирски взять на Снег-П именно Аркадия:

— У него опыта почти нет!

— Зато я его знаю сто лет! Я только на него рассчитывать могу!

«Прыгун» нёсся вперёд, труп стукался коленом о защитный обод. «Кто из нас кадавр-то теперь», — недоумевал Аркадий.

— Станция стоит кучу денег. Результат! Результат любой ценой! — кричал Борис на Анастаса. Теперь было понятно, о какой цене речь. Аркадий — технарь, высокооплачиваемый мускул, обеспечивающий. Борис — мозг, ядрышко, смысл нахождения Станции в этой глуши. Теперь понятен его виноватый взгляд. Интересно, а как он думал жить после всего этого? Зайдёт ли он к Ленке с соболезнованиями? Погладит ли Нюшку по голове! Кадавр 00435, временный носитель чужого сознания завыл, закричал, свело бы горло спазмом, но нет там мышц, заплакать бы, но и слёз нет.

Аркадий последний раз посмотрёл в своё лицо и закрыл холодильную камеру. Миссия Земли на этой планете временно приостановлена. Скоро на Станцию прибудет толпа ушлых следователей. Двойное убийство — ерунда ли? Аркадий стёр иней с лица и рук, поднялся в центральный пост, бросил разбитый шлем на стол. У него не осталось никаких эмоций, он словно умер второй раз, он был просто орудием возмездия — глупого, ненужного, неправильного, людского. Дверь в медицинский бокс была приоткрыта, Борис спал, изо рта свешивалась ниточка слюны. Аркадий равнодушно посмотрел на него, поднял рудосборник, прижал керамический ствол ко лбу спящего. Палец удобно лёг на курок,

напрягся — замечательно чуткие пальцы у кадавров, на пианино играть можно — пошёл-пошёл-пошёл...

Из центрального поста донёсся мягкий звон. Аркадий опустил ствол, сунул рудосборник в карман, вышел в центральный пост. На покрытом грязью шлеме мигала зелёная лампочка.

На рабочем поле компьютера светилась надпись:

>Обнаружено свежее обновление метемпсикопии.

>Носитель: Аркадий Томин

>Статус: выб.

>Статус копии: Носитель 00435, Архив

>Копия в Архиве: Обновлена

>Копия в Носителе 00435: Запрос на обновление

Аркадий опустился в кресло, ткнул грязным пальцем: «Обновить».

>Носитель 00435 содержит более поздние личностные данные. Стереть?

— Нет.

>Добавить новые данные в соответствии с хронологией?

— Да.

>Внимание! Начато обновление данных.

Аркадий пришёл в себя от страшной боли в ногах — словно кипятком обварили. Он повернул голову — рядом лежал Борис, его левая нога была неестественно вывернута. Аркадий попробовал приподняться на локте, но ветер прижал, распластал.

— Борис! Борис, приём!

— Есть приём.

— Жив, старичок?

— Ноги не чувствую.

— А я вот, наоборот, чувствую. Махнёмся?

Борис протянул к нему руку, похлопал по плечу.

— Мы влипли, старичок, да?

— Да. Мысли есть?

— Надо ползти к скутеру.

— Думал уже. У тебя сломаны ноги, у меня — тоже как минимум одна. Ресурса у нас на час, не больше.

— Да, я вижу индикатор.

— Мы не успеем. Максимум — доползём до скутера.

Аркадий посмотрел в бурлящее небо. Когда-то все к этому приходят.

— К чёрту, поползли! Давай-давай, старичок!

Унизительное, болезненное копошение заняло десять минут. Аркадий замер, переждал, пока успокоится сердце, глотнул солёной воды из патрубка.

— Ты связался со Станцией?

— Да. Нам выслали кадавров навстречу.

— Ждём?

— Уже нет. Они заблудились.

— Значит, всё, старичок? Сдаваться?

Борис повернулся к нему, прижался шлем в шлем, заорал так, что голосу в шлемофоне вторило дребезжание забрала:

— А что делать?! Я всё обдумал! Всё! Нас тут пришпилило, как двух жуков! И нет шансов! Всё! Аут! Баста!

— Не ори. У меня есть один вариант. Сегодня утром читал мануал и наткнулся, как специально.

— Что?

Аркадий повернулся на бок, чуть не взвыв от боли.

— Компьютер пишет метемпсикопии — наши личности. Что, если...

— Так. Понял. Ты предлагаешь использовать носителя? Кого?

— Кадавра.

— Это... возможно?

— Да. Такой умненький кадавр легко сюда доберётся. На Жабе, скажем.

— Так что же мы ждём?

— Есть нюанс. Компьютер ничего не будет делать с метемпсикопией, пока не зарегистрирует смерть оригинала. Таков закон.

— Хреновый ты нам выход предлагаешь.

Аркадий подключился к компьютеру Станции. На внутренней стороне забрала появились мерцающие строки:

>*Аркадий Томин авторизирован.*

— Нужен андроид.

> *К срочной активации готовы 15 андроидов.*

— Нестандартная загрузка.

>*Параметры?*

— Метемпсикопия Аркадия Томина.

>*Обнаружена копия, обращение запрещено.*

— Причина запрета?

>*Закон Федерации 1507.*

— Если не выполнить эту загрузку мы погибнем!

>*Попытка обращения...*

>*Обращение запрещено.*

>*Активизировать стандартного андроида?*

— Борис!

— Да?

— Ничего не выходит!

— Я тоже пробовал.

— Было бы время, может, удалось бы обойти.

— Времени нет.

— Кому-то надо... Ты понимаешь?

— Да. Я готов.

— Я тоже, старичок.

— У тебя жена и дочь.

— У тебя мать. И не в этом дело. Бросим монетку?

— В радиусе ста парсеков монеток нет.

— Значит, бросим камушек, — Аркадий подобрал плоский булыжник, чёрный с одной стороны, выгоревший с другой, — поехали, я первый.

Аркадий пришёл в себя в кресле. Тихо встал, бросил рудосборник в утилизатор, осторожно прикрыл дверь в медблок.

Солнце на Снеге-II было огромное, красное. Оно поднималось из-за моря, заливало холмы багровым сиянием и деревья сбивались в табунчики, лезли к свету, к жизни. Кадавр 00435 сидел на вершине горы и смотрел вниз, в долину. Он где-то слышал, о необходимости искать колодец на дне человеческой подлости. Мол, этот колодец приведёт ещё ниже, а там, наверное, найдётся ещё один колодец.

Что же, верно и обратное утверждение, поэтому он сидит на горе.

Тикка Шельен

Свидетельство Сабрины Кей

сказка для детей старшего возраста

Всё началось с разливного перезвона колоколов. Они кувыркались в голубом небе, ликовали, бились о белоснежные облака, горы сияли, и люди сияли, и в воздухе пахло солнцем, немного снегом и ещё чуть-чуть родниковой водой. Потом двери распахнулись изнутри, и по широкой лестнице стали спускаться дети — девочки, попарно, в светлых платьицах. Они сошли со ступенек и под звон колоколов пошли по улице, разбрасывая из корзинок розовые лепестки. Вслед за ними плыли, качаясь, тяжёлые шитые золотом хоругви, знамёна и вымпелы на высоких шестах; бахрома на вымпелах была унизана бубенцами. Под шёлковым зелёно-золотым зонтом настоятель высоко вознёс золотое солнце — дароносицу. Духовенство четырёх соседних храмов шло степенно, в парадных орнатах; брякали кадила, источая облака сладко пахнущего ладана; длинная череда министрантов в белом тянулась нескончаемой рекой.

За министрантами выступал хор, голоса на открытом воздухе звучали не в лад, рассыпались, и песнопение то взлетало вместе с ладаном, то почти смолкало. Но припев подхватывали дружно: многие пели и в толпе по обе стороны дороги. Толпа стояла громадная — многие пришли из других городов, все были радостные, просветлённые, словно умылись этим небом и утром, и ладан курился из золотых кадильниц. Это был первый раз, когда гномская церковь вышла в общем крестном ходе. Вслед за нашим настоятелем, высоким, статным, седовласым и румяным, шёл невысокий и сгорбленный гномский епископ. У него были пронзительные глаза, неулыбчивый рот и жёсткая длинная борода. Он шёл, опираясь на посох с хитро выгнутым

навершием, посох был усыпан гранатами, гранаты блистали на малиново-золотом облачении, красными и малиновыми камнями расшиты были и митра, и пояс. Полированное золото посоха сияло под лучами солнца, гномский епископ шагал сосредоточенно, почти не глядя по сторонам, изредка поднимая руку в приветствии. Вслед за ним, почтительно приотстав, следовал молодой гномский дьякон. Он глаз не сводил со своего епископа, борода его воинственно топорщилась: попробовал бы кто непочтительно взглянуть в сторону предводителя гномьей паствы, — и неустанно размахивал огромным золотым кадилом. Кадило взмывало из стороны в сторону, брякала цепь, весело смеялись бутоны-бубенчики, прикреплённые к кружевной чаше с углями, волны горько-сладкого ароматного дыма валили из прорезей. Силён был гномский дьякон: кадило в его руке летало, как пёрышко. Невысокие фигурки то здесь, то там мелькали в толпе — стояли группами, островками среди общего моря людей. Гномы благочестиво крестились, когда их епископ проходил мимо, а потом вливались в процессию. В честь праздника они вышли на улицы со своими женщинами и детьми, даже пара-тройка гномских старух вылезла на свет божий. Гномские дети стояли смирно, робко глазели по сторонам, жались к старшим. Оно и понятно: гномья паства собирается в церкви на заре или поздно вечером, когда людей не видно, а всё прочее время живут они замкнуто — к ним в гости не ходят, и сами они никого к себе не зовут. Ну, взрослые гномы — дело иное, их увидеть не в диковину, а женщин и детей до сей поры никто на улицах не встречал, разве что случайно. Теперь же все — и люди, и гномы — одной рекой с пением шли по площади, дальше по улице, сворачивали в переулок, чтобы вновь вернуться на площадь, подняться по ступеням храма и оказаться в толпе, мельтешении и человечьей круговерти. А выше, над окнами в тяжёлых переплётах, царил полумрак и прохлада, звуки улетали туда, и дым улетал туда, и там-то и жила самая главная тайна храма.

Гномы и в церкви старались держаться особняком, если кого случайно касались, то извинялись, прижимали к себе малышей, чтоб те ненароком не потерялись в давке. На причастие пошли только к своему епископу. Тогда можно было впервые увидеть, как они причащаются: по трое встают на колени, когда им показывают облатку, сгибаются в три погибели, так что бороды их подметают пол, отвечают священнику по-гномски, низко гудя, а получив причастие, распростираются перед чашей. Потому-то небольшая группка гномов причащалась едва ли не дольше, чем

мы. Их женщины и дети к чаше не подходили. Брат потом объяснил, что стеснялись, да им и так неуютно было — при людях. Брат прислуживает на мессах, он министрант. Он шёл тогда в третьей паре, справа, у него ещё было очень серьёзное лицо, как всегда, когда он занят важным делом.

Всё, что я знаю о гномах, мне рассказал брат. Ну, конечно, сперва была бабушка — старые сказки, без которых я наотрез отказывалась засыпать, про Подземных королей, про гномика в красном колпаке и Морриган МакМиллан, про золотые копи и алмазные пещеры — как это всё богатство доставалось доброму горбуну. Мы навещали её каждый год, а потом перестали, мама говорила, что у бабушки разбилось сердце, когда умерла тётя Сабрина. Но бабушка жила далеко, в тех краях открытых гномов не было, да и в нашем городе они появились только лет шесть как. До этого все про них знали, но никто не верил. Ну, то есть кому нужно, очень даже верили, и знали, и выгодно торговали с ними, — оказалось, что и зерно им продавали, и овощи в год, когда у них там что-то важное не уродилось. А может, это только в нашей семье никогда не интересовались гномами, да и живём мы в этих местах, можно сказать, недавно — папины родители переехали сюда почти случайно — потому что органиста в городе не было, вот нашего дедушку и пригласили. А папа органистом быть не смог — у него к музыке способностей совершенно нет, он стал перчаточником, а потом женился на маме. Тётя Сабрина, мамина сестра, которая умерла, была женой дяди Якуба, папа сперва работал у дяди Якуба, а теперь у них уже общая лавка. Меня зовут Сабриной, в честь тёти. Дядя Якуб говорит, что он ни за что не женится второй раз, а лучше подождёт, пока я вырасту, а то у него на имена память плохая. Мне очень нравится дядя Якуб, он красивый и часто шутит. А брат говорит, что хотел бы стать органистом, как дедушка, но у теперешнего органиста уже есть два ученика, и Марка третьим не возьмут. Марк учится шить перчатки, но всё равно в церкви торчит всё время. Маме это нравится, а папе не слишком-то. Он считает, что если Марк желает быть священником, то нечего идти в перчаточники, а если нет, то ни к чему тратить время впустую, рассиживаясь по церквам.

Марк был первым из нашей семьи, кто стал знаться с гномами. В общем-то, всегда были люди, которые с ними общались более-менее близко, но очень мало кто — не ради торговых-кузнечных дел, а по доброй воле или по душевной склонности — наверное, вообще никто, кроме нашего настоятеля

отца Гилария и ещё двух-трёх человек. Тувар тоже был министрантом, и по возрасту они с Марком были примерно ровесники, если смотреть относительно. Когда отец Гиларий разрешил гномам во главе с их гномским епископом служить в нижней часовне по четвергам, многим это не понравилось, да так сильно, что в четверг некому было подметать и убираться в церкви. Тогда Марк попросил у нашего папы разрешения, чтобы тот позволил ему в четверг мыть церковные полы. Отец Гиларий лично приходил к нам, они договорились, что раз в две недели Марк будет поломойкой. В первый и третий четверг каждого месяца он уходил из мастерской пораньше, а возвращался совсем поздно. Мама беспокоилась, что, как будет зима, Марку придётся идти домой по темноте, но тот наотрез отказался даже подумать, чтобы бросить это дело. Между прочим, на Рождество гномы подарили Марку чудесный золотистый колокольчик, звонкий и словно кружевной. Община гномов передала подарок через отца Гилария «тому трудолюбивому юноше, что с примерным прилежанием украшает наши собрания чистотой». Марк и вправду очень старался, у него было своё ведро, даже тряпку он принёс из дома, потому что церковная истёрлась чуть не до ниток. Колокольчик Марка висел у нас на рождественском венке и звенел даже от легчайшего сквозняка. Чуть раньше, в ноябре, он познакомился с Туваром.

Уговор был такой — Марк подметает церковь, моет пол и протирает лавки в часовне; потом, когда приходят гномы, он сидит у отца Гилария; после окончания гномской мессы ещё раз убирает часовню, запирает её, а утром передаёт ключ отцу Гилярию. В одно из первых своих дежурств брат нашёл на полу под лавкой золотую монетку. Она закатилась в укромное местечко и тихо сияла оттуда. Марк отдал её отцу Гилярию и попросил вернуть гномам: это ведь из них кто-то уронил — до их богослужения её там не было, он подметал и точно ничего такого не видел. Уже потом Тувар сказал ему, что этой монеткой община испытывала молодого человека и, испытав, доверилась, насколько гномы могут довериться чужаку.

Я не очень люблю гномов, и мама тоже. Мама считает, что их детишки уродливые. Они и вправду какие-то странные, словно некрасивые дорогие игрушки. Но тут уж ничего не поделаешь: гномы других родить не сумеют, поэтому любят, каких родили. Марк сказал, что всё это глупости, и для гномов их дети самые красивые, а вот человеческие, наоборот, выглядят не ахти, потому что всё зависит от привычки. И если бы у нас у всех было

по три глаза, человек с двумя глазами считался бы уродом. Я думаю, это всё отец Гиларий: после их чаепитий брат нет-нет да и выдаст что-нибудь такое, чего от него нипочём не ожидаешь.

Отец Гиларий часто произносил проповеди о терпении, доброте и умеренности, а ещё о том, что Бог, творя землю и небо, нас не спрашивал и не обязан делать всё так, как мы считаем правильным. Он и на уроках это нам говорит, когда приходит в школу. Его все уважают, потому что он уже старый и очень умный. У него родители были богатые, а сам он взял и ушёл в монахи. А ещё говорят, что раньше он был профессором в университете. Нам очень повезло, что когда-то давно его прислали к нам. Но папа однажды сказал, что было бы лучше, если бы отец Гиларий пореже смотрел в небо, а почаще себе под ноги. Папа прав, потому что отец Гиларий часто ходит в горы, посещать окрестные селения, а в горах, если зазеваешься, и до беды недалеко. Но если уж совсем честно, то отец Гиларий никогда при мне не только не падал, но даже не спотыкался. А может, священникам и положено в небо смотреть, их этому специально учат.

И всё же никто даже подумать не мог, что однажды Марк приведёт к нам Тувара домой. У него, конечно, были раньше всякие приятели, они вместе носились по улицам, даже в горы однажды ушли, и с тех пор Марку частенько давали меня в придачу, чтоб оградить от дурацких идей. Не скажу, чтобы с мальчишками было очень интересно, они всё больше метали ножички или болтали о всяких глупостях. А потом Марк совсем вырос, и приятели его тоже, и как-то им стало не до беготни, да и интересы у них с братом стали совсем разные. Бывшие приятели иногда встречались нам на улице, когда мы с мамой шли по делам, и всегда здоровались, хотя приветов Марку не посылали и в дом к нам не заходили. Папа однажды говорил дяде Якубу, что плохо, если у парня нет ни друзей, ни подружки. Но теперь друзья у него есть, это Тувар, а подружка всегда была — я. Однажды в ноябре, уже после поминовения усопших, Марк пришёл со своего дежурства не один: я слышала, как он с кем-то прощался, голоса были мне незнакомы. Мама ждала маленького и вечерами засыпала рано, я проскользнула на кухню, чтобы покормить брата ужином — сам бы он, конечно, обошёлся холодной картошкой, даже греть бы не стал. Мы пили чай, и я спросила его: с кем это он прощался так весело? Марк сперва отмахивался от меня, но я же видела: ему и самому до смерти хотелось с кем-нибудь поделиться. Оказалось, до дома его провожала молодёжь из гномской общины — Тувар и его двоюродные братья, министранты.

Я просто диву далась! Гномы? Настоящие? То, что Марк моет полы после их мессы, было ещё туда-сюда, но чтобы гномы так вот запросто по-дружески пошли провожать человека? Странно это было, честное слово. Брат помялся немного и взял с меня слово, что я нипочём не заикнусь родителям об этом их разговоре, он и сам всё расскажет, когда потребуется. Маме сейчас нельзя волноваться, это может повредить ребёночку, а ему всё равно надо было со мной поговорить на эту тему. Я уже приготовилась Бог весть к чему. Мне даже показалось, что он сейчас скажет, будто влюбился в гномскую девушку и собрался на ней жениться, — от Марка всего можно ожидать. Но никакой гномской невесты не было. Марк спросил, не было ли у меня в последнее время каких-нибудь неприятностей. Неприятностей у меня была целая куча: мы поссорились с моей лучшей подружкой, в школе меня заставили простоять в углу целый час за то, что я бегала по коридору, да ещё наябедничали родителям. Из-за этого вечером на меня страшно обрушился папа, пообещал выдрать за такое поведение, а вдобавок любимая кукла упала с подоконника, и у неё отбилась фарфоровая ножка. Я вывалила на брата целый ворох своих бед и даже приготовилась поплакать, но Марк на мои горести не обратил никакого внимания. «Всё не то, Брина, — сказал он. — Может, кто-нибудь про тебя или про меня болтал, глупости какие-нибудь? Может, тебе кто-нибудь угрожал?» Никто мне не угрожал, кроме папы, но это разве считается? И потом — кто будет угрожать маленькой девочке? Но оказалось, что всё не так просто.

Уже через четыре дня после этого разговора в школе я заметила, что какие-то старшие девочки перешёптываются, глядя на меня. Может быть, не поговори со мною брат, я бы ничего и не заметила. Девочек этих я не знала — и не пойдёшь же к ним, не станешь спрашивать, о чём они шушукаются.

Гномы жили в той части города, которая ближе к окраине. Сами по себе они бы не пришли в город, к людям, но у них случилась какая-то беда. Взрослые об этом никогда не говорили. Тувар что-то объяснял Марку, а тот уже — мне. Но сами понимаете, чего стоит правда через третьи руки, да ещё и детские. Я поняла только, что у гномов, как у людей, бывает так, что проще куда угодно, чем оставаться вместе. И вот так получилось, что сколько-то семей, в том числе семья Тувара, собрались и ушли. С ними ушёл их епископ. А так как дело было на зиму глядя, то отец Гиларий, поговорив с некоторыми уважаемыми горожанами, предложил гномам приют в нашем городе. Сам отец

Гиларий говорил, что он столкнулся с гномским епископом почти случайно, навещая прихожан в отдалённой деревушке. Тому минуло больше десяти лет, как они познакомились, а потом и подружились.

Отец Гиларий знает, наверное, всё на свете. Он сказал, что гномский обряд очень похож на те, которые были у людей в стародавние времена. Только у нас что-то постоянно хоть на чуть-чуть, да менялось, а гномы служат неукоснительно, даже в самомалейшей малости не позволяя себе изменить хотя бы один жест. Оттого и кажется, что служба их такая странная. И песнопения у них сохранились древние, каких здесь никто сроду не слыхал. Единственное что — это гномский язык. Но отец Гиларий вместе с гномскими священниками сличали весь чин Мессы и пришли к удивительному выводу: перевод очень точен. Может быть, отец Гиларий — единственный человек, который видел Евангелие гномов, никому больше не приходилось. Тувар как-то сказал, что отец Гиларий сделал для гномов то, что они никогда не забудут, ведь гномы — не люди, они не умеют забывать. Поэтому маленькая община гномов и пришла по его приглашению в город, и даже согласилась служить в человеческой Церкви, пока не построит свою. За золото и ещё что-то там такое они купили своё право жить в городе, но стараются при этом держаться особняком. Гномы вообще редко общаются с человеками и ни за что бы не пришли сюда, если бы их не выгнали с их родных мест.

Тувар объяснял Марку, как же вышло, что их община должна была уйти. Я не поняла: то ли их епископа за что-то наказали и приговорили к изгнанию, то ли власть захватили его враги, и оставаться было бы для него небезопасно. Дело, кажется, было в какой-то исстари тянувшейся религиозной распре. Ясно одно: вслед за ним ушла и преданная ему паства. Вообще с гномами было всё мудрено. Ещё бы! Они живут так долго, никогда ничего не забывают и очень твёрдо держатся всех своих обычаев и правил. Оказывается, гном гному рознь, да ещё какая! Марк даже просил меня снимать мою любимую брошку-заколку, когда к нам приходил Тувар, и сам убирал подсвечник-рыбку — потому что её делали какие-то другие гномы, еретические. Тувар даже видеть спокойно не мог их изделие, сдвигал брови и надменно кривился. Мне не хотелось огорчать Марка и Тувара, хотя брошку было жаль: ведь она была такая красивая, с подвесками из настоящей бирюзы. Так что я носила её украдкой. Не могу сказать, чтобы Тувар заходил к нам часто. Если судить по человеческим меркам: раза два в неделю он навещал Марка — и то,

считая, когда провожал его с братьями после гномской службы. Но с точки зрения гномов он почти поселился у нас в доме.

Когда Тувар пришёл к нам в первый раз, он был такой важный: в богатой одежде и с дарами. Он преподнёс матушке напёрсток, иглу, крохотные ножнички и катушку в бронзовом сундучке. Мама была очень благодарна, угостила всех пирогом и чаем, а потом Тувар откланялся. Сказать по правде, мне он показался страшным задавакой и занудой, потому что сидел надутый, чай еле пил и к пирогу почти не притронулся. Но выяснилось, что так и подобает себя вести в гостях, и это скорее мы показались Тувару странными — ведь мы не расспросили о его родных, о делах и вообще вели себя совсем не по-гномски.

Напёрсток, катушка и игла были подарены не без намёка. Я расскажу, в чём тут было дело. Однажды Тувар неловко зацепился за что-то и порвал одежду, прямо в церкви. Да что там порвал — считай, напрочь оторвал карман, даже с мясом, а ведь гномы ходят такими щёголями. Идти через весь город в таком виде для гнома вроде Тувара стыд и позор просто непредставимый, а никого из старших рядом не оказалось — или Тувар к ним постеснялся обратиться. С братом они в то время уже как-то зазнакомились, и, видно, достаточно близко, если гном-министрант поделился с ним своим горем. Гномы — гордецы ещё те. Марку-то и пришло в голову, как помочь делу. Мой брат не поленился сбегать домой за ниткой-иголкой и — всё же ученик перчаточника — быстро и ловко зашил Тувару одежду, да так, что почти и не заметно. Ведь мы-то живём не слишком далеко от церкви, во всяком случае, ремесленный квартал ближе, чем Шахты, так в шутку зовется у нас то место, где поселились гномы: Шахты, или Гномий квартал. А второй раз Тувар зашёл уже в ноябре, когда вместе со своим кузеном провожал Марка. Брат чуть не силой затащил их к нам переждать ледяной дождь и выпить чаю на тёплой кухне. Но на сей раз никого из старших с нами не было, и Тувар уже не показался мне дурацким задавакой. Они горячо о чём-то спорили, гномы между собой вообще до странного порывисты и сердиты — раскипятиться им ничего не стоит. Это только при чужих они бесстрастнее камней, или с теми, кого терпеть не могут. Если честно, крошке Сабрине давно пора было спать, но вместо этого я тайком, чтоб не тревожить родителей, пошла на кухню. Я ни слова не поняла, о чём шла речь. Кажется, это касалось каких-то церковных дел, — да мне это и не было интересно: я просто затаилась в углу, поближе к очагу, где было светлее, прихватив с собой вязание,

и попросила Бога, чтобы меня никто не заметил и не мешал вдоволь любоваться на Марка, Тувара и его брата. У гномов резкие, грубые лица, гортанный голос, гулкий, как из бочки, жёсткие чёрные волосы и большой нос. Брови Тувара срослись на переносице, а под ними широкие яркие глаза цвета чёрного янтаря. У мамы есть такие бусы. Его брат был чуть пониже его и попроще. Если честно, он мне понравился гораздо больше. Тувар же вёл себя так, словно привык командовать и имел на это полное право. Брата его я не помню как зовут, больше он к нам не заходил, а вот с Туваром мы потом встречались нередко. Я узнала, что глаза у него слегка светятся, как у кошки. Это немного пугает, но зато гномы лучше нашего видят в темноте. Он невысок, особенно в сравнении с Марком, но выглядит куда крепче, основательнее, что ли: у него тяжёлые руки, очень широкие ладони и короткие кривые пальцы. Тувар ходит прямо, даже слишком прямо, гордо запрокидывая голову. Бороды у него нет, даже намёка. Это его очень огорчает, потому что у сверстников уже пробиваются бороды — и Тувар то и дело гладит себе подбородок, такая у него привычка. Красивым его никак не назовёшь, но я всё равно глаз с него не сводила, когда он к нам приходил: ведь он лучший друг моего брата, а Марк — лучше всех в мире. Тувар никогда не говорил со мной ни о чём, только церемонно приветствовал, прощался и благодарил за гостеприимство, очень вычурно и старомодно. А зато с Марком они могли проболтать сколько угодно времени. Мама в четверг, уходя спать, специально оставляла им ужин, потому что молодёжь, хоть они люди, хоть они гномы, никогда не откажется перекусить. Марк и Тувар съедали ужин до крошки и принимались за свои дела. Марку было интересно всё про гномов: про их историю, их язык. И Тувар учил его говорить и писать по-гномски. Это бы нормально, почему бы и нет — Марк же тоже объяснял ему всё, что гном хотел узнать.

Но было в этой дружбе и ещё кое-что. Марк под огромным секретом рассказал мне, что они с Туваром придумали перевести на человеческий язык некоторые старинные гномские гимны, а наши, людские — на гномский. Пока что на пробу выбрали «Ярче огня, крепче адаманта» — гимн, известный каждому гному, и «Veni Creator Spiritus». Ни отцу Гиларию, ни епископу гномов они об этом не говорили, держали в глубокой тайне, потому что хотели сделать сюрприз. Обоим очень нравилась их затея, Марк собирался, когда всё будет готово, договориться с учениками органиста, чтобы те подговорили хор разучить гномский

гимн. Однажды они так увлеклись, что разбудили маму, и Марку потом здорово досталось. Но я твёрдо знаю: влетело брату не за дружбу с гномом, а за то, что сидят допоздна и громко говорят. После этого они старались не повышать голоса, и Тувар в гневе стучал кулаком не по столу, а по своей коленке. Я иногда оставалась с ними, потом уходила спать. Мне казалось, что гном меня за что-то недолюбливает, хотя Марк говорил, что я Тувару, в общем, нравлюсь. Просто он не знает, как вести себя с человеческими барышнями.

Маленький должен был родиться в марте, и мы готовились к этому. Мама редко выходила из дома, чтобы не простудиться: холодный дождь у нас льёт с октября по декабрь, практически не прекращаясь. Я добегала от дома до школы, а потом от школы до дома — вот и всё гуляние. Папа, дядя Якуб и Марк с утра до вечера не выходили из мастерской и лавки: для перчаток начался самый сезон. Воздух студёный, ледяной дождь, так что заказов было много. Потому мы даже представить не могли, что за волна поднимается в городе.

Впрочем, кое-что я примечала, не могла не примечать. Например, что в школе часть девочек, проходя мимо меня, стали морщить носы, как будто от меня неприятно пахло. Я думала, им не нравится запах выделанной кожи: в доме перчаточника ею пропахло всё, даже наша кошка и мои ленточки. Но как-то раз одна из этих девиц сильно толкнула меня и сказала: «А ну, пошла отсюда, вонючка! От тебя гномами пахнет». Её подружки весело засмеялись. Этих девочек я раньше не видела, по крайней мере, мы никогда с ними не общались: они были гораздо старше меня. Их было человек восемь. Я уже потом, гораздо позже узнала, что Тувар порвал одежду, когда на него напали какие-то пьяные, он принуждён был не на шутку обороняться. Слава Богу, что Марк случайно проходил мимо и вступился за собрата-министранта. И некоторое время потом гномы-министранты расходились по домам, только собравшись небольшим отрядом. К ним присоединялись их друзья и братья, а заодно провожали до дома и Марка. Нападать на компанию не решались, это нам не одиночку подстеречь в тёмном переулке. Но потом всё слегка поисправилось: отец Гиларий и мэр сумели как-то усмирить буйные головы. Гномов больше не обижали, поэтому Тувар всякий раз, даже засиживаясь у нас допоздна, добирался домой без приключений. И вот всё началось снова.

Прошло Рождество, гномская община преподнесла Марку золотой колокольчик. Мы с Марком подарили Тувару

перчатки — я сама вышила на подкладке у раструба шёлковую букву «Т». Но всё же это Рождество люди и гномы праздновали порознь. Даже гномский епископ не пришёл на нашу торжественную мессу, а я так надеялась его увидеть! Очень хотелось посмотреть на его рождественское облачение, брат сказал, что оно ещё великолепнее, чем то, с гранатами, а посох его в Сочельник и на всю светлую неделю унизан специальными резными бубенцами — звон льётся, как ангельское пение с небес. Но гномский нарядный епископ не пришёл. Сам мэр лично просил его воздержаться от этого визита, чтобы не вызывать никаких лишних волнений. И всё же отец Гиларий твёрдо вознамерился соединить приходы на Пасху, а до того повлиять на своих прихожан, чтобы те перестали дурно относиться к гномам, нашим друзьям и соседям. Кстати, Марк и отец Гиларий были на торжественной мессе гномов, их специально пригласили. Я тоже хотела пойти, но папа запретил мне строго-настрого вечерами выходить из дома, даже под защитой брата. Он сказал, что мама будет слишком переживать за меня, и это будет вредно маленькому. Марку ничего такого не сказали, да если честно, папа и Марк вообще очень часто ссорились и потом надолго переставали друг с другом говорить. Это потому что Марк вырастал, а папа привык, что он ещё мал и должен слушаться его во всём. И отец Гиларий к нам больше не приходил, ни домой, ни в школу, а я так скучала по нему...

Кстати, в школе эти девочки больше меня не трогали, особенно после того, как Марк принёс мне от Тувара подарок — Вифлеемскую звезду. Мы ставили мистерию, как всегда под Рождество: глупенькие сладкие стишки, скучные песенки, под которые мы танцевали танец ангелов. Ходили по кругу, приседали, плескали руками (вправо, поклонились, влево, поклонились, построились в звёздочки по трое, повертелись, разошлись). Сестра Нонна играла на фисгармонии. Кто не танцевал — все пели. Но всё равно это было интересно. Старшие ученицы изображали Марию, Иосифа, Ирода, Ангела и трех Царей. Царям, даже Ироду и Иосифу, подвязали бороды, а мы, младшие, были овечками, ангелочками и пастушками. И вот тогда-то я появилась в школе с большим свёртком, а в нём сияла, кололась лучами и звенела латунными подвесками настоящая, прекрасная, самая лучшая Вифлеемская звезда. Вся школа сбежалась смотреть на неё, благоговейно трогали хитрый узор, выложенный полированной проволокой, хрустальные бусинки и латунную оковку, где чудо-звезда должна была крепиться на палку. Внутри в ней

Художник Виктор Молев

зажигалась толстая свеча, и от этого звезда сияла взаправдашним светом. Марк с Туваром специально сделали это, для нашей школы. И наши волхвы с тонкими голосами, и ангелы в белых платьицах, и дурацкие стишки — всё преобразилось под её сиянием. Тут уж никто не сказал, что я воняю гномами! Наоборот, те же девочки, что смеялись надо мной, просили разрешения подержать зажжённую звезду. Праздник прошёл отлично, нам долго хлопали, мы даже повторяли наш спектакль прямо в церкви, по просьбе отца Гилария. Сёстры просили поблагодарить мастера гнома за чудесный дар, так украсивший нашу мистерию. Я сказала, что Тувар ещё не мастер, а просто юноша, но всё равно поблагодарю его. Я думаю, моих насмешниц приструнили старшие, а может, им и самим надоело. Я опять ничего не замечала до тех пор, пока не настало «Славное освобождение». В марте, перед самым апрелем.

Я слышала потом, что причина недовольства была в том, что отец Гиларий навязал гномов городу, осквернил церковь, допустив их в алтарь, и тем оскорбил и бога, и людей. Но он не навязывал — просто слишком уж был уверен, что паства полностью разделяет все его чувства. Для него не было людей и гномов, потому что в Писании сказано «нет ни иудея, ни эллина». Он часто вспоминал этот стих. И проповедь читал на эту тему. Люди слушали, кивали, вежливо говорили: «Спаси вас Господи». Некоторые наши купцы тоже были рады, что гномы живут здесь, у них были какие-то общие дела и, в общем, все оставались довольны. Я хотела бы расспросить кого-нибудь из старших, что же всё-таки случилось в нашем городе, отчего вдруг, внезапно столько людей посходили с ума. Но с мамой или папой я не могу об этом говорить. Марка нет, и отца Гилария тоже.

Отец Гиларий однажды прямо после службы, когда обычно шли всякие приходские объявления, внезапно объявил, что вскоре должен будет отправиться по делам и, может, будет отсутствовать до самой Пасхи, но уж на Пасху точно вернётся. Тогда же он представил нам отца Эмилия, сказал, что тот будет с нами на время своего отсутствия. Отец Эмилий очень всем нравится. Папа и дядя Яков говорят, что он дельный священник и хорошо бы у нас и остался, но мне так не хватает отца Гилария. Когда отец Гиларий уехал, сёстры его провожали, а больше никто не знал, и я видела, что сестра Нонна потом несколько дней плакала. Это же видно, когда кто-то долго плачет, даже если тайком.

Марк не пошёл, потому что отец Гиларий ему запретил. Брат с Туваром говорили, что был какой-то донос, и гномы все ужасно встревожились. Думали даже уезжать, но некоторые решили остаться, чтобы если будет какое-нибудь расследование, никто бы не мог за глаза ничего сказать дурного ни про них, ни про отца Гилария. Кроме того, мэр лично обещал гномскому епископу и старшинам семейств, что все заключённые контракты и дела останутся в силе до того времени, пока не истечёт условленный срок, а там уж по обстоятельствам. Папа и дядя Якоб тоже опасались, потому что гномы делали им большие заказы на специальные рабочие перчатки и ременные перевязи, а взамен поставляли заклёпки, пряжки и кольца из латуни, серебра, даже из золота, если нужно. Я любила рассматривать гномские заклёпки, особенно те, что в форме цветов и узорных звёздочек. Они были куда красивее парадных запонок дяди Якуба. Ведь никто из наших знакомых не хотел, чтобы гномы уходили. И отец моей подружки Михаэлы тоже не хотел. Михаэла говорила, что ей обещали к Пасхе настоящую фарфоровую куклу с кукольным домом и полным столовым прибором, потому что гномы начнут строить свою церковь и уже подрядили отца Михаэлы, каменщика, за хорошие деньги, а гномы что говорят — то делают, без отговорок.

Но всё же гномы больше не ходили по улицам в одиночку. И, я знаю, кое-кто из людей были очень рады, что так оборачиваются дела. Однажды на моих глазах бывший приятель Марка взял и плюнул на улице в сторону проходящего мимо гнома, и никто не одёрнул его. И в школе опять началось. Только Микаэла соглашалась со мной играть на переменах, а когда Микаэла болела, я вообще не выходила на переменах из класса, чтобы те большие девочки не обижали меня в коридорах. Сёстры позволяли мне остаться в классе. Только спросили, что я буду делать — я сказала, что буду вязать приданое малышу. Они согласились запирать меня, и я даже успела связать несколько пар башмачков для малютки. Он должен был родиться совсем скоро. И Марку я тоже ничего не говорила, ему и так приходилось несладко.

По четвергам гномские мессы в церкви больше не проводились, отец Эмилий попросил общину до выяснения и окончательного решения служить на дому. Но всё равно самая большая тревога у меня, у папы, у Марка и у дяди Якуба была — это мама и малыш. Мама нервничала и боялась, я это видела, у неё даже руки стали прозрачные, и на лице появились тёмные пятнышки, как всегда было, когда она очень переживала. Живот уже был

очень большой. Я тогда ещё не знала, что тётя Сабрина умерла во время родов, а то бы плакала от страха за маму, наверное, всё время, не переставая. А так мне папа тайком шепнул, что мама боится, будто гномы уйдут, мы потеряем выгодный заказ и не сможем купить домик у озера, чтобы разводить там кроликов, и я немного успокоилась: ну подумаешь, кролики. Это я потом поняла, что он сказал первое, что в голову пришло, лишь бы меня успокоить, а я была такая глупая, во всё поверила.

Между тем приближалась Пасха, а отец Гиларий всё не возвращался. Мы с сёстрами разучивали песни, вышивали специальные пасхальные ленты, но никто не знал, будет ли общая процессия, как тогда, на Пятидесятницу. Да и вообще никто ничего не знал. А я пулей неслась после школы домой, чтобы, если что, не пропустить момент, когда маме может потребоваться моя помощь. Мы уже обо всём договорились, как я буду ей помогать. Когда маме пора будет рожать, Марк отведёт меня к Микаэле, и мы с Микаэлой будем читать специальные молитвы — мне отец Гиларий давно, ещё зимой, написал их на листочке. Детские молитвы — очень сильные, особенно когда дети молятся за своих родителей, братьев и сестёр или за других детей. А это будет и за маму, и за будущего братца или сестричку, и тогда ангел, конечно, поможет.

И вот так всё и случилось. Марк пришёл за мной прямо в школу, сказал, что мама уже с полудня рожает и потому мы идём к Микаэле прямо сейчас. И мы с ней и вправду стояли и молились, даже пить чай не стали. Мне было немного страшно, как там мама, но я честно видела, как ангелы спешат ей на помощь. Когда папа вечером пришёл за мной, он принёс большой сладкий пирог для нас с Микаэлой и сказал, что наши молитвы помогли. Мама родила маленького мальчика. Такого маленького, что его нельзя выносить из дома ещё целую неделю, а сейчас мама очень нас благодарит, они с малышом отдыхают. Я спросила, как зовут малыша. Мне бы хотелось, чтоб его звали как-нибудь красиво, изысканно, но папа сказал, что, наверное, его назовут Якубом. Может, Якубом-Петром, в честь дедушки, папиного отца. Того звали Пётр. Впрочем, поживём — увидим. Мы сели пить чай, и родители Микаэлы были очень рады, что всё закончилось хорошо.

Потом три дня мы все привыкали, что в доме есть маленький младенец. Это очень странное чувство. Сестра Нонна сказала, что оно, наверное, похоже на благоговение. Не знаю, я не уверена. Просто в доме есть что-то такое, чего больше никогда

и нигде не было, и оно ещё так недавно, что в любой момент может кончиться — и это очень страшно. И всё же оно есть, и с нами. Это радостно, но и сложно. Надо всё время говорить тихо, ни в коем случае не тревожить маму, потому что сейчас всё зависит от того, как у неё будет с молоком. Если молока будет много, то братик вырастет большим и сильным. Иногда ночью слышно, как он плачет. Маленький Якуб похож на гномского ребёнка: весь красный, сморщенный, с чёрными волосами и круглыми синими глазками, а на пальчиках у него тонкие ноготки, очень острые. Чтобы Якуб не исцарапал себе лицо, мама подрезала ему ногти ножницами Тувара. Хорошо, что братик уже родился, наверное, ему было очень тесно в лоне.

В школе я всё время думаю о маме и малыше, а Микаэла дразнит меня, говорит, что я бы, наверное, будь моя воля, назвала братца Туваром. И вовсе не Туваром, глупости она говорит. Целыми днями я торчу около мамы и Якуба, мы даже с Марком почти не видимся, он возвращается, когда я уже ложусь спать. Но это не значит, что я люблю его меньше, вовсе нет — просто маме ведь может в любой миг понадобиться помощь. Кроме того, однажды у меня ведь тоже будет сынок, и я должна учиться обращаться с младенцами. А на Пасху мы его окрестим. Хорошо бы вернулся отец Гиларий, но если нет — крестить станет отец Эмилий. Я спросила маму, не хочет ли она позвать в крёстные Тувара, но мама сказала, что уже давным-давно было решено, что крёстными будут дядя Якуб и мамина подруга Лина. Тётя Лина даже специально приедет к нам на Пасху, чтобы крестить Якуба. Кроме того, Тувар... я думала, мама скажет «Тувар — гном», но она сказала: Тувар ещё слишком молод, чтобы быть крёстным. Не знаю, почему я вспомнила о Туваре. Он давно к нам не приходил — для гномов наступили тяжёлые времена.

Когда наступил день «Славного освобождения», никто из нас ничего не знал. Тётя Глория, соседка, помогала маме по хозяйству, когда в доме никого из старших не было. Она, наверное, знала, но уже два дня ей нездоровилось, и она не ходила к нам, чтоб не чихать на малыша. Я утром пошла в школу, а Марк с папой и дядей в мастерскую. А чуть позже стало известно, что отец Гиларий признан виновным и никогда больше не вернётся к нам. И нашу церковь надо заново переосвящать, потому что там проходили нечестивые обряды. И всё, чего касались гномы, нечисто, и раз так, надо вышвырнуть их из города. Такие разговоры велись давно, даже девочками в нашей школе, но я их старалась не слушать. Это была гадость, и про Марка они говорили такие

гадости, что даже стыдно. Как же девочки могут такое говорить? Но никогда ещё об этом не говорили вслух, не стесняясь ни сестёр, никого. И ещё говорили, что завтра все пойдут к церкви, чтобы вышвырнуть из нижней часовни все скамейки, скверный алтарь и всё прочее, а ещё надо бы поджечь Шахты и выгнать бородатых вонючек вместе с их отродьем, чтобы к Пасхе город стал чистым от скверны. На перемене я выбежала из школы, чтобы никогда больше туда не возвращаться, потому что они сказали про Марка, что он за золотишко вылизывал у гномов их вонючие пятки. И вдруг я увидела Марка и Тувара. Там были и другие гномы, министранты. Они возвращались из церкви, унося с собой подсвечники, статуи и всё, что ещё оставалось в часовне. Все ведь ждали, что отец Гиларий вернётся... Я побежала к Марку, куда же ещё. Но по улице, им наперерез, неслись какие-то парни, и даже взрослые, они орали, швырялись камнями. Я видела: многие были пьяны, а других и не отличить от пьяных. Разгорались драки, людей было больше, чем гномов, и со всех сторон сбегались всё новые. Кто-то кричал, окна захлопывались, Тувар отбивался, не выпуская из рук золотую дароносицу, и тут я увидела, что на Тувара сзади набросился высокий парень с ножом. Я закричала громко, как только могла, Тувар обернулся и увидел этого, с ножом. Я знала, что мне надо делать. Я встала на колени и стала молиться, потому что Бог слышит детские молитвы за родных и любимых, а Тувар — лучший друг Марка и, значит, немножко мой брат тоже. Потом свалка была везде, гномам оставалось только убегать. А в меня попали камнем, и дальше я уже ничего не помню.

Мне рассказала Михаэла, она видела, как Тувар схватил меня на руки, Марк подобрал дароносицу с земли — и они побежали к нам. Гномы сильные. Марк бы не смог нести меня до самого нашего дома. Они бежали к нам домой, а за ними в погоню бросились ещё человек пять, как за дикими зверями, и бросали в них камни, палки, битые кирпичи. А потом сёстры захлопнули в школе ставни и запретили всем приближаться к окнам.

Я никому не говорила, что очнулась, ещё пока Тувар нёс меня. Я просто лежала, как мёртвая, потому что мне было очень страшно. Но всё равно помню, как они с Марком ворвались к нам в дом, а в дверь колотили их преследователи. Меня положили на пол, мама вышла на лестницу, прижимая к себе маленького Якуба. Папа крикнул ей, что я жива. Мне было очень плохо и тошнило, и я очень боялась за Тувара и Марка, поэтому лежала на полу внизу. А папа сказал: «Марк останется здесь, но ты,

Тувар, уходи. Или они ворвутся сюда...». Марк не сказал на это ни слова. И Тувар не сказал. Он просто открыл дверь и вышел. А вместе с ним вышел Марк. И мой дом рухнул, раз и навсегда.

***

Меня зовут Сабрина, я сестра Марка. Мы переехали после того, как в нашем городе прошло «Славное освобождение». Вы меня не знаете, я этому очень рада. Довольно тяжело, когда весь город тычет в тебя пальцем: смотри-смотри, вон она пошла. Ага, та самая. А ведь мне ещё совсем мало лет, и я не всегда умею себя вести правильно. То есть когда дети начинают кричать всякие глупости, плеваться и бросаться палками и камнями, то тут всё просто: надо как можно скорее оказаться дома или хотя бы там, где есть взрослые. Только не мужчины — лучше всего молодые женщины, особенно, если с маленькими младенчиками, а ещё того лучше — монахини. Рядом с ними не тронут. И да, нельзя плакать. Даже ругаться плохими словами — и то правильнее, чем плакать, ну это мне ещё брат объяснял. Сложнее всего, когда ко мне подошла какая-то старушка и стала рассказывать, какие мы храбрые. Она даже такое сделала... не скажу... она мне руку поцеловала. Вот тут я и вправду не знаю, что тут делать. Но мы уехали оттуда. Я всё равно никогда этого не забуду, так что и вспоминать не хочу, или мне опять сделается плохо.

Мама сказала, что прошло много времени, я лежала больная, долго болела. Меня тогда ничем серьёзно не ранили, просто что-то такое со мной случилось, что я почти всё забыла и уснула, и потом спала так долго, что боялись, что я совсем не проснусь. Но я проснулась. А потом, когда старушка подошла, мы уехали. Наверное, я опять упала. Я тогда часто падала. И я никогда не говорю маме, что не так давно кое-что вспомнила. Зачем ей про это знать? Она и так всё помнит... А мне сказали, что меня нашли на улице.

Про само «Освобождение» я ничего сказать не могу. От этих моих падений или ещё от чего, но я вообще весьма выборочно помню все, что с нами тогда было. А кое-что не хочу вспоминать — иначе у меня опять начнётся, а мама потом будет плакать и говорить, что это гномы во всём виноваты. Или отец Гиларий. Но это неправда. Я не буду об этом думать, потому что у меня в глазах темнеет, когда подумаю, и тогда в любую минуту может начаться приступ. И о Марке нельзя говорить. Мы о нём молчим, всегда молчим.

Так лучше, потому что это правильно. Мы же не нашли их потом — ни Марка, ни Тувара. Папа сказал, что, возможно, они ушли вместе с гномами, отступили в горы. Я поверила тогда.

Но я о другом, не о Марке даже. Просто каждой осенью раз в две недели в городе начинались ярмарки. Они проходили ровно три дня, открывались утром пятницы, а вечером в воскресенье уже всё заканчивалось. И это было самое лучшее время, вот честно. Рынок у нас, конечно, был. И на нём можно было купить и овощи, и фрукты, и птицу, и молоко, но это всё не то, совсем не то. Вдруг неожиданно начинался звон, грохот, звяканье колокольчиков, скрежет и скрип телег, крики, стук — это с самого утра съезжались торговцы. На конях, на ослах, а кто-то просто толкал тачки — те дребезжали по камням. Я ещё спала, а уже знала: ярмарка пришла. В пятницу начиналось чудо. Площадь и улицы, ведущие к ней, усыпали соломой, свежей, золотистой и очень вкусно пахнущей. По ней так было весело бегать, мы швырялись ею друг в дружку, нагребали охапки и плюхались в них с разбегу, золотистые соломины застревали в волосах и в одежде. К концу ярмарки солома ещё кое-где оставалась не совсем затоптанной и грязной, но швыряться ею уже никто бы не стал. А если шёл дождь, то она намокала и валялась кучами. И всё равно по ней было куда как мягко ходить.

Но что значит какая-то солома по сравнению с тем, что творилось вокруг! Улицы превращались в торговые ряды, а площадь становилась настоящим лабиринтом! Грудами кудрявилась зелень, ярко блестели овощи и фрукты — это огородники приходили и раскидывали товар на прилавках, а некоторые — прямо на своих телегах. Пёрышки на битой птице красиво блестели. Яйца громоздились в плетёных корзинах: белые и тёмные, словно крашенные луковой шелухой. В мясные ряды мне не нравилось ходить, и в рыбные тоже. В мясных рядах мясо лежало большими кусками, жмурились молочные поросятки, огромные свиные головы лежали на соломе, и было много мух. Мама шла туда одна, без меня, меня оставляла с Марком в медовом ряду. Вот там была благодать. Мёд в глиняных горшочках давали попробовать всем, кто хочет. Над мёдом вились пчелы и осы, ну и что, кто их боится! Они тут сытые, не злые. Мёд тянулся с круглых резных колобашек, сиял на солнце янтарём, акациевый был совсем прозрачный, а ещё был белый мёд, и почти чёрный, и такой — цвета жжёного сахара, красноватый. Воск лежал пирамидками, отлитый в шары или в полукруги. К нему приценивались сапожники, швейники, да все: воск — полезная штука. И жевать его

хорошо. Свечи продавали там же — пахучие, длинные, толстые и тонкие. На дорогих, ровных и тяжёлых свечках были красиво оттиснуты соты или пчёлки, а дешёвые шли вязанками — по пять штук, по десять, по тридцать. Про ярмарку думать приятно. Только про мясные ряды не хочу. Хорошо, что мама меня не брала туда.

А ещё там продавали, кроме еды, всё, чего душа пожелает. Кружки и горшки, глиняные мисочки на трёх кривых ногах, бусы, игрушки, платки и кружева, ткани и каменные статуэтки. Солоноватые кристаллы ароматного камня тоже продавали, и всякие ароматные притирания, и кремы для лица. Мне нравились деревянные куклы — они висели гроздьями, на нитках, шелестели и постукивали друг о дружку, сияли яркими свежими красками. Большие красавицы в настоящих платьях, даже вышитых, и совсем крохотные паяцы и танцовщицы, чёртики, ангелочки, кошки и солдаты. И гномики были, конечно. Горбатые, с белыми треугольными бородами, в деревянных руках чёрные молотки. Тряпочные мячи, дудочки-свистульки, барабаны, тележки — этого добра было хоть отбавляй. А вдоль рядов ходили тётки со всяким питьём и едой, кормили и покупателей, и продавцов горячими пирожками и всякой всячиной. Нет, весело было.

Когда уже всё закупали и относили домой, мама подсчитывала, сколько у нас чего осталось, и выделяла нам с Марком по монетке-другой. Это уж было только наше. Марк брал меня за руку — и мы шли гулять по ярмарке. Я до сих пор не знаю, было это на самом деле, или мне только так казалось, что было. В последний день на ярмарку приходили особенные гномы, Тувар называл их еретическими. Их мы и отыскивали с братом, вернее, это он их искал, а мне оставалось только плотно вцепляться ему в рукав. Гномы останавливались у самых краев, где столы и бродячие прилавки уже почти растворялись в узких поворотах. На их лотках тонкие, почти кружевные брошки и заколки покоились на бархатных подушечках. Их приходило немного — трое или двое, никогда они не приводили с собой своих гномих или гномят. Гномы, приходившие на ярмарку, были из тех, которые не прикасались ни к золоту, ни к серебру. Кажется, недалеко от нас была их община. Лопаты, ножи и прочий инструмент они сразу меняли на еду и всё потребное, не дожидаясь ярмарки, ну и это было скучно. А старики шли торговать на ярмарку, Марк говорил, торговать чудесами. Они мастерили из медной и латунной проволоки всякие диковинные узоры, отковывали

и сплошь покрывали резьбой рыбок, ключи, виноград, иногда работу украшали вставки из цветных камушков, всё больше дешёвых — бирюза, змеевик, лазурит. Может, там и ещё были какие-то, я не знаю. Они были нищие даже по людским меркам, а уж по гномским — и подавно. Тувар говорил, что это потому, что им так и надо: для них золото — всё равно что грязь, это такая их ересь. Но у них и без золота всё блестело так, что глазам было больно, а некоторые их творения, наоборот, шершавились под руками, темнели и круглились. Блестящие вещи они делали специально для людей, у нас такие украшения называли «служанкино золотишко», ни одна почтенная дама в городе это бы не надела. А я бы с радостью всё себе забрала, но они, хоть и дешевле настоящего золота, стоили всё ж подороже, чем жалкая пара монеток. У нас дома стояла одна такая рыбка-подсвечник — это Марк купил маме в подарок. Я-то знаю, что ему просто нравилось, как их плетут. Наши гномы сторонились чужаков, хотя вообще-то они друг за дружку горой, но эти были какие-то не такие, что ли. Иногда они не приезжали. Но чаще всё-таки добирались до нас, и тогда Марк всегда останавливался напротив них, любовался затейливыми трудами. Один старый гном выплетал своих проволочных рыбок прямо у прилавка. Сплетёт — и поставит, и приладит внутрь круглую свечку, а сам хвать новый моток — и за работу. Мы могли торчать у гномских лотков пропасть времени, то есть Марк мог, а мне больше бы хотелось посмотреть на деревянных куколок. Среди них были и такие, у которых ручки и ножки гнулись на шарнирах — у меня было три таких, две красотки — мама и дочка или сестрички, смотря как пойдёт игра, — и один солдат. Но ведь три — это мало, ни одну историю со всего тремя персонажами толком не расскажешь. Мне бы хотелось заполучить чёртика, чтобы он обижал красоток и сражался потом за них с солдатом, но брат говорил, что внучке органиста чертей в дом таскать не положено. И поэтому мы стояли как вкопанные перед еретическими гномами и смотрели, как гном работает. А тот тянул и гнул металлические нити, отхватывал их тёмными кусачками, свивал и скатывал в хитрый узел или колечко, не обращая на нас внимания. И в самом деле — кто мы такие? Глупые человеческие дети. Я ненавидела это стояние, утешало одно: Марк отдавал мне в награду за терпение свою монетку. Всё равно у гномов мы бы за неё ничего не купили — да у них вообще мало кто что покупал. Куда потом делись эти рыбки, этот наливной бубенцовый виноград, эти подсвечники со звёздочками? Разве узнаешь... После «Славного освобождения»

гномы больше не приходили в наш город, а кто жил, предпочёл уйти оттуда подальше. И даже сюда не приезжают.

Когда Якуб подрастёт, я расскажу ему, что у нас был старший брат Марк. И может быть, на конфирмации он примет его имя.

А теперь каждую осень мне страшно не хватает даже не Марка, хотя его мне не хватает всегда. И не Тувара, но о нём я не думаю ещё больше, чем о Марке. Он спас мне тогда жизнь, это же ясно. Но мне очень не хватает этого гомона, скрипа, грохота и звяканья сквозь сон. И упорных поисков сквозь всю ярмарку — где спрятались волшебные кружевные поделки. И даже стоять весь день возле ларька, за которым старый еретический гном плетёт-выплетает очередную прекрасную вещицу, теперь мне даже этого не хватает. Деревянных куколок здесь продают, но они такие глупые, размалёванные.

Я придумала для себя кое-что. Во вторую неделю октября я просыпаюсь рано, за окном только-только начинает светать. Я лежу с закрытыми глазами и вижу, как по тропинке к нашему городу поднимаются три гнома, чья очередь идти от их общины на ярмарку, и с ними всегда тот, старик. Их обгоняют повозки с овощами, льдом, рыбой, мёдом и игрушками. Они приходят, лёгкие, полупрозрачные, становятся от всех вдалеке, особняком, раскладывают свой призрачный товар — и больше не обращают внимания ни на что. А вот им навстречу идут мальчик и маленькая девочка. Мальчик останавливается, как заворожённый, а девочка переминается нетерпеливо с ноги на ногу и одно только говорит: «Ну Марк, ну пойдём уже!» Если прислушаться, я услышу, как шуршит проволока, как шелестят бубенцы, кричат петухи на продажу, как перекликаются и шумят люди, и каждую четверть часа переливчато звенят часы на церкви. Это моя осенняя ярмарка, потому что другой уже не будет.

Фантазии в манере Зеро

сказка для детей старшего возраста

Бальтазар был волхвом и царём. Он прибыл из Африки, был чёрен, прекрасен собой и юн, и Младенцу подарил золото. А что такого, в Африке золота завались, там алмазы валяются по дорогам, забиваются в сандалии, их вытряхивают оттудова, чтобы при ходьбе не мешали. Бальтазар — из всех трёх был самым простым и самым мудрым. К тому времени, как Младенец вырос, кто воскурил тот ладан, куда девалась та смирна? А золото всегда нужно, особенно ежели кто бедно живёт, ведь вот оно как, даже тележки не было, ничегошеньки не было. Молоко им и то пастухи принесли. Вот тут-то Бальтазарово золотишко и пригодилось, поди. А смирна ваша — да тьфу на неё совсем!

И тогда Беренгарий, не желая спать и поэтому обижаясь на бабушку, спрашивал: а чего ж вы меня не назвали Бальтазаром? Я бы тоже был богатый!

— Спи, — говорила бабушка, укрывая его потеплее и задувая свечку. — Спи, чего выдумал. Как отец велел, так и будешь, да поди и среди Беренгариев богатые были.

Бабушка и подумать бы не могла, как высоко поднимется её Беренгарий. В отличном кафтане горохового цвета с белым кружевным галстуком чинной походкой идёт он к месту службы — господин студент, сочинитель, умница, по средам и пятницам преподаёт математику и историю детям Густава Отто Фогеля, редактора журнала «Цветы досуга», где время от времени появляются солидные или легкомысленные статьи, всё зависит от того, что за подпись стоит под ними. Бальтазар Ф., пожилой и основательный, предпочитает рассуждать о вопросах вечных, фундаментальных, слегка коснуться острых политических новостей,

чуть-чуть намекнуть на тайные проблемы сильных мира сего, но вообще-то простая душа и держится в русле спокойных увещеваний. Франц Б., ветреник, забавник и кокетка, порой не брезгует и стихами, он учит красавиц, как быть краше, а мамаш — как не жалеть о миновавшей поре молодости. Но всё вполне благопристойно, господин редактор весьма дорожит репутацией журнала. Есть ещё один человек, благодаря которому Беренгарий не бедствует, — это Вальтер М., но его сочинения здесь не в почёте, если даже они где и продаются, то исключительно из-под полы. Вальтер М. появляется редко, его основной интерес — пикантные сцены между дамами и кавалерами, иной раз между кавалерами и кавалерами, живое и бойкое перо его отчасти сродни одному французскому сумасброду, любителю шпанских мух и сомнительных наслаждений. Фантазии Вальтера М. порою публикует почтенный опрятный господин, он же передает прелестные конвертики с гонораром и каждый раз шутя просит автограф на квитанции. Он же извещает Беренгария о времени, теме и размере очередной порнографической повести, выражает надежду, что работа будет сделана аккуратно и в срок, как обычно.

Беренгарий поспешает на занятия с детьми, их трое — два сына редактора, погодки, смышленые и резвые подростки, да их приятель, сын государственного советника Крюгге. У стены жмётся сморщенное коричневое существо в полосатой юбке и кофте с капюшоном, накинутом на голову. Существо сидит на крохотной полотняной табуретке. Перед ним в небольшой глиняный сосуд напиханы наивные самодельные букеты. Мелкие поздние карлики-астрочки, такие же озябшие и уродливые, как сама цветочница. Существо провожает Беренгария тусклым, почти безжизненным взглядом. Беренгарию её смутно жаль, он даже думает, будет ли уместно бросить ей монетку или лучше купить букетик на обратном пути.

Ученики привычно пытаются улизнуть от уравнений, сажают кляксы и ноют, как наскучил им список императоров Священной Римской империи. Беренгарий строго смотрит на них, дети почтительно сникают. По окончании занятий, когда мальчики уже довольно вкусили от древа познания, господина студента просят пожаловать откушать чаю, что означает, что после почти семейного чаепития Беренгарий и редактор уединятся в кабинете, чтобы выкурить трубку-другую. Там же, среди клубов душистого дыма, за чашкой кофею либо душка Франц, либо господин

Бальтазар получат заказ на статью, а кто именно — будет видно исходя из общей картины мира и очередной концепции журнала.

Беренгарий покорно глотает горячий несладкий кофе по-турецки, кивает и время от времени вставляет в приятную беседу пару слов, чтобы не быть уж совсем безгласным. Обычно господин редактор смакует божественный напиток и добродушно благословляет католического папу Климента за то, что тот когда-то благословил кофе, вот и от католиков есть польза. Господин студент традиционно улыбается традиционной шутке. Но сегодня Густав Фогель озабочен и даже несколько уныл. Он всерьёз обеспокоен положением дел. Трудные времена, похоже, развлекать людей уже не так легко, как прежде. Чем бы таким позабавить нашу старушку публику, не придумаете ли, юноша? Журнал не должен лежать мёртвым грузом по кофейням и почтовым станциям. Журнал не должен повторять то, что и так всем известно. Вот же весело было во время войны — любые новости расхватывали, как горячие пирожки, покупали и не жаловались, даже если пирожок оказывался слегка подсушен или вообще зачерствел. Что и говорить, люди любят, чтоб их пугнули хорошенько. Упаси нас Бог от повторения этих ужасов, а всё же один рассказ об осаде Дрездена всколыхнул всё наше мутное болотце. Но как же мы сейчас сможем убедить этих гусынь и гусаков тратиться на наш альманах? Господин редактор смотрит на студента и своего автора с яростным ожиданием ответа. Беренгарий несмело отпивает глоток померанцевого ликера и спрашивает: «Может, писать гороскопы? Я бы мог отыскать сведущего...».

Больше он ничего сказать не успевает. Редактор обрушивается на него со всем негодованием. Как, неужели господин Беренгарий столь низко ценит его журнал, что собирается всерьёз предположить такую вульгарную идею? Нет-нет, в жизни такому не бывать! Может, он предложит в «Цветы досуга» ещё серию репортажей о жизни фей? Патентованное средство для волос от фрау Рапунцель или что-нибудь в этом роде? Беренгарий смущён и уничтожен, он пытается что-то сказать в своё оправдание, свести дело к шутке. Вечер испорчен, ничего не поделаешь. Он спешит откланяться, редактор Фогель сухо кивает ему, но под конец всё же меняет гнев на милость и просит господина Беренгария подумать об обзоре последних книжных новинок. Ну так, посолиднее, вы меня понимаете? И без нянюшкиных сказок, мой дорогой. Никаких ундин и прочих астрологических бредней.

В кофейне днём безлюдно и тихо. Беренгарий садится у широкого окна, подле тяжелых занавесей шоколадного цвета и,

пока несут чашку весьма сладкого кофия со сливками, наблюдает, как по мостовой суетливо семенит местный злой гном. Гнома зовут господин Венцель, кажется, он кем-то служит в суде, он взмахивает руками, его личико дергается от нервного тика, он оборачивается к окну и впивается взглядом в студента за стеклом. Некоторое время господин Венцель сверлит взглядом Беренгария, и отчего-то того кидает в холодный пот, неприятные мутные глазки гнома будят в нём тоску и неуверенность. Суматошливо и издевательски отвесив поклон, гном скрывается в кабачке «У жёлтой розы» на той стороне улицы, там пьют и играют в карты, господин судейский — известный завсегдатай этого злачного местечка. Там-то никто не станет читать их альманах, скорее, гривуазный Вальтер М. будет там в почёте. Наконец-то принесли кофий, но Беренгарий уже и не рад. Он смотрит на пустую улицу, серый туман, озябшую буро-рыжую собаку, что свернулась на мостовой утлым калачиком. Здесь, за стеклом, тепло и уютно, приятно пахнет свежесваренным кофием, светлое плюшевое кресло податливо льнёт и пружинит под телом. Хотелось посидеть, смакуя напиток, неспешно обдумать, чем бы порадовать господина редактора, но в голове, как неприятная нахальная мелодийка, застрял цепкий взгляд и шутовской поклон пьяницы Венцеля. Кофий невкусен, несмотря на щедрую добавку сливок и сахару, верно, этот нахал судейский сглазил бедный напиток, — несносный наглец, любитель пуншу и крепкого скверного табаку. При мысли о табаке щиплет гортань и к горлу подступает лёгкий спазм. Делать нечего, дружище, сейчас ты расплатишься и неминуемо выйдешь в сырые сумерки. Как же рано темнеет в ноябре, боже мой! Судейский и думать забыл про студента, тянет винцо и хохочет в подвальном кабачке со своими дружками, кривляется и дёргает глазом. Беренгарий в десятый раз перелистывает «Цветы досуга», силясь почерпнуть вдохновение в удачах прошлого полугодия. Случайно оторвав взгляд от страницы, он замечает девушку, идущую по улице. Внезапный порыв ветра раздувает её тонкую шерстяную шаль с бахромой, и в подступающих серых сумерках бирюзовая ткань колышется вокруг высокой тонкой фигурки, как морские волны. Беренгарий с удовольствием любуется случайной незнакомкой. Из-под шляпки выбиваются длинные светлые локоны, по краю шали искусно вышит узор из серебристых рыбок и жемчужных раковин. Шаль случайно зацепилась, и девушка оборачивается, досадуя на собственную неловкость. Беренгарий глядит как заворожённый на изящный овал девичьего

Художник Ксения Сивакова

лица, на светлые нахмуренные брови, на то, как тонкие пальцы в перчатке распутывают петлистую бахрому, обмотавшуюся вокруг чьей-то дверной ручки. Он определённо не встречал её здесь раньше. Наконец девушка освобождается, плотнее закутывается в бирюзовую шаль и ускользает от студента в тот момент, когда он уже готов броситься к ней и заговорить о чём угодно, лишь бы услышать голос незнакомки. Отчего-то Беренгарий уверен, что голос её подобен серебристой виолончели. Студент допивает кофий, расплачивается и выходит на пустынную улицу в зябкий сумрак. Бирюзовая шаль с рыбками странно тревожит его, как будто напоминая нечто важное, но погребённое под слоем ничтожной рутины. Дома он переодевается и прилежно садится работать. Через полторы недели должен быть готов очередной пикантный опус господина Вальтера М.; почтенный господин в круглой шляпе уже, должно быть, надлежащим образом надписал квитанцию, и было бы невежливо заставлять его ждать.

Ночью Беренгарий видит, как девушка в бирюзовой шали идёт по улице, робко оглядываясь по сторонам. Он выбегает из кофейни, отчего-то бежать ему очень легко, и без стеснения, самым корректным образом предлагает свои услуги. Их разговор льётся легко и свободно, девушка мило улыбается, улица почему-то ему незнакома, но это не заботит Беренгария. Её зовут Лоралин, она останавливается и поправляет выбившийся из-под шляпки светлый локон, кокетливо смотрит куда-то в сторону. В следующий момент восторженный студент с радостным удивлением понимает, что обнимает девушку и через секунду прильнёт губами к нежной, бледно-золотистой щеке. Ночной Беренгарий совершает то, на что никогда бы не осмелился Беренгарий дневной. Лоралин ахает, бирюзовая шаль соскальзывает с девичьих плеч, тонкий кашемир плещется по ветру, серебристые рыбки извиваются, посверкивая искусно вышитой чешуёй, шаль падает на мостовую, Беренгарий поспешно подхватывает её... Внезапно все вокруг наполняется звучанием, звуки льются из ниоткуда, виолончель, детские голоса, отдалённый хор, колокола, — у Беренгария теснит в груди, он хочет разрыдаться от невыносимой красоты, он готов сей же час покинуть всё, чем был до того, и отправиться за музыкой, куда глаза глядят, а незримые струящиеся голоса обещают ему счастье, грядущую любовь и обретение небывалого. Но где-то на самом дне блаженства глубоко и горько отдаются в груди мерные удары подводного колокола.

Беренгарий просыпается в смутной тревоге и долго не может понять, где и зачем он находится. Только что рассвело, город еле

виден сквозь сырой туман, часы на торговой площади пробили шесть. Утро хотя и раннее, но лениться негоже, а коли дать себя уговорить, можно проспать весь день и не заметить. Беренгарий через силу умывается и зябко кутается в тёплую кофту, с отвращением дописывая скабрёзную историю для господина в круглой шляпе. Про задание от господина Фогеля он подумает не сейчас, потом, в конце концов, сегодня лишь суббота, отдавать книжный обзор надобно лишь через четыре дня.

Он старательно и прилежно описывает соблазнительные прелести красотки-героини, и вдруг в голову ему случайно приходит странный поворот сюжета, и неожиданно работа увлекает Беренгария. В голове его словно проясняется серый туман; прежде неосознанные, недодуманные идеи вдруг обретают глубину и чёткость. Плевать он готов на листочек с планом и основными требованиями, который лежал в конвертике вместе с гонораром за прошлую повесть. Мало ли что навыдумывал солидный господин в круглой шляпе — всё пойдет не так, всё сложится по-другому, это будет превосходная повесть! Если им так нужна сцена в борделе — что ж, будет. Но нет, не с героиней. Он и без дурацких подсказок от торговца грязными книжонками прекрасно знает, как должен развиваться сюжет. Слова будто сами приходят и строятся в ряды, теснятся, напирают, одна метафора рождает другую, та раскрывается, как белая лилия на чёрной глади озера, Беренгарий понимает, что должен прямо сейчас переписать весь пошлый несносный лепет, что нёс раньше. Хотя он привык относиться к Вальтеру М. и его писанине чуточку презрительно, всего лишь как к источнику дохода, и притом неблагоуханному, сейчас он готов убить любого, кто оторвёт его от стола. Героиня будет зваться Лаурой и носить белое платье и бирюзовую шаль. В угоду господину в круглой шляпе она будет актёркой, певичкой, но не блудницей, о нет! Напротив — донельзя желанная всеми, Лаура останется чиста и недоступна для грязных рук и грязных слов. Беренгарий работает как одержимый, забыв о завтраке, потом об обеде, в ушах у него звенит, он едва успевает окунать перо в чернильницу. День в разгаре, за окнами шумит рынок, часы на городских башнях исправно перезваниваются, кричат какие-то дети, с грохотом проезжает что-то тяжёлое — Беренгарий не слышит, он забыл обо всем, кроме голоса, подобного серебристой виолончели, и заслышав этот невыносимый и обожаемый голос, переполненный зал императорского театра смолкает и боится обронить хоть каплю божественного наслаждения. Постепенно на улице смеркается. Когда

в глазах начинает ломить и буквы сливаются в трудноразличимые полоски, Беренгарий встаёт из-за стола и понимает, что за сегодня сделал столько, сколько никогда прежде. Он смотрит на рукопись, которую завтра закончит и перебелит, а вечером в понедельник отдаст, и внезапно чувствует себя богаче легендарного царя Бальтазара. Он решает вознаградить себя хотя бы приличным ужином, надевает шляпу и спускается в мир. Ноги у него затекли, в голове шумит, изнутри студент как будто опустошён, но он почти счастлив. Он идёт, а внутри него печальный серебристый голос поёт о любви, и театр вот-вот готов взорваться неудержимой и ревнивой овацией, и только он, Беренгарий, знает, что ждёт красавицу Лауру вечером, в её одинокой комнате, заваленной розами после оглушительного триумфа. На улице холодно, пустынно и промозгло.

У стены сидит всё та же зябкая скорченная фигурка. Цветочница, старая карлица в полосатом грязно-коричневом тряпье, безнадёжно протягивает в пустоту пожухлые бурые астрочки. Беренгария охватывает мгновенное сострадание, он берёт букетик, жёсткие почти одеревеневшие стебли холодны и мокры, суёт руку в карман, чтобы нашарить какую-то мелочь, и уже готовится щедро сказать «не надо сдачи, милая»... и видит, как вдали ветер всплеснул бирюзовую шаль — это Она, Лаура-Лоралин, сворачивает на соседнюю узенькую улочку, чтобы затеряться навсегда. Проклятая монетка, должно быть, завалилась куда-то, никак её не нащупать. Времени терять нельзя. Чуть покраснев, Беренгарий суёт торговке её уродливые растеньица, бормочет «в другой раз, любезная» и готов бежать сломя голову туда, где мелькнул в сумерках клочок чистого июльского неба, окаймлённый бахромой. Не тут-то было. Ссохшаяся, как корешок, лапка с неожиданной силой вцепляется в него, ухватившись за полу его сюртука, и старуха угрожающе скрипит: «Эээ, сударик, не пойдет так. Платить, платить извольте!». Беренгарий в ужасе и омерзении старается стряхнуть её цепкие паучьи пальцы, и внезапно его охватывает почти ужас — откуда в этом тщедушном тельце столько силы и ярости? В какой-то момент он уже не понимает — старуха ли перед ним, да и человек ли. Редкие прохожие на той стороне улицы останавливаются, оборачиваются на злобный вопль старухи. Где же, где чёртова монета? Зачем он вообще остановился около этого страшилища? Старуха-цветочница, видя, как он судорожно и мучительно шарит по карманам, готовится обрушить на него тысячу проклятий, но Беренгарий уже нащупывает кошелёк, выхватывает

монетку, швыряет её гадкой карлице и, выронив измятый букетик, бросается туда, где призывно мелькнула бирюзовая шаль. «Цветочки-то ваши, цветочки возьмите, господин хороший» — подобострастно лебезит старуха, глядя ему вслед влюблёнными глазами.

Конечно, никого там уже нет. Бог знает, куда ускользнула она, может быть, села в серебряную карету, может быть, растаяла в сумерках. Беренгарий готов заплакать. Ещё одно разочарование постигает его чуть позже, когда он обнаруживает, что вместо мелкой монетки к старухе в передник улетел целый риксдалер. Беренгарий уж хотел броситься к ней и потребовать вернуть неправедную добычу, но цветочницы и след простыл. Да и глупо как-то, всё так глупо. Денег остаётся в обрез. Но ничего, скоро уже встреча с превосходным господином, любителем жовиальной словесности, да в среду будет аккуратно выплачено жалование за уроки.

В воскресенье, встречаясь с господином и передавая ему мелко и аккуратно исписанную тетрадку, Беренгарий радуется вдвойне. Безденежье извело его ужасно, к тому же подоспел срок платить за жильё. Но даже больше, чем приятное ожидание денег, восхищает Беренгария тот взгляд, которым одарит его издатель. Возможно, ему даже поднимут гонорар. А может быть, чем чёрт не шутит, он издаст повесть уже под своим именем, она хороша, он и сам это знает, несмотря на всю застенчивость, свойственную писателям. «О! Недурно, недурно, — кивает господин, — да вы даром времени не теряли, юноша, ну-ка дайте-ка полюбопытствовать, чем нас одарило бойкое перо Вальтера?» Беренгарий скромно, но с удовольствием глотает горячий кофе, пока издатель углубляется в текст. «Да вы что, любезный, с ума сошли? — вдруг слышит он. — Вы что мне тут наваляли? Мы что, по-вашему, для приходской школы книжки с картинками издаём?» Господин смотрит на него с брезгливой усталостью, словно учитель на ленивую бестолочь, дрянного мальчишку, застуканного на шпаргалке. Беренгарий медленно заливается краской стыда. Пунцовый, неловкий и обиженный, он ставит чашку мимо блюдца, понимая, что всё кончено, и не понимая, как это могло случиться, что же ему теперь делать и откуда взять денег. Он молчит, уперев взор в бурую лужицу на салфетке, и даже слова не в силах вымолвить в свою защиту. Сама его повесть представляется ему в этот миг пустейшей дрянной поделкой, а сам он бездарный графоман. Повисает тягостное молчание. Позорная сцена неожиданно разрешается актом милосердия. Беренгарию

всё же отдают конвертик, но требуют за это, чтобы не позднее, чем за три, много четыре дня повесть была должным образом переработана и вручена издателю. «А если у меня не получится?» — тихо спрашивает студент, в котором робость и надежда мешается с остатками строптивой гордости. «Тогда, юноша, вернёте деньги — и никаких претензий друг к другу, — скучно отзывается издатель. — Но, полагаю, у вас получится. Вы способный молодой человек, только поэтому я, так сказать, иду вам навстречу. Некоторые ваши находки хороши, откровенно хороши. Если хотите, пусть остаётся актрисочка — я не возражаю. И то, что вы ввели модную деталь ку, — тоже очень хорошо. Шаль не хуже каблучка, ей-богу. Голубой был на пике прошлым летом, сейчас-то всё больше крем-шоколад... Голубой платок героини и белое платьице — это глуповато, наивно, конечно, но оставьте. Так даже лучше. Падением невинности, разумеется, никого не удивишь, но ведь и так ничто не ново под солнцем. А глупости я вам советую из головы выбросить».

Беренгарий запоминает всё сказанное. Он допивает кофе, нервно теребит галстук, тысячу раз благодарит господина издателя и просит прощения за досадную свою выходку. Сейчас он вернётся к себе домой и сядет за работу. Прямо сейчас, немедленно. Господин благосклонно и ободрительно улыбается юноше, подзывает человека, расплачивается за двоих и уходит, в дверях аккуратно надев круглую шляпу. Беренгарий сидит у окна и глядит на бурые и серые камни мостовой, бездомный рыжий пёс свернулся на них зябким калачиком, наверное, скоро выпадет снег.

— Венцель, — окликнули судейского старые приятели, — что это за шпаку ты там кланялся? Он добрый малый?

— Да вряд ли, — проскрипел гном, не выпуская изо рта короткую вересковую трубку. — обычный осёл, каких везде на копейку дюжина! А этот, кажется, ещё пописывает статейки в здешний альманашек.

— Хорошие хоть?

— Чудовищные, — отмахивается Венцель. — Идёмте, друзья! Впрочем, у них у всех есть, что противопоставить тем, кто по ту сторону стекла. Они счастливцы, те, за стеклом, им уютно жить в их ограниченной реальности. С ними никогда ничего не происходит. Но пойдёмте, пойдёмте! Роза без нас завянет, друзья!

Художник Мария Зайцева

Будем жить вечно

Вместо послесловия

Солнце неповоротливым рыжим кругляком закатывалось куда-то за горизонт. Чайки сосредоточенно бродили в полосе прибоя, выискивая что-то среди преющих водорослей. Небо хамелеоном меняло цвет, становясь из лазурно-голубого сначала розовато-сиреневым, потом бархатно-фиолетовым, сгущало по краям краски и осторожно вздыхало тёплым вечерним бризом. Волны с мерным шелестом накатывали на пологий берег, оставляя после себя замысловатые, никем ещё не разгаданные следы. Кристи сидела там, где полоса мокрого и плотно утрамбованного песка сменялась струящейся шелковистостью дюн. Лёгкий ветерок задиристо трепал её рыжие волосы, стянутые на затылке в хвост. Длинная шёлковая юбка ласковой собакой прижималась к ногам. Песок тонким слоем оседал на коже, делая её золотистой. Но Кристи всего этого не замечала. Она строила замок...

Кристи любила бывать у моря. Пансионат располагался в сосновом лесу, всего в нескольких сотнях метров от дюнной гряды — и после работы девушка частенько приходила на морской берег вместо того, чтобы отправиться домой. Ей нравилось зарываться пальцами ног в прохладный или тёплый песок, нравилось переливать его тонкой струйкой из одной ладошки в другую. Нравилось гулять по узкой полосе прибоя, иногда по щиколотку забредая в воду. Нравился йодистый запах гниющих водорослей и нагретой солнцем морской воды. Нравилось разглядывать ракушки, гладко зализанные волнами камушки и куски древесины, разыскивать, негласно соревнуясь с чайками, обточенные

морем кусочки древней, окаменевшей смолы. И ещё Кристи очень любила строить песчаные замки.

Своей недолговечностью они напоминали ей человеческую жизнь. Можно возиться часами, возводить крепостные стены, строить донжоны и подвесные мосты, расчищать площадку для сада, прутиками лозы вырастающего вдоль дальней стены... Но море и ветер всегда побеждают хрупкие строения. Несколько часов — и на месте величавого замка лишь груда песка, и унылые ветки лозы медленно засыхают, сиротливо торча в разные стороны...

— На крышу положи ракушки — тогда на солнце она будет блестеть пыр... пер-мла-муром...

Кристи подняла голову и с улыбкой вгляделась в огромные зелёные глаза. Лёлька всегда возникала словно ниоткуда. Забавная девчушка лет шести, с пушистыми хвостиками и чуть лукавой улыбкой, слегка косолапая и умилительно непосредственная.

— Хочешь карамельку? — Кристи, все ещё улыбаясь, покопалась в кармане мягкой вязаной кофты и протянула девочке ириску в пёстром шуршащем фантике. Лёлька, важно кивнув пышными бантами на макушке, торопливо сунула ириску за щеку и счастливо улыбнулась. Кристи не выдержала и рассмеялась — её всегда восхищало, как мало нужно для счастья маленьким детям и убелённым сединами старикам... Именно поэтому ей так нравилось работать в пансионате — там её каждый день окружали счастливые лица.

— Пойдём домой? — Лёлька требовательно протянула руку, и Кристи с готовностью поднялась с начавшего остывать песка. За две недели у них сложилась почти традиция — каждый вечер Лёлька приходила на берег смотреть на очередной песчаный замок, а потом Кристи провожала малышку до посёлка, выслушивая по дороге длинные истории из жизни совсем уже взрослой девочки Лёльки...

— В парке, за синим домом, поселилась белка. Воооот такой хвост! — Лёлька развела в стороны руки и сделала большие-большие глаза. — Мама испекла сегодня рыбный пирог, фууу... — девчушка сморщилась и скорчила уморительную мордашку. Кристи прыснула в ладошку.

— Ты что же, не любишь рыбу, Лёлька?

Девочка решительно помотала своими бантами.

— Она же костяная... ну, костявая... не люблю кости. Я люблю яблоки, — Лёлька мечтательно зажмурилась, — ещё малину и бабушкины блинчики...

Художник Елена Пурескина

Кристи вздохнула. Когда-то она тоже любила бабушкины блинчики. Со сметаной.

— Витька клеит воздушного змея. Папа обещал завтра принести хвост. Будут запускать... — Лёлька вздохнула, и Кристи поняла, что от воздушного змея Лёлька тоже бы не отказалась. Но попросить у брата, скорее всего, не позволит гордость... Она покрепче сжала тёплую ребячью ладошку.

— Знаешь, Лёлька... Я думаю, если ты попросишь, папа с Витей обязательно возьмут тебя запускать змея. А я приду посмотреть, а?

Лёлька сосредоточенно засопела. Потом, заприметив что-то за поворотом тропинки, торопливо высвободила ладошку и ускакала вперёд.

— Тёби, хороший... Смотри, Крис, у Тёби новая ленточка...

Лёлька сидела на корточках у куста бересклета и бесстрашно гладила огромного полосатого кота. «Ничего себе полтигра...» — подумала Кристи и усмехнулась. Кот, завидев её, независимо распушил хвост и удрал в густые заросли. Лёлька, вскочив, побежала вперёд по тропинке, перепрыгивая с одной обкрошившейся плитки на другую.

— Раз, два, на дворе трава.

Три, четыре, руки шире.

Шесть, пять, выходи играть.

Восемь, семь, мы играем все...

Кристи сразу не поняла, что смутило её в незамысловатой детской считалочке. А потом, словно озарением... Как просто и легкомысленно дети обходятся со временем и пространством. Назад, вперёд — им всё едино, и всё возможно...

— Крис! Ну, Крис жеее! — Лёлька уже стояла рядом и нетерпеливо теребила рукав Кристиной кофты. — Крис, а правду говорят, что люди после смерти попадают на небо? В синем доме, где ты работаешь, всё время кто-то умирает, так что ты, наверное, знаешь... — огромные зелёные глаза смотрели на неё снизу вверх требовательно и строго.

Кристи чуть помедлила.

— Наверное, иногда попадают... А иногда они отправляются в странствие и не сразу находят дорогу. А ещё иногда им встречаются по пути какие-то интересные и славные места, и они остаются там погостить...

— А ты? Ты сразу пойдёшь на небо или будешь гулять по интересным местам?

— Наверное, буду гулять... — Кристи запрокинула голову и вгляделась в усыпанное звёздами небо. Потом закрыла глаза, вслушиваясь в отдалённый шелест волн и шуршание сосновых лап над головой. — А ты, Лёльк?

Лёлька прижалась к ней тёплым боком и снова засопела.

— И я... Но только потом обязательно нужно, чтобы мы все встретились.

— Кто это «мы»?

Лёлька посмотрела на Кристи почти с возмущением и принялась деловито загибать пальцы.

— Ну, ты, я, мама и папа, Витька и Инга, Катька со второго этажа... Бабушка Луша и дядя Том, тётя Эльза и старенькая Марта из кондитерской лавки... — у Лёльки быстро закончились пальцы на руках, но она продолжала называть имена просто так, требовательно глядя на Кристи. И та не выдержала, подхватила девчушку на руки и крепко обняла её, прервав на полуслове.

— Лёлька... Раз нам всем так хорошо вместе, может, не будем умирать? Будем жить тут вечно, собирать малину, кушать бабушкины блинчики, гулять у моря и строить песчаные замки... Моя хорошая, славная Лёлька... Зимой мы будем кататься с горы на санках, весной — запускать в ручьях маленькие кораблики с полосатыми парусами... Лето у нас будет почти вечным, а осенью будет так славно шуршать разноцветными листьями и собирать каштаны и жёлуди... А, Лёльк?

Малышка тепло и сонно сопела Кристи в плечо.

Девушка на ощупь открыла старую скрипучую калитку и пошла по мягкой траве к дому. На пороге, силуэтом в ярко рыжеющем дверном проёме, уже ждал Лёлькин отец.

— Ладно... — пробормотала вдруг тихонько Лёлька, сворачиваясь уютным калачиком у папы на руках.

— Что ладно, малыш? — спросил он у неё, улыбкой провожая уходящую домой Кристи.

— Ладно... будем жить... вечно...

Художник Марина Пузыренко

Заключительное слово Координатора проектов Заповедника Сказок

...порознь каждый из нас сносный человек, но все мы in corpore — представляем собою потрясающее зрелище.

Аркадий Аверченко

«Экспедиция в Западную Европу...»

Заповедник Сказок — сообщество, возникшее в Живом Журнале в 2005 году после серии стихийных литературных игр. Нескучные люди разных возрастов, разных темпераментов, живущие в разных странах, пишущие на русском языке объединились общим интересом к творчеству и общению и вот уже который год регулярно развлекают небылицами читателей своих блогов. Я как организатор и координатор этих самых литературных игр, разумеется, могу судить предвзято, но ведь не я один считаю, что у них это замечательно получается.

Авторы Заповедника Сказок — преимущественно не профессиональные литераторы. По крайней мере, большинство из них сочиняет сказки не каждый день, не каждую неделю и даже не каждый месяц. Впрочем, и у профессионалов пера хорошие тексты рождаются не всякий раз. Поэтому мы посчитали важным собрать по крупицам наиболее удачное и сделать из наиболее значимого книгу.

Кто бы там что ни говорил, а в душе каждый автор ждёт, что когда-нибудь (когда-нибудь!) суровые издатели его заметят и позовут в светлую даль книжного мира. Надежда эта сродни вере в Деда Мороза. Но уж если в жизни нам дано самим освоить роль Деда Мороза, то почему же точно так же не освоить самим роль издателя? Вот с этой дерзкой мысли и начались книги Заповедника Сказок.

В первом томе, изданном по случаю пятилетия Заповедника и ставшим своеобразным творческим отчётом сообщества сказочников и художников, были представлены тексты, родившиеся непосредственно в наших конкурсах. Концепция второго тома несколько иная. На этот раз было решено показать читателю наших авторов через призму текстов, не всегда написанных специально для тематических проектов Заповедника — в конечном счёте, не столь уж и важно, по какому случаю был написан текст, если он наилучшим образом представляет талант нашего

автора. Ведь Заповедник Сказок — это не только большой многолетний архив более или менее удачных литературных игр, но в куда большей мере это одарённые люди, являющиеся его главной сутью. И всё же, какой бы ни была концепция, второй том — это такое же невообразимое, яркое, сказочное ассорти: разные авторы, разные сюжеты, разные художники, разные стили, разные эмоции.

Вот не было на свете этой книги, а теперь вы держите её в руках! Ну, разве не чудо? И читательская заслуга в этом тоже есть. Для книг Заповедника чрезвычайно важна поддержка читателей. Успех первого тома, мгновенно превратившегося в библиографическую редкость, воодушевил команду Заповедника Сказок и предопределил выход второго тома.

Мы идём поперёк мировых тенденций: все вокруг сбрасывают бумажную книгу с корабля цифровой современности, а мы издаём по старинке свои сказки. Надеюсь, не в последний раз. Для такой надежды есть основания. Мы счастливы, что в процессе работы над второй книгой Заповедника Сказок к нам присоединилось столько невероятно талантливых художников. Даже не хочется думать, какой теперь была бы книга без их иллюстраций. Да и была бы вообще? Если доброе сотрудничество сказочников и художников станет развиваться так и дальше, то не исключено, что в недалёком будущем мы с вами увидим и третий том. И кто знает, возможно, и он не будет последним...

Заповедник Сказок

Участники проекта в интернете

Максим Акульшин	http://farewell_max.livejournal.com
Анна Аристова	http://www.facebook.com/profile.php?id=100001687605980
Арта Ника	http://arta-nika.livejournal.com
Людмила Артамонова	http://odillia.livejournal.com
Юлия Архипова	http://nastashdmaa.livejournal.com
Ирина Бабушкина	http://irinababushkina.livejournal.com
Игорь Бакин	http://great-snake.livejournal.com
Молли Блюм	http://tandem-bike.livejournal.com
Лариса Бортникова	http://la-la-brynza.livejournal.com
Ирина Буэько	http://old-fat-toad.livejournal.com
Инга Бурина	http://www.wooloo.org/artists/22716
Ирина Вайсерберг	http://supercalifragia.livejournal.com
Антоний Вампирусий	http://wampirusy.livejournal.com
Александр Васильев	http://m0kus.livejournal.com
Наталья Голованова	http://rabivn.livejournal.com
Галина Головко	http://navsikaja.livejournal.com
Яков Гольдин	http://7-korov.livejournal.com
Эль Дальмар	http://dalmar.livejournal.com
Кирилл Dark[or]	http://marchycat.livejournal.com
Андрей Делькин	http://delkin.livejournal.com
Татьяна Долгая	http://d_tanich.livejournal.com
Светлана Елтышева	http://svrainbow.livejournal.com
Наталья Жукова	http://frema-zhu.livejournal.com
Марина Забродина	http://grey-ultra.livejournal.com
Мария Зайцева	http://mer-cure.livejournal.com
Александра Зволинская	http://varjanis.livejournal.com
Дарья Знаменская	http://vkontakte.ru/album43532007_132433361
Александра Ивойлова	http://color-flow.livejournal.com
Юлия Келюх	http://jkbunny.livejournal.com
Светлана Калинина	http://users.livejournal.com/varan_
Елена Касьян	http://pristalnaya.livejournal.com
Александр Кац	http://nektototam.livejournal.com
Даниил Кирилюк	http://akkalagara.livejournal.com
Александра Князева	http://al_kora.livejournal.com
Елизавета Краснова	http://red-berry.com
Алёна Кудряшова	http://nastroeniya.livejournal.com
Александр Кузнецов	http://darkmeister.livejournal.com
Софья Кузнецова	http://latbrand.livejournal.com
Борис Куртуазий	http://kurtuazij.livejournal.com
Максим Ларин	http://max-larin.livejournal.com
Валентин Лебедев	http://rualev.livejournal.com
Наталья Лизяева	http://kis-tochka.livejournal.com

Елена Максимова	http://snake-elena.livejournal.com
Екатерина Медведева	http://kisunfka.livejournal.com
Юлия Меньшикова	http://ukiriki.livejournal.com
Елена Минкина	http://lenastik.livejournal.com
Лера Митурова	http://shownd.com/leram
Виктор Молев	http://molevictor.livejournal.com
Ангелина Мэй	http://angie-may.livejournal.com
Анастасия Новикова	http://astik.livejournal.com/
Максим Олин	http://dalaukar.livejournal.com
Виктория Орлова	http://neya-iliya.livejournal.com
Татьяна Папушева	http://akeb0n0.livejournal.com
Евгения Панкратова	http://kroharat.livejournal.com
Андрей Пермяков	http://grizzlins.livejournal.com
Владимир Поворозник	http://wowik-botoce.livejournal.com
Александра Поданева	http://sandra-777.deviantart.com/gallery/
Наталья Похиленко	http://prosto-natka.livejournal.com
Марина Пузыренко	http://mar_ant.livejournal.com
Елена Пурескина	http://elen_p.livejournal.com -
Юлия Рабинович	http://yulkar.livejournal.com
Дим Резчиков	http://devon9.livejournal.com
Патрик Рейнеке	http://petricus.livejournal.com
Дмитрий Рифко	http://zolotar.livejournal.com
Наталья Рымарь	http://ramir-n.livejournal.com
Игорь Савин	http://igorsavin.livejournal.com -
Наталья Савушкина	http://sova-savushka.livejournal.com
Ксения Сивакова	http://www.facebook.com/profile.php?id=100002479782506
Анастасия Сильва	http://silva2103.livejournal.com
Светлана Солдатова	http://pyzhik-chizhik.livejournal.com
Ирина Станковская	http://fistashka3.livejournal.com
Оксана Тесленко	http://antimona.livejournal.com
Екатерина Турикова-Кемпел	http://karetu.livejournal.com
Ксения Фёдорова	http://mirramian.livejournal.com
Алевтина Хабибова	http://allevtina.livejournal.com
Анубис Хентиаменти	http://anubis-amenti.livejournal.com
Любовь Чаплыгина	http://a-wieze.livejournal.com
Сергей Чуб (Иофик)	http://iofik2006.livejournal.com
Денис Шалаев	http://pomarki.livejournal.com
Тикки Шельен	http://karwell.livejournal.com
Ольга Шеретнева	http://llayo.livejournal.com
Юлия Щигал	http://yako-skimen.livejournal.com
Элина Эллис	http://elina-ellis.livejournal.com
Илья Юдовский	http://ilya-lizard.livejournal.com

Содержание

Искать, найти и снова искать! (вместо предисловия) ... 4

Артамонова Людмила. Возвращение 19
Бакин Игорь. Злючка 27
Сказка про новогоднюю сказку 32
Блюм Молли. Южноамериканская цихлида 38
Ыы 42
Бортникова Лариса. Продавец радуги 47
Кошкин дождь 65
Бузько Ирина. Случай в лесу 74
Вайсерберг Ирина. Лохматриус 81
Вампирусий Антоний. Мэй Ангелина.
Шаббат начинается в пятницу 86
Войцык Наталья. Дорожная сказка 98
Голованова Наталья. Сюра 106
Дождь-Боб 119
Гольдин Яков. Будни 126
Дальмар Эль. Про слонёнка Васю 136
Контакт 141
Делькин Андрей. Сундучок старого Чё 148
Елтышева Светлана. Волшебные снежинки 154
Зволинская Александра. Ярмарка 162
Калинина Светлана. Гарпия 167
Касьян Елена. Давным-давно 176
Кац Александр. Унькино подворье 192
Кирилюк Даниил. Саквояж зелёной кожи 219
Князева Александра. По ту сторону 233
Кузнецов Александр. Случай из алхимической практики
Роджера Бэкона 246
Время тётушки Маргарет 253
Кузнецова Софья. Почему кошки бывают трёхцветными,
а коты нет 260
Колобок 263

Куртуазий Борис. Контракт 267
Медицинский случай 271
Лебедев Валентин. За пять минут до мечты 277
Сепульбасия для сепульки с Баррабумса .. 296
Максимова Елена. Воспитательная сказочка 305
Медведева Екатерина. Вернуть дракона 318
Орлова Виктория. Хитрый зверь Ерундук и другие 324
Панкратова Евгения. Память 330
Морская сказка 341
Пермяков Андрей. Балут 349
Иохиленко Наталья. Муза по имени Каляка 359
Рабинович Юлия. Инопланетянин Вася 363
Под небом голубым 368
Рейнеке Патрик. Влюблённый волшебник 375
Разумеется, рукописи 386
Рифко Дмитрий. Час Х 421
Савушкина Наталья. Сказка об отваге, скромности, судьбе и пропавшей Папильотке 428
Станковская Ирина. Без снега 437
Стражи Марса 440
Тесленко Оксана. Переход 448
Дар Амона 460
Турикова-Кемпел Екатерина. Жизнь без Маргариты 469
Сентиментальные похождения Чацкого 477
Хентиаменти Анубис. Рождественская сказка 482
Тайна о военной сказке 492
Чаплыгина Любовь. Здравствуй, мой милый Кай 505
Шалаев Денис. Как Вьюн, Громоед и Снук диво нашли 509
На дне колодца, на вершине горы 514
Шельен Тикки. Свидетельство Сабрины Кей 527
Фантазии в манере Зеро 549

Будем жить вечно (вместо послесловия) 560

Художник Александра Ивойлова

Для заметок и автографов

Для заметок и автографов

Художник Мария Зайцева

Литературно-художественное издание

Заповедник Сказок 2012: Избранные сочинения. Том второй.

Сборник

Составитель Валентин Лебедев (Руален)

Графическое оформление: Юлия Меньшикова
Форзацы: Юлия Щигал, Светлана Солдатова
Обложка: Игорь Савин
Вёрстка: Елизавета Краснова
Технический редактор: Наталья Жукова

© Заповедник Сказок, 2012

ISBN 9785990160023
Формат 70x90¹/₁₆. Гарнитура «Школьная»
Печать офсетная. Физ. печ. л. 36
Тираж 1000 экз. Заказ ……
Клубное издание

Книга издана в творческой атмосфере
международного литературного сообщества
«Заповедник Сказок»

Книга издана при участии «В.И.П. ПрестижГрупп»
Для писем: zapovednik.skazki@gmail.com
Отпечатано с электронных носителей

ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Московская область, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru